

Институт российской истории РАН

К.Ф.Шацилло

**ОТ ПОРТСМУТСКОГО МИРА
К ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ**

**ГЕНЕРАЛЫ
И
ПОЛИТИКА**

Москва
РОССПЭН
2000

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 99-01-16301

Шацилло К.Ф.

Ш 12 **От Портсмутского мира к Первой мировой войне.
Генералы и политика.** — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. — 399 с.

В последней книге известнейшего отечественного историка, публикуемой посмертно, подробно исследуется история развития российской армии и флота во взаимосвязи с внешнеполитическими планами царизма, проанализированы цели и результаты реализации военных и военно-морских программ в период между русско-японской и Первой мировой войнами. Проведенное исследование позволило автору предложить собственный ответ на вопрос о мере дальновидности политической элиты царской России. Изучение периода от Портсмутского мира до Первой мировой войны позволяет понять, почему Россия вступила в столь кровопролитную войну, поражение в которой привело к социально-экономическим и политическим последствиям, еще десятки лет сотрясавшим Россию после подписания Брестского мира.

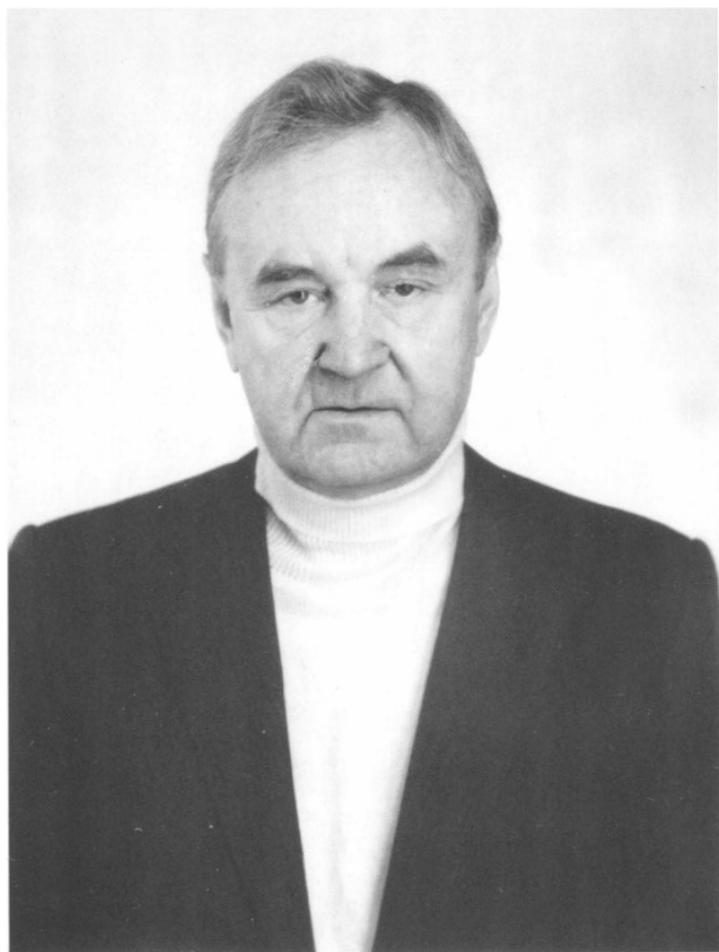
Текст книги печатается в авторской редакции.

© Институт российской истории
РАН, 2000.

© Наследники автора, 2000.

© Предисловие — В.В.Шелохаев,
2000.

© «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя и труды Корнелия Федоровича Шаццлло давно и прочно вошли в отечественную и зарубежную историографию. Характерными чертами его исследований являются: постановка крупных научных проблем и глубина их творческого осмысления; прекрасное знание историографии и устойчивый интерес к все новому кругу источников, многие из которых введены автором в научный оборот; четкость и определенность авторской позиции. В последние годы К.Ф.Шаццлло интенсивно работал над монографией «От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика», которую ему удалось завершить незадолго до своей кончины. Уже обсудив рукопись, получившую высокую положительную оценку своих коллег по Институту российской истории, он до последних дней продолжал работать над совершенствованием ее текста, внося в него редакционные изменения. К сожалению, автору при жизни не удалось увидеть свой труд напечатанным, подержать в руках сигнальный экземпляр книги. Выполняя научный и гражданский долг перед памятью выдающегося отечественного историка, внесшего крупный вклад в мировую историографию, Институт российской истории РАН и издательство «РОССПЭН» при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда подготовили рукопись монографии К.Ф.Шаццлло к изданию.

В книге К.Ф.Шаццлло поставлен и, на мой взгляд, блестяще решен целый комплекс ранее малоизученных и дискуссионных в исторической литературе проблем, связанных с осмыслением состояния вооруженных сил царской России после поражения в русско-японской войне, с их реорганизацией и реформированием в период наиболее интенсивных трансформационных изменений не только в нашей стране, но и во всем мире. Искусно владея всей совокупностью мето-

дов многофакторного анализа исторического процесса, автор книги в сравнительном контексте раскрыл не только состояние вооруженных сил России, но и стран Тройственного союза и Антанты, «увязав» процесс их модернизации со стратегическими и текущими целевыми установками, направленными, с одной стороны, на реальную защиту национальных интересов и национальной безопасности своих стран, а, с другой, — на реализацию традиционных внешнеполитических «сверхидей» и имперских амбиций, уходящих своими корнями в историческое прошлое.

В монографии на широком круге самых разнообразных источников, прежде всего архивных, глубоко и всесторонне проанализированы: процесс выработки и принятия программы реорганизации армии и флота на всех уровнях ветвей исполнительной и представительной власти; показана реакция на состояние и ход реформирования вооруженных сил со стороны государства и общества, а также различных политических партий и органов печати. Важно подчеркнуть, что проблема реформирования вооруженных сил рассматривается в общем контексте и взаимовлиянии экономики и политики, социальной сферы и уровня развития образования и науки; внешней политики России и других мировых держав, активно включившихся в гонку вооружений и борьбу за передел сфер влияния; первой российской революции и национально-освободительных движений в Турции, Иране, на Балканах. Автором привлечен огромный статистический материал, позволяющий в сравнительном контексте проследить темпы гонки вооружений в ряде ведущих капиталистических стран, удельный вес затрат, направленных на реорганизацию российской армии и флота и в социальные сферы. При этом автор «изнутри» раскрыл природу и содержание разноуровневых узковедомственных конфликтов, имевших место между Военным и Морским министерствами, а также подоплеку личных амбиций, оказавших в своей совокупности весьма негативное влияние на ход и исход выработки и принятия программы реформирования армии и флота, а, в конечном счете, на уровень подготовки вооруженных сил к Первой мировой войне. Оценивая итоговые результаты реорганизации армии и флота к кануну Первой мировой войны, К.Ф.Шацилло убедительно

показал совокупность политических, экономических, социальных, внешнеполитических причин, обусловивших слабую военно-техническую готовность вооруженных сил России в условиях нарастания международной напряженности, роста гонки вооружений. Представляется аргументированным и убедительным общий вывод автора о том, что непосредственным виновником поражения России в Первой мировой войне является третьеиюньский политический режим, оказавшийся неспособным адекватно ответить на вызовы современной эпохи, предвидеть последствия своих имперских амбициозных планов. Молох войны, подчеркивает автор, оказался настолько ненасытным, что, ежегодно поглощая весьма значительную часть государственного бюджета России, оказывал самое негативное воздействие на состояние всех без исключения сфер жизнедеятельности и жизнеобеспечения страны. Участие России, как и других стран, в гонке вооружений способствовало понижению порога международной безопасности, втягиванию ведущих стран в Первую мировую войну. Одновременно гонка вооружений снижала и порог национальной безопасности, ибо вела к усилению политической нестабильности в стране, нарастанию конфликтогенности внутри российского общества, выльевшегося в революцию 1917 года в России, а также в революции в Австро-Венгрии и Германии в 1918 году.

Книга К.Ф.Шацилло от первых постановочных и до последних итоговых строк написана ярко, живо и увлекательно. Обладая природным даром тонкого исследователя и строгого полемиста, автор дал колоритные портретные зарисовки многих представителей политической и военной элиты, так или иначе связанных с выработкой программы реформирования армии и флота; раскрыл их кругозор и потенциальные возможности, охарактеризовал систему их представлений об исторической миссии России, о путях и методах, в том числе и военных, решения назревших внутривнутриполитических и международных проблем. Четко обозначая и формулируя собственную позицию, автор аргументированно полемизирует по ряду малоисследованных и дискуссионных проблем с отечественными и зарубежными специалистами.

Думаю, что монография К.Ф.Шацилло займет достойное место в мировой историографии, и к ней будет обращаться ни одно поколение исследователей.

Издательство «РОССПЭН» включило в текст издания биографический очерк о К.Ф.Шацилло, подготовленный его коллегами и друзьями докторами исторических наук И.М.Пушкаревой и С.В.Тютюкиным, а также список научных трудов автора, подготовленный сыновьями Корнелия Федоровича — Вячеславом и Михаилом, которые уже давно и плодотворно занимаются изучением всеобщей и отечественной истории. Издательство выражает признательность и благодарность вдове К.Ф.Шацилло — Валентине Михайловне Астровой, оказавшей большую помощь своими консультациями при подготовке рукописи к печати.

В. В. Шелохаев

ВВЕДЕНИЕ

Мы привыкли говорить: «всемерное развитие вооруженных сил соответствует общегосударственным и общенациональным интересам», привыкли твердо верить в это, не требуя никаких аргументов, не допуская относительности этого утверждения, не приводя никаких рассуждений, кроме старой римской поговорки — горе побежденным, а побежденным быть никому не хочется. Но, во-первых, — а так ли неизбежны «победители», и «побежденные»? Нельзя ли зачастую обойтись без них, решив спор дипломатическим путем? А, во-вторых, «общегосударственные» и «общенациональные» — это слова — синонимы или нет? Не бывает ли так, что «общегосударственное» приходит в столкновение с «общенациональным», т.е. интересами большинства всей нации? Не бывает ли так, что гонясь за призраком «общегосударственных» интересов, т.е. интересов отражающих взгляды отдельных социальных слоев нации, часто меньшей ее части, правящие бюрократические клики приводят свой народ, всю нацию к таким катаклизмам, которые не оставляют для него любимого, не только возможность нормально жить, но и вообще существовать, приводят к тому, что можно назвать «самоедством», «самоистреблением», или, по крайней мере нанесением ему такого ущерба, для изживания последствий которого потребуются десятки и десятки лет. Могучий Карфаген вел три Пунических войны; после первой он был еще силен, после второй еще существовал, после третьей он перестал быть. Не велика ли цена за удовольствие побрять оружием и погарцевать на горячем коне, или даже слоне? И много ли дала победа Риму? Пришло время, и кровью созданная империя пала под ударами варваров.

Печальны и итоги XX века. Две мировых войны выпали на долю людей, родившихся на его рубеже. Только результаты Первой мировой войны, унесшей

более 10 млн человеческих жизней, породили не одну кровавую революцию и Вторую мировую войну, обошедшуюся уже в 50 млн жизней. Она, в свою очередь, расколола мир на новые враждебные группировки, началась «холодная война», произошла серия так называемых «локальных войн» во Вьетнаме, Африке, Центральной Америке, Афганистане.

Кроме того, известно и другое: войны часто порождаются не только внешнеполитическими спорами, но и обострением внутрисполитической обстановки, которое близорукие государственные деятели пытаются приглушить грохоча «большим патриотическим барабаном», требуя вооружаться, вооружаться и вооружаться. Лозунг «пушки вместо масла» объясняет не только почему нет масла, но дает и пушку, которая когда-то должна начинать стрелять.

На рубеже XIX—XX вв. в России ясно обозначились все признаки общенационального кризиса. Проявилось это и в экономике, и в действиях лояльной оппозиции, и в поведении революционного движения. Общество явно не удовлетворялось правительственным курсом и более или менее решительно требовало проведения социально-экономических и политических реформ, суть которых оно и само четко не представляло, но было твердо уверено в необходимости отмены самодержавия. Однако идти на политические и серьезные экономические реформы последнее никак не решалось и прибегло к традиционному способу — заглушить ропот внутри страны триумфальными победами вовне. Когда военный министр А.Н.Куропаткин стал жаловаться на неподготовленность к войне на Дальнем Востоке, министр внутренних дел В.К.Плеве заявил: «Алексей Николаевич, вы внутреннего положения России не знаете. Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война» (313, т. II, с. 291)¹.

Захватническая империалистическая политика была всегда свойственна царизму. С.Ю.Витте — крупнейший политический деятель этого времени, много лет занимавший ведущие посты в правительстве от-

---

¹ Здесь и далее в тексте первая цифра означает порядковый номер источника и «Библиографии», затем том и страницу, или дело и лист.

кровенно писал: «У нас в России в высших сферах существует страсть к завоеваниям, или, вернее, к захватам того, что по мнению правительства плохо лежит» (Там же, с. 120). В итоге уже к началу XIX в. Российская империя не только достигла своих естественных географических и этнических границ, но и в ряде случаев далеко вышла за них (Польша, Финляндия, Закавказье, Молдавия. Напомним, что Украина и Белоруссия тогда считались своими, исконно русскими землями). Теперь, казалось бы и наступило время для прекращения экстенсивной политики и начала интенсивного освоения несметных пространств 1/6 части земной суши, для внутренней реорганизации страны, для успешного экономического развития и поднятия самого низкого в Европе жизненного уровня населения. Но самодержавие и не думало об этом, а продолжало вести войны или кончавшиеся поражением (Крымская война), или почти ничего не дававшие России (Русско-Турецкая война 1877—1878 гг.), что требовало от нее колоссальных материальных затрат. В начале XIX в. они составляли более двух третей ежегодного государственного бюджета.

Тоже и в дальнейшем. В «бархатный сезон» 1899 г. — С.Ю.Витте впервые решил провести отпуск не за границей, а под Сочи. В сентябре он писал своему знакомому в Петербург: «Черноморский берег представляет собой (как и многие местности Кавказа) такие природные богатства, которым нет сравнения в Европе. В наших руках это все в запустении, если бы это было в руках иностранцев, то уж давно местность эта давала бы большие доходы и кишела бы туристами. Но куда там! Для этого нужны капиталы и капиталы, наше же назначение капиталов — это война. Мы не можем просидеть и 25 лет без войны, все народные сбережения идут в жертву войнам. Мы оставляем в запустении богатейшие края, завоеванные нашими предками, а в душе все стремимся к новым и новым завоеваниям оружием и хитростью. О каком благосостоянии можно при таком состоянии вещей серьезно говорить!» (341 «а», с. 415).

Витте был прав. Прошло немногим более четырех лет, и Россия втянулась в русско-японскую войну. Прямые затраты на нее по подсчетам министра финансов В.Н.Коковцова составили 2,3 млрд руб. золо-

том, а с учетом и косвенных потерь народное хозяйство России недосчиталось уже 4—5 млрд руб. (383, с. 13), что составляло около полутора годового государственного бюджета России в наиболее удачном в финансовом отношении предвоенном 1913 г. (считая только обыкновенные доходы — см. 376, с. 45).

Расходы на русско-японскую войну вместе с ущербом от революции 1905—1907 гг. поставили империю буквально на грань экономического краха, от которого Россия была спасена очередным французским займом. А надвигалась новая, невиданная еще по своим размерам мировая война, да и в самой Европе в XX в. у границ России произошли три войны (Итало-Турецкая и две Балканских), один за другим шли острейшие внешнеполитические кризисы, в которые она втягивалась (Боснийский в 1907—1909 гг., 1912 г. во время балканской войны, 1913—1914 гг., связанный с миссией Лимана фон Сандерса).

Перед Россией после Портсмутского мира четко обрисовалась дилемма: или совершенно отказаться от всякой активной внешней политики и использовать все средства на мирную социально-экономическую и политическую трансформацию страны, что потребовало бы разрыва с традиционной и внутренней и внешней политикой (франко-русское и иные дипломатические соглашения) и все же не гарантировало еще того, что Россию оставят в покое, или сохранить все эти соглашения в силе и пытаться отстоять свое место в «европейском концерте» и неизбежно оказаться втянутой в мировую империалистическую войну, плохо подготовленной в военном отношении из-за нехватки финансовых средств, потери флота и дезорганизованной армии в результате событий начала XX в. Самодержавие пошло по последнему пути, хотя вплоть до 1911 г. (Потсдамское соглашение — см. 328, 336) и пыталось маневрировать между Антантой и Германией с Австро-Венгрией.

Период от Портсмутского мира до начала Первой мировой войны довольно тщательно исследован в двух аспектах — дипломатическом и военном (см. «Библиографию» в конце книги). Есть много серьезных работ по двусторонним внешнеполитическим отношениям России с Германией, Францией, Англией, есть и серьезный обобщающий труд по истории дипломатии

этого времени (364). Меньше работ по военной истории и их отличают две особенности. Одна — историографическая. В первый период (20—30-е гг.), кроме хороших работ и сборников документов по боевым действиям в 1914—1917 гг. появлялись монографии и по предвоенным годам, но они довольно четко ограничены анализом подготовки какого-то одного рода войск к войне (сухопутная армия, артиллерия, инженерные войска, авиация, флот — см. «Библиографию»), а изучение развития вооруженных сил комплексно произведено не было, т.к. это требовало и больших усилий и большого времени. Во второй период (вторая половина 30-х — 50-е гг.) наступил спад в изучении военной истории кануна и времени I мировой войны. Произошло все это сначала в результате уничтожения кадров военных историков в 1937—1938 гг., а затем II мировая война, естественно, временно отодвинула интерес к этой тематике. Лишь в 60-е — 80-е гг. появились серьезные двухтомные работы по армии и флоту в годы I мировой войны (364 «а», 389) и, к сожалению, прерванная смертью автора, а потому не совсем законченная, но весьма ценная работа Л.Г.Бескровного «Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала». М., 1986 г. Сюжеты, освещенные в этой работе, позволили мне не возвращаться к ним в своем труде.

Второй особенностью литературы по изучению предвоенного развития армии и флота было то, что все авторы, не изучив финансово-экономического состояния страны, упрекали царское правительство в недостаточном внимании к изучаемым проблемам, в малом выделении средств на развитие сухопутного вооружения, инженерных войск, флота, артиллерии, авиации и т.д. Объясняя кризис вооружения в армии, который обнаружился вскоре после 1 августа 1914 г., вину сваливали на некомпетентность генералитета, беспечность военного министра В.А.Сухомлинова, а не на весь царский режим, оторванный от понимания реального положения страны, режим, который готовясь к мировой войне поставил перед собой невыполнимую задачу, не желая «по одежке протягивать ножки». У марксистов-государственников и великодержавников получалось так, что Россия, вышедшая на первое место в мире по расходам на армию и на

второе место по расходам на флот (см. 367), должна была еще больше тратить на подготовку к войне и тем еще больше вгонять в нищету свое население, сокращать расходы на образование, здравоохранение и социальные нужды. При этом никто и не ставил вопроса, целесообразно ли было бедной капиталами России держать в мирное время самую крупную в мире более чем миллионную армию, которую она была не в состоянии не только по-современному вооружить, но даже просто построить необходимое количество казарм, в результате чего некоторые части и в мирное время размещались «на постой» в частных жилищах. Никто из исследователей не сравнивал темпов роста военного и военно-морского бюджета, шедшего на строительство, так и не понадобившихся в войне мощных линейных кораблей и линейных крейсеров. Вольно или невольно считавшие себя последовательными марксистами, авторы превращались в заурядных великодержавников, апологетов милитаризма и маринизма.

Вниманию читателя предлагается книга с несколько необычным подходом. Автор поставил себе задачу рассмотреть в тесной взаимосвязи и взаимовлиянии темы, исследуемые, как правило порознь: историю развития армии и флота в прямой зависимости от внешнеполитических планов царизма, определить с какими целями вырабатывались военные и военно-морские программы, разумно ли распределялись кредиты между различными родами войск (прежде всего между армией и флотом), и в какой мере царизму удалось осуществить принятые программы к 1 августа 1914 г. Ответы на эти вопросы позволили определить меру политической дальновидности самодержавного строя, понимания им нужд и состояния России, умение предвидеть последствия своих действий и, наконец, ответить на материале военных архивов, кому было выгодно развязать войну в августе 1914 г.

Документов для ответа на все эти вопросы в наших архивах более чем достаточно. В распоряжении исследователя сейчас есть все решения Совета министров, подготовительные работы и окончательные планы по развитию и реорганизации армии и флота, материалы Министерства иностранных дел, журналы Совета Государственной обороны, который был создан в 1906 г. именно для координации действий Военного и Мор-

ского министерств с министрами иностранных дел и финансов. На всех совещаниях СГО, кроме этих министров присутствовали глава правительства и начальники генеральных штабов армии и флота. Сопrotивление СГО первоочередному и чрезмерному развитию флота и привело к тому, что царь по просьбе В.А.Сухомлинова распустил его, чем и рассорил последнего с председателем СГО вел. кн. Николаем Николаевичем, жестоко отомстившим ему в годы войны роспуском слухов о связи Сухомлинова с немецкой разведкой. Словом материалов есть более, чем достаточно, и для оправдания возможных недостатков всей работы автор лишен возможности ссылаться на скудность источников.

Изучение периода от Портсмутского мира до Первой мировой войны позволяет понять, почему Россия ввязалась в такую кровопролитную войну и проиграла ее со всеми вытекающими из этого социально-экономическими и политическими последствиями, еще десятки лет сотрясавшими Россию после подписания Брестского мира.

Глава I.

АРМИЯ И ФЛОТ РОССИИ ПОСЛЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ. СВЯЗЬ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ С СОСТОЯНИЕМ И РАЗВИТИЕМ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЦАРИЗМА

---

§ 1. Влияние русско-японской войны и революции на состояние армии и флота

Русско-японская война была суровым испытанием для вооруженных сил царизма. Испытанием, которого они не выдержали. В первые годы после войны армия и флот России оказались просто в катастрофическом состоянии. Это вызывалось отнюдь не только и даже не столько тем, что японские вооруженные силы нанесли ряд серьезных ударов своему противнику под Ляояном и Мукденом, в сражениях в Японском море и при Цусиме. Сами по себе эти поражения, как бы они ни были серьезны, не представляли собой угрозы для колоссальной империи, потенциальные силы которой отнюдь не были исчерпаны. Тотальное поражение было нанесено только флоту, армия в Маньчжурии к концу войны сохранила свою боеспособность и представляла такую силу, с которой должны были серьезно считаться японские милитаристы. Именно это и послужило причиной тех минимальных требований, которыми удовлетворялась тоже истощенная войной Япония при заключении Портсмутского мира.

Кризис, переживавшийся царской армией и флотом, не в меньшей степени вызывался другим обстоятельством — борьбой, которую вели с самодержавным строем народы России. Начало XX века было тем временем, когда впервые в истории России в единый поток стали сливаться все необходимые составляющие победоносной революции: общее недовольство существующими в стране порядками, рабочее движение,

крестьянские восстания и военные бунты. Вооруженные силы включались в гражданскую войну, и нередко солдаты одной части атаковали солдат другой, а корабли, оставшиеся верными царскому правительству, обстреливали мятежников, поднявших на гафеле красный флаг.

Серьезной причиной, усугублявшей тяжелое состояние, в котором оказались вооруженные силы, была крайняя социально-экономическая отсталость царизма. Материальный ущерб, нанесенный войной, был велик, а возможности для его ликвидации очень ограничены. Начавшийся незадолго до войны экономический кризис лишь после подавления первой русской революции стал медленно переходить в подъем. Правительство испытывало острую потребность в финансах для борьбы с революционным движением и выделить военному ведомству средства хотя бы для пополнения истраченных неприкосновенных запасов было не в состоянии. Между тем для войны были использованы запасы почти всех военных округов. По произведенным военным Министерством подсчетам на 1 января 1907 г. «для проведения всех неприкосновенных запасов до надлежащих норм потребуется около 207 млн рублей, не считая расходов, вызываемых доведением крепостей до положения, отвечающего современным требованиям... по приблизительным же исчислениям для приведения крепостей в оборонительное состояние необходимо израсходовать по инженерной части около 300 млн руб. и по артиллерийской — около 400 млн рублей» (88, л. 215).

7 апреля 1907 г. для рассмотрения вопроса о боеиспособности русской армии собралось специальное заседание Совета Государственной обороны (далее — СГО). На нем было отмечено, что военный министр неоднократно указывал на необеспеченность армии необходимыми запасами для ведения войны и отсутствие того комплекта снарядов, который совершенно необходим для боевых действий артиллерии. «Вполне очевидно, — отмечалось в журнале, — что пополнение этих недочетов есть жизненная потребность армии, так как если армия не имеет запасов и ей нечем стрелять, то она является небоеспособной, а следовательно, напрасно лишь обременяющей государство» (88, с. 206). Между тем восстановление этих запасов, или

иначе говоря, приведение армии в состояние боеспособности, находилось по словам СГО «в положении полной неопределенности», ибо средств для этой цели правительство не отпускало и даже не могло хотя бы приблизительно назвать время, когда военному министерству будут отпущены необходимые кредиты. Учитывая все это, СГО должен был признать, что из-за отсутствия средств «созидательная работа военного министерства по снабжению нашей армии запасами не может проявиться в должных размерах, и нашей армии грозит пребывание в течение известного периода времени в таком состоянии, в каком не находится ни одна из армий иностранных держав». СГО настоятельно просил царя «изыскать и отпустить средства, потребные для пополнения запасов наших войск в скорейший срок» (88, л. 207).

Однако дело не ограничивалось только использованием всех неприкосновенных запасов. Война обнаружила, что материальная часть армии, ее техническая оснащенность оказались намного ниже самых скромных требований, которые были к ним предъявлены. «Пулеметов у нас мало, и они... далеки от совершенства»; «тяжелая армейская артиллерия должна быть создана заново»; «снаряжение наше несовершенно — опыт войны это доказал — безотлагательно все должно быть исправлено. Обозная часть требует полной реорганизации и создания новых оснований своего устройства» — подобных высказываний председателя СГО вел. кн. Николая Николаевича всего лишь в одном докладе содержится немало (296, л. 1—3).

И здесь неодолимым препятствием на пути приведения армии в должное состояние, стало отсутствие средств. Учитывая опыт войны, СГО признал необходимым иметь в каждом полку по 8 пулеметов. Царь 10 июля 1906 г. утвердил это решение, но реализовать его не удалось — у военного ведомства не было средств. Согласились ограничиться временно приданием каждому полевому пехотному полку 4-х пулеметов, снабдив, при первой возможности тем же числом пулеметов и резервные части. Однако и через полтора года из 323 частей полевой пехоты по 4 пулемета имело всего лишь 216 воинских частей (46, л. 29). Расход на матчасть для одной пулеметной команды, снабженной четырьмя пулеметами обходился казне всего

лишь в 17380 руб. Что же говорить об артиллерии, приведение которой в соответствие с требованиями, выдвинутыми войной, вызывало необходимость громадных единовременных затрат — более 895 млн руб. золотом! (88, л. 253).

Пострадали вооруженные силы и от другого: в ходе русско-японской войны, особо острая нужда ощущалась в инженерных и артиллерийских частях. Эти части отправлялись на фронт почти изо всех военных округов, которые сами остались без артиллерии и инженерных войск. В результате образовалась диспропорция в соотношении между различными родами оружия: «в некоторых корпусах, — признавал Комитет по мобилизации войск, — нарушено нормальное соответствие пехоты и артиллерии. Распределение артиллерийских парков не сходится с распределением соответствующих им бригад. Есть корпуса, совершенно лишенные всяких инженерных войск». Ознакомившись с Журналом заседания Мобилизационного Комитета 8 и 11 апреля 1905 г., военный министр наложил на нем резолюцию: «Данные этого журнала убеждают, что наша боевая готовность на Западных фронтах настолько пострадала, что вернее будет сказать, что эта готовность совершенно отсутствует...» (87, л. 35).

Война обнаружила плохую боевую подготовку царской армии, что откровенно вынужден был признать и СГО. «В наших уставах, наставлениях и инструкциях, действовавших перед войной 1904—1905 гг. не было недостатка в указаниях и требованиях активности, почина частных начальников, быстроты и решительности действий; но, несмотря на это, война обнаружила недостаток у нас этих качеств, — наши начальствующие лица — сверху донизу — и, наконец, рядовой боец не сумели проявить эти свойства, когда обстановка их требовала. Проявляя изумительное упорство и настойчивость в пассивной обороне, войска наши не могли проявить того же самого в достижении наступательных задач... Причину надо искать в несоответствующем обучении, непонимании значения местности и оружия, отсутствии внутренней связи в действиях разных родов войск и неумении согласовать эти действия» (81, л. 2).

Но даже в боевой подготовке — в области, где военное министерство, казалось бы, должно было быть

полным хозяином, сделать что-нибудь существенное оно было бессильно. «Армия не учится, а служит вам», — резко заявил военный министр председателю Совета Министров и министру внутренних дел П.А.Столыпину (322, с. 42). Действительно, военачальникам в это время было не до обучения войск. В 1905 г. в помощь гражданским властям для подавления революции было откомандировано 213 рот, 1 охотничья команда, 66 эскадронов и сотен, 12 конвойных и 1 местная команда и 1466 солдат в составе отдельных команд; в 1906 — в 2699 случаях против восставшего народа было применено 15298 рот, 3666 эскадронов и сотен, 15 учебных, 10 конвойных, 5 охотничьих и 10 местных команд, а 83855 солдат вызывались отдельными командами. В войне против своего народа царизм использовал 224 артиллерийских орудия и 124 пулемета. В 1907 г. войска в помощь гражданской власти посылались 9771 раз. Были использованы 5812 рот, 1370 эскадронов и сотен, 83 орудия, 4 пулемета, около 20000 солдат использовались в составе сборных отдельных команд разной величины (310, с. 7—10).

Для более успешной борьбы с собственным народом царь приказал созвать «Особое совещание для рассмотрения вопросов об изменении дислокации войск соответственно внутренним потребностям Империи» (65, л. 3—10). Все губернии, в зависимости от ожидавшегося размаха крестьянского движения, были разбиты на четыре категории. Между ними решено было произвести передислокацию войск. Военные предупреждали, что эта мера фактически сорвет план летних занятий в 1906 г., но вынуждены были уступить нажиму председателя Совета Министров С.Ю.Витте. В результате давления правительства требование министерства внутренних дел было осуществлено, что по признанию военного министерства «не могло не отразиться вредно на боевой готовности вооруженных сил страны» (110, л. 1—7).

Спешная передислокация войск привела к тому, что многие части оказались без казарм. По сведениям военного министерства, на 1 января 1907 г. около 300 батальонов, 85 эскадронов и сотен и 105 батарей полевой артиллерии были расположены в домах, нанимаемых у частных лиц. Некоторых из них отправи-

ли на постой к обывателям группами по несколько человек (46, л. 36, 45, 48). Военное ведомство не в состоянии было обеспечить эти войска казармами, т.к. не имело необходимых для строительства 40 млн руб. В этих условиях, разумеется, и речи не могло быть о правильном обучении войск опыту, извлеченному из русско-японской войны.

Но главное, что больше всего пугало царских генералов, было не плохое снабжение армии матчастью, не дефекты ее организации и не отсутствие казарм. Страх в них вселяло другое: когда-то безропотный русский крестьянин, одетый в солдатскую шинель, слепо выполнял во имя «веры, царя и отечества» любое приказание своих офицеров. Революция 1905—1907 гг. захватила и вооруженные силы. По многим гарнизонам прокатилась волна солдатских выступлений. Восстания вспыхнули в крупнейших цитаделях милитаризма, на сторону революционного народа, иногда, переходили целые воинские части.

Памятуя опыт частной мобилизации в русско-японскую войну, офицеры Главного штаба с ужасом задавались вопросом, что же «будет в России при всеобщей одновременной мобилизации, когда нельзя будет наряжать целых полков для содействия уездным воинским начальникам при призыве и отправлении запасных, когда не будет свободных людей, чтобы избивать прикладами пьяных запасных при посадке их в вагоны, когда не будет свободных рук для охраны уездных воинских управлений, станций, кабаков». Их очень пугало создавшееся в армии положение, при котором «офицерам зачастую приходится спать с револьверами под подушками для защиты себя от своих же солдат» (111, л. 125). Подобные же заботы еще в большей степени волновали Морское министерство, офицеры которого тоже отмечали, что «контингент новобранцев теперь уже не тот, что в доброе старое время, когда здоровая деревня давала нам здоровую неиспорченную крестьянскую молодежь — теперь действительно приходится смотреть "в оба"» (298, 1914, № 3, ч. III, с. 46). Вооруженные силы часто превращались из защитников престола от «врага внутреннего» в непосредственную угрозу существовавшему в стране самодержавному режиму.

Особого размаха революционное движение достигло на флоте (подробнее об этом см. 373). Объяснялось это как сравнительно большей тяжестью морской службы, так и высоким духом коллективизма и товарищества, рождавшихся от тесного повседневного общения матросов друг с другом, а главное — специфическим источником комплектования большинства флотских специальностей. На флоте был весьма значителен процент бывших рабочих, более развитых и политизированных, чем крестьяне. Летом 1905 г. по флоту прокатилась первая волна восстаний. 14 июня броненосец «Потемкин» поднял красный флаг. Вскоре к нему присоединился миноносец № 267 и учебный корабль «Прут». На другой день — 15 июня — вспыхнуло восстание матросов в одной из баз Балтийского флота — Либаве. Едва правительству удалось отбить первый натиск революционных матросов, как поднялась вторая, еще более грозная волна. В ответ на провозглашение манифеста 17 октября заволновались матросы и солдаты в Баку. 26 октября началось восстание в Кронштадте; 29 — в другой базе Балтийского флота — Свеаборге; 30 — восстали матросы и солдаты Владивостока. С начала ноября забурлил Севастополь, а 13 ноября здесь началось открытое вооруженное восстание с артиллерийским обстрелом восставших кораблей.

15 ноября 1905 г., по повелению Николая II, было экстренно созвано специальное сверхсекретное «Совещание по вопросу о современном состоянии флота», имевшее целью выработать меры для сохранения порядка в войсках. Открыв это совещание, его председатель вел. кн. Николай Николаевич заявил, что царю «благоугодно было выразить желание рассмотреть в особом совещании под личным своим председательством вопрос о мерах по установлению во флоте должного порядка», а до совещания под своим председательством, Николай II «повелел» «оценить различные мероприятия, могущие быть предложенными с целью приведения флота в состояние, отвечающее его назначению, причем мероприятия эти сначала должны быть рассмотрены совещанием в составе членов от одного военного ведомства, избранных по указанию его величества, а затем подвергнуться всестороннему обсуждению с участием и лиц морского ведомства, назначен-

ных по непосредственному избранию его императорского величества» (79, л. 1—11).

В выступлениях участников совещания звучали прямо панические нотки. Военный министр А.Ф.Редигер без обиняков заявил, что «в настоящее время флот представляет собой не элемент силы, а элемент государственной опасности. Требование государственной безопасности требуют флот раскассировать... Собоображение, что ныне нужно оставить во флоте такое число чинов, которое потребно для комплектации существующих судов, в своей основе неправильно» (там же, л. 3). Собрание сухопутных генералов решило поставить во главе морского министерства «крепкого» армейского генерала — бурбона, списать на берег всех неблагонадежных матросов (число их и организацию будущих штрафных частей предполагалось обсудить на предстоящем совещании с представителями морского ведомства), а новобранцев для флота обучать в течение года в пехотных частях, где из них должны были выбить всякое «вольнодумство» и малейшие признаки крамолы.

На следующий день — 16 ноября — состоялось второе совещание. Кроме шести высших сухопутных генералов на него по специальному выбору царя пригласили трех моряков — контр-адмиралов Вирениуса и Петрова и флигель-адъютанта капитана 1 ранга Дабича. Открывая его, Николай Николаевич заявил, что по его мнению «вопрос о возможности плавания судов в предстоящую компанию (1906 г. — *К.Ш.*) не имеет большого значения и находится под большим сомнением, тем более, что трудно определить, сколько во флоте может к лету остаться вполне благонадежных чинов всяких специальностей» (там же, л. 6).

Моряки согласились с председателем. Все матросы казались им подозрительными. «В данное время, — признал Дабич, — крайне затруднительно окончательно определить, в особенности в тех экипажах, которые не принимали активного участия в беспорядках, кто именно из нижних чинов представляется ненадежным и потому подлежат исключению из флота... Даже при условии оставления в экипажах только тех чинов, на которые можно вполне положиться и при исключении всех сомнительных, сделать указанное распределение в один прием вряд ли возможно». По подсчетам главно-

го морского штаба, из 27 тыс. матросов, оставшихся на флоте после увольнения старослужащих в запас, по меньшей мере 9 тыс. не внушают доверия и должны быть списаны на берег в 20 специально образованных батальонов, которые «надлежит распределить по военным округам, при условии расквартирования их в казармах». Все новое пополнение флота, по единодушному мнению совещания, должно обязательно проходить годичную солдатскую муштру «в строевых пехотных частях и при том в течение целого года. «При таком решении, — отмечал Николай Николаевич, — новобранцы получают действительно воинское обучение и воспитание и придут во флот настоящими солдатами; за год из флота будут удалены все не вполне надежные чины, и в нем успеют образоваться сплоченные войсковые части из отборных элементов с вполне установившимся внутренним порядком, которые составят вполне пригодный кадр, в который и вольются дисциплинированные молодые солдаты» (там же, л. 10).

Что же представлял из себя флот, по отношению к которому думали применить столь крутую экстраординарную меру, как предлагавшееся военным министром «раскассирование флота»? Военно-морская история знает немного примеров подобных сокрушительному разгрому царского флота в Русско-японскую войну. В водах Тихого океана погибло, или было захвачено в плен японцами 69 боевых и вспомогательных судов русского флота: 15 эскадренных броненосцев, 2 броненосца береговой обороны, 11 крейсеров (из них 5 первого ранга), 5 мореходных канонерских лодок, 2 минных крейсера, 22 миноносца, 4 военных транспорта и 8 портовых судов. Общая стоимость этих кораблей составляла около 230 млн руб. золотом, а вместе с артиллерийским и минным вооружением, хранившимся для флота в Порт-Артуре и попавшим тоже к японцам, прямые материальные потери флота составляли 255888951 руб. (155, л. 2—4). Перестал существовать не только Тихоокеанский, но и Балтийский флот, который в ходе войны почти весь был послан на Дальний Восток, а задолго до этого с 1896 г. систематически ослаблялся тем, что в Балтийском море создавались корабли исключительно для эскадры Тихого океана, которые и уходили по назначению по мере своей готовности (см. 308 «а», т. 1, с. 3).

В результате к концу 1906 г. Балтийский флот не только был невелик по численности, но и состоял из разношерстных кораблей, из которых совершенно невозможно было составить тактические единицы. Из трех боевых эскадренных броненосцев один¹ совершенно не мог приниматься в расчет ввиду его устарелости. Два других², хотя и были построены незадолго до войны, обладали, как показал Цусимский бой, целым рядом конструктивных и иных недостатков: были тихоходны, слабо бронированы, перегружены, имели плохие мореходные качества, вооружены небольшим числом орудий главного калибра и слабой средней артиллерией. Эти же недостатки, хотя и в меньшей степени, были свойственны строившимся в то время на Балтийском море эскадренным броненосцам «Андрей Первозванный» и «Император Павел I», которые должны были вступить в строй в 1908—1909 гг. Не лучше обстояло дело и с боевыми крейсерами. Два броненосца³ и четыре небронированных крейсера 1 ранга⁴ таили в себе все недостатки судов доцусимской постройки.

Бичом Балтийской эскадры была никуда не годная артиллерия с ее устаревшим боезапасом и крупными конструктивными недостатками: «Оптические прицелы башенных пушек, — доносил после кампании 1908 г. МГШ, — слетают при выстреле, бьют по глазам комендоров и падают на палубу, вследствие чего комендоры боятся (!) прицелов и перед производством выстрела отскакивают в сторону». Из-за брака гильз 75-мм патроны при стрельбе разрывались и заклинивали поршни замков. Гальванические трубки 8-дюймовых орудий давали до 84% осечек, вследствие чего один из

---

¹ «Император Александр III» — 1887 г. постройки, вооружение — 4—12-дюймовых орудия, 5—8-дюймовых.

² «Цесаревич» (1901 г. — 4—12-дюймовых; 12—6-дюймов.) и «Слава» (1903 г., 4—12-дюймовых, 12—6-дюймов.).

³ «Громобой» (1899 г. — 4—8-дюймовых, 22—6-дюйм. орудия и аналогичный по вооружению «Россия» (1896 г.).

⁴ «Богатырь» (1903 г.), «Олег» (1903 г.) — каждый имел по 12—6-дюймовых орудий. Кроме них, для Балтийского флота строилось еще четыре крейсера: у «Виккерса» — «Рюрик», во Франции «Адм. Макаров» и в России — «Баян» и «Паллада».

крейсеров за три часа стрельбы произвел... 1 выстрел!» Это явление, с грустью констатировал МГШ, «низводит значение 8-дюймовой артиллерии почти до нуля». Недостатки материальной части еще более ухудшились плохой организацией. На один из крейсеров («Олег») ухитрились поставить различные прицелы. На другом прицелы были однотипные, зато приборы управления огнем оказались другой системы, нежели прицелы, «как будто одно ведомство поставляет прицелы, а другое — приборы управления ими» (199, л. 101).

Цусимский бой убедительно продемонстрировал негодность артиллерийского боезапаса. Русские снаряды содержали всего лишь 2—3% взрывчатого вещества, а японские — 10—12%. Ударные трубки были совершенно неудовлетворительной конструкции и очень часто отказывали, в результате чего снаряд превращался в допотопное ядро. В этом еще раз убедилась специальная комиссия, обследовавшая результаты боевых действий «цусимских героев» против острова Михайловский Свеаборгской крепости. 19 июля 1906 г. два крейсера под командованием контр-адм. И.Ф.Бострема обстреляли из 12-ти и 6-дюймовых орудий своих собственных матросов, восставших в Свеаборгской крепости. Результаты этой «геройской операции», «всемилодивейше» отмеченной орденами и медалями, оказались, к счастью, ничтожными: как и при Цусиме снаряды не взрывались. Но и через 3 года после Цусимы на корабли продолжали поступать заведомо негодные снаряды, причем установить, кто в этом виноват было невозможно, ибо каждое из управлений морского ведомства не считало себя ответственным за разработку и освоение производства снарядов нового типа. «Итак, — подводил итог в докладе Николаю II Морской генеральный штаб, — в Балтийском море линейные суда ни в качественном, ни в количественном, ни в организационном отношении не представляют реальной силы и, следовательно, на балтийских водах государство не располагает таковой» (308 «а», т. 1, с. 5—8).

Это не было профессиональным мнением только моряков. Специальная комиссия, созданная в апреле 1908 г. во главе с начальниками обоих генеральных

штабов, рассматривая состояние Балтийского флота, пришла к крайне неутешительным выводам. По ее компетентному мнению, немецкий флот уже на 3-й день после объявления войны мог высадить десант в любой точке побережья. «Наш Балтийский флот, — признала эта комиссия, — совершенно не в состоянии будет вынести свою боевую деятельность в воды Балтийского моря и поневоле должен будет ограничить район своих действий внутренним пространством Финского залива». Но и здесь, оказывается, «рассчитывать на сколько-нибудь серьезное сопротивление нашего линейного флота — нет никаких оснований: в виду колоссального неравенства сил он может быть сломлен одним ударом» (98, л. 2).

Положение с легкими силами, на первый взгляд, казалось более благополучным. Не считая 40 устаревших миноносцев, на Балтике было 70 минных судов сравнительно новой постройки. Однако минные суда, оборудованные не только сложными, но и нежными системами, требовали к себе особо внимательного отношения, и непорядки в организации флота сказались всего сильнее именно на них. «За всю мою долголетнюю службу, — отмечал в официальном письме начальнику Главного морского штаба адм. Бирилев, ставший позже морским министром, — я никогда не видел даже в нашем флоте чего-либо безобразнее, чего-либо более приведенного к уничтожению, чем наш миноносный флот. Все что можно сделать самого скверного — все сделано, чтобы привести миноносный флот в совершенно непригодное для военных целей состояние... Механизмы миноносцев совершенно разбиты и добиваются вконец, не имея никакого ремонта, а тот ремонт, какой сделан только, чтобы свалить с рук, произведен так, как, поверьте, никто не посмеет сделать при починке грязеотвозной шаланды. Такое варварское, чисто разбойничье отношение к миноносцам вызвало и такое же, омерзительно загрязненное содержание их» (308 «а», т. 1, с. 5). Начальника Кронштадтского порта, который вычеркнул при утверждении ремонтной ведомости миноносцев совершенно необходимые пожелания, разгневанный адмирал назвал «разбойником» и «мерзавцем», а макаровский девиз: «Помни войну» заменил другим — «Позабыли о войне, каналы!»

В довершение всех бед на кораблях существовал, по словам МГШ, «страшный» некомплект личного состава, который «перешел всякие допустимые границы». «Минный наш флот, — признавала упоминавшаяся выше комиссия генеральных штабов, — представляется совершенно неподготовленным к выполнению каких бы то ни было боевых задач, благодаря огромным некомплектам в личном составе специалистов офицеров и нижних чинов» (98, л. 4). Действительно, на флоте не хватало 59% минных и 26% артиллерийских офицеров, 35% штурманов. Общая нехватка офицеров на кораблях, достигавшая 28%, с лихвой «перекрывалась» избытком их на берегу, где на 1195 должностей в портовых и центральных учреждениях приходилось 4392 офицера и адмирала, т.е. избыток составлял 265%. На кораблях при общей потребности в 3192 человека было всего 2311 офицеров (308 «а», т. 5, с. 2).

Еще острее была нехватка младших специалистов: кондукторов машинных не хватало 53%, минных — 63%, сигнальных — 83%. Россия обладала колоссальными людскими резервами и сравнительно скромные потребности флота в матросах могли бы быть удовлетворены безо всякого труда. Но «цусимское ведомство» и из этого простого вопроса ухитрилось создать «трудно разрешимую проблему». «Существующего наличия (матросов. — *К.Ш.*) совершенно недостаточно для удовлетворения потребностей флота в нижних чинах, главным образом, в специалистах, и в 1908 г. нехватка эта не может быть пополнена», — признавал МГШ. Действительно, при потребности Балтийского флота не многим более чем в 26 тыс. нижних чинов, на флоте их было около 18 тыс. Набор во флот, в течение уже ряда лет, осуществлялся крайне неравномерно, в результате чего в 1909 г. должна была быть демобилизована сразу половина флота, и половина кораблей осталась бы «совсем без команд, если не принимать снова такого же усиленного числа новобранцев, т.е. снова нарушать необходимую систему равенства сроков службы» (308 «а», т. 5, с. 6—7).

Балтийский флот не только был численно мал и плохо обучен, но не имел и необходимых средств для ремонта судов, не имел минимального количества материальных запасов потребных для его нормального

функционирования. В главной базе флота, Кронштадте, был всего один док для броненосцев. Кронштадтский пароходный завод построили в середине XIX в., и с тех пор его станочный парк не обновлялся. Это «учреждение с устаревшими тихоходными станками, первобытной трансмиссией и кранами только ручного действия» водой снабжалась из конных бочек, а светом — от керосиновых ламп! Порт в Петербурге был главным судостроительным центром России. «Из заводов порта, — признавал МГШ, — новое Адмиралтейство по своему состоянию схоже с Кронштадтским пароходным заводом... Для погрузки угля в Петербургском порту не имеется никаких приспособлений, нет ни соответствующих пристаней, ни механических приспособлений, ни подъездных путей, тачки и мускульная сила являются единственным средством». Приведа целый ряд аналогичных примеров по всем портам Балтийского моря, МГШ заключал: «Из сделанного краткого обзора административно-хозяйственного состояния портов и боевых запасов флота видно, что порта находятся в столь же безотрадном состоянии, как и судовой состав флота» (308 «а», т. 1, с. 8, 10, 11).

Состояние Балтийского флота было поистине отчаянным. В единогласно принятом решении начальников генеральных штабов отмечалось, что «вся работа нашего Балтийского флота сводится, по мнению совещания, лишь к некоторой и при том весьма незначительной задержке наступления противника в восточной части Финского залива. Но при этом представителями Морского ведомства было заявлено, что в современном своем виде Балтийский флот совершенно не в состоянии выполнить и этой более чем скромной задачи» (98, л. 149). Проведя тщательное изучение состояние флота России, морской генеральный штаб пришел к твердому убеждению, что «с такими силами нельзя не только оборонять морские границы отечества нашего, но даже оказать сколько-нибудь серьезное сопротивление противнику. При таком положении, — заключал его начальник, — само существование морского ведомства с его бюджетом в 87 млн руб. совершенно не оправдывается государственными потребностями» (308 «а», т. 5, с. 69).

Угроза столице и всему балтийскому побережью казалась еще большей из-за полного расстройтва бе-

реговой обороны и устарелости приморских крепостей. Вскоре после цусимской катастрофы морское и военное ведомство, обеспокоенные защитой столицы, создали для обследования береговой обороны специальную комиссию во главе с начальником Главного Управления генерального штаба (далее ГУГШ) Ф.Палицыным и генерал-инспектором инженерных войск вел. кн. Петром Николаевичем. Обследование дало печальные результаты: в главной базе флота, Кронштадте, устаревшие мортиры и гаубицы (образца 1867 г.) годились, разве что для производства салютов. Новых 10-дюймовых орудий было явно недостаточно — всего 18. «Таким образом, — заключала комиссия, — Кронштадт и Петербург де-факто совсем не защищены». Комиссия считала необходимым «убрать всю настоящую бутафорскую артиллерию и вооружить форта современной артиллерией того же калибра, какой принят на судах» (86 «а», л. 2).

Еще хуже была вооружена крепость в Выборге. Главный калибр образца не ранее 1864 г. состоял из орудий в 9,8 и в 6 дюймов «в числе коих находятся даже чугунные двухпудовые мортиры, — украшавшие эти батареи еще во времена завоевания Финляндии. Таким образом, — заключала комиссия, — и артиллерийское вооружение Выборгских крепостей представляется вполне неудовлетворительным и ни малейше не соответствует современным требованиям военно-морского дела». Выводы комиссии были более чем печальны: «в общем вся оборона берегов представляется вполне карточной и, конечно, не представляет никакой серьезной обороны...» (там же, л. 3).

Не лучше обстояло дело и с Черноморским флотом. Необходимость соблюдать договор о проливах, запрещавший проход военных судов, спасла Черноморский флот в русско-японскую войну. Однако война эта надолго отвлекла внимание от Черноморского флота, строительство которого стало рассматриваться как второстепенное дело. В результате флот оказался более чем в плачевном состоянии.

К началу 1907 г. на Черном море было всего 6 броненосцев: «Пантелеймон» (1900 г. постройки), «Три святителя» (1897 г.), «Ростислав» (1899 г.), «Георгий Победоносец» (1895 г.), «XII Апостолов» (1891 г.) и совсем старый «Синоп» (1889 г.). Кроме того два бро-

неносца — «Иоанн Златоуст» и «Св. Евстафий» находились в постройке и вступили в строй в 1910 г. Из них три находились в ремонте. Все эти суда были построены в разные сроки и, по признанию морского генерального штаба, каждые предыдущие «настолько отличаются по своей конструкции и вооружению от позднейших, что было бы нецелесообразно ставить их в одну боевую линию» (308 «а», т. 1, с. 5). Но дело было не только в различных тактико-технических данных, а и в том, что «все шесть кораблей по своей устарелости и конструктивным недостаткам, не представляют какой-либо реальной силы с точки зрения современных требований, и для придания им хоть некоторого боевого значения, капитальные переделки являются необходимостью, но из-за устарелости таковые переделки могут считаться целесообразными лишь разве для корабля "Пантелеймон" (постройки 1900 г.), да и тот имеет неустранимый недостаток — малый ход, всего лишь 16 узлов... Таким образом, в Черноморском флоте в настоящее время не имеется вполне исправных боевых кораблей ни одного» (308 «а», т. 3, с. 38).

Броненосцы не только безнадежно устарели, но были сильно перегружены (а как это опасно — показал Цусимский бой), плохо бронированы, вооружены древней разнокалиберной артиллерией. На старых кораблях, доносил МГШ Николаю II: «крупные 12-дюймовые орудия очень медленно стреляют, до 4—5 выстрелов в час (!). Средние 6-ти дюймовые 35-ти калибров потеряли всякое значение для современного боя, их дальность не превосходит при имеемых установках 32 кабельтовых» (308 «а», т. 1, с. 15). В сравнении с уже появившимися линейными кораблями-дредноутами черноморские броненосцы были не боевыми единицами, а музейными экспонатами.

Так обстояло дело с линейными кораблями — костяком флота.

Еще хуже было положение с легкими силами. Имевшиеся два крейсера требовали серьезного ремонта. «В настоящее время, — признавал МГШ, — не имеется в готовности ни одного крейсера». Из 13 эсминцев 4 строилось, а 9 нуждалось в ремонте. «Таким образом, вполне годных для исполнения своего назначения эсминцев в настоящее время нет ни одного». Из

26 миноносцев — «вполне исправных — ни одного. Могущих вступить в исполнение назначений — два». «Из 6 канонерских лодок Черноморского флота, строго говоря, ни одна не имеет в настоящее время никакого боевого значения». Подводных лодок не было совсем, что по признанию МГШ составляло «огромный недостаток нашей морской силы на Черном море» (там же, с. 38—40).

В довершение всех бед эти, с позволения сказать, боевые суда не были обеспечены и личным составом. «Потребность флота в специалистах удовлетворяется едва на половину», — грустно признавал МГШ. На Черноморском флоте не хватало до полного комплекта комендоров — 46%, гальванеров — 48%, рулевых — 30%, машинной команды — 24%. «Существующего наличия совершенно недостаточно для удовлетворения потребностей флота в нижних чинах, главным образом, в специалистах и в 1908 г., и нехватка эта может не быть пополнена даже призванными новобранцами» (308 «а», т. 5, с. 2—6).

Еще хуже обстояло дело со специалистами сверхсрочной службы. Кондукторов-артиллеристов не хватало 49%, минеров — 54%, рулевых — 92% (!). Штабы и береговые базы были неплохо обеспечены офицерами, а на кораблях не хватало офицеров-артиллеристов — 29%, минеров — 60%, строевых офицеров — 62%, штурманов — 71%. «При таком положении, — доносил МГШ Николаю II, — можно укомплектовать полностью лишь суда первой категории, суда же второй категории могут быть укомплектованы только в размере одной трети общего числа команд. При этом корабли, находящиеся в ремонте или достраивающиеся, команд совсем иметь не будут». Вследствие острой нехватки на кораблях происходили бесконечные перемещения офицеров. Так, на броненосце «Чесма» за 7-месячную кампанию было 150 офицерских перемещений. Корабли превращались в постоянный двор, куда на недельку-другую заглядывал офицер-гастролер. Можно себе представить, на каком уровне была боевая выучка подобных экипажей! «Боевая подготовка эскадры находится в примитивном состоянии. Ввиду особых политических условий (у офицеров МГШ не поворачивался язык произнести имя "Потемкина", позже даже переименованного в "Пантелей-

мон" — *К.Ш.*)... В Черном море отложены теперь опытные артиллерийские стрельбы, которые крайне необходимы для разработки системы подготовки судов и эскадры к бою» (308 «а», т. 1, с. 16).

В совершенно запущенном состоянии находились обе черноморские базы. Главная база — Севастополь — вообще «не отвечает скромным требованиям базы». Кораблям в ней негде было даже ремонтировать. Для эсминцев и миноносцев доков совершенно нет. В случае получения броненосцами пробоин их тоже нельзя будет ввести в доки, т.к. последние слишком малы. «Замена поврежденных частей артиллерийского вооружения Севастопольским портом совершенно не выполнима без содействия Петербурга: в порту нет ни запасных орудий, ни станков или каких-либо их частей, ни достаточно оборудованных мастерских, ни, наконец, приспособленного к тому кадра мастеровых». Вторая база — Николаевский порт — «находится в еще более худших условиях». Он «не имеет никаких технических приспособлений, улучшающих постройку и удешевляющих рабочую силу». Доков для больших судов тоже нет. «Мастерские порта совершенно устарели, станки их расшатались, работы на них могут производиться лишь с убытком для казны и то для удовлетворения грубых требований» (там же, л. 17—19).

Материально-техническое снабжение флота было поставлено безобразно. На весь флот и береговую оборону не имелось ни одного современного 12-дюймового фугасного снаряда, а снаряды старого образца, как показал опыт Цусимы, были не очень-то опасны судам противника. Николаевский порт поставлял флоту торпеды образца 1898 г., в то время как минные аппараты на новых эсминцах и миноносцах были сконструированы уже для торпед иного образца. Уголь был крайне низкого качества, а котлы требовали ремонта. В результате броненосцы так сильно дымили, что при маневрировании эскадры судам часто приходилось растягивать линию во избежание аварий, могущих произойти вследствие того, что из-за дыма нельзя было часто видеть друг друга!

Состояние Черноморского флота и береговой обороны было столь катастрофическим, а нераспорядительность военных и морских властей столь вопиющая, что высадка вражеского морского десанта могла быть

произведена беспрепятственно в любой точке Черноморского побережья, даже прямо у фортов главной базы флота. «Современное состояние береговой артиллерии таково, что она никакому флоту дать отпора не в состоянии, — признавал еще в 1906 г. генерал-инспектор артиллерии вел. кн. Сергей Михайлович. — Все крепости наши непригодны, — продолжал он далее, — и государство открыто для вторжения противника» (68, л. 13, 22; 188, л. 265, 295).

Прошли годы, но положение не изменилось к лучшему. Проведенная в 1911 г. специальная проверка мобилизационной готовности Севастопольской крепости дала результаты, потрясшие царя. На всеподданейшем докладе о том, что главная база Черноморского флота вооружена 11-дюймовыми пушками образца 1877 г. (!), а сравнительно новые 6-дюймовые орудия «фугасных снарядов не имеют вовсе» и накопление их запасов идет столь медленно, что основная масса орудий крепости и к 1915 г. (!!) «не будет иметь даже половины положенного комплекта огнестрельных припасов, четыре 11-дюймовые пушки в 35 калибров батареи № 1 не будут иметь ни одного снаряда», 8 таких же пушек вместо нормы в 100 выстрелов будут иметь всего 25, а 6-дюймовые вместо 225 всего 80 выстрелов, расстроенный Николай II, сломав карандаш, «начертал»: «Да что же это такое?» На предложение командующего Одесским военным округом «теперь же довести комплект боевых припасов хотя бы до половины положенного по штату» царь нервно написал «Да, да и да!» (36, л. 6).

Необходимость реорганизации и дальнейшего развития вооруженных сил России проистекала и из уроков последней войны. Опыт ее говорил о необходимости резко усилить артиллерию, особенно крупного калибра, шире применять автоматическое оружие, снабдить пехоту необходимым количеством пулеметов, инженерного имущества и т.д., и т.п. Особенно резко опыт Русско-японской войны повлиял на военно-морские силы. Произошел подлинный переворот в судостроении, переворот, который, по сути дела, свел к нулю боевую ценность старых кораблей, уравнивал в этом отношении все морские флоты и дал возможность более слабым надеяться сравниться с более сильным, при условии равных темпов строительства флотов. (Подробнее об этом см. 384.)

Поражение армии и флота в русско-японской войне, истощение всех запасов, революционные выступления солдатских и матросских масс явно обозначили серьезнейший кризис вооруженных сил царизма. «Наши сухопутные силы расстроены и крепости в таком состоянии, что представляют для противника готовый трофей; вместе с тем Россия не имеет и флота; таким образом, в общей совокупности для нужд армии и флота требуются колоссальные затраты», — признавал военный министр России А.Ф.Редигер (68, л. 25; 188, л. 267).

Необходимость приведения вооруженных сил в боееспособное состояние вытекала не только из их почти полного развала, но и из новых попыток царизма вести агрессивную политику, попыток, которые самодержавие решило предпринять как только ему удалось одолеть «внутреннего» врага в своей собственной стране.

§ 2. Поворот во внешней политике царизма. От Дальнего Востока — к Ближнему

Серия поражений царской армии на полях Маньчжурии, сокрушающий разгром флота в Цусимском проливе, годы первой русской революции, резко ослабили военную силу царизма и поставили его на грань полного краха. Даже самым оголтелым милитаристам была совершенно ясна необходимость перегруппировки сил, неизбежность дипломатических маневров, которые дали бы возможность залечить полученные раны, прежде чем вновь пытаться счастье на полях битв. Того же требовали расстроенные финансы и истощившиеся материальные ресурсы, не говоря уже о том, что происходившая в стране революция заставила думать господствующие круги не столько о захвате чужих земель и иных активных акциях, сколько о спасении собственной шкуры при помощи иноземных штыков.

После подписания 23 августа 1905 г. Портсмутского мирного договора царское правительство предприняло ряд дальнейших шагов, имевших целью упрочить мир со своим беспокойным дальневосточным соседом. 10, 12, 21 и 26 февраля, 5, 8 и 12 марта 1907 г. состо-

ялось семь заседаний Совета государственной обороны с участием министров иностранных дел, финансов, военного и морского, начальников обоих генеральных штабов (морского и сухопутного) и иных высших военных и государственных чинов. Тщательно обсудив положение дел на Дальнем Востоке, совещание пришло к выводу, что «война с Японией не является неизбежной, так как при известных политических мерах можно рассчитывать на устранение поводов к ее возникновению и надеяться на восстановление на Дальнем Востоке вполне миролюбивых отношений». Единственным поводом для войны признавалось только прямое нападение Японии, а задача вооруженным силам ставилась в этом случае более чем скромная — «удержание за нами Приморской области» (90, л. 222).

Вскоре министр иностранных дел Извольский сообщил начальнику генерального штаба ген. Палицыну, что 17 июля 1907 г. между Россией и Японией подписано общеполитическое соглашение, имеющее «исключительною целью упрочение взаимных добрососедских отношений обеих держав и существующее положение вещей на Дальнем Востоке» (95, л. 82). Тогда же была подписана рыболовная конвенция и еще один секретный договор о разграничении с Японией сфер влияния в Маньчжурии.

Однако договоренность только с Японией далеко еще не обеспечивала царизму устойчивого положения на Дальнем Востоке и в Центральной Азии. Необходимо было сторговаться и с другим империалистическим конкурентом в этом районе. Соглашение с Японией, признавал Извольский, будет «неполным, если наряду с ним мы не обеспечим себя со стороны Англии, связанной с Японией союзом» (295, 1935, № 2—3, с. 26).

В силу объективной необходимости и субъективного желания избежать конфликтов с Англией царизму пришлось отказаться от каких-либо захватнических поползновений и в Центральной Азии. 4 февраля 1906 г. Совет государственной обороны, рассмотрев вопрос об усилении войск Туркестанского военного округа, пришел к единодушному выводу о том, что в отличие от прежних лет нет никакой возможности проводить в Средней Азии активную политику. «Политика наша в Туркестане, — говорилось в единогласно принятом решении Совета, — должна быть демон-

стративно-миролюбивая и чуждая всяких агрессивных замыслов» (66, л. 1).

Условия для заключения соглашения с Англией сложились к этому времени весьма благоприятные. Трудно даже сказать, кто из «высоких договаривающихся сторон» был более в нем заинтересован. Царизм явно переставал быть для Англии «врагом № 1». Место его все более занимала Германия, растущая торговая конкуренция которой доставляла Англии немало неприятных минут, а намерение сравняться в военно-морских силах грозило самому существованию Британской империи. Обстоятельства складывались так, что Англия была вынуждена отказаться от своей хваленой блестящей изоляции. В 1902 г. был заключен союзнический договор с Японией, имевший целью защищать руками японцев Дальний Восток. В 1904 г. Англия заключила договор с союзником России — Францией. Резкое ослабление России в 1904—1907 гг. лишало ее всякой возможности соперничать с Англией и делало в силу всего вышесказанного заключение русско-английского договора лишь вопросом времени.

«В сфере отношений между Россией и Англией за последние годы, — писал министр иностранных дел начальнику МГШ 17 августа 1906 г., — стало замечаться стремление Великобританского правительства достичь такого соглашения обеих великих держав, которое бы устраняло поводы к столкновениям и взаимным недоразумениям. По окончании русско-японской войны стремление это из области академических пожеланий стало постепенно переходить на более реальную почву и приняло, наконец, вполне конкретную форму в одном чисто политическом вопросе — тибетском — по которому императорским правительством были получены от Англии предложения, несомненно свидетельствующие о серьезном желании сей последней договориться с Россией. Имеются основания ожидать, что Великобританское правительство не остановится на этом начинании, но последовательно возбудит переговоры по делам среднеазиатским, персидским, ближневосточным и другим, где наши интересы сталкиваются с английскими» (164, л. 5).

Поражение в русско-японской войне и умаление, по словам В.Н.Коковцева, «политического значения России» привели руководящих деятелей царского пра-

вительства к необходимости «видоизменить наши взгляды на восточную политику вообще, в которой была допущена та коренная ошибка, что мы не соразмерили бывших в нашем распоряжении средств с намеченной целью» (295, 1933, № 1, с. 60).

В результате ряда особых совещаний царское правительство пришло к выводу, который наиболее полно был выражен министром иностранных дел А.П.Извольским: для России лучше «надежно обеспечить хотя бы часть наших интересов», чем продолжать соперничество с Англией «в таких условиях, при которых мы лишены уверенности, что вопросы близко нас касающиеся не будут решаться помимо нас и в ущерб всем нашим пользам» (там же).

Переговоры с Англией тянулись довольно долго и пришли к благополучному концу после нелегкой дипломатической борьбы и ожесточенных споров между сторонниками и противниками англо-русского соглашения. Излагать суть, значение и ход выработки англо-русской конвенции не наша задача. К нашей теме непосредственное отношение имеют лишь два факта из этих сюжетов: признание северной части Персии сферой влияния России и намеки английского правительства на то, что с подписанием соглашения она может надеяться на доброжелательное отношение Англии к важнейшему для России вопросу — вопросу о проливах. «Если происходящие сейчас переговоры, — писал Грей Извольскому 27 апреля 1907 г., — приведут к удовлетворительному результату, это окажет такое действие на английское общественное мнение, что значительно облегчит обсуждение вопроса о проливах, если он впоследствии возникнет» (Цит. по 384, с. 450).

Оба эти факта в сочетании с уверенностью царского правительства в обеспеченности своих дальневосточных и западных границ привели в конце 1907 г. царя и его военное окружение к мысли о возможности активных действий на Ближнем Востоке. «Согласно полученных мною от его величества государя императора указаний, — писал 3.11.1908 г. начальник ГУГШ Ф.Ф.Палицын начальнику главного штаба ген. Эверту, — мои заботы с конца ноября (1907 г. — *К.Ш.*) направлены к стороне Кавказского театра и соответствующие указания для подготовки по управлению военных сообщений и генерал-квартирмейстерской части, как изволите усмотреть, ведутся не первый день... В случае

обострения отношений с Турцией я настаиваю на активном образе действий. До настоящего времени я по крайнему моему разумению указывал лишь на одно обстоятельство: в политическом и военном отношениях мы не можем дать предупредить себя туркам» (95, л. 12).

Выработка военных планов активизации политики на Ближнем Востоке проводилась с учетом планов российского МИД'а, считавшего, что Турция находится накануне полного развала¹. В справке, составленной офицерами МГШ и озаглавленной «Причины, по которым весной 1908 г. возможно было ожидать войны с Турцией», первой из таких причин указано именно решение МИД вести более активную политику на Ближнем Востоке. Чарыков (управляющий МИД), отмечалось в этой «Справке», в «разговоре с кап. 2 ранга Каськовым², высказал мнение, что мы должны себя считать сильнее, чем мы даже есть на самом деле и уверять в этом других, в противном случае, если мы будем бояться нашей слабости, то везде проиграем» (167, л. 115).

Весьма характерно, что непосредственно за этой справкой следует «План³ войны на Черном море России с Турцией в 1908 г.» Царизм все забыл и ничему не научился. Только с великим трудом удалось одолеть революцию. Еще совсем недавно главный «военный авторитет» семьи Романовых вел. князь Николай Николаевич соглашался с тем, что армия находится в таком состоянии, в каком не находится ни одна из

---

¹ Недаром на совещании 21.01.1908 г., созванном по сути дела для обсуждения планов генерального штаба о войне с Турцией, Извольский заявил, что в течение последних двух лет он «постоянно указывал на возможность серьезных осложнений на Ближнем Востоке. Им были приняты со своей стороны все меры к возможному улучшению условий, в которых эти осложнения будут протекать, и заклучены с этой целью (подчеркнуто мною. — К.Ш.) соглашения с Японией и Англией» (284, с. 24).

² Военно-морской аташе в Константинополе, затем начальник Ближневосточного стола в МГШ.

³ «Наступательный» приписал карандашом кто-то из офицеров МГШ вслед за словом «План». Этот план войны противопоставлялся другому «плану» войны («оборонительному»), на Черном море России с западной коалицией на 1909—1913 гг. «Наступательный» план был одобрен царем 10 февраля 1908 г., «Оборонительный» — 8 июля (там же, 167, л. 116—124, 145—150).

армий иностранных держав и утверждал, что «обновить ее вооружения и запасы — неотложная задача современной России от успешного разрешения которого зависит само бытие русского государства как великой державы» (78, л. 3).

К реорганизации армии, после чувствительных ударов Японии еще и не приступали. Все военные запасы были полностью израсходованы, а склады пусты. Финансы страны находились в отчаянном положении (см. 376, с. 14—29). А за спиной «объединенного» правительства в тайне не только от народа, но и от большинства собственных министров царизм начал готовить новую «небольшую победоносную войну», стремился, как поэтически вдохновенно выразился во всеподданнейшем докладе 29.XII.1907 г. начальник генерального штаба царской армии при помощи войны «возродить обаяние русского имени» (96, л. 21).

Поводом для приготовлений России к войне послужил древний, но недавно обострившийся спор Турции и Персии о двух пограничных округах. Тянулся этот спор еще с 1847 г. Согласно Второго Эрзерумского договора граница между Турцией и Персией должна была проходить по реке Лохан. Впоследствии оказалось, что турки и персы понимали под этим названием разные реки. В результате этого недоразумения и началась длительная межгосударственная тяжба. Воспользовавшись благоприятным моментом, осенью 1905 г. Турция захватила эти округа, и несмотря на увещевания Англии и России, отказывалась возвратить их Персии (75, л. 15—18). Речь шла об округах, которые находились в северном районе Персии — признанной Англией сфере влияния России. Это обстоятельство, в сочетании с туманными посулами Англии об учете русских интересов в проливах и повело к выработке далеко идущих планов, разработкой которых занялся генеральный штаб с ноября 1907 г. Результаты работы генерального штаба были изложены его начальником ген. Ф.Ф.Палицыным в докладе царю 29 декабря 1907 г. (96, л. 21—27). Указав на то, что самочинные действия турок создают «повод к возможному вооруженному столкновению, в котором Россия не будет в состоянии сохранять роль постороннего зрителя», Палицын считал, что надо предупредить события, «возвысить свой голос и потребовать очищения

турками захваченной территории». «Надлежит иметь в виду, — добавлял начальник ГУГШ, — что за этим требованием должна стоять вооруженная сила». Для создания первой очереди этой вооруженной силы им предлагалось по примеру русско-японской войны произвести частную мобилизацию двух армейских корпусов, двух кавалерийских дивизий и некоторых других воинских частей, располагавшихся на территории Европейской России, и предназначенных на усиление войск Кавказского военного округа. Войска последнего предлагалось мобилизовать во вторую очередь. Все военные приготовления должны были быть начаты за 25 дней и окончены одновременно с предъявлением Турции ультиматума. Палицын допускал возможность того, что до открытых военных действий дело не дойдет, т.к. Турция отступит перед силой и очистит захваченную часть персидской территории. В этом случае морально-политический эффект одержанной победы будет столь велик, что полностью окупит расходы, вызванные частичной мобилизацией и перевозкой войск. Однако может случиться и так, считал начальник генштаба, что подстрекаемая Германией Турция предпочтет начать войну с Россией. Тогда, утверждал он: «мы должны будем принять вызов и начать военные действия. Поэтому нужно демонстрацию рассматривать как первый акт подготовки к войне и с этим сообразовать ее силу и способ исполнения».

Что же должно было быть призом в этой войне? «Если сила обстоятельств доведет дело до вооруженного столкновения, то мы обязаны будем поставить себе цели широкие, не ограчиваясь лишь желанием восстановить обаяние силы и значения России... Война должна быть одним из важных этапов на пути к разрешению восточного вопроса». «Дальнейшее распространение наших владений в Малой Азии, — писал далее ген. Палицын, — послужит не в пользу, а скорее во вред России. В наших руках окажется лишняя провинция с чуждым, ненадежным, скорее враждебным населением, высасывающая соки центра. Нам нужен Босфор. С приобретением его мы решаем оборонительную задачу: переносим оборону черноморского побережья в одну точку. Нам нужен свободный выход в Средиземное море — Дарданеллы. С ним мы приобретаем залог широкого развития торговли, благосостоя-

ния богатого юга России, естественного развития торгового флота, ради которого приобретает смысл и значение существование сильного военного флота. Попутно с этим должны быть решены судьбы и Македонии».

Палицын понимал, что можно втайне подготавливать планы войны, но нельзя претворять их в жизнь, не известив об этом хотя бы председателя Совета министров, министра финансов и глав других заинтересованных ведомств. Поэтому, считал он, «политика теперь же должна твердо установить программу действий. Если решено будет предъявить Турции требование, поддержанное силой и могущее обратиться в вооруженное столкновение, то военному министру должна быть поставлена задача — закончить необходимую подготовку к весне 1908 г.» В заключение доклада он излагал ряд конкретных мер по непосредственной подготовке войск к войне (пополнение запасов, перемена их дислокации, рассматривал работу железных дорог по перевозке войск) и настаивал на том, чтобы МИД предупредил вмешательство Болгарии в войну, ибо «присоединение ее к числу враждующих сторон может обратить конфликт русско-турецкий в общеевропейский, что для России при ее настоящих военных и финансовых средствах крайне невыгодно». Почему Палицын считал, что все остальные империалистические государства будут спокойно смотреть, как Россия один на один расправляется с Турцией, так и остается неясным.

Выше уже говорилось, что разработка этого плана началась в ноябре месяце по указанию царя. Поэтому и неудивительно, что 8 января 1908 г. Николай утвердил доклад начальника генерального штаба, наложив на нем резолюцию: «Принципиально одобряю с внесением поправок в связи с изменившимися уже условиями». Нам не удалось установить в чем должны были выразиться эти поправки — на подлиннике документа никаких других помет Николая нет. Но как очевидно из самой резолюции они могли касаться каких-нибудь частных деталей, а отнюдь не главного, «принципиально одобренного», содержания доклада ген. Палицына. Палицын был настолько уверен в одобрении царем своего доклада, что начал действовать еще до его официального утверждения. 2 января он написал письмо

военному министру А.Ф.Редигеру, в котором говорил, что обстановка, сложившаяся на Кавказском театре, требует «быть готовым поддержать наши государственные интересы, хотя бы угрозой силы оружия» (96, л. 47), для чего необходимо принять некоторые предварительные меры. В этом же письме он извещал Редигера о том, что для обсуждения всех этих вопросов вскоре должно состояться Особое совещание при Министерстве иностранных дел. 10 января он уже прямо спрашивал Л.А.Брусилова, что будут по планам МГШ делать военные корабли, «которых может застать объявление войны... вдали от наших портов». Особенно его интересовало «может ли наша эскадра, оказавшаяся в момент возникновения войны между нами и Турцией в Средиземном море, предпринять морскую операцию против врага, и есть ли на такой случай определенные соображения» (168, л. 7).

19 января (до совещания, состоявшегося 21) Палицын писал в главный штаб ген. А.Е.Эверту, что в случае осложнений на Кавказе дело вряд ли ограничится только частичной мобилизацией, и что по всей вероятности «общая политическая обстановка заставит вслед за тем готовиться к производству общей мобилизации» (96, л. 68), для чего надо внести необходимые изменения в общее мобилизационное расписание и, в частности, пересоставить план железнодорожных перевозок.

21 января 1908 г. было созвано упоминавшееся Палицыным Особое совещание, однако не при МИД, а под председательством Столыпина. О самом докладе, одобренном царем, на этом Совещании и не упоминалось. Извольский заявил, что он «испросил» у царя разрешение на созыв этого совещания на основании письма к нему Палицына и всеподданнейшего доклада заместника на Кавказе Воронцова-Дашкова. На совещании присутствовали П.А.Столыпин, министр финансов В.Н.Коковцов, морской министр И.М.Диков, министр иностранных дел А.П.Извольский, за военного министра А.А.Поливанов и начальник генерального штаба Ф.Ф.Палицын. Протокол этого совещания (который более месяца не рассматривался царем — только 23 февраля Николай «начертал» — «читал») опубликован М.Н.Покровским в 1919 г. в «Вестнике НКИД № 1». На совещании очень четко определились

две точки зрения. Первая была представлена начальником генерального штаба и министром иностранных дел, которые еще с октября 1907 г. находились в переписке по этому вопросу и информировали о своих планах друг друга. Царские дипломаты в эти годы жили в постоянном ожидании смерти «больного человека», как назвал Турцию еще Николай I. Боязнь, что при неизбежном, по их мнению, развале Турецкой империи наиболее желанный для России приз — Черноморские проливы — попадут в чужие руки, заставляла их внимательно относиться к состоянию вооруженных сил царизма. Извольский явно сочувствовал основной идее Палицына — необходимости активизации на Ближнем Востоке, — хотя и не во всем министр иностранных дел был с ним полностью солидарен. Пассивная политика на Ближнем Востоке, утверждал он, не даст «правильного ограждения русских интересов. Заняв такую позицию, мы выйдем из будущего политического кризиса уменьшенными, не будем больше великой державой» (там же, с. 10).

Совершенно игнорируя имевшиеся в МИД'е категорические сведения о том, что Англия выступит в вопросе о проливах против России (см. 252, л. 89, 368; 96, л. 95), Извольский уверовал в неопределенные обещания, данные английскими государственными деятелями при выработке англо-русского соглашения летом 1907 г. Он без серьезных на то оснований считал, что «легко было бы скомбинировать совместные, военного характера мероприятия двух государств (Англии и России. — *К.Ш.*) в Турции. Министр иностранных дел, — отмечалось далее в Протоколе совещания, — не может не признать, что подобная политика представляет перспективу весьма заманчивую, и он рекомендовал бы ее, при благоприятных условиях, как способную привести к блестящим результатам и содействовать осуществлению исторических целей России на Ближнем Востоке» (там же, с. 21). Вся последующая история политики России на Ближнем Востоке и Балканском полуострове показала, как ошибался Извольский!

Остальные члены Совещания решительно выступили против плана Палицына и Извольского. Указав, что внутреннее положение в стране отнюдь не таково, чтобы нападать на кого-либо первыми, ген. Полива-

нов сослался и на то, что «армия наша не может считаться приведенной в порядок. Воинское обучение пошло не вперед, а назад, вследствие того, что войска от правильных занятий были отвлечены внутренними событиями», не хватает артиллерии, пулеметов, обмундирования. «Приведение армии и крепостей в порядок, полный порядок, потребует громадных средств и долгого еще времени» (там же, с. 22).

Выступая против войн из-за захватов турками персидской территории, министр финансов Коковцов особенно упирал на то, что весь вопрос является для него совершенно новым. Хотя генеральный штаб и министерство иностранных дел уже с октября месяца ведут между собой переписку по этому поводу, они до сих пор не удосужились известить об этом никого из своих коллег по Совету министров, «между тем правительство, как целое, будет нести заслуженную ответственность перед монархом и перед общественным мнением, если события примут неблагоприятный оборот» (там же, с. 23).

С этого же начал свое выступление и Столыпин. Он посчитал «своим долгом выразить прежде всего свое смущение по поводу отмеченной министром финансов неосведомленности правительства относительно тех серьезных вопросов, которые затронуты были в настоящем заседании». Далее он добавил, что «испытывает панический страх при мысли, что правительство может оказаться не в курсе дела, столкнувшись лицом к лицу с самыми серьезными событиями». Столыпин настаивал на том, что впредь «все дела государственной важности должны быть зрело обдуманы в среде Совета министров» и категорически заявил, «что в настоящее время министр иностранных дел ни на какую поддержку для решительной политики рассчитывать не может. Новая мобилизация в России придавала бы силы революции, из которой мы только что начинаем выходить... Через несколько лет, когда мы достигнем полного успокоения, Россия снова заговорит прежним языком. Иная политика, кроме строго оборонительной была бы в настоящее время бредом ненормального правительства... *в настоящее время никакая мобилизация ни под каким видом невозможна*» (там же, с. 24—25).

Ход дальнейших дел показал, что это совершенно определенное заявление председателя Совета министров не стало господствующим. И даже более того. Впоследствии уже на другом совещании 25.II.1908 г. сам Столыпин под влиянием каких-то причин («Мне пришлось произвести значительное усилие мысли», — жаловался он) высказался сначала за всеобщую, а потом и за частичную мобилизацию в случае войны с Турцией (62, л. 9).

Как уже говорилось выше, журнал Совещания под председательством П.А.Столыпина от 21.01.1908 г. только более чем через месяц был рассмотрен царем. (Так Николай II всегда поступал, когда был недоволен представленным на его утверждение решением. Характерно и его заключение: не «согласен» или «одобряю», а просто «читал»). Через неделю, 29 января 1908 г., состоялось заседание СГО, на котором, судя по всему, вновь разбирался тот же вопрос. (Нам не удалось обнаружить этого журнала ни в фонде СГО, ни в фонде ГУГШ, ни в других фондах РВИА и ГАВМФ. Решения, принятые на этом заседании, опубликованы М.Н.Покровским (см. 284). Особое мнение начальника Генерального штаба, приложенное к этому журналу — см. (95, л. 9—10)). Признав, что «вследствие крайнего расстройств материальной части и неблагоприятного внутреннего состояния страны необходимо ныне избегать таких агрессивных действий, которые могут вызвать политические осложнения» (там же, с. 25), СГО считал, что если дело все же дойдет до войны с Турцией, должна быть объявлена всеобщая мобилизация. По мнению Совета, для восстановления боеспособности войск Кавказского военного округа должны были быть приняты решительные меры, однако такие, которые бы «по возможности не отражались отрицательно на боеспособности войск других родов» (там же, с. 26).

Против основного заключения СГО решительно возражал начальник генерального штаба. Он приложил к журналу «Особое мнение», в котором писал, что продолжает настаивать на частичной мобилизации, т.к. в Закавказье ведет всего одна железная дорога, по которой все равно всех мобилизованных войск не перевезешь. «Кроме того, — добавлял он, — мобилизация всей армии для войны с Турцией явится для

наших западных соседей действием, преследующим агрессивные цели. Вместо того, чтобы локализовать борьбу, мы этим можем распространить ее к невыгоде для себя. Поэтому общую мобилизацию всех сил при борьбе с Турцией считаю в политическом отношении для войск, которые будут бороться в Малой Азии, не вызываемой необходимостью» (95, л. 9). Царь все же утвердил мнение большинства СГО, наложив на журнале резолюцию: «Согласен. Береженого и Бог бережет» (84, с. 25).

Но, разумеется, что главным был вовсе не вопрос о том, частичную или всеобщую мобилизацию объявлять в случае войны, а решение если не вообще избегать этой войны, то по крайней мере не начинать ее по собственной инициативе. Именно так это понял и Палицын, сообщавший 2.II.1908 г. начальнику главного штаба, что его мнение — первыми напасть на Турцию — в обоих совещаниях «всеми отвергнуто, и выставлен принцип выжидания нападения на нас турок, после чего уже может последовать с нашей стороны мобилизация» (95, л. 12), причем в этом случае предполагалось после всеобщей мобилизации выставить на Кавказском фронте уже не 4, а 8 армейских корпусов.

Однако против такого решения СГО выступил Столыпин. В письме к председателю Совета вел. князю Николаю Николаевичу он писал, что, по его мнению, все заключение заседания 29 января можно свести к двум положениям: «1) Россия при настоящих обстоятельствах должна избегать войны пока не будет залето ее достоинство (подчеркнуто мною. — *К.Ш.*)» (76, л. 2). Такая формулировка не вызывала возражений Столыпина, хотя она довольно существенно отличалась от того, на чем он настаивал в заседании под своим председательством. Но со вторым выводом о необходимости всеобщей мобилизации в случае войны с Турцией, дабы быть «готовым встретить врага с наибольшими силами на всех фронтах», Столыпин никак не соглашался. Переменив свое мнение, высказанное на совещании 28 января, он считал необходимым объявить именно частичную мобилизацию, исключив из нее Сибирь, Дальний Восток, Туркестан и часть Европейской России, ибо всеобщая мобилизация не оправдана и кроме того, поведет к очень большим финансовым расходам. Кроме того, мобилизационное расписа-

ние, существовавшее в то время в России, было приспособлено к войне не на юге, а на западе страны. При объявлении всеобщей мобилизации именно здесь сосредотачивались все силы России, сюда направлялись эшелоны с мобилизованными, здесь были расположены необходимые для них запасы. Нельзя, собираясь воевать на юге, производить всеобщую мобилизацию по плану, рассчитанному на войну на Западе. Кроме того, не было никакого смысла в мобилизации 3,5 млн человек в то время, когда по расчетам генерального штаба для войны на Кавказском фронте достаточно было мобилизовать всего 500 тыс. Поэтому надо начинать разработку именно частичной мобилизации, а решение СГО пересмотреть вновь и отменить.

С доводами Столыпина согласился и начальник главного штаба ген. Эверт. Через день, 16 февраля, председатель СГО обратился к царю с просьбой, разрешить собрать новое заседание для пересмотра уже утвержденного царем решения от 29 января. Николай II разрешил (62, л. 1), и 25 февраля 1908 г. состоялось еще одно, третье совещание, рассматривавшее все тот же вопрос. Аргументы о необходимости не объявлять всеобщей мобилизации были столь очевидны, что против них никто не возражал, особенно после заявления министра иностранных дел о том, что всеобщая мобилизация «может в силу существующей конвенции между государствами тройственного союза автоматически вызвать однородные мероприятия и со стороны Германии и Австро-Венгрии» (62, л. 9).

Изменилась на этом совещании и точка зрения инициаторов алармистской шумихи. Палицын заявил, что первоначальный его план был составлен «при условии, что не турки, а мы начнем наступление. Но затем общая постановка вопроса изменилась, так как особое совещание под председательством статс-секретаря Столыпина решило, что борьба с Турцией возможна только в том случае, если на нас нападет эта последняя». В действительности никто на Россию нападать и не собирался, что вынужден был признать и начальник генерального штаба: «Недавно мы получили в свои руки документ весьма важного свойства, который показывает, что мероприятия турецкого правительства по подготовке к войне в действительности

имеют значительно меньшие размеры, чем мы предполагали» (62, л. 13).

В таком же духе высказался и Извольский, который выступил на совещании четыре раза. «До настоящего времени, — заявил он, — я не могу себе определенно выяснить, чем именно вызвана та охватившая многих тревога и уверенность в неизбежности неприятного столкновения с Турцией на Кавказской границе. С своей стороны, будучи осведомлен с постановкою международных отношений в данную минуту, отказываюсь верить, чтобы Турция имела намерение напасть на нас. Эта гипотеза представляется совершенно невероятной» (62, л. 10). Кроме того, по его твердому убеждению, война никогда не ограничится только одним Кавказским театром и неизбежно перебросится на Балканы. «Для нас война на кавказской границе не может привести к достижению какой-либо политической цели, и этот театр всегда будет носить второстепенный характер. Совсем иначе обстановка складывается в Европейской Турции. Вообще, если что-либо и начнется, то значительно вероятнее, что это начало будет положено на Балканском полуострове, а не в Азиатской Турции». Далее Извольский подробно изложил свое понимание международной обстановки и задач России. Следуя этим курсом, Извольский пришел к Бухлау, привел страну на грань войны в период Боснийского кризиса и после него был вынужден распрощаться с министерским креслом. По его мнению неизбежно «весною так или иначе начнутся волнения в Македонии; но эти волнения отнюдь не могут привести к тому, чтобы турки произвели на нас нападение» (62, л. 14). В интересах России как можно дальше отодвинуть решение македонского вопроса, однако здесь не все зависит только от ее воли. Вполне вероятно, что одних дипломатических средств для того, чтобы удержать Болгарию от войны окажется недостаточным, и на Балканах начнется война. До тех пор, пока она будет идти с переменным успехом, Россия может быть спокойна, но решительная победа одной из сторон приведет к тому, «что нам нельзя будет оставаться в роли пассивного зрителя». В этом случае России придется действовать в союзе с Австро-Венгрией, ибо «несмотря на разрыв Мюрцштегского соглашения, нити еще не порваны, и всегда можно стать

на путь взаимных компенсаций, это политически вполне допустимо; если мы определим ясно, что нужно нам, и что нужно Австрии, то всегда представляется возможным сговориться». Особенно отрядным и перспективным Извольскому казалось «то обстоятельство, что в случае столкновения с Турцией, мы в первый раз за всю нашу историю не будем иметь против себя Англии и ее флота». Насколько ошибался Извольский, показали ближайшие же месяцы. После аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины именно Англия была тем государством, которое открыто выступило против планов России, одобренных (иногда лицемерно, именно в расчете на английское сопротивление) всеми остальными державами. «Турецкое правительство, — доносил 26.IX.1908 г. Николаю II временно управляющий МИД Чарыков после разговора с Турхан пашою, — не возражает против русской формулы открытия проливов и даже просит нас уговорить Англию и Францию изъявить согласие на принимаемые Портою основания, включая формулу о проливах, для работы конференции (послов в Лондоне. — К.Ш.)... Есть основания надеяться, что сегодня сделан новый крупный шаг по пути мирного разрешения этого векового вопроса». «Давай Бог», — написал царь на этом докладе (253, л. 173).

Выступление Извольского придало совершенно иной характер всем прениям. Вместо гипотетичного ожидания нападения Турции на Россию вопрос ставился совершенно иначе, на что тотчас же обратил внимание присутствовавших начальник генерального штаба. Раз дело принимает такой оборот, «нам надо опять приняться за работу, над которой трудились пятнадцать лет, т.е. поставить прочно вопрос о десантных операциях на Черном море» (62, л. 15).

Министр иностранных дел, заявил Николай Николаевич, «предвидит возможность, что мы будем вынуждены против нашей воли силою непреодолимых обстоятельств вмешаться в возникшее столкновение на Балканах. Раз война возгорится, мы должны во что бы то ни стало разбить Турцию, победа должна быть полной, и целью войны должен быть Константинополь». В таком же духе высказывался на этом совещании и Столыпин. «Если к большому нашему огорчению мы так или иначе, против всякого нашего жела-

ния, были бы принуждены воевать, то мы должны победить во что бы то ни стало, так как второго поражения мы выдержать не можем: мы должны вести войска только к победе» (95, л. 9).

С решением СГО был не согласен лишь генерал-инспектор по инженерной части вел. князь Петр Николаевич. Он считал «роковой ошибкой... заявление министра иностранных дел, высказанное им в заседании Совета государственной обороны 25 минувшего февраля, о том, что Россия может рассчитывать на нейтралитет Румынии и Австро-Венгрии, а также на дружбу Англии. Мне кажется более вероятным присутствие враждебного английского флота в водах Босфора — чем нашего в нем минного заграждения» (95, л. 29), которое планировалось там выставить.

В заключение СГО принял решение, которым предусматривалось, «что в случае войны с Турцией должна быть произведена не общая, а частичная мобилизация войск Европейской России, а также мобилизация черноморского и балтийского флотов». Начальникам морского и сухопутного генеральных штабов предлагалось «разработать план войны с Турцией и составить вытекающие из этого плана соображения о производстве мобилизации и внести означенные план и соображения на рассмотрение Совета государственной обороны.

В основу этого плана принять следующие положения:

- а) нейтралитет со стороны Австро-Венгрии и Румынии,
- б) доброжелательные отношения со стороны Англии,
- в) возможность осложнений в Финляндии,
- г) вероятность совместных действий с Болгарией,
- д) главный театр войны — Европейская Турция,
- е) приведение нашей армии на военное положение не должно заключать в себе таких мероприятий, которым может быть придан характер подготовки к войне против Германии и Австро-Венгрии» (там же).

До утверждения этого плана СГО предполагалось ввести в действие разработанный план мобилизации 8 корпусов, одной стрелковой и трех резервных бригад Европейской России. 18 марта 1908 г. журнал СГО бы утвержден царем.

Принятые Советом решения имели чрезвычайно большое значение для всей ближневосточной политики Извольского, вплоть до марта месяца 1909 г. Для нас в них важно и другое — впервые с конца 90-х годов после многолетнего перерыва перед вооруженными силами России была поставлена задача — начать подготовку к решению «исторической» задачи — захвату Константинополя и разрешения таким образом ближневосточного «вопроса». Для выработки подобных планов и согласования их с заинтересованными ведомствами был проведен ряд встреч между представителями обоих генеральных штабов и министерства иностранных дел.

В марте в Константинополь к послу был отправлен начальник ближневосточного стола МГШ капитан 2 ранга Каськов с целью доложить ему «некоторые вопросы, касающиеся соображений Морского генерального штаба по подготовке военных действий на Черном море». Предварительно «соображения» эти были доложены царю и получили его одобрение (167, л. 174—175).

Перед отъездом Каськов посетил Извольского, который внимательно расспрашивал его о приготовлениях Черноморского флота, заявив, что он обеспокоен тем, «что наши прежние приготовления на Черном море против Турции разрушаются... Министр неоднократно указывал, что он стоит «за проливы», надо полагать, — продолжал он, — что могут быть такие политические конъюнктуры, к которым мы должны быть непременно готовы на Черном море». Извольского особенно интересовали десантные операции Черноморского флота, и огорчило сообщение Каськова, что из-за отсутствия ежегодных учений опыт подобных операций теряется, и вскоре могут потребоваться «годы на восстановление всего десантного дела».

Через день, 16 февраля, для беседы по тем же вопросам Каськова пригласил к себе товарищ министра иностранных дел Чарыков, который «очень был внимателен к вопросу о необходимости рассмотрения наших задач на Черном море, причем указал, что такие вопросы должны быть изучены двумя штабами и Министерством иностранных дел» (там же). В марте 1908 г. морской и сухопутный генеральные штабы начали совместную разработку планов «на случай воз-

можных осложнений с Турцией, результатом чего последовало высочайшее утверждение плана войны на Черном море на 1908 г.» (там же, л. 22). В том же месяце состоялось специальное совещание командования Черноморского флота, выяснявшее вопрос о материальном обеспечении флота «на случай мобилизации и объявления военных действий» (175, л. 3—25).

В результате всех этих совещаний и усиленной работы генеральных штабов впервые после русско-японской войны были предприняты конкретные меры для поднятия боеспособности Черноморского флота и сухопутной армии, 4 марта 1908 г. Совет министров утвердил Особый журнал «О мерах к увеличению наших оборонительных сил на Кавказе». Приняв во внимание заявление военного министра и начальника генерального штаба, «что общее состояние нашей армии, к сожалению, не таково, чтобы можно было признать ее готовою для войны с серьезным противником, каковым несомненно является Турция, в особенности в случае поддержки ее другими державами» (96, л. 204), а также просьбы морского министра о необходимости пополнения флотских запасов, Совет министров постановил отпустить военному ведомству 7 млн руб. за счет сокращения расходов других министров и разрешил войти морскому ведомству в Государственную думу с просьбой об отпуске 6,6 млн руб. на пополнение запасов портов и Черноморский флот. Это были капли в море.

Отпуск указанных средств, помимо работы генеральных штабов над составлением планов войны, был единственным реальным следствием всей многомесячной шумихи по поводу осложнений на турецко-персидской границе. Напряженность в русско-турецких отношениях постепенно начала спадать. Однако события лета 1908 г. опять выдвинули ближневосточный вопрос на первый план, и заставили царское правительство обратить еще более серьезное внимание на подготовку и усиление Черноморского флота.

В июне 1908 г. в Турции произошла младотурецкая революция, свергнувшая прогнивший режим султана. Казалось, что прозорливость Извольского оправдалась, и наступили так долго ожидавшиеся им «непредвиденные обстоятельства». 17 июня он известил морского министра Дикова, что поскольку «в случае неблаго-

приятного оборота дел, может явиться необходимость принятия нами определенных и неотложных решений» (168, л. 47), он исходатайствовал у царя одобрение на созыв специального совещания.

Совещание это состоялось 21 июля. Опубликованный в «Красном архиве» его протокол (см. 295, 1930, № 1—2) чрезвычайно краток (всего 1,5 странички) и при сравнении с другими документами явно противоречив. По основному вопросу — какие меры должны быть приняты Россией с учетом происходящей в Турции революции — совещание пришло как будто к единодушному мнению, «что мы не готовы на какое-либо самостоятельное выступление, что мы можем принять участие в совместных действиях держав, но не более, а для занятия Верхнего Босфора и иных действий можно подготовиться лишь в будущем... (подчеркнуто мною. — *К.Ш.*). К заявлению г. министра (иностранных дел. — *К.Ш.*), что нам нельзя идти на авантюру, а надо быть готовым ко всем случайностям, присоединяется большинство членов совещания» (там же, с. 45). Эти «случайности», по мнению Извольского, могут представляться в виде международной акции по типу той, которая была предпринята в Китае во время боксерского восстания.

Однако в обнаруженном нами всеподданнейшем докладе министра иностранных дел от 23.VII.1908 г. принятые совещанием решения изложены несколько иначе. Отметив, что в случае посылки международной эскадры Россия может выделить для нее два корабля из состава Балтийского флота, Извольский далее писал Николаю II: «на случай же необходимости для нас двинуться в сторону Босфора, совещание признало крайне желательным, чтобы военному и морскому ведомствам было дано поручение безотлагательно разработать план десантных операций, имевших целью занятие и удержание Верхнего Босфора, при предположении, что сопротивление, если бы таковое было нами при этом встречено, может исходить лишь со стороны Турции. При исполнении сего поручения упомянутые ведомства могли бы принять в соображение выработанный в свое время план «Босфорской экспедиции» (168, л. 53—54).

Как видим, между этими документами есть весьма существенное различие. Особенно важно отметить, что

присутствовавшие на совещании представители и Военного, и Морского министерств поняли основные его выводы, так, как они сформулированы во всеподданнейшем докладе. «Особое совещание по турецким делам под председательством министра иностранных дел, — доносил военному министру генерал-квартирмейстер Данилов в одном из своих докладов, — постановило, что: *"современная политическая обстановка может вынудить нас занять войсками часть территории Турции и на первом плане — Верхнего Босфора"*» (137, л. 32). Точно такими же словами изложил итог совещания во всеподданнейшем докладе на 1908 г. и командующий войсками Одесского округа (54, л. 8). Приблизительно так же понял результаты совещания и морской генеральный штаб. «На совещании МИД, — записал кап. 2 ранга Каськов, — 21.VII.1908 г. решено: 1) Посылка 2-х судов в Средиземное море для совместного с эскадрами держав действия. 2) Создать организацию на Черном море для мирного (!) занятия В[ерхнего] Б[осфора], но так как в стратегическом отношении такое решение о пункте неправильно, то и организация должна быть приспособлена лишь для направления (одного), — а именно экспедиция на Босфор» (168, л. 51). Аналогичное толкование выводам совещания дали и начальник генерального штаба Палицын, и присутствовавший на совещании за военного министра ген. Поливанов, который записал в своих мемуарах, что на совещании у министра иностранных дел 21 июля 1908 г. «решили пересмотреть мероприятия по Босфорской экспедиции и вообще подготовиться прийти в Турцию, не объявляя ей войны» (322, с. 48).

Для всех этих разнообразных толкований совещания характерно одно: в отличие от посылки эскадры в Константинополь «мирный» захват Верхнего Босфора мыслился как единоличная санкция России, как реальное обеспечение определенных политических требований, которые должны были быть предъявлены Россией Турции.

Именно так понял свою задачу начальник генерального штаба. В уже цитированном выше письме первому обер-квартирмейстеру, он требовал «немедленно же войти в соглашение с морским генеральным штабом, чтобы совместно с ним и нами выработать

1) главные основания этого дела; 2) средства необходимые для сего (для захвата Верхнего Босфора, — *К.Ш.*); 3) определение продолжительности подготовительного периода и мер к скрытию подготовки». Палицын считал также необходимым, не дожидаясь полной разработки планов экспедиции в генеральных штабах, потребовать, чтобы местное начальство в Одессе и Севастополе совместно обсудили бы, что «с их стороны может быть сделано, если потребуется захватить Верхний Босфор в видах не военных, не политических». С этой же целью, через день, 24 июля 1908 г. он послал командующему Одесским военным округом ген. Каульбарсу письмо, в котором писал, что «главнейшею заботой экспедиции будет захват на обоих берегах пролива выгодных позиций, господствующих над Константинополем, и удержание их в своих руках до сосредоточения сил, достаточных для достижения поставленной по обстоятельствам политической цели» (130, л. 81, 82, 84).

Вряд ли стоит много ломать голову над тем, какой могла быть эта «политическая цель». Свободный проход военных судов России через проливы — такова минимальная цена, за которую царизм согласился бы «добровольно» вывести свои войска из Верхнего Босфора. 27 июля 1908 г. начальник генерального штаба известил министра иностранных дел, что он отдал приказ ген. Каульбарсу «о том, чтобы штаб этого округа безотлагательно приступил к безотлагательной разработке всех подготовительных мероприятий для производства десантной экспедиции, согласно заключения совещания 21 июня», в основу этой подготовки им велено было положить наличные средства Черноморского флота и Одесского округа, но одновременно организовать совместно с морским и сухопутным генеральными штабами разработку вопроса «о производстве экспедиции при более законченных и благоприятных условиях материальной подготовки» (295, 1930, № 6, с. 52).

Отправляясь вскоре после этого в вояж в Бухлау и по Европе, Извольский предполагал, что весьма недалеко то время, когда, «поймав» на слове Эренталя и других государственных деятелей, он потребует выполнения их обещаний о благосклонном отношении к требованиям России.

Разбирать в деталях Боснийский кризис не наша цель. Оставив в стороне действия Австро-Венгрии, отметим только, что в свете приведенных фактов Боснийский кризис был далеко не только поражением одного Извольского. Подобное мнение было высказано А.М.Зайончковским. «Россия, — писал он, — впутывалась в авантюру в самой невыгодной для нее обстановке, благодаря близорукой самонадеянности русского министра (Извольского. — *К.Ш.*)» (358, с. 174). В равной, если не в большей степени, Боснийский кризис был поражением военных кругов России и прежде всего — начальника генерального штаба, который к тому же еще, в отличие от Извольского, прекрасно знал, что армия и флот России не были готовы помочь «вооруженной рукой» своим дипломатам. Знал он и то, что именно в это время Германия, закончив первый круг вооружений, не прочь была бы начать войну. «Я еще в письме от 8 февраля 1908 г. за № 23 доносил вам о том, — писал в генеральный штаб один из самых пронизательных военных атташе в Берлине полк. Михельсон, — что считаю весною 1909 г. моментом благоприятным для Германии для начала войны с точки зрения *военно-технической*. Нынешнее обострение внутренних отношений в Германии с одной стороны, и *волнения на Балканском полуострове* с другой стороны, гнут еще сильнее ход событий ближайшего будущего в сторону войны. Нам надо готовиться к возможности войны весною 1909 г.» (106, л. 12; 113 «а», л. 22).

Считаясь с угрозой войны, неподготовленной России пришлось отступить перед германским ультиматумом и признать аннексию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, не получив за это никаких ожидавшихся компенсаций. Боснийский кризис был поворотным пунктом в балканской политике России в предвоенные годы (1907—1914). Конец этого кризиса знаменовался отказом царского правительства от курса на насильственный пересмотр режима о проливах или даже захвата их, в результате единоборства с Турцией.

Новый курс был определен в начале апреля 1909 г. на междудеPARTMENTовском совещании во главе с председательствующим в Совете министров В.Н.Коковцовым (149, л. 692—695). Совещание возникло вскоре после полученного от Германии ультиматума по следующему

поводу. В марте в Константинополе вновь правительство младотурок ушло в отставку. Это событие опять выдвинуло на очередь вопрос об отношении России к возможным дальнейшим событиям в Турции, тем более, что Англия и Франция уже решили принять соответствующие акции и, в частности, выслать из Пирея к берегам Турции по два военных корабля 1-го ранга (295, 1931, № 2, с. 32).

Детально обсудив «вопрос о готовности нашей к активной деятельности на Босфоре», министры пришли к печальному выводу, что единственное, на что способна Россия, это выслать из Севастополя в Пирей в дополнение к двум имеющимся там канонерским лодкам третью, причем министр иностранных дел специально подчеркнул, что «принципиально нужно исключить всякую возможность таких действий, которые имели бы характер военных мер против Турции. Следовательно, всякое мероприятие на Черном море должно быть согласовано с общим направлением наших действий совместно с другими державами и при том преимущественно в предположении, что в Турции, или по крайней мере в Константинополе, наступит полная анархия» (149, л. 695).

Отказался от мысли о десанте и начальник ГУГШ. Сообщив о том, что за последние месяцы в Одесском военном округе разрабатывался план высадки на Босфоре одного корпуса, он признал, «что выполнение этого плана связано с некоторым ослаблением наших сил по операциям на юго-западной границе, что при известных политических конъюнктурах может иметь очень неблагоприятное для нас значение, в особенности ныне, когда Германия и Австро-Венгрия вполне уже подготовлены в военном отношении». Кроме того и «сами по себе действия по занятию Босфора представляются, как военная операция, в высшей степени рискованными» (там же). Отвергнув мысль о десанте, совещание нашло возможным в случае необходимости блокировать Босфор со стороны Черного моря. Выводы совещания, как видим, далеко отличались от тех широких планов, с которыми носились в 1907—1908 гг. Извольский и Палицын.

Боснийский кризис послужил для царского правительства предметным уроком. Оно могло лишней раз убедиться, что без соответствующей подготовки воору-

женных сил «активная» внешняя политика превращается в рискованную авантюру, чаще всего кончающуюся трескучим провалом.

§ 3. Взаимосвязь внешней политики с состоянием и развитием вооруженных сил. «Босфорская экспедиция» в 1907—1914 гг.

Взаимосвязь империалистической дипломатии с деятельностью военщины является аксиомой. Однако конкретных работ исследующих эту проблему в исторической литературе не так уж много. Причина этого элементарно проста: исследователи часто неохотно идут в свои военные архивы, без тщательного изучения которых подобных работ не напишешь. «В то время как дипломатические архивы изучаются вдоль и поперек, — справедливо отмечает один из английских историков, — военные и военно-морские архивы остаются в значительной мере закрытыми» (384, с. 577). Особенное значение этот сюжет приобретает для темы нашего исследования, поскольку и направление, и темпы, и характер развития вооруженных сил каждой страны не в последнюю очередь зависят от тех внешнеполитических задач, которые выработывают дипломаты.

В течение десятилетий одной из важнейших внешнеполитических целей царизма было изменение режима плавания в Черноморских проливах, а при удобном случае и прямой захват их. Именно поэтому проблему взаимосвязи и взаимовлияния дипломатии и милитаризма мы будем рассматривать на истории так называемой «Босфорской экспедиции», имевшей целью подготовку еще в мирное время военно-технических средств, необходимых для захвата проливов. История эта освещена в нашей литературе крайне неполно. Большинство публикаций архивных документов и содержательная (см. 295, 1931, №№ 3—5; 1922, № 1, 5) статья по этому вопросу, принадлежащая перу В.М.Хвостова (391), хронологически ограничены концом XIX века. Впечатление о том, что «Босфорская экспедиция» тогда же прекратила свое существование, еще более усиливалось от двух работ по этой теме, вы-

ходящих за рамки 90-х годов (см. 284, № 3; 295, 1924, №№ 5 и 6).

Читатель невольно приходил к выводам, что между интенсивной разработкой плана захватов проливов в 90-х годах и аналогичными мерами, предпринятыми накануне мировой войны, не было никакой организационной связи.

Такое мнение разделялось, в частности, большим знатоком ближневосточного вопроса Е.А.Адамовым, считавшим что «появление английских военных судов "поблизости Дарданелл" в апреле 1909 г. не только не воскресило в памяти Николая II и его министров военный проект 1897 г., но и заставило последних позаботиться лишь об одном: как бы успокоить своих высоких и суровых друзей и покровителей» (см. 371, с. 81). «При функциональном расстройстве экономики и военной системы не приходилось, конечно, и помышлять о какой-либо акции, хотя бы отдаленным образом напоминавшей Обручевский проект 1897 г. о прямом захвате Верхнего Босфора», — так считал один из крупных специалистов международных отношений и ближневосточной политики России А.Попов (см. 295, 1925, № 1, с. 5). Несколько позже к аналогичным по сути дела выводам пришел и А.М.Зайончковский, который писал, что центр тяжести борьбы с Турцией «начал переноситься на Кавказ уже в XX столетии, и в особенности после японской войны. В последние же 20 лет прошлого столетия (подчеркнуто мною. — К.Ш.) он заключался в морской экспедиции к Босфору» (357, с. 49). Более правильные соображения по этому поводу были высказаны М.А.Петровым (369, с. 77—78; 239—241). Однако следует отметить, что, основывая свою ценную работу исключительно на документах морского министерства, Петров тоже не мог установить органической связи между планами десантов 90-х гг. и кануна мировой войны. В результате политика царизма на Балканах в 1912—1914 гг. получала особо зловещее звучание и рассматривалась как чуть ли не единственная причина I мировой войны, как фактор, который, неожиданно появившись, нарушил империалистическое равновесие и послужил конкретным поводом к мировой войне. М.Н.Покровский так и писал: «техническая подготовка к захвату Константинополя... началась тотчас же, как только был

сфабрикован усилиями царской дипломатии сербско-болгарский договор (курсив Покровского. — К.Ш.) (февраль 1912 г.). Связь этого последнего с мировой войной 1914 г. становится, таким образом, еще рельефнее» (284, № 3, с. 24).

Фактически дело выглядит несколько иначе. Еще под впечатлением недовершенного успеха русско-турецкой войны (1877—1878 гг.) и в тесной связи с возрождением Черноморского флота в военном ведомстве возник план по созданию необходимых материальных средств для высадки десанта и захвата Верхнего Босфора в самом же начале будущей войны с Турцией (150, л. 89).

Для детальной разработки этих планов в 1885 г. в Одессе была образована специальная комиссия, в распоряжение которой отпущены 815 тыс. руб. Через год, в 1886 г., при Одесском военном округе для тех же целей был создан «Особый артиллерийский запас» из 125 двенадцати — и шестидюймовых орудий. Позже к этому «Особому запасу» был придан личный состав (7000 солдат), которому поставили конкретную задачу — установление вооружения на берегах Верхнего Босфора (в случае его захвата) для преграждения доступа чужих военных кораблей в бассейн Черного моря. Вскоре после этого, в 1895 г., было решено хранить этот запас не в береговых складах, а на транспортах Черноморского флота, в совершенной готовности к перевозке (86, л. 90).

Незадолго до этого «Особая комиссия», созданная в 1885 г., была упразднена, и все ее дела и неиспользованные средства были переданы штабу Одесского военного округа, который и продолжал работы по дальнейшему совершенствованию Босфорской экспедиции. К началу русско-японской войны большая часть мероприятий по подготовке этой экспедиции была завершена. В войсках VII армейского корпуса, выделенного для участия в планировавшемся десанте, роты содержались в усиленном составе. Был создан специальный одесский морской батальон, организован учет военных транспортов и торговых судов, способных принять войска для перевозки их морем, созданы специальные запасы продовольствия, инженерного имущества, мин для постановки заграждения в Босфорском проливе, артиллерии для защиты его берегов

после высадки войск, разработаны детальные планы, касающиеся этой экспедиции, а для проверки их в Одесском военном округе периодически производились обширные десантные маневры и учения (150, л. 89).

Для согласования планов морского и военного ведомств и усиления работы по подготовке Босфорской экспедиции в 1903 г. была создана специальная «Комиссия по подготовке черноморской десантной экспедиции» под председательством ген.-лейтенанта Протопопова¹, в которую входили представители центральных органов морского и военного министерства, а также Черноморского флота и Одесского военного округа.

Начавшаяся в 1904 г. русско-японская война отвлекла внимание от Босфорской экспедиции. И даже более того — значительная часть отданных в ее распоряжение материальных средств была отправлена на Дальний Восток. Восстановить их в условиях крайнего оскудения казны и нехватки финансов для самых необходимых мер по приведению армии в относительный порядок было нелегко. Однако и в эти годы мысль о дальнейшем развитии Босфорской экспедиции не оставлялась военным министерством. «Временное наше ослабление, — доносил начальник генерального штаба председателю СГО, — не может знаменовать отказа от основных задач государства. Исторически сложившееся и отвечающее потребностям народа стремление открыть себе свободный путь к открытому морю в южном направлении не было умалено отвлечением нашего внимания и работы к берегам Тихого океана. Правда, — добавлял он, — что созидательная работа на Черном море замерла, но не могла и не должна была исчезнуть окончательно из нашей общегосударственной программы. Эта работа должна вновь занять подобающее ей место, как только обстоятельства позволят. И чем скорее, тем лучше, ибо события могут каждую минуту поставить нас лицом к лицу с

---

¹ Эта комиссия в марте—апреле 1903 г. имела регулярные заседания по обсуждению широкого круга вопросов, касающихся Босфорской экспедиции, артиллерийского и иных запасов, средств для перевозки войск, их состава и состояния и т.д. (Журналы этой комиссии см. 163).

необходимостью стать на защиту наших интересов в Черном море» (86, л. 92). Признавая существование у государства больших финансовых трудностей, Палицын настаивал на том, что, если «нет денег на заведение новых средств, — мы должны поддерживать и улучшать существующие, помня, что легче поддержать то, что однажды создано уже, чем заводить все вновь» (69, л. 4). На этом основании он решительно возражал против планов расформирования Босфорской экспедиции.

Однако всего через полгода сам Палицын вынужден был с горечью признать, что, учитывая положение вооруженных сил, приходится временно не только отказаться от развития тех подготовительных мероприятий на Черном море, которые с 1885 г. постепенно осуществлены были в Одесском округе для выполнения Босфорской экспедиции, но даже расформировать некоторые части и учреждения военного ведомства, имевшие специальное назначение (167, л. 111). В 1907 г. был уничтожен постоянный сверхкомплект в частях войск Одесского военного округа в 3 тыс. человек, предназначавшийся на усиление десанта, упразднен склад особого артиллерийского имущества и крепостной батальон, содержавшийся для его обслуживания. «Эти мероприятия, — доносил в 1906 г. царю ген. Каульбарс, — значительно ослабили всю многолетнюю, дорого стоившую подготовку к экспедиции на Босфоре, которая до сего времени признавалась делом первостепенной государственной важности» (53, л. 6). По его сведениям, от всей Босфорской экспедиции реально остались лишь Одесский морской батальон, не отменено проведение ежегодных десантных учений для накопления опыта десантных операций, и все еще действует решение, предусматривающее в случае необходимости проведение частичной мобилизации войск Одесского округа для участия в экспедиции на Босфор.

В конце 1907 г. военный министр Редигер обратился в СГО с предложением расформировать специально созданный в 1904 г. на случай производства десантных операций на Черном море Одесский морской батальон, т.к. значительная часть материальных средств Босфорской экспедиции была использована в ходе Русско-японской войны. «С упразднением этих

средств и отказом, таким образом, от рискованных десантных операций, существование Одесского морского батальона представляется излишним», — заключал военный министр (89, л. 37). Царь не одобрил упразднение морского батальона (137, л. 33).

Казалось, что окончательное уничтожение Босфорской экспедиции не за горами. Но именно с конца 1907 г. генеральный штаб с благословения царя приступил к усиленной разработке планов войны с Турцией. В октябре и ноябре 1907 г. прошла серия совещаний представителей сухопутного и морского генеральных штабов, на которых обсуждались вопросы «развертывания морских и сухопутных сил в случае войны на южном фронте» (167, л. 404). В начале 1908 г. состоялись три упоминавшихся уже выше совещания. В этих условиях, вполне естественно, речь стала вестись уже не об уничтожении десантных средств, а наоборот, об их восстановлении и дальнейшем развитии. «Политическая обстановка последнего времени, — угрожающая возможность разрыва с Турцией, — писал Палицын Дикову 5.IV.1908 г., — вынуждает нас, наряду с другими мерами, готовиться и к производству различного рода десантных операций на берегах Черного моря» (168, л. 37).

В отличие от прошлых лет теперь решено было разрабатывать вопрос о высадке десанта и на малоазийском берегу Черного моря. Вступив в переписку с морским министром, начальник генерального штаба приказал третьему обер-квартирмейстеру приступить к разработке вопроса о десанте на малоазийском берегу в зависимости от возможного хода операций Кавказского военного округа (150, л. 1). Кроме того, предполагалось переправить армию на театр военных действий через Черное море, а для обеспечения этой операции заградить выход Турецкому флоту минированием Босфора (95, л. 29), ибо в Закавказье вела всего одна железная дорога, которая после начала военных действий оказалась бы чрезвычайно перегруженной. Все это требовало хотя бы частичного восстановления десантных средств и пополнения запасов Черноморского флота, на что Совет министров в принципе был согласен отпустить морскому министерству 6,6 млн руб. (96, л. 203—207).

Как мы видели выше, судьба Босфорской экспедиции была решена на совещании у министра иностранных дел 21 июля 1908 г., когда постановили приступить к спешному ее восстановлению (см. 295, 1930, № 6; 168, л. 51; 130, л. 81). В генеральных штабах началась напряженная работа, в результате которой уже в начале октября начальнику штаба был представлен доклад «По вопросу о производстве десанта на южном побережье Черного моря для содействия войскам Кавказской армии» (150, л. 5—9). Этим планом предусматривалось в случае войны с Турцией высадить между Трапезундом и Сивас-Самсуном отдельный корпус, подчинив его главнокомандующему Кавказской армии.

Однако, как мы помним, не высадка на малоазиатском берегу тактического десанта была постоянной целью Босфорской экспедиции, и не для этого совещание 21 июля решило восстанавливать десантные средства. Об этом еще раз напомнил командующий Одесским военным округом, настаивавший на необходимости быстрейшего восстановления всех истраченных ранее запасов, а главное — на разработке плана сосредоточения транспортов в Одесском порту. Сосредоточение это, по его мнению, должно быть произведено заранее, так как «в огромном большинстве случаев не может быть и речи о какой-либо внезапности и неожиданности для нашего правительства в принятом им относительно Босфорской экспедиции решении» (130, л. 94). С целью детальной разработки и согласования планов морского и сухопутного ведомств под председательством третьего обер-квартирмейстера ген.-майора Скерского 25 сентября 1908 г. состоялось «Особое совещание для разработки вопроса о производстве десантной экспедиции в случае вооруженного столкновения с Турцией или необходимости занять часть ее» (150, л. 15—19). На совещании выяснилось, что морское и сухопутное начальство по-разному понимали задачи, стоящие, в частности, перед морскими силами. «До сих пор морской генеральный штаб, — заявили его представители, — считался с одной конкретной задачей, возлагаемой на Черноморский флот в случае войны с Турцией, а именно с закрытием выхода из Босфора и согласно этому и составлял свои соображения и расчеты». Представители сухопутного

командования понимали задачу более широко: «необходимо предвидеть, — утверждали они, — не только одну задачу закупорки Босфора, но и овладения Константинополем, десант у Трапезунда, борьбу с турецким флотом и даже возможность борьбы с австрийским флотом». Моряки на это возразили, что подобные проекты далеко выходят за пределы утвержденных планов и имеемых средств. Если же решено будет в случае войны поступить подобным образом, то нельзя жалеть денег и необходимо иметь на Черном море достаточное количество пароходов для быстрого производства десанта, что является главным залогом успеха (там же, л. 18, 19).

Несмотря на категорическое решение совещания 21 июля 1908 г. в этом году, если не считать разработки планов генеральными штабами, для восстановления Босфорской экспедиции по сути дела ничего сделано не было. «Материальная сторона экспедиции в отчетном году, — доносил царю ген. Каульбарс, — была обставлена хорошо предметами инженерного, а отчасти артиллерийского довольствия; что касается обеспечения десантного корпуса предметами интендантского довольствия, возникающие в этом отношении затруднения могут быть устранены, при условии своевременного открытия необходимых кредитов. Сводя все сказанное о десантной экспедиции вместе, всеподданнейше докладываю, что десантные экспедиции возможны, но на успех их следует рассчитывать с некоторой уверенностью лишь в том случае, если будут отпущены достаточные средства для заблаговременного оборудования их материальными средствами и прежде всего достаточным числом вполне готовых к принятию войск транспортов» (54, л. 9).

Ничего не было сделано и в следующем 1909 г. В конце его генерал-квартирмейстер подал военному министру специальный доклад, в котором, остановившись на истории Босфорской экспедиции в последние годы, отмечал, что «вопрос о подготовке десантной операции представляется в следующем виде: с одной стороны — на бумаге признана жизнеспособность и реальная необходимость таковой. С другой стороны — значительная часть запасов (боевых и материальных) для надобности этой операции ныне упразднена» (137, л. 31—34). Данилов считал совершенно необходимым

тщательно подсчитать, что еще осталось не упраздненным из запасов Босфорской экспедиции, вновь пополнить их до необходимой нормы и «дать задание Одесскому военному округу разработать в пределах имеющихся средств и совместно с морским ведомством, план десантной экспедиции а) в качестве поддержки флоту при его операции на Верхнем Босфоре или б) в качестве самостоятельного десанта на малоазиатском берегу» (там же).

Сухомлинов, одобрив представленный ему доклад, признал важным не только сохранить, но и развить подготовку десантной операции и приказал остановить упразднение всех еще уцелевших запасов для надобностей экспедиции (55, л. 7). Генеральные штабы вновь начали совместную разработку десантных планов. О результате этой работы Данилов доложил начальнику ГУГШ Гернгросу в конце июля 1910 г. Помня о решении совещания 7 апреля 1909 г., он пришел к выводу, что «раньше экспедиция преследовала одну определенную цель — высадку на берегах Босфора. В соответствии с этой задачей велась и подготовка и исчислялись перевозочные средства. В настоящее время занятие Босфора, вследствие усиления турецкого флота и Босфорских укреплений, представляется предприятием рискованным, возможным лишь при исключительно благоприятной обстановке. На первое место, силою обстоятельств, выступают более скромные, но зато и более вероятные планы совместных сухопутных и морских действий против Турции» (137, л. 71). Таких задач для совместных действий флота и армии на совещании было выдвинуто три: 1) Доставка Черным морем двух армейских корпусов из Европейской России в порты Кавказа. 2) Десант на малоазиатское побережье Турции для совместных действий с войсками Кавказского фронта. 3) Десант в окрестности Бургаса для совместных действий с Болгарией против Турции.

Данилов просил у начальника генерального штаба разрешения собрать совещание представителей Одесского военного округа и Черноморского флота с тем, чтобы еще раз на месте выяснить силы и возможности России для выполнения этих задач. И ген. Гернгрос, и адм. Эбергардт соглашались с целесообразностью по-

добного совещания, которое состоялось в Одессе летом 1910 г. (137, л. 74—77).

Заключения местного начальства были еще более пессимистичны, чем выводы генерального штаба. В полном согласии и представители Черноморского флота, и представители Одесского округа пришли к убеждению, что основное условие успеха десантной экспедиции — господство на море — недостижимо для Черноморского флота даже в том случае, если противником его явится один лишь турецкий флот (там же, л. 109). Неизбежные затруднения, по мнению совещания, должны были возникнуть и с транспортными судами. Сообщая А.Эбергардту о заключении совещания, ген. Гернгрос просил разъяснить противоречие между выводами командования Черноморского флота о его слабости и прежними утверждениями МГШ о преобладании морских сил России над турецкими. Вопрос этот, писал Гернгрос, имеет для военного министерства чрезвычайную важность, ибо от этого будет зависеть может ли военное ведомство учитывать возможность производства десантной экспедиции, или должно отказаться от этой мысли (там же, л. 123). Начальник МГШ не согласился с выводами совещания, но не смог убедить в своей правоте Гернгроса, который для окончательного разъяснения спора предложил созвать еще одно совещание, на сей раз в Петербурге и из представителей обоих генеральных штабов (там же, л. 131—133). Серия таких совещаний и состоялась в январе, феврале и марте 1911 г. На них обсуждалось три вопроса: возможность десанта на Босфор, в Трапезунд и перевозки войск по Черному морю из его северных портов в Батум. Подсчитав, что в случае высадки у Босфора десанта в составе двух корпусов турки смогут уже через 6 дней сосредоточить в районе места высадки более 120000 штыков, 2000 сабель и 234 орудия, совещание пришло к выводу, что десантная экспедиция на Босфор при таком соотношении сил признается безусловно невыполнимой в начале войны вследствие: 1) чрезвычайной трудности для флота одновременно вести борьбу с береговыми батареями и флотом турок и произвести высадку и 2) невозможности своевременно подать к Босфору достаточные сухопутные силы. Поэтому на успех подобного предприятия можно рассчитывать только лишь при особо бла-

гоприятных обстоятельствах, а именно при возникновении в Турции внутренних серьезных неурядиц или ряда неудач на сухопутных фронтах в связи с внутренними беспорядками в военное время. Приняв все это во внимание, совещание единогласно постановило: 1) признать Босфорскую экспедицию при единоборстве с Турцией (без союза России с Болгарией) невыполнимой, а потому 2) в дальнейшем обсуждении вопроса о перевозке войск по Черному морю и производстве десантов на берегах его не касаться вопроса о десантной операции у Босфора.

Не лучше обстояло дело и с двумя остальными задачами. Совещание признало, что «десантная операция или перевозка войск (в Батум) *вполне* обеспечиваются флотом *только* при условии *полного* поражения нашей эскадрой турецкого флота» (137, л. 164—165).

В совместном докладе военному министру начальник генерального штаба и генерал-квартирмейстер так оценили соотношение сил на Черном море: «борьба за обладание морем предстоит весьма серьезная, и флот вряд ли будет способен выделить в настоящее время часть своих сил для обеспечения десантной экспедиции, куда бы она ни предназначалась. При таких условиях все предположения о десанте в Трапезунд или перевозке войск в Батум надлежит признать в настоящее время неисполнимыми, так как для осуществления их не имеется наличия главного условия — господства на море» (157, л. 92). Сухомлинов 17 июля 1911 г. писал Николаю II: «Оба совещания (в Одессе и Петербурге. — *К.Ш.*) в результате пришли к заключению, что десантная экспедиция к Босфору, при современном состоянии морских сил — наших и турецких, невыполнима, перевозка же войск в Батум и десантная экспедиция на малоазиатском берегу — возможны, но для этого никаких особых запасов не надо, почему нет смысла в их хранении и их надо расформировать» (там же, л. 145). Николай II согласился с доводами Сухомлинова.

Как видим, все — и местное начальство, и руководители генеральных штабов, и военный министр — пришли по сути дела к одному выводу: «в настоящее время наш Черноморский флот слишком слаб, чтобы захватить и удержать за собой господство на Черном море; только усиленное судостроение могло бы до не-

которой степени поддержать равновесие его на Черном море с его вероятными противниками. Без господства же на море всякая десантная экспедиция, куда бы она ни была предпринята, является предприятием далеко не обеспеченным, как бы хорошо в остальных отношениях оно ни было организовано» (137, л. 110).

Итак, в начале 1911 г. и военное, и морское министерства убедились, что никакую десантную экспедицию на Черном море нельзя считать твердо обеспеченной, а экспедицию на Босфор признали вообще невозможной даже при условии единоборства с Турцией. Лишь союз с Болгарией позволял надеяться на некоторый успех. Но именно в этом случае можно было обойтись вообще без десанта в Босфор (137, л. 154—165. Журнал совещания ГУГШ от 15 и 22.II.1911 г.). В связи с этим военный министр принял, а Николай II утвердил решение о ликвидации особых запасов Босфорской экспедиции (там же, л. 145). Однако ликвидация не означала, что совершенно отказались от самой экспедиции. «Расформирование особых запасов, предназначавшихся ранее для Босфорской экспедиции, — признавал несколько позже начальник ГУГШ Жилинский, — отнюдь не вредит подготовке намеченных в будущем экспедиций. Как выяснено, минные и артиллерийские запасы не нужны, ибо флот в достаточной мере обеспечен ныне минами и имеется налицо тяжелая полевая артиллерия. Что же касается остальных запасов (интендантских и инженерных), то таковые могут быть выданы из запасов общearмейских» (150, л. 92), кроме того в распоряжении штаба Одесского военного округа на эти цели все еще оставался особый чрезвычайный кредит (правда, немногим более 150 тыс. руб.).

Хуже было другое. Состояние Черноморского флота и армии не позволяло надеяться на успех в подобных весьма рискованных операциях. В 1911 г. новым командующим войсками Одесского округа ген. Фан дер Флитом была проведена проверка мобилизационной готовности. Результаты были более чем печальны. У полевых (первоочередных!) войск не хватало 40% пулеметов, 15% патронов, 100% фугасных снарядов для легких батарей. Второочередные войска пулеметов и патронов к ним не имели совсем (36, л. 3). Так как именно из них должна была формироваться

VII армия, то она по признанию командующего «фактически едва ли может быть сформирована». Это настолько потрясло царя, что он восемь раз отчеркнул на полях этот абзац (там же, л. 6). Как видим, материальное обеспечение поползновений российского империализма все еще оставалось неудовлетворительным, а планы десанта на Босфор и в другие порты Черного моря носили в известной степени «платонический» характер, не выходя из стадии разработки их в штабах.

Однако международная жизнь и империалистические противоречия на Балканах и Ближнем Востоке вновь и вновь возвращали царизм к традиционному для него вопросу о проливах. В сентябре месяце 1911 г. началась итало-турецкая война. Вскоре морской министр писал военному, что хотя, по его мнению, боевые действия вряд ли распространятся на Балканский полуостров, он все же приказал держать Черноморский флот в состоянии готовности, ибо распространение войны на Балканы «может потребовать нашего вмешательства, которое может выразиться в операциях морских сил и в десантных экспедициях в различные пункты черноморского побережья». В связи с тем, что десантная операция требовала согласованных действий обоих ведомств, Григорович предлагал встретиться их представителям для совместного обсуждения некоторых вопросов, а независимо от будущего решения этих вопросов, подготовить на местах необходимые средства на случай осуществления десантной экспедиции в ближайшее время. Военное министерство ответило согласием, отдав одновременно необходимые распоряжения по подготовке десанта командованию Одесского военного округа (137, л. 212).

Письмо Григоровича вновь возбуждало недавно отрицательно решенный вопрос о возможности десантных операций на Черном море. Это убедило военное ведомство в необходимости выяснить внешнеполитические задачи, которые стоят перед Россией. С этой целью Сухомлинов обратился к премьеру Коковцову. Военный министр писал, что не имеет определенных отправных данных о тех задачах, которые могут быть предъявлены вооруженным силам в ближайшее время, почему подготовка их к этим задачам в свою очередь не может быть в должной степени закончена (152, л. 12—21; 19, л. 6—15). Коковцов отправил министру

иностранных дел письмо с просьбой осветить Сухомлинову внешнеполитические цели России. В ответ Сазонов писал, что на Ближнем Востоке задачи России выражаются в следующем: 1) На Кавказской границе с Турцией «мы должны быть готовы к самым решительным шагам для обеспечения своего стратегического преобладания». «2) Для какого бы то ни было активного выступления на Балканском полуострове, будь то в поддержку единоверцам или для обеспечения собственных интересов, — необходимо смочь перебросить морем соответствующие силы в Болгарию. Приготовления в этом направлении должны свестись к подготовке этих сил и соответствующих перевозочных средств» (19, л. 19—20; 152, л. 23—24).

Учитывая опыт балканской политики в России в последние годы, Сазонов отмечал третьим пунктом, что всякое выступление на Балканах вряд ли сможет быть локализовано и превратиться в вопрос общегосударственной политики.

Начинался третий этап в истории Босфорской экспедиции в 1907—1914 гг. Она опять признавалась необходимой, но мыслилась уже не как одна из акций в единоборстве России с Турцией, а как мероприятие, предпринимаемое в ходе общеевропейской войны. В тот же день, 10 января 1912 г. Сухомлинов одобрил доклад начальника генерального штаба, в котором Жилинский предлагал ряд конкретных мер, касающихся подготовки к десантной экспедиции и перевозки морем подкреплений в Батум (150, л. 89—94). Не дремало и Морское министерство, разрешившее начальнику морских сил Черного моря адм. Эбергарду вступить в сношения с командованием войсками Одесского военного округа по вопросу об организации десантных экспедиций на Черном море (72 «а», л. 32).

В результате совместной работы обоих министерств, начальник генерального штаба Жилинский в марте месяце обратился к Николаю II с докладом, в котором сообщал, что военным министерством при войне с Турцией, кроме посылки подкреплений на Кавказский фронт, предусмотрена также возможность производства десанта на побережье Черного моря в составе 7-го и 8-го корпусов Одесского округа (72 батальона, 288 орудий, 19 эскадронов и сотен) (208, л. 33). Царь утвердил список назначенных в десант-

ную экспедицию войск. В этом докладе не говорилось, куда готовился десант. Детально ознакомившись со своими наличными возможностями, представители военного ведомства вновь, в который раз, пришли к выводу, что «намечавшееся до последнего времени овладение Босфором, при настоящем соотношении сил сторон признается безусловно невыполнимым, вследствие трудности для нашего флота одновременно вести борьбу с береговыми батареями и флотом турок и производить десант, а равно вследствие невозможности своевременно подать к Босфору достаточные сухопутные силы» (138, л. 183). И морское, и военное ведомство никак не могли выйти из заколдованного круга: на словах все признавали необходимость готовить десант, в том числе и на Босфор, а на деле оказывалось, что высадить десант туда, где он более всего нужен, нет сил, что даже простая перевозка войск в свои же порты — операция, которую не так то легко обеспечить!

Чтобы окончательно выяснить свои возможности и разрешить некоторые спорные вопросы неясные местному начальству, в июле 1912 г. состоялось очередное совещание начальников сухопутного и морского генеральных штабов (194 «а», л. 191—195). Совещание признало возможным при наличном состоянии сил и соотношении флотов России и Турции перевести из Европейской России в Батум три армейских корпуса, а два корпуса, в случае надобности, высадить в районе Варна—Ризе, т.е. теоретически в любой точке черноморского побережья. Для определения реальности этих планов решено было провести в 1913 г. совместные десантные маневры.

Осенью 1912 г. вопрос о Босфорской экспедиции получил новое особо важное для России значение. Итало-турецкая война была окончена. Назревала новая, Балканская война, важным этапом на пути к которой был заключенный под эгидой России в феврале 1912 г. болгаро-сербский договор «О дружбе и союзе». Несмотря на явное желание России умерить пыл «союзников» и приурочить выступление их к общеевропейской схватке, последние, не очень считаясь с ее мнением, рвались в бой немедленно.

В начале сентября 1912 г. Сазонов сообщил в Морское министерство, что политическое положение на

Балканском полуострове в высшей степени тревожное. Сохранение статус-кво, когда берега проливов находятся в руках слабой Турции, министр иностранных дел считал наиболее желательным для России, и к его поддержанию направлены были все усилия царской дипломатии. Между тем, предупреждал Сазонов, «сейчас положение таково, что можно ожидать во всякую минуту, и никак не позже весны, открытия военных действий между Болгарией и Черногорией с одной стороны, и Турцией с другой». Любой исход грядущей войны плох для России. Если победит Турция — Россия вынуждена будет вмешаться, чтобы остановить ее победное шествие. Если военное счастье улыбнется Болгарии, то министр иностранных дел считал необходимым предупредить ее и самим под видом помощи занять Константинополь. Еще хуже, если военные действия не удастся локализовать, и в войну вступит и Австро-Венгрия. Сазонов предупреждал, что занятие Австрией Дарданелл будет рассматриваться как казус белли с последней державой (168, л. 45). Каждый из этих вариантов, по мнению начальника МГШ, требовал десантной экспедиции в Бургас или Варну, а при благоприятных обстоятельствах и непосредственно в Босфор. Между тем, экспедиция эта все еще не была организована, и при внезапном предъявлении требований отправить ее, она неизбежно должна будет носить характер импровизации. Чтобы избежать этого, Ливен просил согласия Григоровича вступить в переговоры с военным ведомством для выработки совместного доклада царю о необходимости всестороннего обсуждения этого вопроса. Григорович не возражал и начал сам действовать в этом же плане. За день до объявления I Балканской войны он обратился со специальным письмом к министру торговли и промышленности С.Тимашову, в котором писал, что неопределенное положение дел на Балканском полуострове, могущее в своем дальнейшем развитии вовлечь Россию в войну, вынуждает его озаботиться принятием всех мер, чтобы не оказаться к ней неподготовленным. В связи с этим Григорович просил С.Тимашова отдать секретный приказ о задержании выхода из Одессы пароходов «Добровольного флота» и РОПИТа и об «ограничении их заграничных рейсов» (138, л. 233).

Однако и в это, критическое для России время, далее благих пожеланий и пустых переговоров между штабами дело не двинулось ни на шаг. Признавая на словах значение для России проливов, разрешив в случае необходимости послу в Константинополе самые решительные действия, вплоть до самостоятельного вызова в проливы всего Черноморского флота (см. 295, 1924, №№ 6 и 7), царизм *реально* смог подготовить к немедленной высадке в Константинополе всего 5000 человек (21, л. 215) на двух пароходах «Добровольного флота» — «Петербурге» и «Херсоне» (183, л. 18). С этим отрядом еще можно было рассчитывать на защиту посольства от разгрома, который могло учинить население Константинополя в случае анархии и развала власти турецкого правительства, но связывать с ним какие-либо далеко идущие планы в отношении захвата Босфора, конечно же не приходилось.

Что мешало царизму претворить свои пожелания в жизнь, видно из отчета за 1912 г. командующего войсками Одесского военного округа ген. Никитина (57, л. 3—4). Отметив, что в отчетном году, кроме старых планов по борьбе с державами Тройственного союза, на подчиненные ему части возложены еще новые задачи, а именно: почти все полевые, запасные и этапные войска округа, а также большая часть его тыловых учреждений предназначены к частным мобилизациям на случай производства десанта корпусами округа, Никитин доносил царю, что в 1912 г. в его штабе, совместно с представителями Черноморского флота, велись подготовительные работы по организации технической части перевозки десанта морем, учтено движение транспортов, разработаны меры по их переоборудованию, определено необходимое количество угля и других материальных средств. Оказалось, что при максимальном напряжении сил примерно на 15—20 день мобилизации в одном из портов (Николаеве или Одессе) удастся подготовить к посадке на суда около дивизии пехоты с соответствующей артиллерией и обозом. Что же касается перевозки всего десанта по назначению (2 армейских корпуса), то операция эта требовала от полутора до двух месяцев; причина такой медлительности в исполнении коренилась в слабости развития торгового флота на Черном море. «Не останавливаясь на прочих, менее существенных данных,

характеризующих условия производства десанта, — писал Никитин, — всеподданнейше докладываю, В.И.В., что *успешное исполнение десантной операции достижимо лишь при полном и безусловном господстве Вашего флота на Черном море*» (там же, л. 5).

Сколько бы генеральные штабы и министры не писали о необходимости Босфорской экспедиции — все это оставалось на бумаге до тех пор, пока за громкими словами о «выполнении исторической задачи», «разрешении вековых чаяний России» и т.д., и т.п. не вставала реальная вооруженная сила, которую можно было посадить на реальные транспорты и охранять от вражеского флота реальным, а не еще только запроектированным Черноморским флотом. Без этого неперемennого условия речь могла идти лишь о перевозке войск в свои порты, в крайнем случае — о высадке десанта на незащищенное анатолийское побережье — и только при полном развале государственного аппарата Турции и отсутствии какого бы то ни было сопротивления со стороны ее вооруженных сил можно было высадить в Константинополе первый эшелон десанта в составе 4—5 тыс. человек.

Начало 1913 г. доставило царизму новые хлопоты. В январе войска союзников нарушили перемирие и перешли в наступление с целью захватить Адрианополь. 13 марта Адрианополь пал. Угроза захвата Константинополя Болгарией возникла вновь. Опять, как и осенью 1912 г. посол России Гирс получил право в случае необходимости вызвать эскадру Черноморского флота (295, 1924, № 6, с. 62). Вскоре Гирс донес Сазонову, что, по его мнению, прибытие одного Черноморского флота не обеспечит интересов России, т.к., во-первых, «стоящие здесь иностранные суда даже в нынешнем их числе не уступают ей (эскадре. — К.Ш.) в силе», а во-вторых, Турция сможет просто не пропустить русские корабли через Босфорский пролив. Поэтому Гирс высказывал «глубокое убеждение, что лишь высадка внушительного отряда войск, способного занять Константинополь и воспротивиться входу в город болгар обеспечила бы нам возможность исполнить историческую нашу здесь задачу владения проливом» (там же). Сазонов тотчас же адресовался к Григорьеву и Сухомлинову и просил военного министра о «незамедлительной подготовке отряда в 5000 человек и

транспортных средств для его перевозки в Константинополь по вызову нашего посла». Однако требования МИДа застало морское министерство врасплох. Зафрахтованные осенью 1912 г. для подобной перевозки два транспорта «Добровольного флота» («Петербург» и «Херсон») были незадолго до этого отпущены. В ответ на телеграфный запрос Ливена, «найдете ли возможным отправить 1000 человек тотчас же по просьбе посла в Константинополе» (179, л. 55), командующий морскими силами в Черном море адм. Эбергардт ответил, что «в Одессе нет ни одного годного "добровольца" для перевозки войск. Надлежит иметь в виду, что в указанном случае я могу двинуть лишь 750 человек на транспорте "Кронштадт"» (там же, л. 63).

Полная материальная необеспеченность каких-либо активных акций побудила царских министров выступить в несвойственной им роли защитников Турции и турецкого обладания проливами. «Нас будет сближать с Турцией, — писал Сазонов Извольскому в Париж 18. IV.1913 г., — до известной степени общий интерес, замечаящийся в том, чтобы проливы не попали под чужое владычество» «у нас нет... оснований, — продолжал он, — препятствовать туркам принять нужные меры против захвата проливов и Константинополя» (154, л. 13—14; см. также 295, 1924, № 6). Мнение министра иностранных дел полностью разделял и Сухомлинов, приветствовавший меры Турции по укреплению сухопутной обороны проливов от Болгарии, но возражавший против усиления их морской обороны, которая могла бы в свое время помешать выполнению планов царизма по их захвату. Не забывая конечной цели царской России, военный министр выступал за активизацию мер по подготовке Босфорской экспедиции, за «нашу готовность к производству десантной операции на берегах Босфора», которая «служила бы гарантией благоприятного для нас разрешения вопроса о проливах, когда наступит для сего время» (154, л. 17—18). Солидарен с Сазоновым и Сухомлиновым был и Григорович, который тоже считал, что до тех пор, пока на юге Россия не создала соответствующих сил для того, чтобы превратить Босфор и Дарданеллы в «свое достояние», «нам важно, чтобы вопрос о проливах не был поставлен вовсе; чтобы никакая другая держава не покушалась на них,

и чтобы в соответственное время Турция была достаточно сильна на европейском берегу, дабы не пустить к Константинополю и Дарданеллам Болгарию» (295, 1924, № 6, с. 64).

Таким образом к середине 1913 г. политика России в отношении проливов определилась совершенно ясно. Все ее устремления были направлены к сохранению статус-кво, с тем, чтобы оттянуть окончательное решение судьбы проливов до того счастливого времени, когда царизм окажется в состоянии силой решить все спорные вопросы в свою пользу. Политика эта страдала одним весьма существенным дефектом: ее проведение зависело не столько от усмотрения царской дипломатии, сколько от согласия других конкурентов сидеть сложа руки и ждать, пока царизм наберется сил. Понимая это, царские министры приступили к интенсивной разработке планов по развитию вооруженных сил на юге страны и, в частности, (в который уже раз!) к планам по созданию условий для осуществления Босфорской экспедиции.

В июле 1913 г. происходит ряд встреч ответственных чиновников МИД'а с офицерами МГШ для выработки совместного доклада царю о «цели отечества на ближайшие годы, которая должна лечь в основание всей нашей военной подготовки на море в ближайшие годы» (275, л. 2; см. также 295, 1924, № 6, с. 66 и след.). В разработанном МГШ проекте отмечалось, что министерством иностранных дел «определенно, вплоть до конечного решения задачи, нерушимо принимается для всех дипломатических усилий России следующая политическая цель: в ближайшие годы — 1918—1919 гг. овладеть Босфором и Дарданеллами» (369, с. 160). Морское министерство, преследуя эту же цель, должно к тому же времени выполнить ряд конкретных мер, среди которых на одно из первых мест ставилась подготовка в Черном море десантной операции для оккупации берегов Босфора и Дарданелл.

Хотя предлагавшийся МГШ проект не был подписан министрами и утвержден царем, действия Морского министерства стали строиться в соответствии с намеченным в докладе планом. В июле 1913 г. считая, что начатая организация большого десанта в Черном море требует серьезной опытной проверки, МГШ предлагал Григоровичу провести в октябре 1913 г.

большое десантное учение, для чего войти совместно с военным министром с просьбой об отпуске сверхсметного кредита в 2 млн рублей (202, л. 6). После отказа Министерства финансов в этой просьбе решено было перенести это учение на весну 1914 г., тем более, что, по признанию МГШ, начатая им коренная переработка всех планов и частных предположений о возможных военных действиях в Черном море делала бесполезным производить в этом году стратегические маневры флота.

Аналогичная работа в этом плане производилась и в МИД. Результатом ее был известный доклад Сазонова Николаю II 23 ноября 1913 г. (358, с. 392—398). Турция, по мнению Сазонова, находилась накануне окончательного распада, который сейчас России нежелателен, т.к. неизбежно поставит вопрос о судьбе проливов, который «в настоящее время разрешается, в сущности, довольно удовлетворительно с точки зрения наших непосредственных интересов. Турция представляется не слишком сильным, но и не слишком слабым государством, не способным угрожать нам и в то же время вынужденным считаться с более сильной Россией». Совершенно иная обстановка может сложиться при окончательном распаде Турции: проливы в руках сильного государства — это значит полное подчинение экономического развития всего юга России этому государству, это значит гегемония этого государства на Балканах и в Малой Азии. Допустить такого положения Россия никогда не сможет, и несмотря на удовлетворенность теперешним положением дел она должна готовиться к тому, чтобы в будущем захватить проливы себе. Уже 30 лет Россия готовится к этому и развивает Черноморский флот, на это дело тратились и тратятся сотни миллионов рублей, и по-прежнему мы ни на шаг не продвинулись к цели. Строятся военные суда, отпускаются ежегодные крупные субсидии на поддержание торгового мореходства, между тем, когда заходит речь о желательности той или иной крупной десантной операции, правительство останавливается перед почти полной невозможностью ее осуществить. В прошлом году, вспоминал Сазонов, планировавшаяся перевозка двух армейских корпусов «просто оказалась неосуществимой, не говоря о том, насколько не соответствовала самая численность такой десантной

армии тем задачам, которые ей предстояло бы выполнить» (295, 1924, № 6, с. 7).

Чтобы поставить подготовку захвата проливов на реальную базу, МИД предлагал обсудить в Особом совещании 5 своих конкретных предложений, из которых 3 имели непосредственное отношение к Босфорской экспедиции (ускорение мобилизации выделенных в десантную операцию войск, оборудование необходимых для подвоза десанта в порты путей сообщения и увеличение на Черном море числа годных для экспедиции транспортов). Выполнение намеченного плана, по мнению Сазонова, было делом не ближайшего будущего, а рассчитывалось на длительный период, должно было быть руководящим началом в течение ряда лет, «дабы не оправдать столь часто делаемого упрека в том, будто русский государственный корабль плывет по ветру и относится течением без твердого руля, направляющего его путь» (там же, с. 76).

Григорович полностью поддержал взгляды Сазонова о задачах России, о проливах, и необходимости заблаговременной подготовки морских сил. Согласен был он и с тем, что в ближайшие годы России желательна отсрочка окончательной ликвидации восточного вопроса при строгом сохранении политического статус-кво, ибо флот в настоящий момент к активным действиям в проливах не готов, и подготовка его при условии полной поддержки министерства финансов, других ведомств и законодательных учреждений займет не менее пяти лет (295, 1924, № 7, с. 35).

Ответ военного министерства был более детален. Оно тоже солидаризировалось с МИД'ом, но настаивало на очень тщательной подготовке, так как «наше активное выступление в вопросе о проливах, при нынешней политической обстановке, не может рассматриваться иначе, как вступительный акт к большой европейской войне», к которой и надо стало быть готовиться. План будущей войны военному министерству рисовался в следующем виде: «ограничиться в первую очередь овладением Босфора, а затем все внимание обратить на достижение возможно полного успеха в неминусовой борьбе с державами Тройственного союза. Переход же Дарданелл в наши руки явится естественным последствием наших побед на западном фронте» (135, л. 3). Подготовка к осуществлению этого

плана требовала, по убеждению генерал-квартирмейстера, значительного времени, ибо «как видно из прилагаемой справки мы к этому далеко не готовы» (там же, л. 32). Ген. Данилов предлагал назначить точный срок, к которому и закончить дипломатическую подготовку и подготовку вооруженных сил России.

Созыв совещания, о котором ходатайствовал Сазонов в докладе 23.XI.1913 г., задержался из-за резкого усиления международной напряженности в районе проливов в связи с миссией Лимана фон Сандерса. Но вместе с тем, именно этот инцидент воочию убедил царское правительство в возможности господства в проливах третьего «сильного государства», возможности, которая в ноябре лишь гипотетически допускалась министром иностранных дел, а в декабре приняла вполне реальные и конкретные очертания в виде миссии Лимана. Это событие вызвало новый доклад Сазонова царю (295, 1924, № 7, с. 42), обсуждением которого и занялось особое совещание 31.XII.1913 г. Признав несовместимость с интересами России миссии Лимана, совещание все же пришло к выводу, что если Англия и Франция не согласятся до конца поддерживать Россию, «не представляется возможным прибегнуть к способам давления (с целью добиться ликвидации миссии. — *К.Ш.*), могущим повлечь войну с Германией» (284, с. 32).

Лишь после окончания этого дипломатического конфликта решено было созвать совещание с обсуждением доклада Сазонова от 23.XI.1913 г. Совещание состоялось 8 февраля 1914 г. Исход только что окончившейся дипломатической перепалки не удовлетворил ни Россию, ни Германию и таил в себе зародыш неизбежного столкновения в самом недалеком будущем. Все это и послужило фоном, на котором разворачивалось обсуждение доклада Сазонова¹.

---

¹ Григорович еще за 5 дней до этого совещания в письме к Сазонову отмечал взрыв в Германии антирусской пропаганды и спрашивал его, не есть ли это признак подготовки ее общественного мнения к войне (277, л. 3). Отметим, кстати, что М.Н.Покровский, связывающий «адский шум, который подняла германская печать, как раз в марте 1914 г. по поводу агрессивных устремлений России» (370, с. 17—18) с совещанием 8.II.1914 г. и считавший этот шум ответом на его решения, был неправ. Причина этого шума была правильно указана Григоровичем.

Напомнив вкратце содержание своего доклада, министр иностранных дел подчеркнул, что для захвата проливов «необходимо предусмотреть... помимо действий морских сил, еще и десантную операцию», и предложил присутствующим высказать, «что уже сделано и что может и должно быть сделано для подготовки возможного нашего выступления на проливах» (284, с. 3).

Обмен мнениями показал еще раз, что ни о каком десанте на Босфор в ближайшее время и речи быть не может. Намеченные для этой цели южные корпуса, по словам начальника ГУГШ, могли быть «двинуты на Константинополь лишь при отсутствии борьбы на западном фронте или благоприятном для нас положении вещей» (там же, с. 34). Нерадостные вести сообщил и Григорович. «При существующем положении, — заявил он, — выполнение этой операции находится в мало удовлетворительных условиях», т.к. плавсредств для погрузки и высадки десанта нет. К тому же ведет и слабость Черноморского флота. В связи с резким усилением турецкого флота «самая возможность десантной операции должна быть признана гадательной, пока наши морские силы вновь не приобретут перевеса» (там же, с. 39).

Закончив обсуждение основных вопросов, выдвигаемых необходимостью «планомерной подготовки могущего потребоваться в недалеком будущем занятия нами проливов», совещание по предложению Сазонова признало желательным, чтобы правительством в лице всех ведомств приняты были все меры, которых требует техническое исполнение этой задачи (там же, с. 41). Практические результаты этого совещания непосредственно для Босфорской экспедиции были весьма невелики и ограничились лишь неопределенными пожеланиями. Много ли значило, например, указание срочно развить транспортные средства на Черном море, если оно не подкреплялось необходимыми денежными ассигнованиями? Ведь, как признавал в докладе сам Сазонов, такие пожелания раздавались по меньшей мере 30 лет, и все же 95% экспорта из портов Черного моря продолжало вывозиться на иностранных судах.

Нельзя было без специальных на то ассигнований усилить подготовку выделенных для десанта войск Одесского округа. Между тем, несмотря на значитель-

ное улучшение их состояния и сравнительно высокую мобилизационную готовность, по признанию командующего округом, «недочеты в неприкосновенных запасах, особенно по части артиллерийского снабжения (подчеркнуто царем. — К.Ш.), могут послужить причиной существенных затруднений, с которыми при действительной мобилизации придется считаться» (58, л. 1). В запасах военного времени недоставало 51% легких орудий, 100% мортирных, 82% зарядных ящиков, 100% пулеметов, 42% трехлинейных винтовок, 100% карабинов. Плохо было и с боезапасом, нехватка которого до норм колебалась от 8% до 62%.

Оставшиеся до начала I мировой войны месяцы, разумеется, ничего не смогли изменить в ходе подготовки Босфорской экспедиции. 17 июня Сазонов обратился к Григоровичу с просьбой сообщить о том, когда Морское министерство выполнит одно из пожеланий совещания 8 февраля о сокращении срока перевозки десанта к проливам до 4—5 дней со дня отдачи о том приказа (178, л. 139).

Григорович опять признал, что сейчас для подготовки к десанту требуется не менее 2-х недель, и предложил уточнить этот срок в октябре месяце, после опытной высадки большого десанта, на что еще 30.IV.1914 г. Морское министерство просило Совет Министров отпустить более 532 тыс. руб. (24, л. 2). После того, как сухопутный генеральный штаб ознакомится с расчетами морского, и будут установлены основные черты новой организации десанта, согласно с пунктом 4 Особого совещания 8-го февраля (178, л. 142). Тогда-то, добавлял морской министр, и выяснится точное время, в течение которого новая организация войдет в жизнь, а стало быть и срок, к которому может быть выполнено требование совещания. В то же время МГШ подал доклад морскому министру, где, произведя подсчеты транспортных средств на Черном море, рекомендовал просить у Николая II назначить Особое совещание с участием министров торговли и промышленности и министра финансов «для определения мер о скорейшем развитии пароходных средств в Черном море» (185, л. 44). Результаты подобного совещания могли, разумеется, сказаться лишь через несколько лет. Время шло, а конца особым совещаниям и видно не было. Вплоть до самого начала мировой

войны царизм ничего *реального* для подготовки десанта в проливы сделать не смог.

Мы проследили теснейшую взаимосвязь и взаимовлияние, которые всегда существуют между империалистической политикой и милитаризмом. История с Босфорской экспедицией позволяет сделать один бесспорный вывод: на протяжении всех предвоенных лет царские генералы и дипломаты, как стрелка магнитного компаса, постоянно указывали одно направление — Проливы. Каждое обострение международного положения в этом районе — Итало-Турецкая война, Балканские войны, миссия Лимана фон Сандерса — автоматически вызывали оживленную работу генерального штаба России. Усиленная работа генералов подстегивала дипломатов. Однако мечты последних далеко и далеко опережали реальные возможности первых. Состояние вооруженных сил России полностью исключало возможность для царизма развязывания войны из-за Проливов летом 1914 г. Для этого царским правительством отводились более поздние сроки, к которым и планировалось соответствующее развитие вооруженных сил.

ГЛАВА II.

ПЕРВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИИ (1906—1910)

---

§ 1. Воссоздание Балтийского флота. Малая судостроительная программа 1907 г.

Развитие вооруженных сил России накануне Первой мировой войны четко делится на два этапа. Первый из них пришелся на годы материальных трудностей правительства во время революции и последовавшими за ней годами, когда все силы и помыслы властей почти нераздельно были направлены на борьбу с «внутренним врагом» — политической оппозицией. На этом этапе происходило не столько дальнейшее развитие имевшегося, сколько приведение в порядок потрепанных в русско-японскую войну вооруженных сил, пополнение истраченных запасов и устранение организационных неполадок. Исключение было сделано только для военно-морских сил, создание которых, после уничтожения флота под Цусимой и переворота в судостроении, надо было начинать по сути дела на чистом месте.

Уже одна забота о защите своего Балтийского побережья, даже без каких-либо далеко идущих агрессивных планов, настоятельно побуждала царизм приступить к разработке судостроительных программ с целью заполнить пустое место, образовавшееся после ухода на Дальний Восток балтийских эскадр.

Выработка судостроительных программ накануне Первой мировой войны происходила в условиях повсеместного увлечения теорией Мэхэна и Колумба. В России, как известно, не было единой военной доктрины, единого понимания способов ведения войны и

военных действий (см. 380, с. 183—144). Все предвоенные годы были заполнены откровенной борьбой между военным и морским ведомством за более выгодное для себя распределение бюджетных ассигнований. Победа в конечном итоге осталась за моряками, которых поддерживал Николай II. В ущерб армии, а именно ей предстояло вынести в грядущей войне основную тяжесть, началось непомерное развитие флота, требовавшее от государства предельного напряжения бюджета.

Каковы были взгляды руководителей Морского министерства и стоявшего за их спиной царя на роль и значение флота в будущей войне? Увы, они не были оригинальны и являлись простым перепевом упоминавшейся выше концепции Мэхэна и Коломба. Труды этих авторов стали рано известны в России и популяризировались как в специальных курсах, так и в литературе, рассчитанной на широкий круг читателей.

Подробно излагать военную доктрину руководителей морского ведомства России — не наша цель. Укажем только, что суть ее сводилась к непомерному преувеличению роли флота в истории России, особенно ее линейных сил. «На море лежат все главные русские интересы» — безапелляционно заявлялось в изданной МГШ брошюре (366, с. 188). «Все государственные задачи Российской империи, — курсивом подчеркивалось в этой книге, — могут быть достигнуты существованием соответствующего общей политической программе России Балтийского флота» (там же, с. 101).

Эта общая политическая программа мыслилась офицерами МГШ как возможность, создав на Балтике линейные силы, заключить союз с той из империалистических держав, которая сумеет больше заплатить России за этот союз. «Нам надо стремиться достигнуть того союзом с Германией, чего хочет достигнуть Англия союзом с нами», — считали руководители МГШ (308 «а», т. 1, с. 7).

Пропагандой мысли о необходимости для России мощного морского флота, помимо МГШ, в России занялись «Лига обновления флота» и «Русский морской союз». Обе эти организации (особенно вторая из них) были тесно связаны с Морским ведомством, частично даже финансировались им. Разница между ними была

невелика: в «Лигу обновления флота» входило больше предствителей буржуазии¹. В связи с этим Лигу интересовали прежде всего вопросы о месте строительства будущего флота (только в России и отнюдь не за границей!), о распределении будущих заказов на флот и т.д. (333, с. 11, 13, 17 и др.).

«Русский морской союз» возник в известной мере в противовес Лиге. Учредителями его были два великих князя (Александр Михайлович и Михаил Александрович), флаг-капитан царя адм. К.Нилов, прежний и пришедший ему на смену морские министры (адм. А.Бирилев и И.Диков), а председателем Союза избрали будущего министра путей сообщения правого националиста С.В.Рухлова. Членами Союза оказались почти все офицеры МГШ и многие другие руководители Морского ведомства (383, вып. I—IV. Список учредителей).

Идея необходимости для России мощного флота, помимо Лиги и Союза, пропагандировалась целым сонмом так наз. «писателей по морским делам»². Цель всей этой трескучей пропаганды была одна — убедить русскую общественность в неизбежности всех новых и новых ассигнований на военно-морское строительство, предложить свой самый лучший рецепт для излече-

---

¹ Членом правления Лиги и пожалуй наиболее активным ее деятелем, автором нескольких брошюр о необходимости строительства крупного флота был Ю.В.Руммель, отец одного из двух управляющих крупнейшей российской монополией «Продамет» А.Ю.Руммеля.

² Назовем только некоторых из них, руководствуясь стремлением представить все точки зрения и их оттенки: Залесский А. По поводу военных и морских вопросов. б.г.; Семенов-Тянь-Шанский А.П. О направлении в развитии русского флота. СПб., 1910; Добротворский. Явные противоречия в судостроительной программе. СПб., 1912; Лашкарев Г.А. Необходимость ассигнований полмиллиарда рублей на усиление военно-морской мощи нашего отечества. СПб., 1912; Б[ишилягер] Л.А. К вопросу о предполагаемом воссоздании флота. СПб., 1912 (Последний автор — один из директоров Общества Путиловских заводов), изданную МГШ официальную брошюру Белавенца П.И. Значение флота в истории России. СПб., 1910. Ряд статей на эту же тему был помещен журналом «Русское судоходство» и опубликован в официальном органе Морского министерства — «Морском сборнике».

ния пороков Морского министерства и тем помочь прохождению его планов через Государственную Думу.

Впервые подобные планы стали обсуждаться еще весной 1905 г. В марте—апреле по повелению Николая II организовалось под председательством генерал-адмирала Алексея Александровича особое совещание. В состав его входили министры иностранных дел — Ламздорф, финансов — Коковцов, военный — Сахаров, государственный контролер Лобко, а также управляющий морским ведомством, наместник царя на Дальнем Востоке и директор департамента экономии Государственного Совета. Перед ними была поставлена цель — определить размеры флота необходимого России и место его строительства. Сделать это оказалось сравнительно легко, несмотря на то, что Ламздорф категорически отказался ответить на вопрос: какие требования в ближайшие годы дипломатия может предъявить Морскому министерству, ибо в связи с русско-японской войной перспективы внешней политики России были самому МИД'у не ясны. Не получив указаний Ламздорфа, решили подойти с другого конца: узнать у Коковцова какие средства может отпустить Министерство финансов в ближайшие годы на строительство флота и в зависимости от этого определить его размер, тем более что строить крупные суда можно было только в Балтийском море или за границей: на Дальнем Востоке никакими судостроительными средствами Россия не располагала, а использовать южные заводы не представлялось возможным, т.к. проход военных судов через проливы был запрещен.

Министр финансов заявил, что «ежегодный кредит в 75 млн руб. на ряд лет вперед должен представить крайний предел возможного ассигнования, который должен обнять всю нашу судостроительную потребность вообще». В Черном море, продолжал он далее, «надо ограничиться лишь освежением существующего, постройка же флота должна вестись в открытом Балтийском море», откуда его можно направить на Дальний Восток (187, л. 4, 7).

Дальнейшее развитие тихоокеанского флота участниками совещания мыслилось вне зависимости от исхода шедшей войны, «дабы иметь его (флот. — *К.Ш.*) готовым на случай употребить, когда обстоятельства

этого потребуют». Для обороны же балтийского побережья сочли возможным ограничиться строительством только легких сил и завести здесь одну эскадру «как для самостоятельных действий, так и в виде резерва для посылки в Тихий океан или Черное море, когда проливы будут открыты», причем часть ее предполагалось выслать в Средиземное море «для более быстрой отправки, в случае надобности, в Тихий океан» (там же, л. 38). Уже в этой первой программе отчетливо выявилось двоякое значение, придаваемое Балтфлоту — его легкие силы предназначались для обороны побережья, а линейные корабли считались резервом («свободной морской силой», как тогда говорили), который по мере надобности мог быть послан туда, где в нем ощущалась необходимость. Общее заключение совещания было таково: Морское министерство может рассчитывать на получение в течение 7 лет ежегодного кредита в 75 млн руб. для расширения флота на Балтике и в Тихом океане.

Однако через месяц разразилась цусимская катастрофа. В связи с ней В.Н.Коковцов и Д.М.Сольский¹ прислали председателю совещания письмо, в котором просили доложить царю, что отказываются от своего прежнего мнения о безусловном развитии тихоокеанского флота и «полагают необходимым строить только суда для Балтийского и Черного морей», в связи с чем они просили обсудить вопрос о программе судостроения вновь (65 «а», л. 10). 13 июня 1905 г. Николай II велел Морскому ведомству разработать новую судостроительную программу и рассмотреть ее во вновь образованном Совете государственной обороны в заседании под своим председательством. В Морском министерстве создали было специальную комиссию для составления этой программы, но она вскоре прекратила свое существование в связи с реорганизацией Морского ведомства и назначением морского министра.

29 июля Николай II издал на имя министра Бирлева рескрипт, где призывал «разобраться в наших ошибках и безотлагательно с горячим рвением приняться за работу над воссозданием тех морских сил,

---

¹ Д.М.Сольский — председатель департамента экономии Государственного совета.

которые нужны России» (298, 1905, № 7, с. 2). Царь вновь указывал двоякую цель, которая должна быть поставлена перед программой судостроения: «безотлагательное обеспечение морской обороны отечественных берегов во всех наших водах, а затем уже, в зависимости от средств, постепенное воссоздание боевых эскадр»¹. Считая, что разработка планов военно-морского строительства должна быть увязана с соответствующими планами сухопутного ведомства, морской министр обратился к председателю СГО с просьбой ответить на ряд вопросов, от разрешения которых зависело составление той или иной судостроительной программы (3, л. 24—26). Однако представитель СГО ответил, что составление программ — дело Морского министерства, а Советом «будут лишь с целью объединения рассматриваться представленные проекты, намеченные морским и военным ведомствами мероприятий» (187, л. 40).

Нараставшая первая буржуазно-демократическая революция, достигнув к концу 1905 г. своей высшей точки, затормозила дальнейшую выработку военно-морских программ. Все внимание царского правительства было поглощено в это время борьбой с «врагом внутренним». Но как только революция пошла на убыль, царизм вновь приступил к разработке планов строительства флота. В конце апреля 1906 г. Николай II опять обратился к морскому министру со специальным рескриптом, в котором говорил о необходимости «скорейшего воссоздания боевого флота в ряду других вооруженных сил империи» (308 «а», т. 1, с. 61). Для составления планов войны и разработки судостроительных программ Николай II «повелел» образовать специальный морской генеральный штаб, в ведение которого отныне и передавались все вопросы, связанные с воссозданием флота.

В это время вопрос о строительстве флота приобрел чрезвычайно острый характер в связи с еще одним обстоятельством. Заложенные на стапелях казенных заводов накануне русско-японской войны боевые суда

---

¹ В отличие от последующего времени, в 1905 г. и офицеры созданного 1.V.1906 г. МГШ считали возможным оборонять балтийское побережье одним минным флотом (см. 308 «а», т. 1, с. 5).

были почти закончены. Если бы не поступило новых заказов, то в ближайшее же время заводы морского ведомства должны были закрыться, т.к. несвязанные с частным рынком, они работали исключительно на казну. Предвидя это в апреле—июне 1906 г. Морское министерство провело со своими высшими начальниками 10 заседаний с целью определить тип будущих судов, к немедленной постройке которых предполагалось приступить (67, л. 86—160).

Характер этих совещаний определили два обстоятельства: закладка английским адмиралтейством совершенно нового типа линейного корабля «Дредноут» и невозможность для заводов Морского ведомства существовать без казенных заказов.

В результате длительных споров и обсуждения различных типов судов решено было заложить на Балтике линейные корабли дредноутского типа в 22—26 тыс. тонн и главным калибром в 12 дюймов. Морской министр Бирилев, подводя итоги заседаниям, сделал красноречивое признание, ясно показывающее, что выработка судостроительных программ имела очень отдаленную связь с обороной балтийского побережья. «Приступая к постройке таких крупных судов многомиллионной стоимости, — заявил он, — *надо подумать о том, годятся ли такие суда для плавания в Балтийском море и Финском заливе?* (там же, л. 89). Как видим, сначала твердо решили строить дредноуты, а уже *потом* задались вопросом годятся ли они для обороны побережья. Чтобы получить квалифицированный ответ на этот вопрос решили пригласить в совещание двух самых авторитетных командиров броненосцев, капитанов 1 ранга Иванова и Успенского, обладавших боевым опытом прошедшей войны, большим практическим стажем плавания и командования крупными кораблями. «Разработанный тип отвечает требованиям современному эскадренному броненосцу, — заявил Иванов, — ...Но этот тип мало пригоден для плавания в водах Балтийского моря и Финского залива, где на них будет весьма трудно управляться». Поддержал его и Успенский: «Для оборонительных действий в Финском заливе такое судно непригодно. Большого числа таких судов Россия тоже не построит, потому что денег мало». Мнение опытных командиров озадачило участников совещания, но все возражение пресек Би-

рилев. «Нам необходимо строить теперь большие суда, — заявил он, — иначе все заводы у нас остановятся, чего ни в коем случае допустить нельзя» (там же, л. 100).

Другой причиной, заставлявшей морского министра и МГШ настаивать на немедленном строительстве крупных кораблей, была боязнь упустить выгодный момент. Создание «Дредноута» имело для всех, и прежде всего для самих англичан, неожиданные последствия: этот тип корабля оказался настолько сильнее своих предшественников, что свел их боевую ценность практически к нулю. Гонка вооружений должна была начинаться с нового старта и тот, кто вырывался с него вперед, получал несомненные преимущества. «Мы без особого труда можем в несколько лет создать такой флот, который в состоянии будет бороться с германским», — считали офицеры МГШ. В войну «мы потеряли то, что уже непригодно для современного боя. Другие державы, в том числе Германия, не потеряли ни одного корабля от войны, но тем не менее все их прекрасные корабли, построенные до русско-японской войны, уже мало пригодны для современного боя, и им приходится создавать эскадренные броненосцы вновь, так же как и нам» (308 «а», т. 1, с. 11—12).

Исходя из этих соображений морской министр 27 июля обратился со специальным письмом к Коковцову, в котором, извещая его о решении совещания, спрашивал о возможности получить в течение 3—4 лет для строительства двух броненосцев дредноутского типа на заводах морского ведомства 42 млн руб. (3, л. 3). 25 сентября Коковцов ответил, что если бы у морского министра была строго рассчитанная на ряд лет программа, указанную сумму можно было бы вполне выделить из средств государственного казначейства. Но так как подобной программы нет, Министерство финансов не может согласиться с просьбой морского ведомства, ибо не уверено в целесообразности заказа двух броненосцев и в том, что именно их надо строить для обеспечения обороны государства и должного положения России среди других великих государств (там же, л. 4).

Получив отказ, Бирилев обратился к помощи Николая II и в результате настояний Морского министерства в конце октября 1906 г. по повелению царя

состоялось новое междуведомственное совещание «по вопросу о будущей судостроительной программе на ближайшее время». Выступивший первым Бирилев заявил, что никакой специальной программы, рассчитанной на ряд лет, у морского ведомства нет и быть не может, т.к. МИД упорно отказывается назвать против кого должно быть направлено строительство военно-морских сил России в ближайший более или менее длительный срок¹. Бирилев согласился с тем, что строительство 2—4 линейных кораблей ничего не меняет в силе государства. «Может ли быть отложена их постройка, в виду того, что они не представляют действительно могущества государства? — спрашивал министр. — Да, конечно, может быть отложена», но без новых заказов придется немедленно закрыть заводы морского ведомства (там же, л. 80)².

Министр был горячо поддержан начальниками заводов, выступления которых обрисовали ясную дилемму: или в ближайшее же время дать заводам заказы, или закрыть их и уволить рабочих, занятых и теперь уже два-три дня в неделю. Суть дела была всем совершенно ясна. Выступивший Коковцов заявил, что если бы речь шла только о прокормлении 30—40 тыс. рабочих и их семей, он, не задумываясь, ответил бы «нет», ибо «по отношению финансов страны надо считать все жертвы неважными» (там же, л. 82). Но отказ в средствах приведет к гибели самих заводов, чего до-

---

¹ Действительно, в июле и августе 1906 г. начальник МГШ Брусиллов обратился с письмом к Извольскому, прося у него сведений о внешнеполитических целях России (см. 164, л. 4, 8), однако ответ Извольского ничего конкретного морскому ведомству не дал (там же, л. 5). Не получая никаких указаний от МИД'а, офицеры МГШ решили для составления судостроительных программ самим определить ближайшие внешнеполитические задачи России, для чего в октябре 1906 г. провели серию совещаний заведующих театрами военных действий на различных морях (см. 188, л. 14—18).

² «Надо строить, — заключил Бирилев, — строить скорее, потому что «время — деньги», потому что создание флота для России необходимо, потому что Россия должна занять место среди великих государств, потому что без флота и существовать не может, а также потому, что прекращение работ на заводах равносильно их уничтожению, — остановки судостроительной их деятельности на десятки лет» (там же, л. 82).

пустить правительство не может, ибо рано или поздно оно, без сомнения, приступит к широкому развитию своих военно-морских сил. «Вопрос о военно-морском могуществе, — считал Коковцов, — почти что вопрос жизни или смерти для России», который и должен быть решен на особом совещании под председательством лично царя. Министр финансов обещал одно: если такое совещание признает необходимым, средства для начала строительства будут даны.

Получив принципиально согласие Коковцова, Бирилев 19.X.1906 г. обратился со специальным письмом в Совет министров, в котором, ссылаясь на безвыходное положение заводов и отсутствие возражений со стороны Министерства финансов, просил разрешения немедленно заказать два броненосца дредноутского типа, для чего внести в смету Морского министерства уже в 1907 г. 8,6 млн руб., не дожидаясь того, когда вся судостроительная программа будет окончательно выработана. Общая стоимость обоих линейных кораблей Морским министерством определялась в 42 млн руб., а постройка главных двигателей для них (турбин) должна была вестись совместно с английской фирмой «Виккерс», строившей «Дредноут», т.к. опыта русских судостроителей было явно недостаточно для спешной разработки чертежей (3, л. 10—14).

Ввиду требования Совета министров обсудить сначала этот вопрос в СГО, Бирилев обратился к его председателю со специальным письмом. В нем он писал, что в ближайшее время не может представить разработанной судостроительной программы. «Главная и почти единственная причина, почему программы кораблестроения нет — это неизвестность, в которой находится морское ведомство относительно направления внешней политики государства» (64, л. 2—6).

Между тем и так работающие далеко не с полной нагрузкой судостроительные заводы не могут ждать, пока МИД совместно с другими ведомствами даст ответы на все интересующие морское ведомство вопросы. Но, каковы бы ни были эти ответы, уже сейчас можно сказать одно: Россия не может обойтись одним минным (оборонительным) флотом. Ей неизбежно рано или поздно потребуется линейный флот для представительства и защиты ее интересов в международной политике. Между тем, если заводы *немедленно*

не получают заказов на крупные корабли, то они погибнут, а с ними погибнет и всякая надежда на создание хотя бы в будущем сильных боевых эскадр. Поэтому Бирилев просил поддержать просьбу морского ведомства об отпуске уже в 1906 г. 2,7 млн, а в 1907 г. — 8,6 млн руб. на немедленное начало строительства 2-х мощных броненосцев дредноутского типа, которые при любой судостроительной программе явятся ее основным составным элементом. Ввод в строй этих кораблей, во-первых, цементирует совершенно разрозненную Балтийскую эскадру, а, во-вторых, позволит готовить личный состав для флота в будущем, ибо на них будут поставлены турбинные двигатели, которыми неизбежно должны оснащаться все последующие военные корабли самых разнообразных типов.

26 октября и 10 ноября 1906 г. СГО с участием министров морского, военного, финансов, иностранных дел и обоих начальников генеральных штабов рассматривал письма Бирилева. Все выступавшие в принципе признавали необходимость воссоздания военно-морских сил России, но в поддержку просьбы Бирилева выступил только один адм. Диков.

Общее мнение наиболее полно выразил Коковцов, подтвердив, что его министерство по-прежнему готово «напрячь все свои силы к тому, чтобы изыскать средства для ассигнования 8 млн на добавочное судостроение в 1907 г.» Он категорически заявил: «мы должны приступать не к случайной постройке тех или других судов, а к систематическому выполнению ясного плана, зная почему именно он останавливает выбор на том, а не другом типе судов» (68, л. 24—25). Если Морское министерство затрудняется сейчас выработать общий план для всех морей, то для Балтийского это сделать не столь трудно. Обязательным условием этого плана должна быть увязка его с предположениями военного ведомства. С доводами Коковцова согласились все — даже представители МГШ не поддержали своего министра. Принятое большинством решение СГО гласило следующее: «Не предпреляя ныне вопроса о постройке двух броненосцев типа «Дредноут», предложить морскому министру по соглашению с начальником генерального штаба и с начальником морского генерального штаба выработать подробно мотивированную судостроительную программу для Балтийского

флота на ближайшие годы, с указанием очередей последовательного приведения в исполнение предлагаемых мероприятий» (там же, л. 27).

Получив отказ, Бирилев 29 ноября представил в СГО не одну, а целых две судостроительных программы: первую (составленную главным морским штабом) от своего имени, а вторую от имени МГШ. Программа морского министра предусматривала строительство в течение 7 лет (1907—1913) 4 линейных кораблей, 8 крейсеров, 12 эсминцев и 4 подводных лодок общей стоимостью 139,2 млн руб., 10,5 млн руб. предназначалось на оборудование портов и дока в Кронштадте (67, л. 30—38). МГШ предлагал построить в 5 лет (1907—1911 гг.) 4 линейных корабля, 1 броненосный крейсер, 3 легких крейсера и 10 эсминцев за 128,4 млн руб. и выделить около 35 млн руб. на оборудование портов и баз (там же, л. 16—26).

Однако уже через 2 дня Николай Николаевич вернул Бирилеву обе программы на том основании, что они «разработаны без взаимного соглашения с начальником генерального штаба (сухопутного)» (190, л. 71); Морское министерство было вынуждено уступить, и начальники обоих генеральных штабов спешно приступили к разработке и согласованию своих планов. 15 декабря между ними состоялось специальное совещание «по вопросам об установлении задач военно-сухопутного и морского ведомств, согласованных с военно-морскими средствами, как настоящего времени, так и вероятными в ближайшем будущем» (138, л. 24—26). Согласование касалось всех трех флотов. В нем отмечалось, что «Балтийский флот не может быть рассматриваем как активный флот в широком значении этого понятия, а должен ограничиваться высочайше указанной ему ролью оборонительной» (там же, л. 24). По мнению начальников генеральных штабов, эти соображения и должны были лечь в основание для развития Балтфлота на ближайшее одно или, в зависимости от финансовых средств, два десятилетия. Активный флот предполагалось создавать лишь на Черном море и Тихом океане, да и то не в ближайшее время. Николай II одобрил соображения начальников генеральных штабов, написав, что и он «вполне разделяет все высказанное здесь».

Вскоре после ухода Бирилева Столыпин обратился к новому морскому министру И.М.Дикову с вопросом, поддерживает ли он ходатайство своего предшественника о необходимости спешной закладки двух броненосцев (3, л. 27). Диков отвечал, что МГШ в ближайшее время закончит разработку судостроительной программы и представит ее в СГО. Разработка этой программы была ускорена решением СГО, который предложил обоим начальникам генеральных штабов выработать план морской обороны побережья всех русских морей, для чего «распределить военно-морские силы в каждом море на свободно действующие, не имеющие непосредственной задачи обороны берегов и на предназначенные специально для береговой обороны» (97, л. 10).

В марте месяце 1907 г. после ряда совещаний у морского министра (189, л. 32—33) Николаю II были представлены МГШ (с. 116—119). «Стратегические основания для плана на море» (369, с. 116—119), где царю предлагались, в зависимости от финансовых возможностей страны, 4 варианта судостроительной программы. Исходя из тактических соображений, строительство флота МГШ предлагал вести закладкой только целых боевых эскадр, каждая из которых должна была состоять из 8 линейных кораблей, 4 линейных крейсеров, 9 легких крейсеров и 36 эсминцев. Вариант № 1 предусматривал строительство четырех эскадр — двух для Дальнего Востока и по одной для Черного и Балтийского морей. Вариант № 2 — 1 эскадры для Черного моря и двух эскадр для Балтийского (в случае необходимости эти эскадры должны были перебазироваться на Тихий океан). По варианту № 3 предполагалось создать по одной эскадре для Черного и Балтийского морей, а вариант № 4, или так называемая «Малая программа», ограничивался строительством лишь 1 эскадры для Балтийского моря, причем в этом случае для Черноморского флота планировался ремонт старых линейных кораблей и строительство некоторого числа легких сил. Кроме создания корабельного состава предусматривалось соответствующее развитие портов и баз. Поскольку строительство каждой эскадры обходилось по расчетам МГШ более чем в 350 млн руб., Николай II, одобряя работы

Морского министерства, остановился на минимальном варианте¹.

2 апреля 1907 г. морской министр просил разрешения у царя представить в СГО малую программу судостроения, рассчитанную на 10 лет. В основу ее были положены следующие стратегические задачи: «Балтийскому флоту: оборонять Финский залив и вместе с тем представлять собою свободную морскую силу для поддержания интересов империи во внешних водах» (подчеркнуто мною. — *К.Ш.*) (9, л. 25). Черноморскому флоту ставилась задача не допустить флот неприятеля в Черное море. Для выполнения этих целей Морское министерство предполагало создать на Балтике одну полную эскадру, которая «будет всегда правоспособна в случае надобности следовать туда, где ее присутствие потребуют политические обстоятельства» (там же) и специальный минный флот из 180 миноносцев и 120 подводных лодок, на который возлагалась собственно оборона балтийского побережья. Стоимость минного флота определялась в 102 млн руб., а вместе с эскадрой, портами, базами и подготовкой необходимого для кораблей личного состава общие расходы на Балтийский флот должны были составить 738 млн руб. На строительство Черноморского флота (4 легких крейсера, 36 миноносцев, 6 подводных лодок) и ремонт линейных кораблей предполагалось истратить 132 млн руб. и общие расходы по этой «Малой программе» достигали таким образом 870 млн руб. (там же, л. 26).

2 апреля Николай II одобрил доклад, написав на нем «Дай Бог нам выполнить в точности малую судостроительную программу». Далее царь приказал «рассмотреть в Совете государственной обороны общие основания доклада морского генерального штаба. В основу средств, необходимых для выполнения задач Балтийского флота, должен быть поставлен линейный

---

¹ Вариант № 1 был явно утопичен. Он должен был обойтись государству в случае его утверждения в 5 миллиардов рублей, т.к. помимо расходов на само строительство эскадр резко увеличивались расходы на содержание личного состава кораблей, переоборудование баз и т.д. (см. 294, 1962. № 2. с. 126).

флот» (190, л. 71). С таким весьма недвусмысленным напутствием доклад был направлен в СГО¹.

Заседание СГО состоялось 9 апреля 1907 г. Одним из первых на заседании выступил ген. Палицын. Он заявил, что одна из задач, поставленных Балтийскому флоту, а именно защита побережья, выработана в полном согласии с планами сухопутного генерального штаба, ибо военное министерство не в состоянии выделить 250-тысячную армию, которая по его расчетам необходима для защиты берегов Балтийского моря. Но вторая задача — создание «свободной морской силы» — не соответствует договоренности между штабами, выработанной 15 декабря 1906 г. Эта идея возразил адм. Диков всегда существовала. Она совершенно естественна, ибо «флот России, как великой державе, необходим, и она должна иметь его и быть в состоянии послать его туда, куда его потребуют государственные интересы» (86, л. 138).

Начальник МГШ Брусилов сделал еще более интересное заявление: первоначально морское министерство планировало создание 5 эскадр — по две для Балтийского моря и Дальнего Востока и одну для Черноморского флота. Но позже обратили внимание на то, что строительство морских сил для первых двух театров совпадает как по размерам, так и по месту и срокам строительства. И исходя из этого сделали вывод: эти морские силы могут служить для исполнения задач в обоих водных театрах. Общий размер необходимого для России флота сократился до трех боевых эскадр, но и это строительство оказалось не по средствам. Поэтому в качестве первоначальной меры решили ограничиться лишь обороной Финского залива и созданием одной эскадры в Балтийском море. «Эти последние соображения и внесены на рассмотрение Совета. За основание их принято — ограничиться обороной Финского залива и начать выполнение минимальной программы с создания эскадры в Балтийском

---

¹ Характерно, что Николай II одобрил еще 19 марта и полную программу судостроения, разработанную МГШ, но предвидя сопротивление в СГО, признал ее «не подлежащей внесению в Совет государственной обороны». Как всегда, чувствуя сопротивление своей воле, царь стал вести двойную игру.

море, а к созданию эскадры в Черном море обратиться лишь тогда, когда на сие будут средства».

Моряков поддержал министр иностранных дел: «Я должен заявить, — сказал Извольский, — что флот России как великой державе нужен, и без него она обойтись не может... Бытие флота России желательно для того, чтобы принять участие в той обстановке, которая может быть выдвинута политикой. Но этот флот должен быть свободным, не связанным частною задачею обороны того или другого моря и залива (подчеркнуто мною. — К.Ш.). Он должен действовать там, где укажет политика» (там же, л. 141).

Однако большинство членов СГО, представлявших военное ведомство, выступили против чрезмерных, по их словам, притязаний моряков. «Необходимейших средств для подъема боеспособности армии нельзя добиться, — жаловался начальник главного штаба ген. Эверт, — а в то же время требуют около миллиарда на морские средства» (там же, л. 139). «Чтобы наши армии были бы доведены до того положения, которое признается нормальным в иностранных государствах, — заявил помощник военного министра ген. Поливанов, — необходимо около 2,5 млрд руб... Из числа этих потребностей необходимых для удовлетворения нужд вопиющих нужно около полумиллиарда. Если к этой цифре еще прибавить около 800 млн руб. на флот, то нельзя не признать, что расходование таких средств может оказаться государственному казанчейству совершенно невозможным» (там же, см. также 322, с. 24 и след.).

Положение финансов России в это время было действительно нелегким, на что сейчас же указал Кокцов. «Не только Россия, — заявил он, — но и никакое государство таких затрат на частные, второстепенные задачи выдержать не может, а поэтому подобной целью (создание «свободной морской силы») не следует вовсе задаваться» (там же, л. 141). Кокцов требовал выработки программы, которая бы учитывала, во-первых, нужды не только морского, но и военного ведомства, а, во-вторых, была бы по плечу Министерству финансов.

Итог всех выступлений был ясен: «подобные затраты на флот для государства непосильны, — заявил военный министр Редигер, — тем более, что сухопут-

ная армия нуждается в проведении таких мероприятий, без которых не может жить и не может считаться боеспособной» (там же, л. 143).

В таком же духе выступил председатель СГО вел. кн. Николай Николаевич. Признав в принципе необходимость для России линейного флота, он заявил, что вопрос о размерах и времени его создания не может решаться изолированно, вне связи с нуждами и потребностями сухопутного ведомства, «не должен во что бы то ни стало подлежать немедленному рассмотрению и разрешению» (там же, л. 144). Николай Николаевич настаивал на том, чтобы в законодательные органы была представлена единая программа развития армии и флота, а в ней распределение средств между ведомствами должно быть произведено в зависимости от важности их для обороны страны.

Весь СГО, за исключением морского министра и начальника МГШ, дружно проголосовал за предложение своего председателя. Мнение всех представителей военного министерства было единым: начинать надо с восстановления сухопутных сил, и только затем, по мере возможности, переходить к созданию линейного флота. Это положение и закрепляло решение СГО от 9.IV.1907 г., который попытался в этом вопросе пойти наперекор ясно выраженной воле царя.

Однако Николай II, как все слабовольные люди, в вопросах личного престижа был предельно упрям. А в воссоздании линейного флота, помимо великодержавных интересов, он видел и личный престиж. Царь был явно равнодушен к военно-морскому флоту и моряки находились у него в особом фаворе¹. Не считаясь

---

¹ Самые разнообразные факты говорят об этом. Ничтожный последний царский военный министр ген. Беляев жаловался, что ему «бороться с всемогущим Григоровичем (тоже последним, но, в отличие от военного, очень дельным морским министром. — *К.Ш.*) немислимо», т.к. он пользуется неограниченной поддержкой царя (245 «а», л. 27). Умный и наблюдательный помощник военного министра ген. А.А.Маниковский отмечал, что в годы войны «засилие моряков испытывалось во всех отношениях, в том числе и в особом совещании по обороне» (там же). Уже после Февральской революции ген.-лейтенант Данилов тоже говорил об «огромном, ничем непреодолимом влиянии, которым пользовался флот при бывшем государе» (там же, л. 134). Характерно,

ни с сопротивлением СГО, ни с последовавшей вскоре более решительной и на редкость единодушной обструкцией Государственной думы, Николай II упрямо настаивал на строительстве линейного флота. Все попытки переубедить его кончались неудачей. «Ничего сделать нельзя, — с грустью признавал начальник штаба Петербургского военного округа ген. барон Бринкен, — Государь, всегда такой добрый и мягкий, при всякой попытке кого бы то ни было сказать что-либо против флота, буквально свирепеет, хлопает кулаком по столу и не желает ничего слушать. То же было и с великим князем (Николаем Николаевичем, который выступал против строительства флота. — *К.Ш.*). Это просто какой-то гипноз, и морское начальство делает, благодаря этому, что хочет» (245 «а», л. 145).

Действительно, Николай II не посчитался с мнением СГО и отказался утвердить его журнал¹. Поэтому и Морское министерство не огорчил отказ СГО. Оно решило обойтись без его одобрения. В ответ на вопрос о том, как быть в дальнейшем, Диков объявил начальнику МГШ, «что он будет просить разрешения государя императора о внесении в адмиралтейство-совет судостроительной программы, в минимальном размере на основании утвержденных его императорским величеством стратегических соображений» (198, л. 119). И действительно, 30 апреля 1907 г. морской министр подал Николаю II специальный доклад, в котором кратко изложив историю с выработкой судостроительной программы, говорил о «необходимости изыскания

что и в ближайшем окружении последнего царя было необычно много моряков: «начальник походной канцелярии его величества» — флигель-адъютант кап. 1 ранга граф Гейден; «состоящий при особе его величества генерал-адъютант» — вице-адмирал Ломен; постоянным партнером Николая II в его любимой игре домино был вечно пьяный «маленький адмирал» (как его звали при дворе) адм. Нилов; позже интимным другом царя и царицы стал флигель-адъютант кап. 2 ранга Саблин. Даже «дядьку» (личного слугу) единственному наследнику выбрали из матросов.

¹ Только 18 августа 1907 г., утвердив вопреки решению СГО малую судостроительную программу, царь написал на журнале от 9 апреля (!) «Читал» (9, л. 28).

достаточных денежных средств для возобновления флота, без которого Россия как великая держава существовать не может» (3, л. 30). Конкретно Диков просил немедленно использовать для начала судостроения оставшийся от 1907 г. кредит в 2,7 млн руб. и разрешения включать в течение 4-х лет в бюджет Морского министерства ежегодно по 31 млн руб. на новое судостроение, о характере которого не говорилось ни слова, но подразумевалось, что обязательно должны строиться и линейные корабли. «Согласен, — написал на докладе царь. — Вопрос этот рассмотреть вне очереди».

Через 3 дня, третьего мая 1907 г., Диков вошел в Совет министров с одобренным Николаем II докладом (там же, л. 30—31), а еще через 5 дней, 8 мая, Совет министров, присоединяясь к высказанным морским министром соображениям о необходимости «безотлагательного приступа к сооружению новых судов как в видах скорейшего возрождения русского флота, так и в целях оказания поддержки отечественным судостроительным заводам» (там же, л. 41—42), удовлетворил просьбу Дикова, разрешив ему вносить в смету морского министерства просимые им кредиты. Однако фактический отпуск их должен был производиться в установленном порядке, т.е. после одобрения этих кредитов Государственной думой.

Наконец-таки, Морское министерство добилось осуществления хотя бы части своих пожеланий. 12 мая морской министр разослал письмо высшим чинам своего ведомства и некоторым сухопутным генералам. В нем он извещал их, что в обход СГО Николай II «признал за благо в особом Морском совещании под личным своим председательством выяснить безотлагательно ряд вопросов, решение которых дает возможность установить главные основания программы кораблестроения, вполне отвечающей задачам государственной обороны и позволит немедленно приступить к постройке первой серии новых судов» (189 «а», л. 43). Таким путем вопросы о строительстве флота решено было изъять из-под юрисдикции строптивного СГО.

Для работы этого «особого морского совещания» царь выдвинул 27 вопросов, которые предварительно повелел обсудить еще в одном совещании под предсе-

дательством морского министра¹. Вполне естественно, что моряки подошли к воссозданию флота совершенно иначе, чем их сухопутные коллеги. Уже в ответе на первый же вопрос они решительно потребовали не устанавливать определенного процентного отношения морского бюджета к военному. Что же касается размеров будущего судостроения, то, признав нереальность программы № 2, совещание высказалось за программу № 3, т.е. за строительство одной эскадры для Черного моря и одной — для Балтики (и Тихого океана), что считалось вполне посильным при условии отчисления 8% от общегосударственного бюджета на морское ведомство.

Хотя рекомендации этого совещания так и не были утверждены царем, а особое совещание под его председательством тоже не состоялось, решением Совета министров от 8 мая 1907 г. вопрос о судостроительной программе все же сдвинулся с мертвой точки. 9 июня Николай II утвердил малую программу, по которой Морское министерство предлагало царю построить два линейных корабля дредноутского типа, два легких крейсера, 18 эсминцев, 90 миноносцев, 36 подводных лодок, 3 транспорта и 10000 мин (369, с. 12). Но прошло немногим более месяца, как морское ведомство уже переменяло свое мнение. 12 июля оно представило царю на одобрение уже другой проект, согласно которому надо было построить четыре линейных корабля, три подводных лодки и плавбазу для них на Балтийском море, 14 эсминцев и 3 подводных лодки для Черного. 21,7 млн руб. планировалось истратить на достройку еще незаконченных кораблей Балтийского флота. Общий расход определялся таким образом в 126,7 млн руб. Николай II утвердил эту программу вместо прежней (там же, с. 122).

Однако фактически к строительству линейных кораблей приступили еще не скоро. Главная причина этого, помимо сопротивления Государственной думы, не утверждавшей бюджет Морского министерства, заключалась в том, что заводы морского ведомства, на которых решено было строить линкоры, не были к

---

¹ Эти заседания состоялись на квартире у Дикова 18, 21, 24 и 31 мая 1907 г. (Журналы см. там же.)

этому готовы. Кроме того, для определения лучшего типа линейного корабля, правительство решило объявить конкурс с привлечением не только русских, но и иностранных судостроительных фирм. О результатах его Диков сообщил царю 17 ноября следующего, 1908 г. Линкоры решено было строить на казенных Балтийском и Адмиралтейском заводах, заручившимся технической помощью английской фирмы «Джон Браун» (191, л. 104). Лишь 30 июня 1909 г. программа, в принципе одобренная еще два года тому назад, начала практически осуществляться в своей главной части: на Балтийском заводе были заложены дредноуты «Петропавловск» и «Севастополь», а на Адмиралтейском — «Гангут» и «Полтава» (369, с. 125—126). После долгих мытарств царизм начинал восстанавливать свой флот.

§ 2. Выработка и принятие программы пополнения запасов и материальной части армии 1908 г.

Энергичная деятельность Морского министерства по воссозданию погибшего под Цусимой флота заставила активизироваться и военное ведомство, систематически отстававшее от морского в выработке своих планов. В то время, как моряки уже в начале 1906 г. приступили к обсуждению своих программ, армейцы теряли время зря. 7 августа 1906 г. глава правительства П.А.Столыпин обратился со специальным письмом к военному министру А.Ф.Редигеру, в котором просил в самое ближайшее время сообщить Совету министров подробную программу деятельности его Министерства (61, л. 1). Требование Столыпина застало военное ведомство врасплох. Оно не было готово представить просимые сведения и первоначально его деятельность в СГО, и в правительстве сводилась не столько к отстаиванию своих планов, сколько к возможной задержке программ Морского министерства, уже представленных в конце 1906 г. в СГО.

Взгляды военного министерства его представители наиболее полно выразили в СГО в заседаниях 26 октября и 10 ноября 1906 г. (68, л. 1—27). По утвержде-

нию военного министра они сводились к следующему: «Судьбы России будут решаться на суше, а не на море; между тем наши сухопутные силы расстроены и крепости в таком состоянии, что представляют для противника готовый трофей». Многомиллионные требования морским министерством на судостроение должны быть отклонены, ибо «в этих миллионах нуждается и армия, и ее нужды, как главнейшие должны быть удовлетворены раньше всего» (там же, л. 22). С мнением Редигера согласились все члены СГО, не представлявшие узко ведомственных интересов Морского министерства. Необходимость согласования деятельности обоих министерств и создание единого плана государственной обороны была очевидной. Но для этого требовалось ускорить выработку планов развития и реорганизации армии, начало которой было положено письмом П.А.Столыпина в августе 1906 г. (61, л. 6).

Прошли месяцы напряженной работы, прежде чем помощник военного министра А.А.Поливанов смог представить А.Ф.Редигеру произведенные подсчеты. Они потрясли военного министра. Обращаясь в СГО, Редигер 10 декабря 1906 г. писал, что «соображения относительно разносторонних нужд военного ведомства и сделанные по этому поводу исчисления привели к выяснению общей необходимой для удовлетворения этих нужд денежной суммы в размере свыше 2-х миллиардов единовременного и 144 миллионов ежегодного расхода» (88, л. 252). Всего по точному расчету военного министерства для удовлетворения его нужд требовалось единовременно 2133610000 руб. и 144450000 руб. ежегодно в течение всех последующих лет. Эта колоссальная сумма приблизительно равнялась доходу всего государства за целый год! Наиболее крупные расходы предстояли по двум управлениям — Артиллерийскому (895790000 единовременно и 42060000 руб. ежегодно) и Инженерному (582520000 руб. и 19210000 руб. соответственно). Нельзя отказать русским генералам в хорошем знании состояния армии и в отсутствии ясного видения того, что представляли из себя вооруженные силы России!

Однако критическое состояние в это время русских финансов тоже не было для них тайной. «Размер исчисленной таким образом суммы, — признавал военный министр, — исключает всякую возможность на ее

ассигнование, невзирая на то что мероприятия, кои могли бы быть за счет этой громадной суммы созданы, стоят не на пути дальнейшего развития наших вооруженных сил, а лишь на пути их благоустройства и снабжения необходимым в уровень с современными требованиями военного дела» (там же, л. 253).

Чтобы поставить возможность удовлетворения своих нужд на реальную основу, военный министр приказал произвести жесткое сокращение первоначально исчисленной суммы, оставив совершенно необходимые потребности, подлежащие удовлетворению в ближайшие годы. Но и этот план-минимум требовал немалых средств. По нему предстояло израсходовать:

	Единовре- менно	Ежегодно
	(в миллионах рублей)	
По Главному штабу	99,34	13,49
По интендантскому Управлению	45,60	10,78
По артиллерийскому	165,22	28,84
По инженерному	58,75	5,12
По военно-медицинскому	2,94	0,55
По управлению Казачьих войск	1,50	5,41
По военно-учебным заведениям	1,35	0,73
По военно-судному управлению	—	0,02
Канцелярии Военного Министерства	19,40	3,80
Военно-медицинской Академии	1,49	0,25
По ГУГШ	29,29	6,69
Итого:	424,88	75,65

Этот план-минимум предусматривал снабжение всех полевых пехотных, кавалерийских и резервных частей пулеметными командами (по 8 пулеметов), формирование 74 новых гаубичных батарей, перевооружение новыми скорострельными орудиями 20 старых батарей, перевооружение крепостей и пополнение израсходованных запасов (там же, л. 254—273). Расчеты военного министерства, действительно, были сделаны исходя из самых скромных оснований. Так, на интендантское Управление предусматривалось израсходовать всего 45,6 млн руб. Между тем, по сведениям ведомства на 1 января 1907 г., по этому Управлению в

неприкосновенных запасах доставало только предметов продовольственного и вещевого снабжения на 99 млн руб. (там же, л. 214). Ясно понимая, что и эти минимальные требования Министерства не могут быть удовлетворены правительством из-за острой нехватки свободных средств, Редигер одновременно с этой программой предложил ряд мер по сокращению армии и ее реорганизации (109, л. 137—158), но предложения его были отклонены созданной по решению СГО для рассмотрения этого вопроса комиссией ген. Газенкампа. Ввиду отсутствия необходимых средств, дело с пополнением запасов и развитием материальной части армии застопорилось.

2 апреля 1907 г. царь одобрил представленную Морским министерством малую судостроительную программу, расходы по которой достигали 870 млн руб. Николай II «повелел» рассмотреть ее в СГО, наложив резолюцию о необходимости восстановления на Балтике линейного флота. За два дня до рассмотрения морской программы — 7 апреля 1907 г. СГО собрался на специальное заседание «По вопросу о боеспособности армии», чтобы еще до рассмотрения морской программы предъявить определенные требования на расходы и по сухопутному ведомству. Напомнив об опустошении почти всех запасов, что делало армию практически небоеспособной, председатель СГО Николай Николаевич добавил: «Кредиты на заведение запасов совершенно необеспечены и неизвестно даже будут ли они отпущены, когда последует этот отпуск и в каком размере. Если оставаться далее в таком положении, то надо признать, что необеспеченность войск запасами делается явлением хроническим. Подобное положение армии в государстве допущено быть не может», — заявил председатель СГО (88, л. 206). Его поддержали все остальные члены Совета. По общему согласию решили послать царю ходатайство «о необходимости неотлагательного ассигнования кредитов, потребных для доведения нашей армии до состояния должной боеспособности» (там же, л. 207).

Но царь был глух к требованиям сухопутных генералов. Только через месяц, удовлетворив в начале мая просьбу Морского министерства о ежегодном отпуске в течение 4-х лет 31 млн руб. на строительство четырех линейных кораблей для Балтийского моря, Николай II

12 мая 1907 г. наложил на журнале СГО резолюцию — «Представить соображения» (там же, л. 206). Царь, по всей вероятности, считал первоочередными именно требования моряков и явно не видел критического состояния, в котором находилась русская армия. Вопрос о пополнении ее запасов вновь откладывался решением царя на многие месяцы. Причины увлечения Николая II линейным флотом мы рассмотрим ниже, пока же отметим сам факт: царизм решил начать восстановление своих вооруженных сил именно с линейных кораблей. Однако примириться с решением царя сухопутные генералы не могли. Оппозиция «монаршей воле» сгруппировалась вокруг председателя СГО. Будущий претендент на всероссийский престол великий князь Николай Николаевич — неуравновешенный, экспансивный человек, по словам хорошо знавшего его С.Ю.Витте, был «с зайчиком в голове»¹. Но в отличие от своего коронованного племянника он слыл неплохим строевиком и гораздо лучше его знал положение дел и нужды армии. 25 декабря 1907 г. Николай Николаевич разослал высшим чинам Российской империи письмо, в котором подробно обрисовал критическое положение сухопутных сил царизма и утверждал, что без немедленных и значительных ассигнований армия не сможет считаться надежным гарантом безопасности российских границ. Признавая ограниченность средств, которые правительство может выделить для своих вооруженных сил, Николай Николаевич настоятельно требовал «решить, в какой доле для России, по ее положению, успех обороны зависит от армии сухопутной и от флота, в этой пропорции разделить между обоими ведомствами средства и развивать армию и флот в зависимости от размера выделенных средств» (236, л. 1—4).

Поскольку военный министр не брался проявить инициативу, Николай Николаевич в конце января 1908 г. отправил ему специальное письмо, в котором, ссылаясь на решение СГО от 7 апреля 1907 г., побуждал Редигера обратиться к царю с новой просьбой о

¹ «Сказать, чтобы он был умалишенный — нельзя, чтобы он был ненормальный в обыкновенном смысле этого слова — тоже нельзя, но сказать, чтобы он был здоровый в уме — тоже нельзя; он был «тронут» (313, т. III, с. 91).

кредитах в 207 млн руб. на восстановление запасов (8, л. 211). Редигер присоединился к просьбе о кредитах, но первоначально решил обратиться за ними к министру финансов. Реакция В.Н.Коковцова была обескураживающей. Он даже не удостоил военного министра ответом, адресовавшись прямо к царю. Утверждая, что о требовании средств на восстановление запасов и развитие материальной части армии он слышит впервые, Коковцов заявил, что и без дополнительных ассигнований на какие-либо новые нужды бюджета государства на 1908 г. сведен с дефицитом в 205 млн руб. Он считал, что и речи не может быть об удовлетворении «неожиданного» требования военного министерства. «Исправить разом все недостатки — невозможно», — объявил министр финансов (там же, л. 197). Нужно восстанавливать запасы армии... по частям, начиная с Кавказа, для чего казначейство в состоянии выделить только 7 (!) млн рублей... Для пополнения всех остальных запасов министр финансов предлагал использовать внутренние возможности военного министерства. Доклад Коковцова понравился Николаю II, не имевшему ясного представления о состоянии русской армии. Он не поддержал просьбы Редигера, написав в пространной резолюции, что «нельзя предъявлять к казначейству неожиданные требования на столь крупные средства» (376, с. 59).

Однако правительству все же пришлось пойти на некоторые уступки военному министерству. Сделано это было в заседании Совета Министров 1 февраля 1908 г. Причин, заставивших правительство специально рассматривать вопрос о финансировании развития армии и флота, было несколько. Во-первых, 1908 г. был последним годом, когда в военном ведомстве еще действовала система так называемого «предельного бюджета». Суть ее сводилась к тому, что уже в течение нескольких десятилетий военное министерство получало на предстоящее пятилетие заранее определенную сумму, которую и расходовало по своему произволу. Но с введением в России Думы рассмотрение и утверждение государственного бюджета стало ее неотъемлемой прерогативой. Поэтому по инициативе Коковцова (9 «а», л. 2), система предельного бюджета была отменена, и военное министерство должно было ежегодно в сметном порядке или как чрезвычайные

кредиты просить у Государственной думы нужные средства на реорганизацию армии, ее развитие и пополнение необходимых запасов.

Правительство беспокоило и другое: Дума решительно отказывалась в это время давать средства на воссоздание линейного флота в Балтийском море, а царь, как мы видели, всячески поощрял Морское министерство к подобному строительству. Именно с указания на сопротивление Думы планам строительства флота и начал заседание правительства Столыпин, предложивший заинтересованным ведомствам высказать свое мнение о кредитовании военного и морского министерств (294, 1962, № 2, с. 124—131). Первым выступил отвечавший за материальное состояние армии помощник военного министра А.А.Поливанов. Рассказав уже известную нам историю об определении расходов на восстановление и развитие армии в 2,3 млрд руб. и о последующем сокращении этой суммы в 5 раз, Поливанов напомнил, что почти год тому назад — 7 апреля 1907 г., СГО предложил военному министерству испросить необходимую сумму на пополнение запасов и усиление армии пулеметами и артиллерией. В июле того же 1907 г. военное министерство определило размер этой суммы (не считая расходов на приведение в надлежащий вид крепостей) в 207 млн руб.; но теперь оно увеличило свои требования до 315 млн руб., распределив этот расход на 7 лет (до 1914 г. — включительно). Эту сумму намечалось истратить, во-первых, на пополнение запасов до размеров существовавших накануне русско-японской войны (66 млн руб.). Основную часть средств (192 млн руб.), предполагалось израсходовать на запланированное с учетом опыта последней войны усиление материальной части армии (артиллерия, пулеметы, телефон, телеграф и т.п. инженерное имущество), и, наконец, в-третьих, 68 млн должны были быть израсходованы на создание на Дальнем Востоке особых неприкосновенных запасов.

Морской министр И.М.Диков был менее скромн. Осуществление оптимальных планов возглавляемого им ведомства должно было обойтись государству в 5 млрд. рублей, а так наз. «малая программа» в 870 млн. Таким образом, чтобы полностью насытить прожорливого Молоха войны, царизм должен был

найти средства для единовременного расхода почти трех годовых бюджетов всей российской империи! (в 1908 г. — 2,6 млрд руб.). И этот подсчет еще не включал в себя обычных ежегодных бюджетов морского и военного ведомств, составлявших четверть расходов государства!.. Даже удовлетворение минимальных претензий обоих Министерств составляло весьма солидную сумму в 1185 млн руб.

Выслушав выступления руководителей военного и морского ведомств, министр финансов Коковцов заявил, что государственное казначейство не в состоянии удовлетворить ни сокращенных, ни тем более максимальных их просьб. Введение всех запроецированных Министерством финансов новых налогов, вместе с естественным ростом доходов могут дать в год 120 млн руб. Только на них и может рассчитывать правительство для удовлетворения всех экстраординарных потребностей, поэтому все претензии на новые кредиты «должны быть урезаны и подчинены железной необходимости считаться со средствами, особенно ввиду того, что серьезного увеличения последних нельзя ожидать и от кредитных операций» (294, 1962. № 2. С. 127), ибо государственный долг России и так уже достиг 8,5 млрд руб., из которых 5,5 млрд руб. размещены за границей. Коковцов отказался удовлетворить просьбу военного министерства о 315 млн, заявив, что для пополнения запасов и развития матчасти армии должны быть использованы средства, получаемые этим ведомством по обыкновенным ежегодным сметам и сбережениям от предлагавшегося им численного сокращения армии.

С возражениями Коковцову выступил Николай Николаевич. Отметив, что в результате последней войны положение армии внушает самые серьезные опасения и от обновления вооружения и запасов «зависит само бытие русского государства как великой державы», председатель СГО заявил, что армия должна быть приведена в состояние, отвечающее ее назначению, и медлить с этим делом невозможно ни одного дня. Он вновь потребовал создания единого плана развития вооруженных сил и обязательного проведения всех военно-морских программ через СГО (там же, с. 128).

Совет Министров согласился с пожеланиями председателя СГО, но отметил, что заявляемые военным министерством требования об ассигновании на мероприятия по усилению армии 315 млн руб. нуждаются еще в тщательной проверке, ибо отпуск всей суммы или большей части в ближайшие годы едва ли посилен Государственному казначейству. Для определения обоснованности выдвигаемых военным ведомством требований и согласования их с возможностями Министерства финансов, правительством решено было создать особую междуведомственную комиссию под председательством помощника военного министра А.А.Поливанова.

2 марта 1908 г. Николай II утвердил этот журнал Совета Министров, наложив на нем резолюцию: «Общий план обороны государства должен быть выработан короткий и ясный, на одно или два десятилетия. По его утверждению, он должен быть неуклонно и последовательно приводим в исполнение» (там же, с. 131).

Вновь созданное междуведомственное совещание проработало конец марта и начало апреля. Обстоятельное обсуждение каждой статьи расходов к единому мнению не привело. Согласившись несколько сократить свои первоначальные требования, военные считали необходимым ассигновать на чрезвычайные расходы 298,8 млн руб. (70, л. 9—26) и распределить кредиты не на 7, а на 8 лет (правда большая половина расходов относилась на первые три года). Представители Министерства финансов и государственного контроля настаивали на другой сумме — 256,7 млн руб.

9 мая 1908 г. результаты работы Междуведомственной Комиссии А.А.Поливанова рассматривались в специальном заседании СГО. Решение его было предельно твердо: «Все члены Совета единогласно и категорично заявили, что они всецело присоединяются по всем статьям к взглядам, отстаиваемым представителями военного ведомства, считая, что выработанные военным министерством нормы надо признать в высокой степени скромными, подчас даже недостаточными и отнюдь не грешащими в сторону преувеличения» (78, л. 10).

По просьбе А.Ф.Редигера Совет Министров в ближайшем своем заседании рассмотрел разногласия, воз-

никшие в Комиссии А.А.Поливанова, и, поддержав почти все пожелания представителей военного ведомства, разрешил им войти с законопроектом в Государственную думу (1, л. 2, 99—105). 21 мая 1908 г. военный министр обратился в Думу с письмом «Об отпуске средств на расходы, необходимые на пополнение запасов и материальной части и на постройку для них помещений» (50, л. 1—2). Для удовлетворения своих претензий военные просили Думу выделить 293 млн руб. в течение 7 лет. По годам кредиты разделялись так: 1908 г. — 54,6 млн руб.; 1909 — 68,6; 1910 — 64,2; 1911 — 55,5; 1912 — 24,3; 1913 — 17,6; 1914 — 13,1; 1915 — 1,1.

Наиболее крупные расходы предстояло произвести на формирование пулеметных частей (30 млн руб.), заготовление винтовочных патронов (49,7 млн руб.), формирование новых гаубичных батарей с парками (27 млн руб.), заготовление крепостных продовольственных запасов (18 млн руб.).

9 июня 1908 г. соединенное заседание бюджетной комиссии и комиссии по государственной обороне Третьей Думы в присутствии Коковцова, Редигера, начальника ГУГШ Палицына и Поливанова рассматривало просьбу военного министерства. В самих кредитах сокращений почти что не было произведено (всего лишь на 715 тыс.), но порядок их отпуска был существенно изменен. Правительство хотело получить от Думы одобрение всей испрашиваемой суммы, чтобы в последующем, ссылаясь на данное разрешение, получать необходимые кредиты сметным порядком. Комиссии Думы решили иначе: они высказались за полное удовлетворение просьбы военного ведомства, но «дабы не лишить законодательные учреждения возможности принимать близкое участие в хозяйственной жизни армии» решено было утвердить кредиты только на 1908 г. и те расходы в последующие годы, которые производились на мероприятия, начатые, но не законченные в 1908 г. (25, л. 85). Таким образом Думе предлагалось отпустить из средств Государственного казначейства общую сумму в 92 млн руб. (в 1908 г. — 52 млн руб.; в 1909 — 17,3 млн руб.; в 1910 — 12,2 млн руб. и в 1911 — 10,5 млн руб.), а военное министерство не лишалось права в 1909 и последующих годах начать новые мероприятия по снабжению армии, не вы-

ходя за пределы 293 млн руб., но каждый раз с особого на то разрешения Думы. Пленарное заседание Думы не изменило предложений своих комиссий, царь утвердил законопроект и наконец-таки, через три года после окончания русско-японской войны военное министерство получило некоторую толику на осуществление самых неотложных мер по восстановлению запасов и развитию материальной части армии (310 «а», 1 отдел, 1908. № 120. С. 932).

Отчитываясь за 1908 г., военный министр с удовлетворением доносил царю, что, благодаря этому ассигнованию и некоторым другим мероприятиям, мобилизованная неготовность армии, в смысле обеспечения ее запасами, в значительной степени утратила угрожающий характер. Вновь сформирована 21 пулеметная команда и 16 команд переформированы из двухпулеметных в четырехпулеметные. Изготовлено 730 пулеметов и заказаны 1000 станков новых систем. Заказаны новые гаубицы для перевооружения полевых гаубичных батарей. Почти закончено перевооружение полевой артиллерии новыми и скорострельными пушками. Заканчивается пополнение боевыми запасами полевых артиллерийских и местных парков (51, л. 6).

Однако материально-техническое снабжение русской армии продолжало оставаться все еще на крайне низком уровне, и ассигнованные или только одобренные Думой расходы были каплей в море по сравнению с испытываемыми армией нуждами. Определив первоначальную сумму, потребную для «благоустройства и снабжения необходимым в уровень с современными требованиями военного дела» в 2133 млн руб., сократив ее затем до 424,9 млн руб., военные были вынуждены удовольствоваться 293 млн руб. Это была всего лишь одна седьмая нужных средств, растянутая к тому же на 7 лет!

§ 3. Реорганизация армии в 1909—1910 гг.

Русская армия испытывала крайнюю потребность не только в восстановлении истраченных запасов и в развитии материальной части с учетом опыта русско-японской войны. Не менее остро руководителями военного ведомства ощущалась необходимость корен-

ного улучшения организации войск. Она всеми признавалась неудовлетворительной для любых подразделений и частей — от роты до высшего тактического соединения всех родов оружия корпуса. Одно простое перечисление видов основного рода войск — пехоты — дает представление о потрясающем разнообразии и дезорганизации, в крайней степени затруднявших управление войсками. В России в это время были: 3 гвардейских пехотных дивизии, 4 гренадерских дивизии, 45 пехотных дивизий, 9 стрелковых дивизий, 17 стрелковых бригад, 1 пластунская бригада, 26 резервных бригад, 2 крепостных бригады, 15 отдельных крепостных полков, 8 отдельных крепостных батальонов, 12 местных бригад — не считая отдельных мелких частей (см. 309). Почти каждый из названных типов пехоты имел свою собственную, отличную от других организацию, различный списочный состав, особый табель снабжения вооружением и другим военным имуществом, часто отдельные наставления для действия в бою и т.д., и т.п.

Основным злом в организации пехоты было наличие значительного процента резервных пехотных войск. Впервые они появились в русской армии после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Их создание было не учетом опыта войны, а результатом нехватки финансовых средств для содержания большой армии. Тогда-то и решено было основную часть пехоты поделить на полевые и резервные войска. Первых четыре батальона сводились в полк, два полка в бригаду, две бригады в дивизию. В случае объявления мобилизации роты таких дивизий увеличивали число своих рядов до 100 за счет запасных и готовы были в самое короткое время вступить в бой. Полевые войска дислоцировались в тех районах империи, которые располагались ближе к возможным театрам будущей войны.

По-иному организовали резервные войска. В них было 17 бригад по четыре двухбатальонных полка. При мобилизации каждый полк доводился до восьми батальонов, в результате чего такая бригада разворачивалась в две пехотных дивизии обычного состава. Девять резервных бригад состояли непосредственно из 4-х батальонов. При мобилизации эти бригады разворачивались в одну дивизию. Кроме того существовали отдельные резервные батальоны, разворачивавшиеся во

время войны в самостоятельные части. Поскольку для разворачивания резервных частей требовалось некоторое время, запасные бригады дислоцировались в глубине страны и не рассматривались в качестве войск, способных выступить в поход в первые дни после объявления войны (отсюда и их название — резервные).

Со временем на резервные части стали смотреть как на войска «второго сорта». Организация их запутывалась все больше и больше, а после русско-японской войны превратилась в сплошной ералаш. В русской армии были запасные бригады из полков 2-х батальонного состава, которые давали в военное время дивизию нормального состава; бригады из полков 2-х батальонного состава, каждая из которых при мобилизации разворачивалась в две дивизии нормального состава; бригады из отдельных батальонов, обращающиеся в дивизии нормального состава; бригады из отдельных батальонов, формирующие дивизии нормального состава и, сверх того, отдельные батальоны; наконец, отдельные батальоны 4—5 ротного состава, разворачиваемые в полки 4—5 батальонного состава (109, л. 190).

По первоначальным планам разницы в качестве запасных для пополнения после мобилизации полевых и резервных войск не существовало. Со временем решили, что поскольку все равно требуется некоторое время для развертывания резервных войск, целесообразно их пополнять при мобилизации запасными преимущественно старших сроков. Для этого весь запас решено было разделить на две категории и по достижении 32-х лет переводить запасного из первого во второй разряд. При объявлении мобилизации полевые войска пополнялись перворазрядниками в возрасте 24—31 года, а резервные — запасными второго разряда старших сроков (32—39 лет). Поскольку резервные части дислоцировались преимущественно в центре, а полевые на окраинах, после объявления мобилизации сотни тысяч запасных старших сроков со всей страны надо было перевозить в центр, а оттуда, навстречу им в полевые войска последовал бы такой же поток запасных младших сроков. Время до выхода резервных частей в поход предполагали использовать на усиленное обучение забывших военную науку пожилых запасных. В результате этой реорганизации даже после

прибытия на фронт продолжала бы существовать разница в качестве бывших полевых и бывших резервных войск, поскольку в последних и процент запасных и их качество были менее благоприятными для боя.

Доля резервных войск в общей численности пехоты все более и более возрастала, в результате чего от первоначальной идеи применения резервных войск преимущественно для второстепенных боевых назначений, постепенно вынуждены были перейти к убеждению, что бывшие резервные войска должны применяться наравне с полевыми для боевой работы даже в самых важнейших операциях. Это неизбежно вытекало из соотношения, складывавшегося в случае мобилизации между полевыми, резервными и крепостными войсками. При мобилизации выставлялось пехоты:

	Полевой	Резервный	Крепостной	Итого
Европейская Россия и Кавказ	52 дивизии— 208 полков— 832 батальона; 10 бригад— 69 батальонов; 1 пластунская бригада—6 батальонов	29 дивизий— 114 полков— 456 батальонов; отдельные 4 полка—19 батальонов; пластуны— 19 батальонах	30 полков— 150 батальонов	1551 батальонов
Туркестан	8 бригад— 32 батальона	2 дивизии— 8 полков— 40 батальонов	—	72 батальона
Дальний Восток	9 дивизий— 36 полков— 144 батальона; отдельный батальон — 1	3 дивизии— 12 полков— 48 батальонов; отдельные 2 полка— 8 батальонов; казачий батальон — 1	1 полк— 4 батальона	206 батальонов
Итого	1084 батальона	591 батальон	154 батальона	1829 батальонов

Кроме резервных войск в русской пехоте существовали и так называемые стрелковые части. Когда-то они комплектовались из физически более развитых призывников, были вооружены лучшим стрелковым оружием, более тщательно обучались стрелковому искусству и имели своеобразную организацию: 4 стрелковых полка объединялись в бригаду. Теперь ни в снабжении, ни в обучении стрелковые части не отличались от полевых, но особая организация их в ряде случаев сохранилась без изменения. Девять Сибирских стрелковых дивизий перешли на общую с полевыми частями организацию, а 17 стрелковых бригад в Финляндии, на Кавказе, в Туркестане и в Западных губерниях остались при старой.

Наконец, существовала еще и крепостная пехота, имевшая свою особую организацию, действовавшая по особым инструкциям и наставлениям, обучавшаяся только бою в крепости и не предназначавшаяся для выхода в поле.

Однако перечисленный разброд в организации пехоты еще не исчерпывал всей ее запутанности. Дело крайне осложнялось тем, что низшая тактическая единица в русской армии — рота — в разных районах страны содержалась в разных составах. По мобилизации все роты, содержащиеся в уменьшенном количестве рядов, должны были разворачиваться за счет запасных до одинакового состава 100 рядов (200 солдат). Но в мирное время в «неспокойных» районах (Средняя Азия, Финляндия, Польша, Кавказ) роты пришлось держать в «усиленном составе» — т.е. с числом рядов большим, чем в центре страны. В результате роты оказались 11 составов: в 45 рядов (8% всей пехоты), в 48 рядов (46%), в 54 ряда (20%), в 72 ряда (14%), в 84 ряда (8,5%), в 100 рядов (3,5%), а один резервный батальон имел в мирное время роты большие, чем в военное — 150 рядов (104, л. 1). Не меньшее разнообразие существовало и в штатах войск, независимо от разницы в числе рядов: гвардейские полки имели штат отличный от армейских; четырехбатальонные полки Дальнего Востока содержались совершенно по иному штату, чем такие же полки Европейской России. Двухбатальонные полки Финляндии отличались от таких же полков, расположенных в западных военных округах; отдельные стрелковые батальоны в

Средней Азии содержались чуть ли не каждый по своему собственному штату. В штабе, в интендантстве, в любом другом управлении термин «рота», или «полк» еще не ассоциировался ни с чем определенным: надо было обязательно помнить — о какой роте идет речь — среднеазиатской, кавказской или финляндской.

Все вспомогательные и боевые команды в полку и батальоне (разведчики, пулеметчики, телефонисты, писаря, сапожники, кашевары, конные ординарцы и т.д.) формировались за счет рот, в результате в последних находилось в строю приблизительно 75% штатного состава (101, л. 191), что при малом числе рядов (по подсчетам офицером ГУГШ менее 64) ставило роты в неудовлетворительные условия боевой подготовки в мирное время, т.к. значительная часть роты находилась в разгоне, несла караул, наряды и не могла участвовать в учебе.

Столь же пестрой была организована и русская артиллерия¹. Она делилась на пешую и конную. Первая состояла из 3-х гвардейских, 4-х гренадерских, 47 полевых и 9 стрелковых артиллерийских бригад (каждая бригада была сформирована, как правило, из 8 батарей) и 32 дивизионов, включавших в себя по две (реже три) батареи. Конная артиллерия состояла из гвардейской бригады (6 батарей) и 14 дивизионов (полевых и конно-горных) по 2 батареи в каждом. Как и в пехоте, в артиллерии было 7 резервных артиллерийских бригад (40 батарей) и 4 резервных артиллерийских дивизиона (три скорострельных и один горный) по три батареи в каждом. Кроме них существовало 6 резервных осадных артиллерийских полков. После объявления мобилизации каждая батарея развертывалась в четыре батареи, соединяющиеся в бригады 4-х или 5-ти батарейного состава. В целях экономии батареи держали 8-орудийного состава, что очень затрудняло управление огнем в бою. Артиллерийские бригады, в свою очередь, были

---

¹ Организация русской артиллерии до и после реформ 1909—1910 г. подробно рассматривается Е.З.Барсуковым в его первой работе «Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении». М., 1926, с. 61—97 и в более позднем четырехтомном труде «Артиллерия Русской армии (1900—1917)». М., 1948, т. I—IV.

тоже разные и состояли из 2, 3, 5, 6, 7, 8 и 9 батарей, а в военное время часть резервных дивизионов состояла только из 4-х батарей. В то время, как в Германии в 1906—1907 гг. уже имелось по 6 орудий на полевой батальон, русская армия была снабжена в мирное время в среднем от 3,3 до 3,6 орудий, а после объявления мобилизации, в результате увеличения числа пехотных батальонов, оснащенность их артиллерийскими орудиями даже падала до 2,3—3,3. Армия почти не имела гаубичных батарей, существовавшее небольшое число мортирных батарей имело на вооружении давно отжившие свой век орудия.

31 корпус русской армии по заложенной в их организации идее каждый должен был являться высшей войсковой единицей, включающей в себя все рода войск (пехота, кавалерия, артиллерия, инженерные и вспомогательные войска). Однако в угоду внутривойсковым соображениям их организацию пришлось ломать. Большую часть русской кавалерии решили сосредоточить в «неспокойных» западных губерниях, для чего дислоцированные здесь корпуса получили не по одной, а по две кавалерийских дивизии. В результате четвертая часть корпусов, располагавшихся в центре страны, оказалась вообще без конницы.

«Необеспеченность нашей армии техническими средствами и обслуживающими их инженерными войсками, — признавали офицеры ГУГШ, — при современном общем развитии техники, достигла в настоящее время опасных размеров, тем более, что и наличные скудные средства в большинстве случаев устаревших систем и образцов» (там же, л. 192). По штатам саперный батальон (3 роты) полагался только корпусу. Телеграфных и телефонных частей было явно недостаточно, железнодорожных батальонов — тоже.

Как видим, для приведения русской армии в боеготовое состояние коренная реорганизация была совершенно необходима. Без этого любые затраты на пополнение запасов и развитие материальной части делались в значительной мере бесполезными. С другой стороны, и сами эти затраты вызывали неизбежность реорганизации, т.к. по планам министра финансов Коковцова, которые разделял и Николай II, средства на пополнение запасов предполагалось добыть в результате сокращения численности армии (8, л. 211—

215). Именно это последнее соображение и заставляло военное ведомство активизироваться прежде всего.

Выше уже упоминалось об обращении 10 декабря 1906 г. военного министра А.Ф.Редигера в СГО с просьбой отпустить средства на пополнение запасов и материальную часть для армии. За день до этого, 9 декабря, Редигер обратился в тот же СГО с другим письмом (109, л. 137—145). В нем он писал о настоятельной необходимости спешного осуществления целого ряда мер и с грустью отмечал, что осуществление, однако, необходимейших мероприятий встречается с недостатком денежных средств для их проведения в жизнь и для получения средств необходимо сократить армию в мирное время, при условии возможно меньшего изменения ее численности в военное. Чтобы достичь экономии в средствах, военный министр предлагал три меры: 1) расформировать четвертые батальоны в гренадерских и пехотных полках Европейской России; 2) сократить в пехоте число командиров неотдельных бригад и штаб-офицеров в полках; 3) прекратить формирование при мобилизации из пятых рот отдельных резервных батальонов второочередных пехотных полков.

По подсчетам министра, общая экономия от всех предлагаемых им мер должна была дать 28,7 млн руб. единовременных сбережений и 16 млн руб. ежегодных. Эти средства он предлагал использовать для увеличения числа рядов в ротах в мирное время, как минимум до 60, а в военное — до 125 рядов, увеличить число младших офицеров в роте с 2-х до 3-х, довести число инженерных войск до нормы, предусмотренной организацией армии (но неосуществленной из-за нехватки средств), повысить денежное содержание младшим офицерам. Введение предложенных Редигером усовершенствований требовало единовременно 52,8 млн руб. и ежегодного увеличения бюджета на 18,8 млн руб. Таким образом, при всем старании военного министерства предложенная им реорганизация давала не экономию, а возрастание ежегодных расходов на 2,4 млн руб. и единовременно требовала 24,1 млн руб., а армия сокращалась... на 4311 солдат!..

Предложенный военным министром план не вызвал особого энтузиазма у СГО, который именно в это время почти всю свою энергию обратил на отражение

натиска моряков, требовавших миллионных ассигнований на флот. В этих условиях было, конечно же, не до рассмотрения мизерного плана военного министра, не указывавшего по существу никакого выхода из бедственного положения армии. Лишь 25 июля 1907 г. СГО собрался «По вопросу о порядке разработки предложений по усовершенствованию организации армии» (там же, л. 150—153). Открыв совещание, его председатель заявил, что по наведенным им справкам нет никакой возможности рассчитывать на ассигнование в настоящее время денежных средств на осуществление мероприятий, безусловно необходимых для постановки дела государственной обороны в сколько-нибудь удовлетворительные условия, и выход только один — сократить армию и за счет освободившихся средств реорганизовать оставшуюся часть. Военный министр тут же отметил, что в таком случае, приступая к разработке намеченной реформы в организации армии, приходится отказаться от стратегических и политических соображений, а основывать разработку вопроса, главным образом, на финансовой стороне дела. «Исходная точка намеченной реформы — финансовый вопрос», — согласился с Редигером и Николай Николаевич. Придя к такой мысли, СГО решил образовать специальную подготовительную комиссию под председательством члена СГО, ген. Газенкампа. Комиссия эта имела 10 заседаний с 25 августа по 16 ноября 1907 г. (там же, л. 61—133).

Цель ее работы очень образно определил один из членов: «Что жалеть денег на армию нельзя, когда они есть, это верно.., но если денег в государственном казначействе нет, и насос уже не может выкачивать их из населения, которое обнищало, тогда, поневоле, придется подумать» (там же, л. 101). Уже на одном из первых заседаний Комиссия единодушно отклонила проект реорганизации, предложенный Редигером, т.к. вызывая существенную ломку армии (уничтожение четвертых батальонов в полку), предложение министра совершенно не выполняет главной цели — не дает экономии средств. По предложению ген. Мышлаевского, Комиссия попросила присутствующих на заседаниях представителей ГУГШ генерал-квартирмейстера Дубасова, Алексеева и Борисова разработать и представить новый проект реорганизации армии.

Вопросы реорганизации армии к этому времени волновали ГУГШ уже не один месяц. Офицеры его буквально с первых дней образования Генерального штаба занимались выработкой подобных планов и поэтому через 2 недели представили свое мнение. Предложенный ими проект был радикален и продуман, но ни в коей мере не отвечал поставленной СГО перед комиссией цели, т.к. не учитывал состояние финансов страны. Анализируя основы желательной организации армии, Дубасов, Алексеев и Борисов заявили: «В вопросе о количестве и качестве своих вооруженных сил Россия должна соотносываться не с тем или иным финансовым положением страны, не с тем, или иным временным затруднением, в котором она находится, а исключительно с ее политическим значением, приобретенным тысячелетним существованием» (там же, л. 194).

Рассматривая свой проект как план работы на много лет вперед, авторы предлагали содержать русскую армию в размере определенного, твердо установленного процента от всего населения. По их мнению, надо было в мирное время совсем отказаться от резервных частей, перейдя к едино организованным полевым войскам. Роты должны были содержать в мирное время не менее 64 рядов, а в военное — 100, причем ни один солдат не должен отвлекаться в какие бы то ни было команды, комплектующиеся отныне не за счет рот. Три роты сводились в батальон, три батальона в полк, 2 бригады из 2-х полков каждая предлагалось объединить в дивизию, которая теперь должна была стать соединением всех родов оружия, а для этого предполагалось значительно увеличить артиллерию (на 1016 орудий) и инженерные войска. Проект предусматривал переход к территориальной системе комплектования армии, для чего планировалось произвести необходимую передислокацию войск и создание при полевых войсках системы так называемых «скрытых кадров» (там же, л. 213—216).

Суть ее заключалась в следующем: в штатах каждой из 102 полевых дивизий уже в мирное время должны были содежаться офицерские и унтер-офицерские кадры резервных войск. После объявления мобилизации 408 полков этих дивизий, используя «скрытые кадры», формировали по одному резервному батальо-

ну, 306 резервных батальонов сводились в 51 резервную бригаду (25 резервных дивизий), а 102 получали разнообразные назначения вспомогательного характера (усиление гарнизона крепостей, этапная, гарнизонная и вообще тыловая службы).

Однако большинство членов совещания не одобрило предложенного офицерами ГУГШ проекта и высказалось как против уничтожения четвертых батальонов, так и против уничтожения резервных войск и создания «скрытых кадров».

Отвергнув и проект военного министра и проект ГУГШ, Комиссия Газенкампа не предложила ничего взамен. Однако насущная потребность в реорганизации армии была столь велика, что в скором времени появилось уже не два, а четыре пожелания подобного рода.

22 декабря 1907 г. высшим военным чинам разослал свой проект начальник ГУГШ Ф.Ф.Палицын. Поставив целью своей работы: 1) упорядочить созданное; 2) установить цель и наметить путь дальнейшему развитию вооруженных сил страны (109, л. 59), Палицын предложил план во многом повторявший только что отвергнутый Комиссией проект офицеров ГУГШ. По его мнению, закон должен был допустить содержание в России в мирное время армии равной 1% от ее населения. Все дальнейшие мероприятия начальник ГУГШ предлагал разделить на две очереди и сразу же сделать следующее: усилить полевые войска за счет резервных, для чего 7 резервных и 9 стрелковых бригад переформировать в полевые дивизии; сформировать в Туркестане 4 стрелковых дивизии из расположенных здесь стрелковых и резервных бригад; в резервных бригадах из отдельных батальонов развернуть последние в двухбатальонные полки; упразднить в пехотных частях Европейской России и на Кавказе четвертые батальоны; довести роты в мирное время до 60 и 72 рядного состава; при 2-х — 3-х пехотных дивизиях организовать в виде опыта «скрытые кадры» для проверки этой системы формирования резервов; реорганизовать артиллерию в 4-х или в крайнем случае — 6-орудийные батареи и придать каждой полевой и пехотной дивизии по артиллерийской бригаде в 40 орудий; ликвидировать крепостные войска; изменить дислокацию

с учетом требований внешней и внутренней безопасности.

В конечном счете после второго этапа преобразований, рассчитанного на ряд лет, все войска мирного времени получали единообразный состав, должен был быть образован кадр резервных войск при полевых войсках, полевая и тяжелая артиллерия усилена «до норм, принятых армиями наиболее могущественных соседей», усилен офицерский и унтер-офицерский состав. Только по завершении этой программы, считал Палицын, «может быть возбужден вопрос о дальнейшем развитии вооруженных сил, сообразно с потребностями того отдаленного времени» (там же, л. 196).

С поддержкой плана своего ставленника Палицына выступил вел. кн. Николай Николаевич, по требованию которого этот план и был разработан. В СГО тоже не один год ломали голову над разрешением неразрешимого — как улучшить организацию армии и поднять ее боеспособность, не имея на это никаких средств. 29 декабря Николай Николаевич послал царю свой проект и письмо, в котором извещал, что, поскольку «весь организм обороны находится в грозном по своему несовершенству состоянии, безопасность государства далеко не обеспечена», он испытывает «потребность высказать свое мнение по этому вопросу» (74, л. 1) и рассылает свой проект реорганизации армии главе правительства, военному и морскому министрам, министру финансов, членам СГО и начальнику Генерального штаба.

Свой план (236, л. 1—4) Николай Николаевич начинал с критики работы Главного штаба и стоявшего за его спиной военного министра. «Представленный ныне проект реорганизации армии, — писал председатель СГО, — являясь почтенным трудом, по моему мнению грешит одним: в нем нет достаточной смелости». Николай Николаевич решительно высказывался за полное и немедленное уничтожение резервных войск и введение единообразной организации для всей армии: в корпусе должны были сводиться две пехотных дивизии и одна артиллерийская бригада (72 орудия) с дивизионом гаубиц (12 орудий). Три бригады, входящие в состав дивизии, должны были иметь по два трехбатальонных полка, соответствующей реформе должны были подвергнуться и другие рода войск. Не-

обходимые для реорганизации весьма значительные средства Николай Николаевич предлагал получить в результате более правильного распределения их между армией и флотом (с сокращением ассигнований на последний).

Свои мысли о направлении дальнейшего развития вооруженных сил высказал и В.Н.Коковцов (71, л. 1—12). Подчеркнув резкое возрастание расходов на флот и армию в последние десятилетия, министр финансов заявил о невозможности выкачать новые средства из населения и получить их за границей, вследствие резкого возрастания государственного долга и падения кредитоспособности России на внешних рынках. Не вдаваясь в технические детали реорганизации армии и флота, Коковцов твердо заявил одно: для любой реформы и любого развития материальной части средства должны быть изысканы внутри самих ведомств, причем единственным путем для этого, по всей вероятности, может быть только сокращение размеров армии и флота, списание старых кораблей, уничтожение половины крепостей, с тем, чтобы другую их половину можно было поднять до боеспособного состояния. «У нас остается два пути: или оставаться при том же численном составе армии и, следовательно, при тех же дефектах, или же, сократив ее численность, поступиться количеством в пользу качества. «Я не говорю, что следует уменьшить военный бюджет, — пояснял позже главную мысль записки ее автор, — но я хотел бы, чтобы он не увеличивался, и чтобы все расходы на нужды армии покрывались сокращением ее численности» (77, л. 5).

Новый проект реорганизации был предложен начальником Главного штаба ген. Эвертом (80, л. 204—244). В значительной мере он родился как возражение на план начальника ГУГШ и дальнейшее развитие плана военного министра 1906 г. Офицеры ГУГШ не раз заявляли, что их интересует «чистое» военное искусство, а вопрос о средствах для его осуществления должен занимать только чиновников министерства финансов. Главный штаб, призванный, в частности, заниматься снабжением армии, так рассуждать не мог. Его офицеры твердо усвоили основную мысль Коковцова: количество ассигнованных военному министерству средств должно определять размер и глубину всех

преобразований в этом ведомстве. Стало быть надо исходить не из «чистой» военной науки, а из материальных возможностей царизма.

Получив программу ГУГШ, офицеры главного штаба совместно с сотрудниками главного артиллерийского и инженерного управлений подсчитали количество средств, необходимых для ее выполнения. Оказалось, что полное осуществление плана Палицына потребует от 121,4 до 232 млн руб. единовременных и от 52,7 до 49,7 млн руб. ежегодных добавочных ассигнований. Частичное преобразование одной пехоты в Европейской России, на Кавказе и в Туркестане, намеченное по так называемой «переходной организации», требовало от 16 до 51,7 млн руб. единовременно и увеличивало на 8,2—7,5 млн руб. ежегодные расходы военного министерства. Эти расчеты и определили отношение к программе Палицына (там же, л. 339, 331).

Главный штаб соглашался с отмечаемыми в проекте недостатками и признавал, что предлагаемый для устранения этих недостатков и недочетов проект преобразования армии, охватывая собой организацию всех главных родов оружия и некоторых вспомогательных войск, отличается полнотой и дает совершенно стройную и однообразную схему организации, последовательно проведенную в главных родах оружия. С точки зрения стройности и единства организации, по крайней мере в конечном ее осуществлении, проект не представляет желать лучшего, но для России этот план неприемлем и прежде всего потому, что требует ассигнования больших средств (там же, л. 207).

Тщательно разобрав все предложения Палицына, Эверт последовательно отвергал главные из них одно за другим:

1) Издание закона о содержании в мирное время армии в 1% от населения поведет не к ее увеличению (как полагал Генеральный штаб), а к сокращению, ибо при 138100000 человек, несущих натуральную воинскую повинность¹, армия России на 1 января 1900 г. составляла 1385061 нижних чина;

---

¹ 15,7 млн населения России вместо воинской повинности вносили специальный денежный налог.

2) Уничтожение крепостных войск нецелесообразно, т.к. содержание их обходится дешевле, чем полевой пехоты, ибо они не имеют дорогостоящих обозов, лошадей и т.д.;

3) Переход к 3-м батальонным полкам вместо 4-х батальонных ничего кроме возрастания расходов не дает;

4) Замена резервной пехоты кадрированными полевыми частями — эксперимент очень опасный и в условиях необъятной России трудно осуществимый.

Вывод Эверта был таков: *Главный штаб полагает, что выполнение задачи улучшения боевых качеств армии может быть достигнуто постепенным усовершенствованием существующей организации, путем увеличения числа рядов в частях, имеющих слабый состав, выделения команд, распространения 4-х батальонной организации на стрелковые и некоторые резервные части и упрочения тех резервных войск, какие будут признаны необходимыми, а в недалеком будущем и переходом к 120-рядному составу рот в военное время. Основным достоинством предложенных мер Эверт считал то, что они не вызывают увеличения численного состава армии, не требуют немедленных ассигнований, «а могут быть проводимы постепенно, в зависимости от роста населения государства и его финансовых сил». Подчеркнув, что реорганизация армии уже давно признана всеми неотложной, формально поднята военным министром еще в 1906 г. и до сих пор никак не решена, Главный штаб заключал признанием, что «скорейшее разрешение вопроса об изменении преобразования армии, установлении плана этого преобразования и определение мероприятий, могущих быть осуществленными в ближайшие годы — является неотложным» (там же, л. 243-4).*

К этому времени созыв авторитетного совещания для рассмотрения дела реорганизации армии в принципе был уже решен. Еще 31 января 1908 г. председатель СГО предложил военному министру созвать специальное заседание с целью рассмотреть этот вопрос и пригласить для участия в его работе командующих наиболее важных военных округов (там же, л. 107). Редигер согласился. 9 февраля царь утвердил предложение Николая Николаевича о расширенном обсуждении в СГО «этого главнейшего вопроса, то или иное

разрешение которого должно послужить основанием для направления всей последующей деятельности военного министерства по части устройства, организации и дислокации нашей армии» (там же, л. 109). 1 марта 1908 г. военный министр представил от своего имени для рассмотрения в СГО доклад начальника Главного штаба от 25 февраля 1908 г. (72, л. 18), через две недели начальник Генерального штаба послал в СГО новый доклад (80, л. 113—128). Он содержал возражения на критику Главного штаба. По мнению Палицына, исходные предпосылки у обоих штабов были одинаковые: все признавали современную организацию армии неудовлетворительной, отличие было только в различных рецептах избавления от этой серьезной болезни. Причина разногласий, в этом Палицын был твердо убежден, одна — в Главном штабе не поняли, что проект Генерального штаба не единовременная мера, проведенная с сегодня на завтра, а план для деятельности военного министерства на целый ряд лет вперед. Даже так называемый «переходный период» рассчитан на 5—7 лет, а полное осуществление плана — лет на двадцать. Поэтому реализация его не станет особой тяготой для государственного казначейства. «Будучи рассчитанным на 20 лет, он потребует от государства ежегодно 12—17 млн руб. Приняв во внимание, насколько серьезные результаты достигаются осуществлением реформ, намеченных программой, казалось бы со спокойной совестью можно потребовать от родины столь скромной жертвы на ее вооруженные силы» (там же, л. 114). Повторив уже известные нам мысли о необходимости постепенной, но полной замены резервных частей «скрытыми кадрами», уничтожении крепостной пехоты, преимуществе трехбатальонных полков перед четырехбатальонными, Палицын заканчивал свой доклад утверждением, что «устанавливаемые программу основы реформ и развития нашей армии целесообразны и выполнимы» (там же, л. 128).

Прислал свои новые предложения для работы высшего военного ареопага и Главный штаб. Настаивая на необходимости сохранения 4-х батальонов, Эверт предлагал полностью расформировать некоторые резервные части, а освободившийся от этого личный состав направить на создание при полках необходимых

команд (пулеметных, учебных, конно-ординарческих), комплектующихся пока за счет рот. Конкретно речь шла о расформировании 14 резервных бригад и 3 отдельных резервных батальонов, развертывании 6 резервных бригад в полевые дивизии и передислокации 3-х армейских корпусов. После осуществления предложенного плана все пехотные части Европейской России, Кавказа и Туркестана становились полевыми с двоякой организацией полков — 4-х и 2-х батальонного состава (там же, л. 132).

В дальнейшем Главный штаб предлагал постепенно увеличить число рядов в ротах до 64—80—96 в мирное время (120 в военное), увеличить число сверхсрочных унтер-офицеров, выделять не за счет штатов рот все специальные команды, постепенно перейти к полкам только 4-х батальонного состава, добавить к полевым войскам кадры запасных и этапных войск и т.д. Как видим, этот план явился известной уступкой требованиям Генерального штаба ибо тоже, в конечном счете, предусматривал полное уничтожение резервных войск.

Во второй половине марта 1908 г. состоялось 6 заседаний СГО. В работе его кроме 7 приглашенных командующих военными округами приняли участие глава правительства Столыпин и руководители важнейших ведомств — министр иностранных дел, финансов и государственный контролер. Поскольку военный и морской министры являлись членами СГО, произошло, по сути дела, шестидневное заседание правительства с ответственными руководителями военного ведомства. Журнала этих заседаний, к сожалению, обнаружить в архивах не удалось, но полное представление о сути принятых там решений можно получить из доклада Главного штаба в военный совет, в котором приводится перечисление всех принятых одиннадцати пунктов решения (104, л. 6).

В результате многодневной работы было решено не сокращать размеры армий и число войсковых единиц (т.е. оставить по 4 батальона в полку), сохранить резервную и крепостную пехоту, улучшить условия обучения войск, для чего полковые команды выделить из состава рот, артиллерию подвергнуть реорганизации и впредь включать ее в состав дивизий, сформировать гаубичные батареи, реорганизовать кавалерию (выделив из дивизий казачьи полки), инженерные и обоз-

ные войска, которые ввести в состав корпусов, изменить дислокацию полевых и резервных войск, равномерно распределив их по территории страны. Начальник Генерального штаба остался при особом мнении, в котором повторял прежние доводы о преимуществе полевых войск перед резервными, необходимости сокращения числа батальонов и т.д.

Итог решения высшего военного органа, подкрепленный авторитетом руководителей правительства, был ясен: у государства нет средств для коренной реорганизации своих вооруженных сил. На ближайшее время военное министерство должно ограничиться не переустройством, а «мелким ремонтом», латанием дыр в армии, находящейся в состоянии полной дезорганизации. «Государь выразил удовольствие, что не будет никакой ломки, и что не предположено упразднить 4-е батальоны, с которыми армия сжилась в течение 40 лет» (322, с. 44), вот все что понял из длительной дискуссии о путях реорганизации армии ее «верховный вождь»!

Менее оптимистично были настроены руководители военного ведомства. «Ввиду того, что Совет обороны не выработал окончательных указаний относительно желательной реорганизации армии, — доносил в отчете за год царю министр, — вновь было приступлено к разработке общего вопроса о преобразовании армии»... Здесь же он отмечал, на каких основаниях это преобразование будет проводиться военным министерством: «во всяком случае приходится действовать с крайней бережливостью и считаться с тем, что никакое увеличение армии в данное время немыслимо, а все соображения относительно преобразований в армии приходится подчинять условию, чтобы они не вызывали увеличения ни численности армии, ни военной сметы» (51, л. 8, 3). Одной из таких мер был перевод главной массы армии к 3-летнему сроку службы нижних чинов, что позволило, не увеличивая расходов, охватить военным обучением больший контингент новобранцев.

Вопрос об улучшении организации армии не мог быть ни забыт, ни отложен. Жизнь постоянно обнаруживала все новые и новые недостатки, требовавшие немедленного устранения. В марте 1908 г. Столыпин довел до сведения военных руководителей требование

царя о выработке общего плана обороны государства на 10—20 лет. Начальник Генерального штаба решил воспользоваться этим поводом для того, чтобы вопрос о реорганизации армии поднять вновь. 7 мая 1908 г. он подал в правительство первый краткий вариант плана (10, л. 1—23), а 22 августа того же года — значительно расширенный и переработанный «Доклад о мероприятиях по обороне государства, подлежащих осуществлению в ближайшее десятилетие» (там же, л. 69—165). Это был обстоятельный труд, размером почти в 10 печатных листов, послуживший затем едва ли не основным документом для подготовки страны к мировой войне. В нем дана оценка международного положения, проанализирован и почти с исчерпывающей полнотой определен состав будущих враждебных лагерей, определен размер их вооруженной силы.

Среди прочих мер, рекомендованных Генеральным штабом для подготовки к мировой войне, выделен специальный раздел «Современная организация армии; ее недостатки и устранение их». Палицын и Алексеев считали, что отсутствие у России флота «возлагает все заботы по обороне государства на сухопутные силы», а организация их находится в неудовлетворительном состоянии. В армии нет необходимого соответствия между родами оружия, что особенно ощутимо в отношении артиллерии и инженерных войск. Приведя данные о числе орудий в русской и иностранных армиях, Палицын и Алексеев решительно утверждали, что «артиллерии у нас несоизмеримо мало сравнительно с пехотой. Это обстоятельство самым тяжелым образом даст себя почувствовать, — пророчески добавляли они, — при боевом столкновении с Германией и даже с Австро-Венгрией, которая, с реорганизацией своей артиллерии, имеет в виду и увеличение ее». Особенно тревожило Генеральный штаб резкое несоответствие количества тяжелых орудий в России (всего 162) и Германии (516), причем большая часть русских тяжелых орудий, а именно спешно приобретенные в русско-японскую войну 144 полевые гаубицы были явно устаревшей системы. «Инженерные войска, — продолжал Палицын, — недостаточны по числу, а по своей организации не обеспечивают все отрасли технической службы, в которой так нуждается современная армия. В области применения техники к военному делу мы силь-

но отстаем от наших западноевропейских соседей, отчасти по недостатку средств, отчасти вследствие общей отсталости в техническом отношении» (100, л. 11—14). Как видим, Генеральный штаб задолго до начала мировой войны точно определил недостатки царской армии, за которые позже пришлось кровью расплачиваться русскому солдату! Вывод Палицына и Алексеева был категоричен: «Было бы очень опасно для государства начать борьбу, не обеспечив свою армию в техническом отношении столь же высоко, как обеспечен неприятель» (там же, л. 15).

К чему же конкретно сводились предложения начальника Генерального штаба? Кратко свести их можно к следующим пунктам: 1. Ликвидировать войска резервного типа, перейдя к содержанию в мирное время только полевых войск; 2. Перейти к единой организации пехоты в мирное и военное время; 3. Усилить составы рот в пехоте и эскадронов в кавалерии, что создаст более нормальные условия для боевой подготовки войск; 4. Увеличить в вооруженных силах удельный вес артиллерийских и инженерных частей; 5. Улучшить подготовку начальствующих лиц всех степеней; 6. Изменить дислокацию армии и улучшить условия боевой подготовки и повседневной жизни войск, снабдив их необходимым количеством казарм, полигонов, учебных полей и т.д.

Специальный раздел был посвящен военно-инженерной подготовке будущих театров военных действий и планам железнодорожного и шоссейного строительства. «Положение большинства крепостей на нашей западноевропейской границе в настоящее время таково, что доведение их до современного уровня требованний недалеко от создания новых крепостей», — отмечал начальник ГУГШ и предлагал резко усилить инженерную подготовку театра в наиболее угрожаемых и важных узловых пунктах, тщательно пересмотрев «как число наших крепостей, так и готовность их к осаде» (там же, л. 23, 26).

Все необходимые меры для осуществления плана обороны Палицын и Алексеев предлагали разделить на три группы, в первую очередь восстановить истраченные в русско-японскую войну запасы и довести всю материальную часть армии до новых норм, определенных с учетом этой войны, а именно: пополнить число

пулеметов, создать при каждой дивизии как минимум две гаубичных батареи из 12 орудий, а при корпусе — два гаубичных дивизиона по три батареи в каждом, создать при армиях дивизионы тяжелой артиллерии, довести до предусмотренных норм запасы артиллерийских снарядов, патронов и инженерного имущества, укрепить в первую очередь крепости Владивосток, Новогоргиевск, Брест и построить крепость Гродно. Без выполнения мероприятий этой очереди, считал Генеральный штаб, «нельзя вести войну. Без немедленного осуществления этих неотложных мероприятий, образующих первое звено всей программы дальнейшего развития нашей военной системы, оборона государства находится в том рискованном положении, которое, в случае испытания, может свести к нулю и все произведенные до сих пор ради нее материальные жертвы» (там же, л. 60).

Ко второй очереди Палицын и Алексеев отнесли мероприятия преимущественно *организационного* характера, имеющие целью усовершенствование и развитие армии и обеспечение для нее наиболее выгодных условий борьбы с противником. Сюда попало все, что связано собственно с реорганизацией армии (переход в мирное время только к полевым войскам, их единая организация и т.д.), усиление крепостей Ивангород, Выборг, Ковно, Осовец, Бендер, затем — Варшавы и Ровно, строительство некоторых стратегических железных и шоссейных дорог, расширение сети телеграфа и т.д.

Третья группа предусматривала проведение мероприятий общегосударственного характера — переселение на Дальний Восток, развитие производительных сил страны, военное обучение населения, окончание строительства некоторых крепостей и т.д. На первое место в ряду этих мероприятий третьей, последней, очереди было поставлено «воссоздание активного боевого флота на Балтийском море и в водах Тихого океана. Этот элемент вооруженных средств нужен государству, здесь не может быть об этом спора, но до развития в том размере, когда флот начнет оказывать существенное влияние на наши оперативные соображения по боевому употреблению наших сухопутных сил, неминуемо пройдет много лет» (там же, л. 66).

Итак, впервые за последние десятки лет военное министерство выработало и предлагало принять тщательно разработанный далеко идущий план обороны государства. Почти все первоочередные мероприятия, предложенные Генеральным штабом, уже были одобрены царем и правительством и находились в стадии практического выполнения по программе 1908 г. Надо было приниматься за вторую очередь — реорганизацию армии. Однако осуществление выработанных Палицыным и офицерами его штаба мер выпало на долю другого генерала. 26 июля 1908 г. с поста председателя Совета Государственной обороны был удален вел. кн. Николай Николаевич. Это предreshало и судьбу тесно с ним связанного давнего его подчиненного Палицына. 13 ноября он был уволен от должности начальника ГУГШ, а через три недели, 2 декабря 1908 г., на этот пост был назначен командующий Киевским военным округом генерал от кавалерии Сухомлинов.

Отличительным качеством нового начальника ГУГШ было угодничество. Подобно многим русским генералам, он не столько высказывал и отстаивал свое мнение, сколько пытался уловить настроения и пожелания «верховного вождя армии» и действовать в «предуказанном» направлении. Если к этому удобному для «верховного вождя» качеству прибавить изрядную долю оптимизма, жизнелюбия (и легкомысленности!), умение кратко и элементарно доходчиво излагать «вождю» свои доклады, а царицу занимать за завтраками легкой светской болтовней, то станет понятным, почему Сухомлинов стал любимцем «верховного вождя», через три месяца оказался министром и в течение 6 лет возглавлял военное ведомство.

Обладая здравым смыслом и достаточным знанием нужд армии¹, новый начальник Генерального штаба не стал заново «открывать Америку», а взял на «вооружение» те же мысли, которые более откровенно и настойчиво пытался проводить его предшественник. Вся

---

¹ Он участвовал в работе СГО в марте 1908 г. и даже подал свой проект реорганизации армии. Кроме того, Сухомлинов был довольно плодовитым, но неглубоким писателем по военным вопросам (главным образом касающимся кавалерии). В литературе он выступал под псевдонимом «Остап Бондаренко».

деятельность Сухомлинова была осуществлением по частям того, что Палицын предлагал сделать сразу, одним актом¹.

Суть своих взглядов на реорганизацию армии и характер деятельности ГУГШ его новый начальник изложил царю менее чем через две недели (!) после назначения. Этого времени могло хватить, да и то в обрез, только для того, чтобы переехать из Киева в Петербург и ознакомиться с двухлетней дискуссией Генерального и Главного штабов. Свой первый доклад царю (154 «а», л. 8) Сухомлинов начал с указания на неизбежность изменения дислокации армии, при которой в длительных командировках вне пределов своих округов находится 32 батальона, 60 эскадронов и сотен и 8 батарей. Подчеркнув необходимость пополнить запасы и матчасть, Сухомлинов отмечал, что «существующее предложение о реорганизации армии нельзя не приветствовать», но, намекая на разгоревшийся именно в это время Боснийский кризис, а заодно и подлаживаясь под мысли царя добавлял: «однако нынешнее время является для коренных мероприятий совершенно несоответственным, тем более, что к изменению организации, созданной десятилетиями, надо подходить с крайней осторожностью» (там же, л. 2).

Предлагая оставить в полках по 4 батальона, новый начальник ГУГШ далее почти дословно повторял старого: надо сократить резервную и крепостную пехоту, за счет этой меры увеличить число рядов в полевой пехоте, команды не выделять из штатов рот, сократить число крепостей, укрепив те из них, существование которых будет признано необходимым, сформировать гаубичные батареи, снабдить армию тяжелой артиллерией и т.д., и т.п. «Верховный вождь армии», ознакомившись с докладом нового начальника ГУГШ, не потрудился даже сделать трафаретной пометки «Читал».

В начале 1909 г. в Военном министерстве произошли новые изменения. Выступая в закрытом заседа-

---

¹ Е.Ф.Никитин (392, с. 165) прав, когда, споря с А.М.Зайончковским, отрицает авторство В.А.Сухомлинова в сути выработанных реформ. Но он ошибается, считая таковым А.З.Мышлаевского. Первый вариант реорганизации армии был, как мы видели, разработан офицерами ГУГШ ген. Алексеевым и Борисовым.

нии Думы 23 февраля 1909 г., военный министр простодушный А.Ф.Редигер согласился с октябристами, что среди генералов немало бездарностей. На трибуну немедленно выскочил пресловутый Марков II и, стуча кулаком по пюпитру, закричал, что это такое неслыханное оскорбление доблестной русской армии, которого крайне правые никак не могут допустить (35, л. 67). Вскоре Редигера вызвал царь и объявил ему: «После того, что произошло в Думе, вы потеряли авторитет в армии и мое доверие» (322, с. 63). Преемником Редигера стал Сухомлинов, получивший теперь всю полноту власти в военном министерстве (незадолго до этого начальник Генерального штаба был лишен права самостоятельного доклада царю, что ставило его в прямое подчинение военному министру). Став 11 марта 1909 г. министром, Сухомлинов начал более активно добиваться от царя одобрения уже проводившегося плана реорганизации армии. Вскоре он сообщил Коковцову, что с разрешения царя реорганизация армии идет полным ходом. В основу ее положены два указания Николая II: 1. Не увеличивать личных тягот населения по отбыванию воинской повинности и 2. Не выходить за пределы постоянных расходов, ассигнованных в распоряжение военного ведомства (141, л. 13—14).

Через три дня, 14 апреля, военный министр прислал в правительство более обширное письмо (17, л. 2—7). В нем указывалось, что суть одобренной царем программы сводится к следующему: учитывая международную обстановку, характер будущей войны и сравнительную медленность мобилизации русской армии решено: «дабы избежать решительных ударов в период нашей неподготовленности, мы должны поставить между собой и противником пространство», для чего: 1. Оттянуть основную массу войск с западных границ в центр страны; 2. Пересмотреть в связи с этим инженерную подготовку театра, уничтожив часть старых крепостей; 3. Усилить полевые войска за счет резервных. Вся реорганизация должна была быть произведена без дополнительных затрат, но передислокация войск все же вызвала 107 млн рублей расходов на подъемные, новые помещения, плату железным дорогам и т.д. Сухомлинов предупреждал правительство, что происходящая реорганизация отнюдь не избавит

вооруженные силы от всех имеющихся минусов, ибо «недостаток средств не позволит ныне же дать вполне соответствующее развитие специальным родам оружия и войскам вспомогательного назначения; доведение их до современной нормы потребует дополнительных расходов, и при том не только единовременных, но и постоянных, почему это мероприятие приходится отложить до наступления улучшения в финансовом положении страны» (13, л. 11, 18).

Поскольку всю реорганизацию царь проводил в порядке так называемого «верховного управления страной», она не требовала ни санкции правительства, ни утверждения законодательных органов. Так, Сухомлинов претворял в жизнь по частям то, что ранее в различных вариантах предлагал Генеральный штаб и стоявший за его спиной председатель СГО с одной стороны, и Главный штаб с военным министром Редигером — с другой. Более того, фактически осуществление этих мер началось еще при прежнем военном министре Редигере. После подчинения Генерального штаба военному министру, Редигер решил сосредоточить всю работу по реорганизации армии в мобилизационном комитете при Главном штабе и поставил во главе этого дела начальника Главного штаба ген.-лейт. Мышлаевского (104, л. 6).

3 февраля 1909 г. царь утвердил доклад военного министра Редигера «О преобразовании пехоты и изменении дислокации войск» (110, л. 16—20), в котором предлагалось осуществить самую важную часть плана Генерального штаба, предложенную Дубасовым, Алексеевым и Борисовым еще в августе 1907 г. в комиссии Газенкампа. В армии в мирное время уничтожались все резервные и крепостные войска, выделялись из штатов рот отдельные команды (пулеметная, разведчики, конные ординарцы, денщики и т.д.), для формирования после объявления мобилизации резервных войск в составе полевых полков в мирное время создавались «скрытые кадры», уничтожались все отдельные батальоны и т.д. Вся пехота сводилась в единообразные пехотные 4-х батальонные и стрелковые 2-х батальонные полки.

15 февраля 1909 г. царь «повелел» упразднить крепости Усть-Двинск, Либаву, Зегреж, Новогеоргиевск, Варшаву, Ивангород, Очаков, Керчь, Михайловскую

(Батуми) и все укрепление по р. Нарев. Освободившиеся материальные средства предполагалось направить на то, чтобы в ближайшее время привести в порядок оставшиеся крепости Брест-Литовск, Кронштадт, Выборг, Владивосток и вновь возвести крепость Гродно (331, с. 172)¹.

Вскоре царь одобрил новый доклад Редигера — «Об организации саперных частей» (110, л. 126), которым система «скрытых кадров» вводилась и в этом роду войск, саперные батальоны трехротного состава вводились в мирное время в состав корпусов.

Еще через 2 недели, 3 марта 1909 г., Редигер получил от Николая II согласие на преобразование полевой артиллерии (110, л. 128—131)². Число батарей в русской армии сокращалось с 474 до 463, но все они становились действующими, т.к. упразднялась вся резервная и запасная артиллерия. В артиллерии тоже вводилась система «скрытых кадров», в результате чего количество артиллерии, которой обеспечивалась армия в военное время, возрастало на 50¹/₂ батарей. Предусматривалось формирование новых 5 горных и 43 мортирных батарей, на что средства уже были отпущены Главному артиллерийскому управлению. Отмечая крайнюю желательность перейти от громоздких 8-орудийных батарей к более легкоуправляемым 6-орудийным, военный министр подчеркивал, что от этой меры пришлось отказаться, ибо произведенные финансовые подсчеты выяснили, что осуществление проектируемой организации артиллерии потребовало бы нового расхода казны свыше 10 млн руб. ежегодно (110, л. 128).

24 марта царь утвердил доклад уже Сухомлинова «О преобразовании саперных, понтонных и телеграфных частей и полевых инженерных парков Европейской

---

¹ Позже вопрос о восстановлении или уничтожении тех или иных крепостей, неоднократно пересматривался. (Последний раз — в 1914 г.) В этом наиболее ярко проявились колебания военного ведомства, в котором один и тот же министр Сухомлинов то уничтожал крепости (Варшаву, Ивангород), то вновь добивался их восстановления.

² Все касающееся реорганизации артиллерии подробно изложено в капитальном труде Е.З.Барсукова. Артиллерия русской армии. Т. 1. М., 1948. С. 10—18, 52—142 и др.

России и Кавказа» (там же, л. 150), 14 апреля — «О преобразовании железнодорожных войск» (там же, л. 158), 12 мая — «О преобразовании войск Дальнего Востока» (там же, л. 183), 17 июня — «О преобразовании и развитии воздухоплавательных частей» (там же, л. 230).

Из последних докладов наиболее важным был тот, который касался артиллерии. Полевые войска в русской армии до этой реформы вообще не имели в своем составе тяжелой артиллерии, которая вся объединялась в специальные соединения, так называемой «осадной артиллерии». Между тем в других армиях тяжелая артиллерия уже была введена в состав полевых войск. В Германии, например, было 96 батарей тяжелой полевой артиллерии (66 гаубичных и 30 мортирных и пушечных). Теперь из осадной артиллерии (почти вся она отправлялась на русско-японскую войну и была крайне расстроена) и новой матчасти решили организовать 14 гаубичных и 7 пушечных шестиорудийных батарей тяжелой полевой артиллерии. В военное время они разворачивались в 38 гаубичных и 19 пушечных батареи по 4 орудия в каждой. Это не уничтожало разницы в вооружении тяжелой артиллерии между Россией и Германией. Как видим, задолго до начала войны военное министерство России знало, что его полевые войска тяжелой артиллерией вооружены в два раза хуже, чем германские, и мирилось с этим.

17 июня 1909 г. царь утвердил доклад военного министра «Об организации тяжелой артиллерии» (там же, л. 239). Этим докладом из остатков осадной артиллерии, не использованной для полевой тяжелой артиллерии, и из крепостной артиллерии формировалось 4 полка тяжелой артиллерии (33 батареи), разворачивавшихся в военное время в 6 полков (124 батареи). Эта не входящая в состав полевых войск тяжелая артиллерия предназначалась для усиления своих временных укрепленных позиций, для атаки таких же позиций неприятеля, осады его крепостей и укрепленных пунктов.

Острая нехватка тяжелой артиллерии, особенно в сравнении с обеспеченностью немецкой армии, не была тайной ни для Сухомлинова, ни для царя. В этом докладе военный министр извещал Николая II, что русской армии необходимо иметь в два раза больше тяжелых орудий, чем у нее есть — 1100—1200. Однако для осуществления этих планов «потребна сумма

около 110 млн руб. Даже при условии отпуска этих средств, на изготовление новейших орудий потребовался бы весьма значительный промежуток времени — 8—10 лет. Но на отпуск приведенной выше суммы, — с горечью добавлял Сухомлинов, — по обремененности государственного казначейства, рассчитывать невозможно» (там же).

Позже, в годы войны, Сухомлинова обвиняли в том, что он чуть ли не единственный виновник нехватки артиллерии в русской армии, т.к. несмотря на имевшиеся доклады о ее слабости, не принял необходимых мер. Фигурировал в обвинениях Сухомлинова и доклад генерал-инспектора артиллерии вел. кн. Сергея Михайлович от 12 января 1910 г. «По проекту новой организации полевой артиллерии» (82, л. 446—449). В нем шла речь о резком превосходстве германской армии над русской в числе орудий и организации артиллерии. Чиновники Верховной следственной комиссии не удосужились привести резолюцию, которую наложил на докладе военный министр, а она объясняет очень многое. Сухомлинов написал: «Ген. Шт. Несомненно, все это крайне желательно, но средств на это мы не получили. Прошу доложить» (144, л. 4). Мы знаем, что мог доложить Генеральный штаб министру: всю реформу царь велел провести так, чтобы не потребовалось ни одного лишнего рубля! В таких условиях не только легкомысленный кавалерийский генерал, селадон и царедворец Сухомлинов, но и любой другой военачальник смог бы сделать немногое!

14 марта 1910 г. Главный штаб подал в Военный совет обширный доклад «О преобразовании пехоты, артиллерии и инженерных войск» (104, л. 1—70). Он содержал в себе объединенный отчет о результатах разрозненных мер по реорганизации армии, проведенных в 1909 г., и анализ недостатков прежней организации. По мнению Главного штаба, ее отличало три коренных порока:

1. Сложность и ничем не оправданное резкое разномыслие организации войск;
2. Значительное развитие в мирное время резервных войск за счет полевых;
3. Несоразмерность между различными родами войск и слабое развитие артиллерийских, технических и вспомогательных частей.

Поскольку о первых двух недостатках выше уже неоднократно говорилось, остановимся подробнее на

последнем, тем более, что именно в его исправлении руки военного министерства были связаны максимально. В течение многих предшествующих лет царское правительство усиленно развивало наиболее дешевый род войск — пехоту, в результате «увеличения численности артиллерии и инженерных частей значительно отстало от роста пехоты» (там же, л. 2). Итоги подобной экономии резко бросались в глаза при сравнении русской армии с войсками ее вероятных противников. Так, корпус германской армии имел 144 орудия (126 полевых пушек и 18 мортир), 2 саперных роты, телеграфное отделение, дивизионные и корпусные понтонные парки и корпусной обоз. При необходимости корпусу придавался полк тяжелой артиллерии из 32 гаубиц. Австрийский корпус имел 128 орудий (96 полевых и 32 мортиры), 2 саперных роты, телеграфные отделения при дивизии и корпусе, соответствующие парки и обозы, а в случае надобности и специальную тяжелую полевую артиллерию из скорострельных мортир и тяжелых орудий, для перевозки которых применялись автомобили. Русский же корпус имел всего 112 полевых орудий, саперный батальон из 3-х саперных и 1 телеграфной роты, артиллерийские парки и корпусной обоз. Однако даже так бедно были снабжены не все корпуса: пятая часть их (шесть корпусов), имели всего по 96 орудий. В армии не существовало совсем тяжелой полевой артиллерии, было мало мортирных батарей.

Перечислив недостатки старой организации пехоты и достоинства новой, Главный штаб давал итоговую схему организации пехотных войск.

Результаты преобразований выглядели так: (там же, л. 26).

	В мирное время			В военное время		
	По старой организации	По новой организации	Больше (+) меньше (-)	По старой организации	По новой организации	Больше (+) меньше (-)
1	2	3	4	5	6	7
Корпусов	31	37	+6	32	37	+5

1	2	3	4	5	6	7
Дивизий	61	70	+9	95	105	+10
Стрелковых бригад	18	17	-1	18	17	-1
Крепостных бригад	2	—	-2	2	—	-2
Резервных бригад	26	—	-26	—	—	—
Неотдельных бригад	122	140	+18	190	210	+20
4-х батальонных полков	245	280	+35	376	420	+44
2-х батальонных полков	118	66	-52	30	66	+36
Отдельных батальонов	96	—	-96	59	—	-59
Неотдельных батальонов	1312	1252	-60	1828	1812	-16
5-«батальонных» полков	—	—	—	41	—	-41
Запасных батальонов	—	—	—	861	282	-79

Требования царя были выполнены: в мирное время пехота сокращалась на 1502 офицеров и 8505 нижних чина, что давало ежегодную экономию в 2 млн руб. В военное время по новой организации можно было выставить 1995682 солдата, вместо 1829242 по старой. Несмотря на выполнение жестких условий, военному министерству удалось дать более единую и целесообразную организацию своей пехоте как в мирное, так и в военное время.

Хуже было с артиллерией и техническими родами войск, ибо сколько бы ни мудрили офицеры Генерального и Главного штабов, чтобы уничтожить кричащую диспропорцию между пехотой и этими войсками, нужны были средства, которыми военное ведомство не располагало. Это и было сразу же доложено Военному совету. Отметив необходимость «повысить существующее у нас число орудий до 4 на 1000 штыков или с 48 до 54 на пехотную дивизию, Мобилизационный комитет признал, что эта норма «должна быть поставлена, как цель для будущего развития полевой артиллерии; в настоящее же время, ввиду необходимости

многомиллионных расходов для удовлетворения других не менее насущных потребностей армии, усиление полевой артиллерии до желательных норм представляется невозможным, а потому Мобилизационный Комитет единогласно постановил для предстоящего преобразования артиллерии временно пока ограничиться нормой в 48 пушек на дивизию» (там же, л. 27). Даже изменить существующую организацию батарей и перейти в артиллерийских бригадах от шести восьмиорудийных батарей к восьми шестиорудийным оказалось невозможным, т.к. это потребовало бы нового ежегодного расхода в 12 млн руб.

Целью реорганизации полевой артиллерии было обеспечение каждой пехотной дивизии артиллерийской бригадой в 6 восьмиорудийных батарей и каждой стрелковой бригады — артиллерийским дивизионом из 3 восьмиорудийных батарей с заменой, где это необходимо, части полевых батарей горными. Каждый армейский корпус получал мортирный дивизион из 2-х батарей. В мирное время артиллерийские парки как самостоятельные части упразднялись, а командиры артиллерийских бригад и дивизионов подчинялись начальникам пехотных дивизий и стрелковых бригад. В артиллерии, как и везде вводились «скрытые кадры», из которых по мобилизации разворачивались резервные части.

Соответствующие мероприятия были предложены для реорганизации инженерных и железнодорожных войск, однако они были ограничены все тем же требованием экономии, что практически лишало военное ведомство возможности обеспечить армию этими родами войск в необходимых размерах.

Результаты преобразования артиллерии были таковы (332, т. 1, с. 54, 55 и др.) (см табл.)

Требование царя выполнили. Вся реорганизация была проведена с сокращением по всем родам войск 1.306 офицеров, 10104 солдата и 3626 лошадей (количество классных чинов увеличивалось в армии на 1109 человек). Не понадобилось и новых расходов. Более того, образовалась даже экономия: 3067 руб. в год! В пределах узких рамок возможного сделано было все: организация войск была упорядочена, но отсутствие необходимых пропорций между различными родами оружия продолжало оставаться слабым местом армии. При первом же столкновении с серьезным противником нехватка артиллерии, инженерных войск

В мирное время

	Старая организация					Новая организация				
	Арт. бригад	Отд. дивиз.	Батарей			Арт. Бригад	Отд. дивиз.	Батарей		
			Полевых	Горных	Мортирных			Полевых	Горных	Мортирных
Действующая артиллерия	64	31	436	31	27	70	54	442, 3 тяж.	42	74
Резервная артиллерия	6	5	54	4	1	—	—	—	—	—
Запасная	3	—	16	—	—	—	—	—	—	—
Всего	73	36	506	35	28	70	54	442	42	74
			569					558, 3 тяжелых		

В военное время

Название рода артиллерии	Старая организация батарей				Новая организация батарей			
	Пушечных	Горных	Мортирных	Тяжелых	Пушечных	Горных	Мортирных	Тяжелых
Действующая	436	31	28	—	442	42	74	24
Резервная, или формируемая в военное время	191	10	2	—	210	1	9	36
Итого	627	41	30	—	652	43	83	60
Запасная				—	32	21/4	2 ¹ / ₃	—
Всего	682	42	31	—	684	45 ¹ / ₄	85 ¹ / ₃	60
			755				874	

должна была немедленно обнаружиться. Неожиданным это могло оказаться только для тех, кто был плохо осведомлен о состоянии и нуждах вооруженных сил России.

Реорганизация армии вызвала необходимость и некоторых других мер, о сущности которых военный министр доложил во «Всеподданнейшем докладе за 1910 г.» так: «В связи с вопросом о реорганизации армии, подготовлен переход к территориальной системе комплектования и мобилизации... Разработана новая дислокация войск, установлены районы пополнения и заканчивается, в соответствии с этим, составление нового мобилизационного расписания» (52, л. 2). Для передислокации войск согласно новой их организации Государственная дума отпустила в конце 1909 г. около 11 млн руб. (35 «а», л. 205). Выработанная программа начала постепенно проводиться в жизнь.

14 и 29 апреля 1910 г. Военный Совет одобрил доклад Главного штаба, а 16 мая царь утвердил его решение. К 1 сентября 1910 г. армия должна была перейти к новой организации. С этого же дня вводилось новое мобилизационное расписание 1910 г.

Реорганизация претворила в жизнь план, предложенный в Комиссии ген. Газенкампом, Дубасовым, Алексеевым и Борисовым еще в 1907 г. Три года потребовалось русским генералам, чтобы осуществить меры, для выполнения которых не требовалось никаких дополнительных расходов казны!

§ 4. Ликвидация Совета Государственной Обороны. Выработка десятилетней программы развития вооруженных сил в 1909—1910 гг.

Одновременно с реорганизацией войск военному министерству в 1909—1910 гг. пришлось заняться и планами дальнейшего развития и совершенствования материальной части армии. Выработка их происходила в новой обстановке, создавшейся после ликвидации Совета Государственной Обороны. Организован он был вскоре после русско-японской войны и имел целью «объединение деятельности высшего военного и морского управления и согласования ее с деятельностью других правительственных учреждений» (308, с. 1).

С организацией 21 июня 1905 г. Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) и аналогично учреждения (МГШ) в Морском министерстве, руководство развитием вооруженных сил оказалось «сосредоточенным» у пяти независимых друг от друга лиц: председателя СГО, военного министра, морского министра и двух начальников Генеральных штабов (морского и сухопутного), которые имели самостоятельные доклады у царя, т.е. могли действовать без согласования с руководителями своих ведомств. Если вспомнить, что с 17 октября 1905 г. существовал еще и Совет Министров, (так называемое «объединенное правительство»), который тоже претендовал на руководство и согласование деятельности всех ведомств друг с другом, то можно себе представить, какой простор для недоразумений и прямых интриг создавался подобной организацией.

Выше мы уже видели, как ГУГШ, совместно с председателем СГО предлагал один план реорганизации армии, а Главный штаб с военным министром — другой; МГШ — одну морскую программу, а Главный морской штаб с морским министром — другую; председатель СГО совместно с руководителями военного министерства считали необходимым начинать восстановление вооруженных сил России с развития армии, а морское министерство требовало первоочередного внимания к флоту и находило в этом полную поддержку царя. Уже элементарный здравый смысл требовал ликвидации СГО, подчинения начальников Генеральных штабов главам соответствующих ведомств и передачи согласования их деятельности по принадлежности — в Совет Министров. Но главным, что определило судьбу СГО, было довольно решительное выступление его председателя против увлечения маринизмом в прямой ущерб сухопутной армии.

В апреле 1907 г., рассмотрев судостроительные программы, выработанные МГШ, царь утвердил одну из них (190, л. 7) и с категорической резолюцией о необходимости ее выполнения, отправил доклад в СГО, который протестовал против немедленного воссоздания линейного флота на Балтике. Произошел беспрецедентный в царской России случай: имея ясное решение «верховного вождя армии», СГО с ним не согласился! (86, л. 132—146). Разгневанный царь в обход

СГО приказал созвать специальное совещание из моряков, немедленно согласившихся с необходимостью первоочередного воссоздания флота (189, л. 133—224).

Судьба СГО была решена. С этих пор царь *не утвердил ни одного его журнала*, демонстративно держал их по полгода и возвращал с безликой резолюцией в одно слово: «Читал». Окончательное упразднение СГО стало теперь только вопросом времени. Это ясно понял его председатель. Убедившись в невозможности противостоять развитию флота за счет армии, Николай Николаевич 24 марта 1908 г. попросил царя ликвидировать СГО. Николай II заявил, что «пока все оставить по-прежнему, а там осенью будет виднее» (322, с. 431). 26 июля огорченного Николая Николаевича царь освободил от обязанности председателя СГО. Вскоре начальники Генеральных штабов были лишены права самостоятельного доклада царю, что ставило их в прямую зависимость от министров.

Обезглавленный СГО формально просуществовал до лета 1909 г. (49, л. 1—16), но вполне понятно, роль его фактически была сведена на нет гораздо раньше. Победив СГО, моряки одолели главного противника широких планов военно-морского строительства, ибо Совет Министров не собирался становиться в оппозицию царю в этом вопросе. Благоприятную ситуацию решено было использовать в полной мере. Инициатива в дальнейшем развитии вооруженных сил опять, как и в 1906—1907 гг., исходила от моряков. 15 февраля 1909 г. Министерство вновь решило возвратиться к уже поднимавшемуся им ранее вопросу о судостроительной программе на десять лет вперед. В этот день морской министр С.А.Воеводский и начальник МГШ Эбергард обратились к Николаю II со специальным докладом, в котором признавались, что «Морское министерство, потратив два года на выработку, составление и оценку представленных на конкурс проектов линейных кораблей, вынуждено признать, что в настоящее время оно не только не имеет вполне утвержденной судостроительной программы, но поставлено в необходимость вновь пересмотреть вопрос о порядке и постепенности работы» (165, л. 17). Причина этого кроется в том, что фактическая стоимость строительства кораблей на отечественных заводах оказалась гораздо выше, чем это предполагало Морское министер-

ство. Поэтому оно просило у царя разрешения «вновь пересмотреть план развития морских сил государства и, на основании новых расценок, составить новую программу судостроения на ближайшее десятилетие». Воеводский и Эбергард просили разрешения после составления этой программы внести ее непосредственно в Совет Министров в целях согласования самой судостроительной программы и финансового плана ее осуществления «с финансовыми средствами государства, с потребностями военного ведомства и с направлением внешней политики России» (там же, л. 18).

Царь одобрил доклад Морского министерства и, согласившись с его предложением, велел выработанную программу обсудить в особом совещании из министров финансов, иностранных дел, военного, морского, обоих начальников Генеральных штабов под председательством премьера Столыпина.

9 мая 1909 г. начальник МГШ представил в Совет Министров «Программу развития морских вооруженных сил на 1909—1919 гг.». Только что окончившийся Боснийский кризис определил взгляды МГШ на международные задачи России. Если до этого морское министерство при выработке программ не имело перед собой ясной политической цели, то теперь обстановка совершенно прояснилась. «Первейшею заботой, — считал МГШ, — является сооружение Балтийского флота и развитие морских сил на Балтийском море. Политические стремления России на юге и востоке недостижимы, пока не остановлена Германия» (4, л. 96). В связи с этим именно Балтфлоту уделялось все внимание. Здесь предлагалось построить полную боевую эскадру: 8 линейных кораблей, 4 линейных крейсера, 9 легких крейсеров, 36 эсминцев и 20 подводных лодок. На Черном море планировалось обновить легкие силы (что намечалось еще первой программой 1907 г., но так и не было сделано) — построить 3 крейсера, 18 эсминцев, 6 подводных лодок и 6 минзагов. Для Тихого океана, и то под нажимом Приамурского генерал-губернатора, предусматривалось заложить 3 крейсера, 4 канонерских лодки, 27 миноносцев и 12 подводных лодок. Всего новое судостроение должно было обойтись в 852,8 млн руб. (629,3 млн для Балтики, 83,5 млн руб. для Черного моря и 140 млн руб. для Тихого океана). 112,5 млн руб. намечалось на

развитие и переоборудование портов и 160,4 млн руб. — на создание неприкосновенных запасов и развитие 3-х заводов морского ведомства. Всего, таким образом, программа предусматривала израсходование в течение 1909—1918 гг. 1125,4 млн руб., а без уже ассигнованных на 1909 г. средств — 1092,4 млн руб.

Разница в подходах военного и морского министерств к планам дальнейшего развития вооруженных сил особенно резко видна из сравнения предложенного морским ведомством широкого плана строительства флота с проектами военного министерства. Приблизительно в это же время, 15 июля 1909 г., Сухомлинов обратился в правительство с особым письмом, в котором утверждал, что не может выполнить требование Министерства финансов и обойтись только внутренними резервами для изыскания средств, необходимых для развития армии. Сухомлинов подчеркивал, что военное министерство приняло решительные меры к сокращению своих требований к государственному казначейству, понизив их с 90 млн до 41 млн руб. (на 1910 г.). Дальше в этом направлении идти нельзя без явного ущерба для армии и ее жизненных интересов (1, л. 6). Итак, с одной стороны — широкое требование миллиарда рублей на 10 лет, с другой — сокращение и ужимание своих планов более чем в два раза!

3 августа 1909 г. во исполнение решения царя для рассмотрения планов морского ведомства собралось Особое совещание под председательством Столыпина. (Журналы этих совещаний опубликованы в приложении к 384, с. 321—351 и в дальнейшем изложении даются без сносок). Открывая заседание, премьер заявил, что «не представляется никакого сомнения в том, что для России боевой активный флот — совершенно необходим. Ограничиться созданием одного минного или подводного флота Россия не может». Правительство, — заявил он далее, — твердо убеждено в этом. Решительное заявление премьера убедило не всех участников. Правда, никто не пытался совершенно отрицать необходимость флота, даже представители военного ведомства ясно понимавшие, что деньги на флот могут быть взяты только за счет армии. Однако поддерживать выдвинутую Морским министерством десятилетнюю программу, они все же не собирались.

«Россия не может отказаться от обладания военным флотом; он нам необходим, — заявил Сухомлинов... — Тем не менее немедленное развитие морских сил империи... кажется делом трудно осуществимым». Для создания обороны столицы Сухомлинов предлагал ограничиться укреплением Кронштадта и строительством минного флота (миноносцев и подводных лодок).

Еще решительнее против программы выступил начальник Генерального штаба. «История России нас учит тому, — заявил Мышлаевский, — что флот играет вспомогательную роль по отношению к сухопутной армии». А теперешнее положение дел исходит как будто из противного: военное ведомство, принимая во внимание затруднительное положение финансов, сжимается в своих требованиях и основывает реорганизацию войск в пределах существующего бюджета, отказывается иной раз от проведения самых необходимых мер по улучшению материальной части армии, ее артиллерии, обозов и т.д., а морское ведомство, наоборот, предъявляет свои требования в цифрах широких, выходящих за пределы существующего бюджета. Отметив ряд других несогласованностей в действиях обоих министерств, Мышлаевский считал, что до согласования планов Генеральных штабов, на что потребуется вся осень и зима, об утверждении программы не может быть и разговора. В ответ моряки заявили, что они не признают «ложной экономии в деле создания средств морской обороны государства».

В речи Коковцова в адрес Морского министерства раздались два упрека: «Нельзя действовать старыми приемами: согласовались два начальника генеральных штабов и пошли на доклад к его величеству». Без одобрения правительства, без утверждения Государственной думы расходов по программе, подобное соглашение ничего не стоит. «Старые приемы, — признавал этот поседевший в канцелярских битвах бюрократ, — надо бросить». Кроме того, заявил Коковцов, — «он находит намеченный расход в миллиард 96 миллионов — совершенно невозможным». Поэтому министр финансов настаивал на уменьшении расходов и обязательном согласовании программы как с военным министерством, так и с другими заинтересованными ведомствами.

Подведя итог заседанию, Столыпин потребовал, чтобы к 20 августа оба генеральных штаба представили согласованный план, в основу которого положили следующие соображения: 1) «России — флот необходим и должен быть создан в активном виде»; 2) «Программа должна предусматривать не 8 «Дредноутов», а только четыре, вдобавок к четырем имеющимся уже кораблям». Поставив задачи для каждого флота, Столыпин закрыл заседание.

15 августа 1909 г. состоялось совещание военного и морского министров, их начальников генеральных штабов и генерал-инспектора-артиллерии вел. кн. Сергея Михайловича (там же, с. 332—340). Когда Сухомлинов был еще командующим войсками Киевского военного округа, он резко критиковал руководителей военного ведомства за то, что они мало «выбивают» из правительства средств для развития и реорганизации армии. Он прямо писал: «Что касается до средств, необходимых для удовлетворения неотложных нужд армии, то они должны быть изысканы конечно не в пределах ныне действующего бюджета военного министерства, а ассигнованы, хотя бы за счет сокращения бюджетов других ведомств и, прежде всего, морского, так как приведение в боевую готовность армии является первой государственной необходимостью» (80, л. 137).

Ознакомившись с «расстановкой сил» в столице и узнав, что за развитие флота всячески ратует «сам» царь, Сухомлинов безропотно смирился с тем, что необходимые для армии средства в значительной своей части уйдут на флот. «Я здесь ничего не могу поделать, — заявил он как-то в Генеральном штабе.., — Когда я в последний раз был у государя, а он случайно к тому же был в морской форме, он мне сухо возразил: «Разрешите уж нам, морякам, самим принимать решения по тем вопросам, которые касаются флота». Встретившись с твердым мнением «верховного вождя армии», Сухомлинов не стал рисковать карьерой и безропотно сложил свое мнение в карман.

Это и определило позицию Сухомлинова и подчиненного ему начальника Генерального штаба. Они на сей раз согласились с программой Морского министерства, предусматривавшей «создать на Балтийском море такой флот, который дал бы нам возможность

достигнуть господства на Балтийском море и угрожать берегам Германии, при отвлечении части ее морских сил нашими союзниками; при единоборстве же нашем с Германией и Швецией мог бы исполнить задачу по обороне Финского залива». Моряки считали, что этого можно будет достичь после создания двух эскадр — активной из 8 линейных кораблей с соответствующим числом крейсеров и миноносцев, резервной — из судов, выслуживших 10-летний срок в активной эскадре, а также дивизии подводных лодок и дивизии эсминцев.

Не возражая против состава предложенного флота, Сухомлинов и Мышлаевский обратили внимание руководителей морского ведомства на длительный срок выполнения морской программы и ее малую эффективность. Они подчеркнули, что оборона всего балтийского побережья «остается в течение шести лет безусловно, а в дальнейшем (после выполнения программы. — *К.Ш.*), при наиболее для нас трудной обстановке единоборства с коалицией — совершенно лишена содействия морской силы» и целиком ляжет на плечи армии. Поэтому они потребовали, во-первых, выделения специальных кредитов на создание ряда морских крепостей для защиты самого строящегося флота и столицы империи от высадки возможного десанта, а, во-вторых, для начала построить на Балтике легкие суда — эсминцы и подводные лодки, — которые обеспечили бы военному министерству хоть какую-нибудь помощь в обороне Прибалтики.

С первым требованием армейцев моряки согласились очень легко — пусть военное ведомство попросит у правительства кредиты на крепостное строительство одновременно с испрошением по морскому ведомству кредитов на выполнение программы развития морских сил, «дабы оба мероприятия осуществлялись в полной согласованности», но со вторым не согласились. Было бы не вполне целесообразно, — заявили они, — взамен создания правильно сложенной эскадры судов по типу принятой во всех странах, тратить средства на заведение морской силы из легких судов, имеющих вполне сомнительное боевое значение. Создавать же параллельно с активным (линейным) флотом также флотилию мелких судов России не по средствам, ни в

смысле финансов, ни в отношении комплектования флота личным составом специалистов.

Решение совещания было коротким. Оно констатировало отсутствие разногласий между морским и военным министерствами по поводу рассматривавшейся программы, признавало необходимым испросить у правительства дополнительные кредиты на крепости и отмечало, что до создания боеспособной эскадры, т.е. в течение 6 ближайших лет государство должно рассчитывать в отношении обороны южного побережья Балтийского моря, Або-Аландского района и побережья Ботнического залива лишь на сухопутные силы.

Итак, впервые за время после русско-японской войны военный министр Сухомлинов легкомысленно согласился приоритет в деле развития вооруженных сил оставить за флотом. Это было ярким свидетельством недалекости не только одного Сухомлинова, но и всего правительства¹. Только что окончившийся Боснийский кризис, ясно показал, как неподготовленность русской армии к войне с Германией так и то, что последняя держит свои вооруженные силы в состоянии мобилизационной готовности и при малейшей необходимости, не задумываясь, начнет войну. Империалистический мир шел от одного острейшего кризиса к другому, а царские министры полагали, что история отпустит им десятилетие на развитие своих вооруженных сил и половину средств вкладывали в такое мероприятие, которое могло дать положительные результаты только через шесть лет! Поистине, близорукости царских сановников не было границ!

21 августа вновь собралось в том же составе второе совещание под председательством Столыпина. Председатель Совета Министров с удовлетворением отметил, что между военным и морским ведомствами не существует более принципиальных разногласий по основным вопросам обороны государства, однако потребо-

---

¹ В своих очень субъективных «Воспоминаниях» Сухомлинов изображает себя ярким противником линейного флота (с. 224, 225 и др.). Однако архивные документы скорее говорят о его чрезмерной покладистости, чем строптивости. Зная волю царя, Сухомлинов не решился категорически выступить против первоочередного развития флота.

вал от Морского министерства, насколько возможно, сократить расходы на флот и новое судостроение, а от военного — с возможной быстротой определить необходимые на оборонительные сооружения ассигнования, которые находятся в связи с исполнением программы развития морских сил и представить все эти данные к началу ноября 1909 г.

С небольшим запозданием Сухомлинов выполнил требования правительства. 11 ноября он подал Столыпину ведомость расходов на развитие 18 крепостей. Для восьми приморских крепостей по подсчетам военного ведомства требовалось 248,1 млн руб., а на десять сухопутных — 209 млн руб. Итого в дополнение к расходам на флот только на крепости требовалось еще 458 млн руб.

Реакция министра финансов Коковцова была обычной: он выступил с упреками в адрес военного ведомства, которое неожиданно (!) предъявило новые непомерные для казны требования. «Средства, ассигнуемые ныне в распоряжение военного министерства, — предупреждал Коковцов, — являются высшим пределом тех жертв, которые может нести казна на дело сухопутной обороны». Министр финансов напоминал, что и без дополнительных расходов вооруженные силы съедают все свободные средства и, отрицая необходимость расходов на крепости, предлагал Сухомлинову все чрезвычайные расходы на армию ограничить программой 1908 г., предусматривавшей расход 293 млн руб. в течение 7 лет.

14 декабря состоялось третье совещание комиссии Столыпина. К этому времени в военном министерстве была составлена обширная «Записка о мероприятиях по государственной обороне» (154 «б», л. 1—74). В ней перечислялись уже известные нам недостатки в организации и дислокации армии, говорилось о необходимости значительного увеличения артиллерии, инженерных частей, сокращения общего числа крепостей для развития и усиления наиболее важных из них и т.д., и т.п. Подчеркивая, что без соответствующих средств никакие, самые благие, проекты реализовать немислимо, Сухомлинов приводил подсчет, по которому на пополнение материальной части и заведение гаубиц, пулеметов, автомобилей и воздушных кораблей за вычетом уже отпущенных в 1900—1909 г.

116 млн руб. требуется по программе 1908 г. 182 млн руб., на крепости — 458 млн руб., на тяжелую (осадную) артиллерию — 81 млн руб.; на стратегические шосс-се — 114 млн руб., а всего — 835 млн руб. Далее он предупреждал, что и приведенная цифра не может считаться окончательной, т.к. «могущественное развитие артиллерии у наших соседей, очевидно, вынудит и нас к усилению в дальнейшем этого рода войск, причем неизбежно потребуется увеличение числа гаубиц и вообще числа полевых орудий, приходящихся на батальон пехоты» (там же, л. 72).

Теперь совещанию Столыпина предстояло столкнуться с совокупными претензиями и морского и военного ведомств. С третьего заседания оно рассматривало не столько морскую программу, сколько пыталось поделить между обоими ведомствами будущие расходы хоть в каком-то соответствии с их важностью для обороны государства. Открыв заседание, Столыпин сразу же предложил обсудить судостроительную программу с точки зрения совместимости исчисленных расходов с финансовым положением страны и отметил необходимость сокращения во что бы то ни стало этих расходов.

Выполняя пожелание Столыпина, Морское министерство за счет Черноморского и Тихоокеанского флотов сократило свои требования на 340 млн руб. Сухомлинов и Поливанов предъявили свои расчеты. В результате оба ведомства потребовали от казны около полутора миллиардов рублей. Эта сумма, признал Столыпин, «едва ли будет по силам государственному казначейству и требует сокращения». С жалобой на чрезмерные претензии армии и флота выступал и министр финансов. Однако моряки категорически отказались пересматривать свои планы в сторону еще большего уменьшения программы. Дальше в сокращении идти уже некуда, «в таком случае правильнее совсем отказаться от мысли строить флот». Но с этим уже не мог согласиться Извольский. «История показывает, — заявил он, — что государства, пренебрегавшие возобновлением утраченного ими флота, неизбежно нисходили в разряд второстепенных держав». Морской флот — «весьма важный фактор при решении дипломатических вопросов». МИД'у желательно было бы иметь на каждом из трех морей по полной боевой эс-

кадре, но так как одновременное создание столь большого флота невозможно, надо начинать с Балтийского моря.

Совещание оказалось в тупике: удовлетворить полностью требования невозможно, а сокращать дальше — уже нечего. Тогда премьер предложил такой выход: утвердив программу 1908 г., Государственная дума уже гарантировала военному ведомству включение в бюджет вплоть до 1914 г., ежегодно приблизительно по 50 млн руб. на пополнение запасов и прочие нужды. Столыпин предложил и морскому ведомству ежегодно до 1914 г. выделять по обыкновенному бюджету 40 млн руб., а начиная с 1914 г. определить общую сумму чрезвычайных расходов на нужды обороны обоих ведомств в 90 млн руб. в год. Министрам предлагалось к следующему совещанию договориться между собой «относительно распределения вышеуказанных 90 миллионов между обоими министерствами».

Четвертое, и последнее, заседание совещания состоялось 2 января 1910 г. Морское министерство вновь несколько уменьшило свои требования (до 698 млн руб.) и объявило, что «сокращения пали уже в значительной части на боевые и неприкосновенные запасы, и что дальше идти в этом отношении уже нельзя». Так как на новое судостроение уже отпускалось 15 млн руб. в год, то ежегодные добавочные ассигнования по этому ведомству должны были составить 55 млн руб. в течение 10 лет. Военное ведомство потребовало 736 млн руб. — т.е. за 10 лет только добавочные расходы на оба эти министерства должны были составлять 128 млн руб. ежегодно! Поскольку в эти же 10 лет предполагалось докончить строительство Амурской железной дороги и уложить вторую колею Сибирской, на что требовалось 400 млн руб., суммарные расходы возрастали до 1700 млн руб. Как покрыть их? «Самое простое, — считал министр финансов, — было бы признать этот расход чрезвычайным и покрыть его займами. Россия, конечно, найдет такие деньги, но на каких условиях? Через десять лет нам придется платить за эту сумму процентов до 80 млн в год, т.е. мы исчерпаем весь наш нормальный ежегодный прирост доходов. Этот путь ведет к государственному банкротству». Коковцов предлагал прибегнуть к другому испытанному средству — увеличить косвен-

ные налоги. Министерство финансов уже выработало планы увеличения налогов на 30 млн руб. в год, остается необходимость изыскать новые налоги на сумму 80—90 млн руб. в год — объявил Коковцов.

Столыпин потребовал от всех трех министров (морского, военного и финансов), чтобы они внесли в Совет министров краткие записки по сути сделанных ими предложений и предупредил, что весь этот вопрос «будет рассмотрен также в особом заседании под личным председательством его величества».

Совещание под председательством царя так и не состоялось; что же касается объяснительных записок, то они были составлены и внесены в Совет Министров (см. 140, л.25—45; 102, л. 70—80; 9, л. 377—400). Обсудив их, он принял 24 февраля 1910 г. Особый журнал (294, 1962, № 2, с. 120—155), которым утверждались согласованные ранее цифры расходов на армию и флот¹ и намечались источники для покрытия этих расходов. Утвержденные на оборону почти полтора миллиарда должны были, по мысли Совета министров, «исчерпывать собою, при условии нормального течения государственной жизни и отсутствия каких-либо крупных нововведений в военной технике, все расходы казны на военные и морские надобности в ближайший десятилетний период» (там же, с. 142). Николай II утвердил этот журнал, написав на нем: «Согласен. Программу выполнить *обязательно* в 10-летний срок».

Основные положения этого журнала были изложены 25 марта 1910 г. в представлении в Государственную думу, которое для выражения единого мнения правительства было подписано, кроме Столыпина, Сухомлиновым, Воеводским, Коковцовым, начальниками обоих Генеральных штабов, Гернгроссом и Эберггардом, и директором департамента государственного казначейства Николаенко. Выработанная, наконец-

---

¹ На армию — по 71,5 млн руб. в течение 10 лет, а всего 715 млн (из них большая половина — 373 млн руб. на крепости, 147 млн руб. на пополнение матчасти, 114 млн на стратегические шоссе и 81 млн на осадную артиллерию). На флот — 698 млн (614 млн на Балтийский, 51 млн на Черноморский и 34 млн руб. на Тихоокеанский) (там же, с. 132).

таки, и утвержденная правительством общая для обоих ведомств программа знаменовала победу морского министерства над военным¹. Вполне очевидно, что ни при каких обстоятельствах в будущей войне флоту не пришлось бы нести такую же долю тяжести, и от действий его никак не могли ожидать таких же результатов, как от армии.

Однако и само военное ведомство, в пределах отпущенных ему возможностей, мало сделало, чтобы правильно понять и отстоять интересы армии. В действиях военного министерства беспечность Сухомлинова проявилась в высшей мере. Как военный министр он не мог не знать, что дипломатические обязательства заставляли русскую армию начать наступление в Восточной Пруссии на 20 день после мобилизации (позже этот срок был даже уменьшен до 2-х недель!). Было известно ему и резкое несоответствие в оснащении техникой и в первую очередь артиллерией русской и немецкой армий. И в этих условиях он поднимал вопрос об ассигновании почти полмиллиарда рублей на крепости, которые, как это ясно любому, даже не военному человеку, могли быть использованы только для оборонительных целей. Тщательно изучавший вопрос о финансировании русской армии накануне Первой мировой войны А.Л.Сидоров был безусловно прав, когда писал: «Находясь под впечатлением обороны Порт-Артура, военное ведомство решило защищать западную границу не хорошо оснащенной ар-

---

¹ Именно так она была расценена многими военными авторитетами и, в частности, ген.-ад. Куропаткиным, который составил и подал Николаю II, Столыпину, Коковцову, Сухомлинову и Воеводскому «Записку по вопросу об ассигновании военному и морскому министерствам кредитов на неотложные нужды» 16.X.1910 г. (105, л. 1—4) (Переписку по поводу этой записки между Коковцовым и Столыпиным см. 17, л. 1—4). Куропаткин считал ошибкой «развивать флот за счет боевой готовности нашей сухопутной армии, составляющей главную опору России» и требовал, чтобы на флот было отпущено максимум 1/3 всех ассигнований на оборону. Другую ошибку программы Куропаткин видел в увлечении крепостями и в больших ассигнованиях на строительство стратегических шоссе. Вместо этого он требовал развития артиллерии, авиации, автомобильного дела. Нельзя не признать за неудачным «героем» русско-японской войны разумной предусмотрительности.

мией, а сильными крепостями. Это была ошибочная установка, от которой потом пришлось отказаться. Следовательно, самый план военного министерства неправильно ориентировал направление тех средств, которые были отпущены в 1910 г.» (375, с. 55). Подчеркнув явную недостаточность средств, предполагавшихся к выделению для развития артиллерии, инженерных войск и улучшения снабжения армии матчастью, А.Л.Сидоров приходил к правильному выводу: «Военная программа 1910 г., рассчитанная на десятилетний срок, и ассигнованные на осуществление этой программы 715 млн руб., явно не соответствовали росту техники и новым потребностям армии. *Это была программа штопанья небольших прорех в оснащении армии*» (там же, с. 80).

Вопрос о том, достаточное или нет количество средств было выделено в предвоенные годы для развития армии и в состоянии ли военное ведомство было освоить большие суммы, послужил предметом ожесточенной полемики между Сухомлиновым и Коковцовым, когда бывшие министры в эмиграции взялись за писание мемуаров. Огромное количество документальных материалов отложилось и в ГВИА, где хранится фонд специально созданной в годы войны комиссии ген. Петрова, одна из подкомиссий которой под председательством члена Государственной думы Варун-Секрета специально занималась расследованием финансирования армии (82, 83, 84). Эта же тема послужила предметом тщательного изучения и в монографии А.Л.Сидорова, общий вывод которого был, на наш взгляд, совершенно правилен. Мобилизационная неподготовленность русской армии, утверждает этот крупнейший знаток истории российского империализма, являлась результатом вовсе не одной злой воли Сухомлинова. Военного министра можно во многом обвинять, но ответственность за военную неподготовленность армии несло все правительство в целом. Царский режим тормозил осуществление самых назревших потребностей в военной области. Он не мог создать современные, технически оснащенные армию и флот. Не могло царское правительство понять и того, что погнавшись за двумя зайцами, оно рискует остаться без обоих. Делить средства почти поровну между армией и флотом было явным авантюризмом.

Армия нуждалась слишком во многом, и тратить сотни миллионов рублей золотом на флот для нищей, экономически слабо развитой царской России было непозволительной роскошью.

§ 5. Нарушение равновесия сил в районе Черного моря

Вооруженные силы всякого государства развиваются в результате двух слагающих: собственных агрессивных планов и как ответная мера на аналогичные поползновения своих империалистических конкурентов. Выше мы рассмотрели, как от кратковременной авантюры в начале 1908 г., явившейся в известной мере преддверием и предпосылкой Боснийского кризиса, царское правительство перешло к политике сохранения статус-кво в районе Проливов, который всегда был чреват серьезнейшими международными осложнениями. Все дальнейшие шаги по развитию вооруженных сил царизма в это время диктовались не столько непосредственными агрессивными устремлениями, сколько простой необходимостью привести в порядок армию и флот, без которых не мыслило свое существование ни одно империалистическое государство; это было наиболее характерной чертой первого периода в развитии вооруженных сил России.

Однако уже в конце первого периода появились элементы, ставшие отличительной особенностью второго, когда планы развития вооруженных сил царизма стали вырабатываться и рассматриваться как мера, непосредственно связанная с соответствующими акциями потенциальных противников. От приведения в порядок своих вооруженных сил царизм постепенно переходил к убеждению, что надо сравняться, а еще лучше и обогнать в развитии вооруженных сил империалистических соперников. Переход к этой политике в значительной мере убыстрялся и тем, что другие империалистические государства не желали сидеть сложа руки и придерживаться политики статус-кво, которую некоторое время планировала проводить после Боснийского кризиса ослабленная русско-японской войной и революцией 1905—1907 гг. Россия. Возникшее в результате этого нарушение равновесия сил сказалось

прежде всего в наиболее болезненном для царизма месте — в районе Черноморских проливов.

Балканы издревле считались «пороховым погребом Европы». Борьба народов против турецких поработителей создавала чрезвычайно удобный повод для вмешательства великих держав, стремившихся каждый раз к одному — защите своекорыстных интересов и получению тех или иных политических благ и территориальных приобретений. Горючего материала на Балканах было всегда более, чем достаточно для создания постоянной напряженности в этом уголке Европы. Обстановка здесь особенно обострилась с конца XIX в. в результате двух обстоятельств. Первым была активизация национально-освободительных движений балканских народов. Подраставшая национальная буржуазия усилила борьбу против полуфеодальной Турции и Австро-Венгерской монархии, включавших в себя ряд областей, населенных славянскими и иными народами.

Вторая причина заключалась в следующем. Во времена Бисмарка Германия объявила его устами о полнейшей незаинтересованности в балканских делах. Всех обошли его крылатые слова о том, что «Весь Балканский вопрос не стоит костей одного померанского гренадера». Однако после завершения процесса объединения страны, приоритеты внешней политики Германии изменились. Опоздав с началом колониальной политики, немецкие империалисты рассчитывали поправить свои дела в результате экономического поражения народов Малой Азии и Балканского полуострова. К четырем империалистическим державам, господствовавшим в этом районе (Англии, России, Франции и Австро-Венгрии), прибавлялся пятый, настойчиво ставший бороться за свое «место под солнцем». Многолетнее стремление царской России «установить крест на святой Софии» подхлестывалось и обострялось не менее решительным и гораздо более материально обеспеченным стремлением Германии «водрузить знамя над Босфором». Другим результатом усиленного проникновения Германии в Малую Азию была неизбежная перегруппировка сил: «появление на Ближнем Востоке третьего политического деятеля, глубоко заинтересованного в дальнейших судьбах его и

врезавшегося как бы клином между англичанами и нами, — писал в специальной записке «Стратегическое исследование Черного моря» в декабре 1909 г. полковник Генерального штаба Кортацци, — заставляет нас переоценить наши взаимные отношения и вековое соперничество наше здесь неизбежно переходит пока еще в безмолвный, но уже ясно рисующийся и для нас, и для англичан союз против общего врага» (130 «а», л. 23). Это подтверждала и немецкая сторона. «Или на укреплениях Босфора будет скоро развиваться германский флаг, или же меня постигнет печальная судьба великого изгнанника на острове св. Елены», — напыщенно заявлял Вильгельм. На совещании Высшего военного совета в Вене, где были приведены эти слова, эрц-герцог Франц Фердинанд зачитал также «выдержки из личных писем императора Вильгельма к нему, заключающие твердое намерение императора довести намеченную программу утверждения германского влияния на Босфоре до конца, не считаясь для достижения цели ни с какими препятствиями» (154 «в», л. 9). На Балканах, в проливах, все туже и туже затягивался узел империалистических противоречий. Каждый надеялся разрубить его в свою пользу и каждый боялся, что раньше это успеет сделать другой.

Опасаясь, что главный приз в этой борьбе — Константинополь и проливы — ускользнет в чужие руки и стремясь усилить свое влияние в разлагавшейся султанской Турции, крупнейшие империалистические государства, перегоняя друг друга, стали заниматься реорганизацией турецкого государственного аппарата. За финансы взялась Франция. Армию перестраивала Германия. Англия строила флот для турок и обучала его личный состав.

Пользуясь помощью этих государств, Турция, несмотря на многомиллионный государственный долг, приступила к серьезному укреплению армии, реорганизация которой уже с 80-х годов проводилась специальной немецкой миссией (подробнее см. 377). В результате ослабления России во время русско-японской войны Германия резко усилила свое влияние в Турции, объявив, что не остановится перед применением оружия, если посчитает, что ее интересы на Ближнем

Востоке будут кем-либо ущемлены¹. Особенно быстро усиление турецкой армии пошло с лета 1908 г. после младотурецкой революции. Послы и военные агенты в Константинополе, Лондоне, Париже, Риме и Берлине слали десятки депеш о многочисленных турецких заказах на вооружение (см. 256, 137, 152 «а», 213 и др.).

Царское правительство внимательно следило за возрождением турецкой армии. «Турецкое правительство, — отмечал Совет министров в Особом журнале 6.X.1910 г., — напрягает энергичные усилия для усовершенствования своих сухопутных вооружений. В числе отчасти намеченных, отчасти выполненных уже с этой целью реформ достаточно указать: на увеличение численности корпусов с 7 до 14, на реорганизацию многочисленной курдской конницы, на перевооружение большей части армии малокалиберным ружьем «Маузера», а артиллерии корпусов европейской Турции — скорострельными орудиями, на формирование 46 рот, на снабжение армии техническими средствами и на многие другие мероприятия, направленные к ее усилению. Одновременно с сим, ряд строящихся и проектируемых железнодорожных линий в Малой Азии значительно улучшает положение Турции вблизи нашей кавказской границы» (3, л. 116). Но, пожалуй, наиболее полное представление о том, что было сделано для реорганизации армии дает выступление военного министра Турции в бюджетной комиссии парламента в марте 1911 г. «Со времени установления нового режима (с лета 1908 г. — *К.Ш.*) образовано: 100 новых линейных батальонов, 2 железнодорожных батальона, 1 рота гвардии, 44 полевых батареи, 23 гор-

---

¹ В связи с осложнениями на турецко-персидской границе в феврале 1908 г. между товарищем министра иностранных дел Н.В.Чарыковым и военным агентом в Берлине полк. Михельсоном произошел следующий разговор. На вопрос Чарыкова, начнет ли Германия войну из-за Ближнего Востока, Михельсон, очень дельный и наблюдательный аташе, имевший к тому же свободный доступ к самым ответственным военным руководителям Германии, ответил: «Несомненно, что Германия готова будет взяться за оружие, если ей будет кем-либо закрыты пути для колонизации и торговли. Генерал Мольтке (начальник Генерального штаба. — *К.Ш.*) мне это прямо сказал в прошлом году (подчеркнуто мною. — *К.Ш.*)» (106, л. 113).

ных батареи, 2 саперных батальона, 5 саперных рот, 6 эскадронных обозных запряжек, 53 роты пограничной стражи по 250 человек в каждой, 93 пулеметных взвода, 3 гимназии для офицеров, 9 рот телеграфистов, 2 голубиных станции, 6 школ для кузнецов, 1 образцовый батальон для унтер-офицеров, 3 школы пограничной стражи, 1 высшая школа в Гатхане, 1 стрелковая школа для пехоты, 1 школа для офицеров резерва, 1 школа стрельбы полевой артиллерии, 1 школа стрельбы крепостной артиллерии, 1 школа верховой езды, 1 школа кавалерийских унтер-офицеров, 1 школа унтер-офицеров полевой артиллерии, 1 школа унтер-офицеров крепостной артиллерии. Но это еще не все», — добавил он и далее привел еще более длинный список с перечислением вновь построенных казарм, крепостей, фортификационных сооружений и иных мер, направленных к усилению турецкой армии (152 «а», л. 274—275).

Особое внимание уделяло турецкое правительство укреплению Босфора, причем к этому его подталкивала Англия, которая вела в этом вопросе традиционную для ее дипломатии двойную игру. Англия, с одной стороны намекала России на возможность пересмотра режима о проливах, с другой, устами посла в Константинополе Джерарда Лаутера заявляла Камиль-паше, «что английское правительство убеждено в том, что Россия воспользуется первым удобным случаем, чтобы добиться открытия проливов» и поэтому советовала Турции быть особо бдительной в этом вопросе (270, л. 15). Раздавая России, во время выработки англо-русского соглашения, туманные посулы об учете ее интересов в проливах, английское правительство одновременно усиленно торопило Турцию в деле их укрепления. 6 июля 1907 г. помощник английского статс-секретаря по иностранным делам обратился к турецкому послу со специальным запросом, что делается Турцией для укрепления проливов? Он просил разрешения английским офицерам осмотреть босфорские укрепления, «причем заявил, что для Великобританского правительства весьма важно, чтобы Босфорский пролив был надежным образом укреплен». Несколько позже сам Э.Грей обратился к послу «с просьбой сообщить ему, в чем заключаются меры, которые турец-

кое правительство предполагает вновь принять для усиления обороны Босфора» (264, л. 95).

В результате Турция решила предпринять ряд мер по укреплению Босфора, для чего была образована специальная комиссия под председательством главного начальника артиллерии Гиза-паши. Комиссия эта, отмечал русский посол в Константинополе, создана «вследствие неоднократных заявлений, сделанных лондонским кабинетом турецкому правительству относительно необходимости усилить оборону Босфорского пролива» (255 «а», л. 65). Вслед за организацией комиссии, впервые после многолетнего перерыва батареи Босфора начали учебные стрельбы, причем для наблюдения за ними никого кроме, английских военного и военно-морского агентов не пригласили. Во время стрельбы англичане, находившиеся на катере, который стоял у борта турецкого миноносца, имели связь с береговыми батареями. Все это, доносил русский посол, «служит подтверждением того особого внимания, с которым англичане относятся к босфорским укреплениям» (там же, л. 95, 213, л. 105—110).

Аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины резко обострила международное положение и повела к сближению Турции и России. В этих условиях султан стал противиться демонстративному укреплению Босфора, «принимая в соображения дружественные чувства, обнаруженные Россией во время переживаемого ею кризиса и заслуживающие благодарности со стороны турецкого правительства, он (султан. — *К.Ш.*) признает несвоевременным приступать к мерам, которые могут показаться обидными для русского правительства, и потому полагал бы необходимым отсрочить осуществление проекта Босфорских укреплений» (255, л. 90). Однако английское правительство никак не могло согласиться с этим и продолжало вновь и вновь решительно требовать серьезного укрепления Босфора (258, л. 15—16). В результате с помощью Англии и Германии к весне 1911 г. почти все батареи Босфора были перевооружены новыми пушками, пополнен артиллерийский боезапас, перезаряжены старые мины заграждения, начата организация обороны пролива при помощи торпед, для чего приступили к созданию специальных торпедных станций (152 «а», л. 357—365).

Но главные старания Англии были, безусловно, направлены к укреплению турецкого флота, причем в этом деле разгорелось даже своеобразное соревнование между Англией и Германией. Многие годы флот Турции находился в самом плачевном состоянии. После младотурецкой революции новые руководители Турции упрекали султанский режим в том, что он сознательно развалил военно-морской флот, видя в нем себе оппозицию. Турецкий флот был в таком состоянии, что во время войны с Грецией (в 1897 г.) даже не отваживался выйти в море, хотя весь греческий флот сам состоял всего из трех допотопных крейсеров. Все последующие годы турецкие суда ржавели в портах, матросы ничему не обучались, из офицерских должностей были сделаны синекуры, почти не связанные с исполнением каких-либо служебных обязанностей. Рассматривая состояние турецкого флота, к 1908 г. и морской и сухопутный Генеральные штабы пришли к единодушному мнению, что «флот ее (Турции. — *К.Ш.*) настолько незначителен, что вторжение его в Черное море, а тем более производство им каких-либо самостоятельных десантных операций на его берегах возможно для турок исключительно при условии союза с одной из сильных морских держав — Англии, Германии или даже Японии» (120, л. 3).

Вскоре после революции турецкое правительство под сильным нажимом Англии приступило к энергичному восстановлению флота. Во главе его была поставлена группа английских офицеров, возглавляемая деятельным адмиралом Гемблом, «все требования которого исполняются турецким правительством быстро и беспрекословно», — сообщал в МГШ Щеглов (213, л. 19).

Задача Гемблу была поставлена вполне определенная, что уже отмечалось в исторической литературе: «Для поправки дел английской промышленности, — писал Г.Хальгартен в своем капитальном труде, — Англия поручила адмиралу Гемблу надзор за турецким флотом или, иными словами, возложила на него задачу подбить турок на размещение военных заказов, которые, разумеется, должны были быть переданы Англии» (390, с. 460). Дело, конечно, было не в «поправке дел английской промышленности». Английское правительство, реорганизуя турецкий флот, преследовало

другую цель: укрепить свое влияние в Турции и, усилив ее флот, защитить тем самым проливы от посягательств своих империалистических конкурентов. «Поправка дел английской промышленности», кстати именно в это время загруженной военными заказами самой Англии в связи с англо-немецким морским соперничеством, была второстепенным, производным, а не основным фактором.

Потратив два месяца на ознакомление с организацией турецкого флота, адм. Гембл в конце мая 1909 г. поднял свой флаг на броненосце «Мессудие», и впервые после многолетней стоянки турецкий флот выбрал якоря и вышел в море. Накануне Гембл и 5 его помощников были милостиво приняты турецким министром иностранных дел, великим визирем и султаном, «который обратился к нему (Гемблу. — *К.Ш.*) с речью, сказав, что ожидает от трудов их больших улучшений во флоте» (213, л. 51—52). Выход флота к Принцевым островам печать младотурок отметила серией трескучих статей (270 «а», л. 5). Еще более подогревая ажиотаж вокруг военно-морских сил, султан устроил в июне их торжественный смотр, на который были приглашены и члены турецкого парламента. На смотре адм. Гембл, обращаясь к присутствующим депутатам, заявил: флот настоятельно нуждается в деньгах. Нам нужны броненосцы, каждый из которых стоит 2 млн фунтов. Деньги, и много денег, надо израсходовать на базы для флота. Давайте же деньги! — закончил адм. Гембл свою речь депутатам. — Не теряйте времени и помните, что все государства, пренебрегавшие своей морской силой, погибли». «Уверяю вас, адмирал, — ответил один из депутатов, — парламент готов на громадные жертвы, т.к. понимает значение флота». «Это меня утешает, — обрадовался Гембл. — Я жду немедленного ассигнования 2,5 млн фунтов» (172, л. 3).

Первые слухи о предстоящем усилении турецкого флота стали распространяться почти одновременно с назначением Гембла еще в марте—апреле 1909 г. В середине июня Щеглов прислал телеграмму из Константинополя: «Упорно держится слух, что военный совет постановил покупку бразильских броненосцев» (169, л. 22, 260, л. 10, 267, л. 10).

Первоначальные планы Гембла были грандиозны. Угрожая, что в случае их отклонения он выйдет в отставку, Гембл требовал заказа 7 линейных кораблей, 3 броненосных и 3 легких крейсеров, 20 эскадренных миноносцев, 6 подводных лодок и 34 лодок прибрежной обороны. Стоимость этой программы Гемблом определялась в 22 с лишним млн турецких лир. Позже он несколько сократил свои требования, но и в таком слегка урезанном виде судостроительная программа должна была обойтись Турции почти в 165 млн рублей золотом (265, л. 108).

Добившись в ноябре 1909 г. от турецкого правительства принципиального одобрения этой программы, Гембл взял отпуск и отправился в Англию, чтобы начать переговоры с английскими фирмами о покупке или постройке в кратчайший срок судов.

Однако выполнение даже части этих планов требовало колоссальных средств, а возможность достать их, по мнению некоторых русских дипломатов, была «весьма проблематичной» (260, л. 8). При этом они надеялись, что союзная Франция, почти безраздельно господствовавшая в турецких финансах и снабжавшая средствами Турцию, из дружеских чувств к России откажется финансировать строительство турецкого флота. Но радужным этим планам не суждено было сбыться.

Летом 1910 г. в Париж для подписания очередного займа прибыл турецкий министр финансов Джавид-Бей. Русский посол Неклюдов попытался помешать его заключению, указав Пишону на всю вредность для Франции русско-турецкого морского соперничества, которое отвлекало средства от реорганизации русской армии. Неклюдов осведомился о возможности включить в договор специальный параграф, запрещающий использование французских средств на строительство флота и реорганизацию войск у русско-турецкой границы. Выслушав посла, Пишон ответил, что в принципе для французского правительства невозможно ни отказать в займе, ни потребовать от Турции ручательства, чтобы средства, добытые займом не были вовсе употреблены на увеличение флота и улучшение военных сил. Французские государственные деятели и слышать не хотели о каком-либо, хотя бы моральном давлении на турок в просимом Неклюдовым духе. В бесе-

дах с турками, сообщал русский посол, Бриан и Пишон отрицали всякое намерение контролировать турецкие финансы и воздержались от указаний на непомерные военные расходы Турции (267, л. 149, 152 «а», л. 284).

Вокруг турецких заказов завязалась ожесточенная конкурентная борьба — претендентами на них, кроме Англии, выступили и Германия, и Франция, и даже Италия. Все это осложняло положение турецкого правительства, но не разочаровывало английских инструкторов, которые, по сведениям Шеглова, «работали действительно не покладая рук» (267, л. 157, 213, л. 111).

В конце октября 1909 г. флот возвратился после летней кампании в Константинополь. Встречать его на берега Босфора высыпало чуть ли не все население турецкой столицы, а султан отправился навстречу флоту на своей яхте. Усиленная работа английских офицеров дала свои результаты. При виде возрожденного флота султан настолько разволновался, что даже прослезился от радости, о чем турецкие газеты немедленно известили всех правоверных (213, л. 100—102).

Возвратившись из плавания, Гембл и его помощники интенсивно приступили к реорганизации Морского министерства и морского училища на о. Халки. Первым делом Гембл решил сразу избавиться от негодных к службе офицеров и настоял на массовом увольнении всех, не имевших морского образования и не сдавших специального экзамена. По требованию Гембла для каждого звания установили предельный возраст, по достижении которого офицер должен был немедленно уходить в отставку. Число адмиральских званий строго ограничили и установили в соответствие с размерами флота. Все это повело к значительному омоложению офицерского состава и к некоторому подъему его общего уровня.

Вскоре в помощь английским инструкторам прибыли из Англии еще специалисты, а затем, ввиду нехватки квалифицированных турецких офицеров и слабой подготовки, которую давало своим выпускникам турецкое морское училище, английское правительство, используя уже имевшийся у него опыт реорганизации накануне русско-японской войны японского флота, разрешило прием в морские училища Англии турецких

моряков. Хуже всего дело обстояло со штабными работами. Ввиду чрезвычайно низкой теоретической подготовки турецких офицеров, по признанию английских инструкторов, для службы штаба можно набрать не более 2—3 офицеров и потому за эту область англичане не принимались, предпочитая самим делать эту работу (213, л. 216).

В конце 1909 г. в деле реорганизации турецкого флота у англичан неожиданно для них появился серьезный конкурент. Используя прогерманские настроения части турецких государственных деятелей (и прежде всего морского министра Халил-паши), немцы в тайне от англичан повели с ними переговоры о покупке флота в Германии (261, л. 7) и в январе 1910 г. подписали с турецким правительством контракт на поставку 4 новых эскадренных миноносцев. Вскоре турецкий парламент утвердил их покупку (261, л. 96). Средства для этого были собраны заранее путем добровольных (правда, далеко не всегда) пожертвований государственных чиновников и состоятельных налогоплательщиков. 1 февраля парламент отпустил на усиление флота в течение 10 лет чрезвычайный кредит в 5 млн турецких лир (около 50 млн руб. золотом) (262, л. 141). «Невзирая на все финансовые затруднения, — отмечалось в докладе бюджетной комиссии парламента, — мы тем не менее полагаем необходимым иметь флот, способный защищать наши берега и особенно настаиваем на такой его силе, которая обеспечила бы за нами господство на Черном море (подчеркнуто мною. — *К.Ш.*)» (152 «а», л. 94). Эта сессия парламента не только заставила насторожиться Россию, но и говорила о стремлении Турции не допустить безраздельного господства в своем флоте англичан. Оскорбленный тем, что его судостроительная программа отвергнута Морским министерством, адм. Гембл подал в отставку (262, л. 25). Однако избавиться от англичан оказалось не так-то легко. Гембла заменил английский же адмирал Вильямс, а настояния, требования и шантаж Англии еще более усилились (см. 151, л. 26, 208 «а», л. 9).

Не дремала и Германия, которая предпринимала не менее решительные шаги, чтобы урвать часть заказов себе (213, л. 250). По точным, проверенным данным, писал министр иностранных дел 12 июля 1910 г. Сто-

дыпину, Воеводскому, Сухомлинову и Чарыкову, германское правительство уже выразило Порте свое согласие на приобретение Турцией строящегося в Германии большого крейсера, который будет готов в течение будущего года и при этом обещало озаботиться, чтобы германскою верфью, на которой строится крейсер, была бы назначена Турции умеренная цена (267, л. 369). Турция оказалась между двух, или точнее трех огней, ибо Россия, со своей стороны, тоже перешла к активным мерам, настаивая на том, чтобы она резко не усиливала своего флота. 9 апреля 1910 г. по поручению Чарыкова первый драгоман посольства Мандельштам, имевший старые дружественные отношения с великим визирем, посетил его и завел речь о строительстве турецкого флота (261, л. 119—121). Визирь решительно отрицал, что флот строится против России, назвал саму эту мысль абсурдною, но убедить в правоте своих слов никого не смог. 14 апреля 1910 г. Чарыков решил сам побеседовать с великим визирем Хаккы-пашой о морских вооружениях Турции. Визирь заявил, что ни с Россией, ни с Францией и Англией, или Австрией Турция состязаться не может, но признал, что Морское министерство действительно планирует приобрести один крейсер в 15000 т. водоизмещения с целью оказаться сильнее Греции. «Вступать на путь морского соревнования с Черноморским флотом турецкое правительство отнюдь не желает», — заявил визирь и, признавая неуместным какие-либо в этом отношении секреты, обещал держать меня в курсе решений турецкого Совета министров по вопросу об увеличении турецкого флота». Однако успокоить русского посла не удалось (261, л. 146).

Не ограничившись беседой с великим визирем, Чарыков решил по требованию морского агента Щеглова действовать и через Министерство иностранных дел, тем более, что, по его справедливому мнению, момент для этого был чрезвычайно благоприятен. «Выяснившаяся резкая борьба между германским и английским влиянием в рассматриваемой области, — писал он управляющему министерством С.Д.Сазонову, — вероятно располагает турок отменить свои первоначальные предположения о заказе или покупке крупных судов, дабы этим путем избежать неприятностей с Англией или Германией, угодив вместе с тем нам» (там же,

л. 148, 221, л. 60). Сазонов поддержал Чарыкова и вскоре сообщил ему, что имел свидание с Турханпашой (послом в Петербурге), на котором заявил ему, что план усиления турецкого флота мощными современными кораблями «находится в прямом противоречии с тем полным доверия образом действий, которого придерживается ныне Россия по отношению к османскому правительству». Россия никогда не сможет допустить господства на Черном море чьего бы то ни было флота. Попытки к этому Турции приведут лишь к одному — к взаимной гонке морских вооружений. Но «на этом пути, в виду тяжелого положения финансов Турции, едва ли за нею останется последнее слово». Все это, по словам Сазонова, поведет лишь к излишнему обременению бюджетов России и Турции, но ни в коем случае не изменит в пользу последней существующего отношения между боевыми силами обеих империй на Черном море (267, л. 62).

В результате сделанных серьезных внушений турецкое правительство после долгих колебаний решило пойти на уступки и временно ограничиться покупкой двух старых германских броненосцев додредноутского типа. «Вчера получен подписанный контракт продажи двух «Бранденбургов». Сегодня выехали в Германию 30 офицеров и команды. Английский контракт пока еще не подписан», — сообщал Щеглов начальнику МГШ 30 июля 1910 г. (151, л. 34).

Русская дипломатия могла торжествовать. На некоторое время угроза господству России на Черном море была отклонена. Однако радость была недолгой. Несмотря на официальные заявления турецких деятелей, они отнюдь не отказались от мысли построить сильный современный линейный флот и обеспечить себе господство в Эгейском море над Грецией, а в Черном над Россией. Уже через полгода Чарыков опять с тревогой сообщал, что в парламенте вновь поднят вопрос об усилении флота. «Речь снова зашла, — писал он, — как мне достоверно известно, о приобретении для турецкого флота двух броненосцев» (263, л. 35). Турецкое правительство, по его сведениям, уже ведет переговоры с тремя группами английских судостроительных фирм с целью заказать им два мощных линейных корабля с сильным артиллерийским вооружением. Каждый из таких кораблей мог совершенно свободно

в одиночку расправиться со всем Черноморским флотом, в составе которого не было ни одного линейного корабля современного дредноутского типа. Стоимость обоих этих кораблей, по сведениям Чарыкова, составляла всего 2,8—3 млн лир, между тем, как у правительства имелось 3,8 млн, отпущенных парламентом еще в прошлом году. «Великий визирь признает, — сообщал Чарыков, — что ведутся переговоры с Виккерсом и обещает известить, как только контракт будет подписан» (там же, л. 74).

Переговоры с Виккерсом продвигались медленно и прежде всего потому, что морской министр германофил Ахмед Мухтар всячески стремился орудия для кораблей заказать в Германии у Круппа, а Виккерс соглашался принять заказ только целиком и на корпуса, и на механизмы, и на вооружение с броней. Только 7 июня 1911 г. Чарыков сообщил об окончательном подписании контракта. К 3 апреля 1913 г. Турция должна была заполучить линейный корабль водоизмещением в 21 тыс. тонн, с турбинными двигателями и скоростью хода в 21 узел. Линкор вооружался главным калибром в десять орудий тринадцати с половиной дюймов. По мнению английского поверенного в делах, писал Чарыков, «не только второй турецкий дредноут, но и третий, — о скорейшем заказе которого идет речь... будет сооружен в Англии» (236, л. 165).

Итак, в результате совместных усилий Англии, Германии и Франции, снабжавших Турцию средствами, Россия оказалась перед угрозой потерять свое многолетнее господство на Черном море. А без этого господства приходилось расставаться не только с мечтою о Царьграде, но и со значительной долей влияния на Балканском полуострове. И даже, более того, — мощные турецкие линкоры держали бы под своим прицелом важнейшие экономические центры России, угрожали бы Кавказу. «Кавказский театр военных действий, конечно, едва ли будет когда-нибудь тем театром, на котором будет решаться судьба России, — доносил во всеподданнейшем отчете за 1910 г. главнокомандующий войсками Кавказского военного округа. Но, вместе с тем, именно на Кавказском театре решительно невозможно мириться с предположением о возможности хотя бы частичного неуспеха русского оружия, ибо при современном состоянии мусульманского

Востока, невозможно предвидеть всей сложности и опасности событий, которые явились бы следствием такого неуспеха» (59, л. 2). Но именно по этой же причине царизму нельзя было допустить господство на Черном море турецкого флота.

Ни дипломаты, ни военные, ни глава правительства¹ не могли смириться с таким положением. Выход был только один — надо было принимать вызов Турции и спешно начинать строить новый Черноморский флот.

§ 6. Программа строительства Черноморского флота

Выше мы рассмотрели состояние Черноморского флота России после русско-японской войны. Он был настолько слаб, что когда во время подготовки к войне с Турцией в начале 1908 г. спросили моряков о возможности флота принять участие в боевых действиях, МГШ пришлось ответить, что подготовка этого потребует несколько месяцев и не может быть завершена без специальных на то ассигнований. Флот к выходу в море не был готов (96, л. 119).

Получив этот неутешительный ответ, Палицын был вынужден признать, что при таких обстоятельствах нельзя рассчитывать на перевозку войск по Черному морю, и просил председателя СГО Николая Николаевича возбудить перед правительством вопрос о принятии мер к обеспечению Черноморского флота средствами, «дабы рассчитывать на его участие в случае возможных возникнуть в начале апреля осложнений» (там же, л. 149). Но и получив некоторую толику средств, моряки вновь и вновь заявляли сухопутным генера-

---

¹ 9 июля 1910 г. в «Записке управляющему делами Совета Министров Н.В.Плеве», Столыпин писал, что «воссоздание турецкого флота и заказ Армстронгу судов более сильных, чем лучшие из наших черноморских судов... сведет наше положение на Черном море к положению починенному и даже для всего нашего черноморского побережья небезопасному», а поэтому он просил подготовить письмо морскому министру С.А.Воеводскому с требованием приступить к разработке планов усиления Черноморского флота (14, л. 497).

лам, что они не могут рассчитывать на помощь Черноморского флота ни при транспортировке по морю войск, ни тем более, при высадке десанта на Босфоре (150, л. 16).

Царскому правительству уже давно совершенно ясно была видна настоятельная необходимость, если не спешного усиления Черноморского флота новыми боевыми кораблями (в 1906—1909 гг. более неотложной задачей считалось восстановление Балтийского флота), то хотя бы приведение в относительный порядок портов и выполнение неотложного ремонта уже имевшихся на Черном море судов. В начале 1906 г. специальная комиссия под председательством морского министра И.М.Дикова рассматривала вопрос «О целях и организации Черноморского флота» (187, л. 43—47) и, исходя из экономических, политических и стратегических соображений, пришла к мысли о необходимости иметь для России на Черном море сильный военный флот, который обеспечивал бы ей здесь безусловное господство. Разрабатывая его состав, МГШ во всеподданнейшем докладе от 19 марта 1907 г. пришел к выводу, что для удержания за собой господства необходимо реорганизовать базы и иметь эскадру из 8 линейных кораблей, 4 броненосных крейсеров, 9 легких крейсеров, 36 эсминцев и 26 подводных лодок (181, л. 62). Это была программа-максимум, которая по планам МГШ должна была быть выполнена к 1919 г. Как минимум в этом же докладе предлагалось другое — в зависимости от финансовых затруднений, могущих воспрепятствовать созданию на Балтийском и Черном морях по одной полной эскадре, строительство линейных кораблей предполагалось только для Балтийского моря. На Черном море в этом случае должна была быть обновлена артиллерия четырех лучших линейных кораблей и заменены новыми устаревшие эминцы и легкие крейсера. Эту минимальную программу и утвердил Николай II, написав: «Дай Бог нам выполнить в точности малую судостроительную программу» (165, л. 16).

В апреле 1907 г. морской министр Диков подал в СГО программу судостроения на 10 лет, в которой для Черноморского флота предусматривалась реконструкция имевшихся линейных кораблей и новое строительство минного флота в составе 4-х легких крейсе-

ров, 36 эсминцев и 6 подводных лодок. Общий расход на перевооружение линейного флота, обновление минного флота и создание подвижной береговой обороны на Черном море, — писал в этом докладе Диков, — составляет 132 млн рублей (9, л. 26). Однако средств для развития Черноморского флота получить не удалось.

12 июля 1907 г. Николай II утвердил так называемую «малую программу», по которой основные средства уделялись строительству Балтийского флота, а для Черноморского предусматривалась закладка лишь 13 эсминцев и 3 подводных лодок, т.к. наиболее слабой стороной боевой готовности Черноморского флота, по признанию МГШ, являлся недостаток минного флота и принятая программа должна была восполнить этот недочет. Но запланированная и утвержденная программа выполнена так и не была. Отпущенные по ней на легкие силы средства пошли на достройку других кораблей, а на Черном море в Николаеве заложили один опытный подводный минный заградитель «Краб».

Планы войны с Турцией в начале 1908 г. заставили обратить внимание на Черноморский флот, который не мог без предварительных на то ассигнований выполнить элементарных предъявленных к нему требований. По расчетам МГШ, нужно было не менее полутора месяцев для того, чтобы привести его в боеспособное состояние. Специально созданная в морском ведомстве комиссия под председательством товарища морского министра И.Ф.Бострема определила, что для приведения в боевую готовность флота и портов Черного моря необходимо 6 млн руб. Эта сумма и была утверждена СГО, царем, Советом министров и Государственной думой (34, л. 115).

Вплоть до программы, принятой в 1911 г., для усиления Черноморского флота больше ничего конкретного сделано не было, ибо, во-первых, как уже говорилось выше, в ходе Боснийского кризиса Россия пришла к выводу, что пересмотреть конвенцию о проливах ей не удастся, захватить проливы тем более. С начала 1909 г. основной заботой ее стало не допустить изменение статус-кво в проливах. А во-вторых, по мнению МГШ, слабость южных соседей — Турции и Румынии вообще, а в отношении флота и Австро-Вен-

грии — позволяла считать положение на Черном море достаточно обеспеченным, а следовательно — центром усиления флота сделать Балтийское море.

Однако первые же слухи о предстоящем усилении турецкого флота не оказались незамеченными морским министерством России и вызвали с его стороны ответные действия. Слухи эти появились, как мы видели выше, в начале лета 1909 г. и были связаны с активизацией деятельности английского адмирала Гембла, незадолго до этого ставшего во главе турецкого флота.

Признавая важное значение флота на Черном море, МГШ все же считал, что судьба борьбы с Тройственным союзом будет решаться на севере, факт отсутствия морской силы на Черном море должен тревожить менее, чем отсутствие современного флота на Балтийском море. Кроме того, по его мнению, строить одновременно оба флота Россия не может. Чтобы выйти из этого трудного положения, Эбергард предлагал перекупить бразильские дредноуты и так убить сразу двух зайцев — усилить Балтийский флот и не дать туркам приобрести господство на Черном море.

25 июня 1909 г. морской министр обратился с письмами идентичного содержания к А.П.Извольскому и В.Н.Коковцову (175, л. 4). «Создать в противовес нарождающемуся турецкому флоту соответствующий флот на Черном море, — писал С.Воеводский, — представляется для России невысказанным в течение еще долгого ряда лет, в виду первенствующего значения для нас балтийского театра, заставляющего сосредоточить на нем все наши силы». Поэтому он полностью поддержал план начальника МГШ, одобренный в принципе также Николаем II. Царь велел выяснить у министров иностранных дел и финансов возможность покупки бразильских линейных кораблей (267, л. 18). С этой целью министерство иностранных дел направило послам специальный запрос. В результате запросов, министр иностранных дел успокоил С.Воеводского, сообщив ему, что по наведенным в Константинополе, Лондоне и Рио-де-Жанейро справкам покупка бразильских линейных кораблей представляется весьма маловероятной ввиду финансовых затруднений, встреченных Турцией (262, л. 35).

В связи с выработкой общего десятилетнего плана усовершенствования государственной обороны, Морское министерство, продолжая считать главным строительством Балтийского флота, решило все же уделить некоторые средства и для Черного моря. 24 февраля Совет министров принял особый журнал «О мерах к усовершенствованию государственной обороны», и, получив одобрение этого журанала Николаем II, вошел 25 марта 1910 г. в Государственную думу с представлением «О единовременных расходах в течение ближайшего десятилетия на нужды государственной обороны и об источниках для покрытия сих расходов» (294, 1962 г., № 2, с. 132—142).

По этому плану для перевооружения трех старых черноморских броненосцев, строительства 9 эсминцев, 6 подводных лодок, трех транспортов, пополнение некоторых запасов и частичного переоборудования Севастопольского и Николаевского портов планировалось ассигновать около 50 млн руб. «Касавшаяся Черноморского флота часть программы развития наших морских сил, — отмечал позже Совет министров, — была составлена по соображению с современным состоянием турецкого флота, которое давало возможность рассчитывать, что наличный состав имеющихся у нас на Черном море линейных кораблей, по перебронировании и перевооружении наиболее устаревших из них, окажется вполне достаточным для сохранения за Россией преобладающего там положения» (3, л. 113).

Однако с началом 1910 г. тревожные для царских министров сведения о заказе Турцией современных линейных кораблей вновь стали поступать в Петербург на сей раз одновременно и из Константинополя и из Лондона. Речь шла о строительстве на верфях Виккерса и Армстронга двух линейных кораблей, 6 эсминцев и 10 подводных лодок (267, л. 93). Через месяц Шеглов сообщил, что им точно установлено, что турки заказывают в Англии 2 линейных корабля, 1 броненосный крейсер, 9 эсминцев и 4 подводных лодки (172, л. 87).

Первоначально слухи о новых попытках усиления турецкого флота не изменили планов Морского министерства. С.А.Воеводский по-прежнему упорно продолжал считать развитие Черноморского флота второстепенным делом. На встревоженное письмо С.Д.Сазонова он ответил, что, ввиду отсутствия должных су-

достроительных средств на юге России, не представляется возможным уравновесить проектируемые силы оттоманского флота путем усиления Черноморского флота современными судами к сроку готовности сил противника. Признавая, вместе с тем, что воссоздание турецкого флота повлечет ослабление положения России на южном фронте и, в особенности, явится опасным в случае войны с западной коалицией, Воеводский предлагал МИД'у изыскать меры, хотя бы временного характера, для задержания выполнения Турцией судостроительной программы (там же, л. 88).

Министерство иностранных дел само уже предприняло демарш в Константинополе и в Петербурге, предупреждая турецкое правительство о бесполезности морского соперничества Турции с Россией. Однако, в отличие от морского министра, оно не могло рассматривать Черноморский флот только как придаток к Балтийскому в случае борьбы с Германией. По его мнению, Черноморский флот имел вполне самостоятельное, и не менее важное значение, чем Балтийский. «Нам необходимо сейчас же заложить суда в Черном море» (267, л. 110—113), — требовал Чарыков. Он предлагал приступить к рассмотрению в Особом совещании предположений о внесении в законодательные учреждения дополнительного по Черноморскому флоту законопроекта вдобавок к тому, который был выработан ранее, до начала возрождения турецкого флота.

Вскоре Извольский обратился к царю со специальным докладом, в котором с тревогой писал о турецких вооружениях и о своих беседах по этому поводу с Турхан-пашой (турецкий посол в Петербурге). Из бесед с ним, а также из специального письма министра иностранных дел Рифаат-паши, Извольский пришел к выводу, что турки неискренни в своих уверениях об отсутствии у них желания получить господство на Черном море. Царь поддержал своего министра. «На заявление Турхан-паши нельзя смотреть серьезно, — написал он на докладе. — Мы обязаны думать о своих насущных интересах на Черном море и стало быть приступить к усилению тамошней нашей морской силы» (там же, л. 127).

Однако Морское министерство по-прежнему не входило в правительство с программой спешного уси-

ления Черноморского флота. Причину этого точно определил премьер-министр П.А.Столыпин: «Морское ведомство видимо боится начать активную деятельность на Черном море, думая, что для наших законодательных палат это будет громоотводом от большой судостроительной программы» (14, л. 497). Столыпин просил Н.В.Плеве подготовить соответствующие письма военному и морскому министрам. Выработка этого письма была ускорена обращением к Столыпину Извольского, который извещал премьера, что к домоганиям английских фирм о постройке линейных кораблей не менее решительно присоединились и немецкие заводчики, поддержанные своим правительством (267, л. 195). 20 июля 1910 г. Столыпин обратился к военному и морскому министрам со специальным письмом. Отметив экономическое пробуждение Малой Азии и рост турецких вооруженных сил, Столыпин считал, что России необходимо безотлагательно приступить к мероприятиям, могущим уравновесить ее военное положение на Черном море в связи с предстоящим увеличением турецкого флота. По его мнению, военное ведомство самостоятельно, без морского, на Черном море ничего серьезного предпринять не может и задача сводилась, главным образом, к усилению Черноморского флота, к чему и следовало немедленно же сделать соответствующие шаги, независимо от большой судостроительной программы, осуществление которой не должно было затормозиться от исполнения намечаемой частной и весьма срочной задачи усиления Черноморского флота (369, с. 38).

Получив письмо от премьера, морской министр 26 июля 1910 г. вошел к Николаю II со специальным докладом. Изложив мысли Столыпина, Воеводский добавил, что по сведениям МГШ, усиление турецкого флота, сверх приобретенных недавно в Германии 4 эскадренных миноносцев, выражалось в двух линейных кораблях в 18 тыс. т. водоизмещения и в одном броненосном крейсере первого ранга. По мнению Морского министерства, для сохранения господства на Черном море в дополнение к уже имеющейся бригаде из трех старых броненосцев, типа «Иоанн Златоуст», надо заказать три линейных корабля новейшего типа, 9 эсминцев и 6 подводных лодок, закладка которых

была отнесена морским ведомством первоначально на более поздние сроки (171 «а», л. 8).

Получив одобрение царем указанной программы, морской министр послал ответ Столыпину, в котором напомнил премьеру историю выработки судостроительных программ и те препятствия экономического характера, которые принудили Морское министерство, несмотря на признаваемое значение создания на всех морях достаточного флота, ограничиться на ближайшее десятилетие требованием ассигнований лишь для усиления Балтийского флота, как имеющего главнейшее значение в общем плане обороны империи. Воеводский напоминал, что при обсуждении этого вопроса в 1907—1908 гг. Морскому министерству неоднократно было указано, что одновременное усиление флота на обоих морях неосуществимо по экономическим соображениям. Это и заставило морское ведомство ради воссоединения Балтийского флота отказаться от развития Черноморского. Новая позиция правительства с ясным указанием, что выполнение частной задачи усиления Черноморского флота, не затормозит общей программы и не ослабит Россию на Балтийском море, устранило главную причину, препятствовавшую принятию мер для усиления Черноморского флота. Воеводский добавлял, что программа усиления Черноморского флота Морским министерством уже выработана и 26 июля одобрена царем (171 «а», л. 9). Столыпин приветствовал решение морского ведомства и потребовал определить производительность казенных верфей на черноморском побережье, чтобы в случае необходимости добавить к указанным ассигнованиям на судостроение необходимые кредиты для переоборудования расположенных в Черном море казенных судостроительных верфей, доков и портовых мастерских (там же, л. 13).

Произведя необходимые расчеты, Морское министерство 23 сентября 1910 г. обратилось в Совет министров со специальным докладом «Об ассигновании средств на усиление Черноморского флота» (5, л. 2—6). Доклад повторял аргументацию, которая была высказана ранее Столыпиным, Извольским и Воеводским в их предварительной переписке. Новым в докладе было только одно — для уменьшения срока строительства с $4\frac{1}{2}$ до $3\frac{1}{2}$ лет Морское министерст-

во, в противоположность Столыпину, высказывавшему за строительство только на казенных заводах, допускало, что дело строительства флота можно передать частной русской фирме, достаточно гарантирующей успех, вменив ей в обязанность оборудовать верфь вполне солидно и сообразно новейшим требованиям техники. Общие расходы по этой программе были определены в 135,7 млн руб., из них 13 млн руб. предполагалось потратить на переоборудование заводов и адмиралтейств морского ведомства, а остальные 122,4 млн руб. на строительство 3-х линейных кораблей, 9 эсминцев и 6 подводных лодок (3, л. 374). Разверстка кредитов была рассчитана на выполнение программы в течение четырех лет.

В начале октября 1910 г. Совет Министров рассматривал программу, предложенную морским министерством. Существующие силы Черноморского флота, по мнению правительства, были вполне достаточными для единоборства с имевшимся турецким флотом, хотя бы и несколько подкрепленным купленными уже и намеченными к покупке в последнее время в Германии линейными кораблями старой постройки. Но в случае приобретения Турцией линейных кораблей современного типа, преобладание над турецким флотом может весьма быстро исчезнуть, если только своевременно не озаботиться постройкою таких же судов. Потеря господства на Черном море, по мнению правительства, была особенно опасна в связи с тем, что под влиянием антирусской агитации Турция в последнее время в ряде вопросов стала занимать враждебную России позицию. По общему мнению Совета министров, пришло время спешно принять меры для укрепления стратегического положения России на границе с Турцией и «первенствующее в ряду этих мер место должно быть, конечно, отведено увеличению боевой силы Черноморского флота» (3, л. 113—122).

Однако, признав в принципе необходимым спешно усилить флот на Черном море, Совет министров не нашел возможным немедленно утвердить предложенную Морским министерством программу, т.к. она не была предварительно согласована с Министерством финансов, в результате чего источники для покрытия предлагаемых расходов найдены не были. Кроме того, по мнению государственного контролера, нужно было

еще убедиться, насколько велика возможность морского ведомства практически реализовать испрашиваемые им средства. В результате, признав предположения морского ведомства о спешном усилении Черноморского флота сверх пределов, намеченных в десятилетней программе 1909—1910 гг., оправданными обстоятельствами и подлежащими исполнению, Совет министров постановил образовать под председательством Морского министерства Особое междуведомственное совещание для окончательного выяснения возникших в заседании вопросов. Комиссия под председательством С.А.Воеводского быстро закончила свою работу, и 2 декабря 1910 г. Совет министров особым журналом разрешил Морскому министерству войти в Государственную думу с просьбой отпустить на строительство Черноморского флота 150,8 млн руб. (3, л. 131—133).

17 января 1911 г., через четыре дня после того, как Николай II утвердил журнал Совета министров, морское ведомство вошло с этой программой в Государственную думу. Ни комиссия государственной обороны, ни бюджетная комиссия, ни пленарное заседание Государственной думы (28, л. 16—18) не внесли никаких существенных изменений в программу Морского министерства. Одобренная 19 мая 1911 г. царем она стала законом — первой утвержденной законодательными органами программой развития военно-морских сил России после разгрома их в водах Цусимского пролива.

Выработка и принятие программы строительства Черноморского флота в 1910—1911 гг. было свидетельством того, что в развитии своих вооруженных сил царизм вступал во второй этап, когда планы военного и военно-морского строительства начинали рассматриваться как ответная мера на развитие вооруженных сил своих соседей, а также как первый шаг на пути к подготовке борьбы за передел мира, борьбы, начало которой из-за критического финансового положения отодвигалось царским правительством на сравнительно далекое время.

Глава III.

ВТОРОЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИИ (1911—1914)

---

§ 1. Особенности второго этапа

В военно-исторической литературе уже высказывалось категорическое утверждение о том, что подготовка вооруженных сил царизма к мировой войне прошла через два этапа. «Подготовку русских вооруженных сил к Первой мировой войне можно разделить на два периода, — утверждается во введении к капитальному труду «Флот в Первой мировой войне», — первый из которых длился с начала 80-х гг. XIX в. до русско-японской войны 1904—1905 гг., а второй — со времени окончания этой войны и до начала Первой мировой войны» (389, т. 1, с. 17). С такой периодизацией никак нельзя согласиться. Утверждать, что Россия начала готовить свои вооруженные силы к *мировой* войне за 10 лет до заключения франко-русского союза, более чем за 25 лет до образования Антанты, — значит приписывать царизму такую прозорливость, которой он никогда не обладал.

Если признать правомерность такой периодизации, то надо отрицать тот факт, что с середины 90-х гг. царизм начинал готовиться к авантюре на Дальнем Востоке, а позже вплоть до Боснийского кризиса, рассчитывал на успех в единоборстве с Турцией. Только после Боснийского кризиса царским военным и дипломатам стало очевидным, что грядущая война неизбежно будет по крайней мере общеевропейской, и к ней-то и надо готовить свои вооруженные силы. Лишь к этому же времени более или менее определился состав будущих враждебных коалиций, хотя заигрывания их с отдельными членами противостоящего блока и

надежда перетянуть колеблющихся на свою сторону продолжались и позже.

На наш взгляд, периодизация подготовки вооруженных сил России к Первой мировой войне должна быть хотя и двухчленной, но совершенно иной, вытекающей из внутренней закономерности развития вооруженных сил царизма, закономерности, определяемой целым рядом компонентов: военными и дипломатическими планами, международной обстановкой, состоянием финансов, внутривластным положением в стране и т.д. Выше говорилось о том, что первый период падает на 1906—1910 гг. Второй этап в развитии вооруженных сил царизма проходил в условиях, значительно отличавшихся от тех, которые существовали в 1906—1910 гг. Это проявилось во многом. Все начало XX века вплоть до 1909 г. Россия переживала глубочайший экономический кризис, который усугублялся колоссальными расходами на русско-японскую войну и последствиями первой буржуазно-демократической революцией.

В результате войны и революции доходы казны катастрофически упали, а расходы ее стремительно возросли. Задавшись целью во что бы то ни стало задвить революцию, правительство сократило все свои расходы, сэкономило каждую копейку, чтобы использовать ее для поддержания и укрепления прогнившего царского режима. При хронической нехватке средств внутри страны добыть их можно было только за границей. В результате внешний долг России возрос за это время почти на 3 млрд руб. и ежегодные платежи по процентам увеличились на 150 млн сверх того, что России уже приходилось платить в конце XIX в. (376, с. 15).

Все это имело следствием одно: царское правительство, несмотря на желание, не в состоянии было уделить вооруженным силам столько средств, сколько считали для этого необходимым военные. Вспоминая об этом времени, помощник военного министра А.А.Поливанов говорил в Думе: «Армия была тогда лишена многого для нее необходимого, причем эта необеспеченность ее проистекала не только от расхода, неизбежного на каждой войне, но и от того, что она находилась в состоянии отсталости по снабжению ее средствами, созданными военной техникой. Тогда, в 1908 г., не хватало почти половины комплекта обмун-

дирования и снаряжения, потребных для выхода в поле армии военного состава, не хватало винтовок, патронов, снарядов, обозов, шанцевого инструмента, госпитальных запасов; совсем почти не было некоторых средств борьбы, на необходимость которых указывал как опыт войны, так и пример соседних государств: не было гаубиц, пулеметов, горной артиллерии, полевой тяжелой артиллерии, искровых телеграфов, автомобилей, т.е. таких средств, которые в настоящее время признаются необходимым элементом сильной армии, скажу коротко: в 1908 г. наша армия была небоеспособна» (39, л. 110). Весь первый период и был направлен на уничтожение перечисленных недостатков и приведение армии в порядок, причем, как мы помним, жестко экономили на самом необходимом: основное мероприятие этого времени в армии — ее реорганизация и изменение дислокации было проведено без траты из казны хотя бы одного рубля!

Второй период развития вооруженных сил России почти точно совместился и со вторым периодом в истории ее финансов (1910—1914 гг.). Предвоенный промышленный подъем и серия небывало урожайных лет, счастливо совпавшая с ростом цен на сельскохозяйственные товары на мировом рынке, имели своим следствием значительный рост внутреннего накопления в стране и увеличение доходных статей бюджета. Доходы государства за это время возросли почти на 1 млрд рублей. Соответственно выросли и расходы, причем значительная часть их — более 25% упала на военное и морское министерства. Если на армию и флот за 3 года — с 1908 по 1910 г. было израсходовано 1702,4 млн рублей (в среднем по 576,5 млн руб. в год), то в 1911—1913 гг. эта сумма возросла до 2148,63 млн руб. (в среднем по 716,21 млн руб. в год) (см. 303, 306). Состояние бюджета в это время оказалось столь благополучным, что для финансирования развития вооруженных сил не пришлось делать новых займов и даже вводить новые налоги, предусмотренные выработанной правительством десятилетней программой 1909—1910 гг.

Улучшение финансового положения привело не только к увеличению ассигнований на армию. Изменился и сам их характер. На первом этапе планы материального снабжения и реорганизации войск не

были связаны друг с другом и проводились как независимые мероприятия (исключение составлял флот, где введение новой техники — кораблей — было однозначно организацией новых воинских частей). В 1908 г. приняли план пополнения запасов и улучшения материальной части армии, а в последующие годы произвели ее реорганизацию. На втором этапе дело обстояло иначе: и Малая программа 1913 г. и Большая программа 1914 г. предусматривали и снабжение новой материальной частью, и организацию новых воинских частей, и одновременное финансирование обоих этих мероприятий. Проведение программ через Государственную думу, придавало им силу закона, что обеспечивало военному министерству гораздо большую свободу в осуществлении признанных им необходимыми мер, позволяло вести свою деятельность более планомерно, менее завися от воли и настроения того или другого министра финансов.

Агадирский кризис 1911 г., поставивший Германию на грань войны с Францией и Англией, лишней раз показал, что империалистические противоречия между Германией и ее главными соперниками по дележу колоний — Англией и Францией — не могут быть разрешены мирным путем. «С каждым днем становилось яснее, — пишет специально исследовавший этот период В.И.Бовыкин, — что военное столкновение между Германией и англо-французской Антантой надвигается неотвратимо. В накаленной атмосфере предвоенных лет оба империалистических лагеря с лихорадочной поспешностью готовились к войне» (337, с. 71).

Резкое обострение международной напряженности вызвало соответствующие изменения и во внешней политике царской России. В работах отечественных историков твердо установлен тот факт, что ни заключение англо-русского договора в 1907 г., ни Боснийский кризис 1908—1909 гг. не означали еще окончательного присоединения России к Антанте и не лишали ее надежды на удачное маневрирование между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией с Австро-Венгрией — с другой. И.И.Астафьев, специально изучавший русско-германские отношения в 1905—1911 гг., пришел к выводу, что только Потсдамское соглашение в августе 1911 г. положило конец подобным колебаниям (390).

Столь полное совпадение периодизации истории вооруженных сил царизма и его внешней политики, разумеется, не случайно. Оно — лишнее свидетельство теснейшего переплетения и взаимосвязи империалистической дипломатии с милитаризмом. Слабость царской армии и флота заставляли дипломатов маневрировать, избегать обострения международной обстановки. Однако, чем дальше, тем труднее становилось проводить подобную политику. За годы, приходящиеся на второй период в развитии вооруженных сил царизма, вблизи границ России прошло три войны. Австро-Венгрия и Германия предприняли ряд акций, резко ухудшавших их взаимоотношения с Россией.

Была и еще одна особенность второго периода: если на первом этапе руководители трех главных ведомств, деятельность которых мы анализируем (военное, морское и МИД), менялись довольно часто (в морском и военном за 4 года сменилось по три министра!), то на втором этапе во главе их постоянно находились одни и те же люди (В.А.Сухомлинов, И.К.Григоревич, С.А.Сазонов), что обеспечивало стабильность в выработке планов подготовки к войне и в развитии планов строительства армии и флота.

В канун мировой войны «интересы империалистических держав настолько переплетались, что практически становилось невозможным, сглаживая противоречия с одной из держав, не обострять их с другой; и политика установления путем соглашений «наилучших отношений» со *всеми* великими державами, которую пытался проводить Извольский (предшественник С.Д.Сазонова на посту министра иностранных дел. — *К.Ш.*), была внутренне противоречива. Она содержала много подводных камней, обходить которые становилось все труднее, тем более, что царизм при этом не хотел отказываться и от собственных империалистических планов» (390, с. 231).

Новому царскому министру иностранных дел С.Д.Сазонову в 1910—1911 гг. невольно приходилось делать окончательный выбор. Он в значительной мере определил характер и направление развития вооруженных сил России на втором этапе. Отказ царского правительства подписать в августе 1911 г. общеполитическое соглашение с Германией, «а следовательно и отказ от письменной фиксации германских гарантий отно-

сительно дальнейшей политики Австрии неизбежно должен был повести к стремлению укрепить Антанту как возможную опору в случае новых осложнений, а это в условиях ожесточенных англо-германских противоречий объективно означало вовлечение России в английский лагерь и прекращение политики лавирования» (там же, с. 473).

Предлагаемая периодизация развития вооруженных сил России полностью подтверждается и анализом ее военных планов. Мобилизационное расписание № 18, действовавшее до 1910 г., было основано на планах войны, разработанных еще в 80-х гг. XIX в. при военном министре Милютине. Оно предусматривало, по словам А.М.Зайончковского, «несколько рискованно» (357, с. 225) развертывание русских армий в так называемом польском мешке — далеко выдающейся на Запад территории «русской» Польши. Резкое ослабление военного могущества царизма после русско-японской войны побудило офицеров Генерального штаба с конца 1907 г. работать над изменением планов стратегического развертывания. В случае начала войны решено было оттянуть сосредоточение формируемых армий с линии рек Висла и Нарев в глубь страны на линию Белосток-Брест и эшелонировать их в две линии. Цель изменения планов, по словам Ф.Ф.Палицына, заключалась в том, чтобы между наступающими немецкими армиями и сосредотачивающимися русскими «поставить пространство»¹. Анализируя записку обер-квартирмейстера Генерального штаба Данилова, в которой выдвигалось подобное же предложение, А.М.Зайончковский отмечал тенденциозно-оборонительный, осторожный и склонный даже к отступательной стратегии взгляд». По его словам, в этом плане не видно и намек «на проявление какой-либо наступа-

---

¹ Едва ли не впервые предложение перенести в глубь страны район сосредоточения главных сил было предложено начальником Генерального штаба Ф.Ф.Палицыным в его «Общем плане обороны государства и соответствующих мероприятий на ближайшее десятилетие» от 8 мая 1908 г. (10, л. 1—23) и в еще более детальном «Докладе о мероприятиях по обороне государства, подлежащих осуществлению в ближайшее десятилетие» от 22 августа 1908 г., авторами которого были Палицын и первый обер-квартирмейстер ген.-майор М.В.Алексеев (100, л. 69—165).

тельной тенденции, на желание навязать свою волю противнику» (390, с. 162). В условиях резкого ослабления военной мощи русской армии в 1907—1910 гг. подобная тактика была единственно возможной.

Разрабатывавшиеся с 1907 г. предложения офицеров Генерального штаба и легли в основание мобилизационного плана № 19, утвержденного царем 26 июня 1910 г. (390, с. 211)¹. Однако вскоре после этого начался второй этап в развитии вооруженных сил царизма, который давал надежду на возможность более активных действий с первых же дней войны. По мере укрепления армии и приведение ее в боеспособное состояние, мобилизационный план № 19 стал изменяться. Пересмотр его был настолько существенен, что дал основание А.М.Зайончковскому говорить о наступлении с мая 1912 г. «второго этапа мобилизационного расписания 1910 года», когда была «в корне изменена основная идея развертывания 1910 года» (390, с. 231—237).

Эти изменения выразились в том, что район сосредоточения русских армий вновь был перенесен западнее, ближе к границе империи. Решено было отказаться от развертывания 4-й армии во втором эшелоне в тылу у 1-й и 2-й армий, предназначавшихся для сдерживания наступления немецких войск из Восточной Пруссии. В зависимости от направления главного удара было составлено два плана развертывания — план «А», по которому большая часть войск сосредотачивалась против Австро-Венгрии (три армии в составе 44 пехотных дивизий, 18,5 кавалерийских дивизий и 3 стрелковых бригад), а меньшая против Германии (две армии в составе соответственно 28, 9,5 и 2) и план «Г». По последнему плану против Германии направлялся главный удар. Здесь должно было действовать три армии в составе 43 пехотных, 13,5 кавалерийских дивизий и одной стрелковой бригады. Против Австро-

---

¹ Попутно отметим, что приписываемое А.М.Зайончковским исключительно Ю.Н.Данилову предложение оттянуть развертывание русских армий дальше на Восток, в глубь страны неверно. В 1907—1908 гг. это было мнение всех офицеров Генерального штаба (в том числе и М.В.Алексеева) во главе с его начальником Ф.Ф.Палицыным.

Венгрии выставлялось две армии: 29 пехотных, 14,5 кавалерийских дивизий и 3 стрелковых бригады.

Сравнивая мобилизационные планы 1910 и 1912 гг., нельзя не отметить, что первый из них полностью отвечал состоянию вооруженных сил царизма на первом этапе их реорганизации и развития после русско-японской войны, когда о каких-либо серьезных наступательных операциях сразу же после начала общеевропейской войны не приходилось и думать. План 1912 г. учитывал вступление вооруженных сил царизма во второй этап их развития. Специально анализирувавший роль русской армии в начальном периоде мировой войны В.А.Емец пишет: «Русский оперативный план 1912 г. был как бы нацелен на будущее, исходил из приращения в ближайшие два—три года необходимых сил для осуществления обеих наступательных операций (против Германии и Австро-Венгрии. — *К.Ш.*) (352, с. 67).

Необходимо также отметить и различный характер взаимоотношений между русским и французским генеральными штабами на первом и втором этапе развития вооруженных сил царизма. «Совещания начальников Генеральных штабов России и Франции, собиравшиеся в 1906, 1907, 1908 и 1910 гг., носили скорее символический характер, — справедливо отмечал В.И.Бовыкин. — Они не приносили почти никакой практической пользы в деле согласования союзников в будущей войне, поскольку каждый раз выяснялась полная неготовность к ней со стороны русской армии» (336. с. 103). Иное положение дел сложилось на втором этапе. На совещании в 1911 г. начальник ГУГШ ген. Жилинский, хотя и обещал после окончания реорганизации русской армии выставить против Германии 800-тысячную армию и предпринять наступление даже раньше согласованного прежде 18-го дня мобилизации, предупредил еще, что «Россия не будет в состоянии ранее двух лет, по крайней мере, выдержать войну с Германией с уверенностью в успехе» (296, с. 702).

Собравшись на следующий год в Париже (совещания происходили поочередно то во Франции, то в России), начальники Генеральных штабов еще теснее укрепили свое содружество. Уделив основное внимание согласованию планов стратегического развертыва-

ния войск, они пришли к выводу о необходимости реконструкции и нового строительства железных дорог, которые должны были обеспечить концентрацию русских войск против Германии (336, с. 74—75).

Военное сотрудничество России с Францией укрепилось еще более в результате следующей встречи в августе 1913 г. За месяц до этого, в июле, французское правительство предложило русскому ежегодно занимать на парижском рынке от 400 до 500 млн франков на двояком условии: «1) Чтобы постройка стратегических линий, предусматриваемых в согласии с французским генштабом, была предпринята немедленно; 2) Чтобы намеченные силы русской армии были значительно увеличены» (296, с. 583). Хотя В.Н.Коковцов отметил «необычайную форму» этого предложения, оно было охотно принято царским правительством, которое вскоре известило французского поверенного в делах, что им уже намечены работы по удвоению некоторых железнодорожных линий. «Что же касается увеличения наличного состава русской армии в мирное время, — добавлялось в «Памятной записке», — меры в этом направлении уже решено принять и необходимые кредиты уже ассигнованы для этой цели» (296, с. 595).

На состоявшемся вскоре (в августе 1913 г.) совещании, начальник Генерального штаба Франции генерал Жоффр, по сведениям французского историка Луи Гарро, использовавшего для написания своей работы «За кулисами франко-русского союза» материалы французского военного архива, «самым настоятельным образом требовал расширения контингента русской армии и увеличения ассигнований, запрашиваемых Генеральным штабом у Думы» (336, с. 98).

Действительно, как отмечено в протоколе 9-го совещания (переговоры в августе 1913 г.), Жоффр заявил, что «было бы выгодно в интересах обеих армий, чтобы группировка русских сил в Варшавской губернии с мирного времени (подчеркнуто мною. — К.Ш.) была такова, чтобы она представляла для Германии прямую угрозу». На это ген. Жилинский ответил, «что новый проект реорганизации русской армии именно предусматривает формирование армейского корпуса в Варшавском округе» (296, с. 717).

Как мы увидим ниже, начальник русского Генерального штаба говорил правду. Еще в марте того же 1913 г. царь одобрил один из вариантов дальнейшего развития вооруженных сил России, где предусматривалась именно эта мера. Поэтому нельзя не согласиться с В.А.Емцем, который в этом и подобном ему случаях видел отнюдь не полное подчинение планов развития вооруженных сил России Франции, а характеризуя взаимоотношения союзников в военных вопросах, предпочитает говорить о «взаимозависимости их друг от друга» (352, с. 68).

Действительно, к развитию своих вооруженных сил царизм толкали отнюдь не только союзнические обязательства и тем более отнюдь не интересы Франции. Решающим в этом вопросе было, безусловно, стремление проводить собственную империалистическую политику. Наиболее ярко и убедительно это проявилось в поведении царизма на Балканах или, беря еще уже, в отношении царизма к Проливам. Вполне очевидно, что ни балканская политика, ни тем более планы царизма по отношению к Проливам далеко не ограничивали собой всего внешнеполитического курса царского правительства. Царская Россия была крупнейшей империей мира и в качестве таковой вела широкую европейскую политику, союзнические обязательства и межгосударственные отношения заставляли ее подавать свой голос и в непосредственно не касавшихся ее африканских делах (например, в Марокко), в Малой Азии и т.д. и т.п. Но наша цель — проследить на втором этапе связь развития вооруженных сил царизма с его внешней политикой — может быть выполнена наиболее успешно и показательно именно на локальном материале черноморских проливов. Дело здесь, разумеется, не в авторском произволе, а в имперских интересах, определявших внешнюю политику царизма. В XX веке Проливы, без сомнения, стали таким местом, где тесно переплетались интересы дворянства и устремления, определявшие крупным капиталом.

Первоначально в этом районе проявились притязания дворянства. Имперская политика велась еще со времен походов Петра I и окончательно оформилась в царствование Екатерины II. И в XX в., несмотря на ослабление в политической и особенно экономической жизни страны, роли и влияния помещиков, его

интересы все еще оставались решающими в определении внешней политики царизма в проливах, через которые шла значительная часть хлебного экспорта России. Вместе с тем, интересы колонизации уже захваченных царизмом Кавказа и Молдавии, стремление присоединить новые области, также продолжали оставаться в центре внимания правительства России. «Хотя колонизация Кавказа за отсутствием пока развитых путей сообщения идет медленно, но с расширением последних побережье Кавказа приобретет для России огромное значение (дорогие культуры фруктовых деревьев, маслины, розы, чая и хлебных злаков). Не менее важное экономическое значение будет иметь и Бессарабия, если только в этих областях прочно осядет русское население», — отмечала в своем докладе «О целях организации Черноморского флота» особая комиссия под председательством бывшего министра и члена СГО адм. Дикова (187, л. 43). Для того, чтобы царизм мог быть спокойным за судьбу своих причерноморских владений и предназначались военный флот и армия. «Пока Черное море закрыто, — считала эта комиссия, — берега Кавказа могут спокойно ждать русского колониста, но стоит только нам отказаться от обороны Черного моря и поручить цивилизацию его берегов западным флотам, как масса иностранного пролетариата бросится на эту плодородную область и навяжет России счеты с иностранными интересами» (там же).

Интересами в первую очередь помещичьего класса диктовались также две другие цели развития вооруженных сил — стремление использовать их как силу в борьбе за сохранение старого режима и создать инструмент для проведения великодержавной националистической политики. Отметив распространение среди мусульман Российской империи панисламистской пропаганды, авторы цитировавшегося выше доклада считали, что «регулировать этот в будущем грозный для нас вопрос мы можем только при помощи султана, но заставить падишаха следовать нашим предначертаниям мы можем только силой, опирающейся на Черноморский флот» (там же, л. 44).

Но чем дальше шло экономическое развитие России в конце XIX — начале XX в., тем все яснее стала вырисовываться вторая составляющая ее внешней по-

литики — притязания русской буржуазии, что и начали учитывать в своих планах генеральные штабы. «Россия уже отжила старый только землевладельческий порядок; отныне ее земледелие будет идти рядом с индустрией, — писали офицеры МГШ. — Еще бледная от боли своего кризиса (так они именовали революцию 1905—1907 гг. — *К.Ш.*), еще вся окровавленная, Россия уже теперь начинает высылать за границу свое железо и свои фабрикаты, и вот это-то зарождение новой мировой индустрии в экономическом тыле Босфорского пролива, приходится считать одним из самых крупных событий нового времени» (308 «а», т. 1, с. 13).

В октябре 1907 г. вырабатывая «План развития наших морских сил на южных морях», морской министр Диков обратился со специальным письмом к Извольскому. В нем он пытался обосновать те аргументы, которые заставляют Россию уделить первостепенное внимание развитию вооруженных сил. В первом же абзаце он писал, что непрерывно усиливающееся разделение труда приведет к тому, что на мировом рынке будут появляться лишь товары тех стран, которые смогут их дешевле производить и дешевле доставлять к месту потребления. «Нет причин сомневаться в том, — считал Диков, — что в этом периоде экономической жизни народов, Россия не займет первенствующего положения на европейском хлебном рынке и не будет в силах конкурировать с некоторыми промышленными центрами хотя бы в отношении железного производства, в котором мы занимаем теперь уже 4 место». В этом случае, по мнению Дикова, все преимущества конкуренции на мировом рынке будут на стороне России: «Юг наш имеет не только огромные количества руды самого высокого качества, но и обширные залежи каменного угля в одном районе с рудой; при таких данных наше железо легко завоюет первенство на ближайших рынках Азии и Африки, тем более, что и дешевизна доставки будет на стороне России». Морскому министру рисовалась заманчивая перспектива «движения наших южных товаров на мировой рынок... из черноморских портов к Средиземному морю, к портам южной Европы, Африки и Малой Азии и далее через Красное море к портам Абиссинии и Аравии, а затем и в Индийский океан» (168, л. 2).

Но торговые суда беззащитны, торговые пути требуют охраны их вооруженной рукой, «значит, — заключал Диков, — если развитие нашей торговли не только желательно, но и весьма вероятно, то необходимо заблаговременно принимать меры для развития морской силы, т.к. создание флота и его подготовка требуют значительного времени и больших затрат» (168, л. 3).

Как видим, к старым, традиционным для царизма аргументам о необходимости захвата проливов добавлены (и даже поставлены на первое место!) новые мотивы. Правда, и Диков, и другие военные, проявляя большую предупредительность в отношении интересов буржуазии, учитывали не столько существующие, сколько будущие потребности крупного капитала. Однако первые шаги для завоевания турецкого рынка уже начали делаться. Совет съездов представителей промышленности и торговли послал особую экспедицию для изучения малоазиатского рынка. В конце 1909 г. в Константинополе организовали специальную выставку, на которой было заключено более чем на 1 млн руб. сделок и начаты переговоры о поставке консервов на 1 млн руб., 200000 шпал, 510 вагонов леса и обуви на турецкую армию. В результате выставки только одна фирма Коншина рассчитывала на ежегодный сбыт мануфактуры в 100000 руб. «Обороты на выставке были бы еще крупнее, — доносил в МИД посол Чарыков, — если бы ее участники могли предвидеть обнаружившийся здесь спрос на самые разнообразные произведения русской промышленности... Выставку посетило за 11 дней 70000 человек. Такой успех нового русского предприятия очень отраден», — заключал посол (261, л. 6).

Определив движущие силы политики России в проливах, законно поставить вопрос: была ли эта политика на протяжении исследуемых лет неизменна, или она претерпевала некоторую трансформацию, в зависимости от международного положения, соотношения сил, или каких-либо других причин? Вопрос этот отнюдь не праздный, ибо в литературе по этому поводу была высказана вполне определенная точка зрения. Мы имеем в виду утверждение М.Н.Покровского о том, что в течение всего XIX и XX веков стремления захватить вооруженной рукой проливы было не только основным, но чуть ли не единствен-

ным определяющим моментом во всей внешней политике России. Этим стремлением М.Н.Покровский объяснял все акции международной политики царизма в этот период. Бисмарк получил от России разрешение разгромить Францию — в результате стремления России захватить проливы. То же стремление, как это ни парадоксально, привело Россию на... Дальний Восток! «Николай и его министры говорили «Порт-Артур», а думали в то же время «Константинополь». И на Дальнем Востоке и на Ближнем, — уверял Покровский, — преследовалась одна цель...» (295, 1926 г., № 5 (18), с. 3).

Внимательное ознакомление с фактическим материалом позволяет убедиться в полной надуманности подобных выводов. Даже в короткий период кануна 1 мировой войны политика России в проливах менялась трижды, прошла три ясно заметных этапа.

Первый этап включал в себя период с конца 1907 г. до весны 1909 г. Надеясь на то, что заключенный летом 1907 г. договор с Англией обеспечит ее благожелательное отношение к интересам России в проливах (о чем английские государственные деятели не раз заявляли в ходе выработки договора), царское правительство, ожидая, что Турецкая империя вот-вот развалится в результате внутренних раздоров и национально-освободительной борьбы славянских народов, решило активизировать свою политику в проливах. Этому в немалой мере способствовала надежда царизма на то, что с другим своим традиционным соперником на Балканах — Австро-Венгрией удастся всегда сторговаться (разумеется, за чужой счет). Уверовав, что ни союзница России Франция, ни союзница Австро-Венгрии Германия не станут возражать против их сговора друг с другом, царизм перешел к активным действиям по подготовке изменения режима плавания в проливах или, в крайнем случае, даже захвата их.

Всем известно, к чему привела эта политика: Боснийский кризис был самым ярким свидетельством ее беспочвенности. Убедившись в ходе его, в сопротивлении всех стран планам России и получив ясные доказательства невозможности воевать без поддержки союзников с Австро-Венгрией и стоящей за ее спиной Германией, царизм решил переменить тактику. Особое совещание во главе с председательствующим в Совете Министров В.Н.Коковцовым, 7 апреля 1909 г. призна-

ло необходимость отказа от какой-либо активной политики, а оба Генеральных штаба дружно приходят к мысли о неосуществимости при создавшемся соотношении сил каких бы то ни было десантных операций на Черном море.

Поскольку этими решениями уничтожались всякие побудительные причины к развитию вооруженных сил (строительство турецкого флота Англией, Германией, Францией началось несколько позже), особое совещание из военного и морского министров и начальников Генеральных штабов пришло к выводу, что «изучение сил вероятных наших противников на Черном море позволяет ограничиться на ближайшее 10-летие наличными силами нашего линейного флота, добавив, однако, к нему, для получения правильно организованной эскадры наименьшего состава, суда других недостающих типов» (157, л. 146).

Разработанная в 1910 г. программа усиления Черноморского флота имела одну причину — возрождение и развитие флота Турции и одну цель — сохранить существовавшее соотношение сил, не допустить господства на Черном море иного, кроме русского, флота. Однако расчеты царского правительства на сохранение статус-кво в Турции и на всем Ближнем Востоке делались все более и более проблематичными. Вскоре после начала итало-турецкой войны в правящих кругах России начинают убеждаться в том, что сохранение статус-кво в этом районе зависит отнюдь не только от ее желаний. Вместе с тем эта же война очень ясно показала, какое значение для России имеют проливы, поставила, по словам Г.Хальгартена, перед ней дилемму «быть или не быть» (390, с. 460). За пятилетие накануне этой войны Россия в среднем экспортировала ежегодно более 30% всего производства в стране пшеницы, около 45% ячменя и кукурузы. Подавляющая часть вывоза (пшеницы, например, более 87%) шла из портов Черного и Азовского морей. Из Батуми и Новороссийска было вывезено через проливы более 700 тыс. тонн нефтяных продуктов. В 1912 г. только один «Продуголь» вывез из Мариуполя 164 тыс. тонн угля. Приведя эти данные, М.Хошилер справедливо заключает: «По своему капризу, одним росчерком пера, обладатель Константинополя мог, таким образом, одновременно вызвать пертурбацию

как в земледельческой жизни России, так и в продовольственном снабжении многих европейских народов» (371, с. 64).

Невозможность сохранить статус-кво в проливах и чрезвычайная важность их для нормального функционирования экономики страны вновь постепенно приводят с конца 1911 г. царизм к мысли о том, что единственный способ гарантировать свои жизненно важные интересы и предупредить переход проливов в «чужие руки» — это захватить их себе. Так начинается третий этап политики России в проливах, который и совпадает со вторым этапом в развитии ее вооруженных сил. Характерная особенность третьего этапа, отличающая его от периода 1907—1909 гг., сводится к тому, что «приобретение» проливов мыслится уже не как результат единоборства с Турцией, а как итог общеевропейской войны. Дипломатия с этой целью сколачивает в феврале 1912 г. Балканский союз. Морское министерство с такими же намерениями приступает к пересмотру своих планов.

Не остается в стороне и военное министерство. 4 ноября 1911 г. Сухомлинов обратился к главе правительства с обстоятельным письмом, в котором говорил о возникновении в последнее время в международной обстановке новых тенденций, угрожающих «при некоторых условиях перейти из области дипломатических переговоров в область вооруженных столкновений». Отметив, что вооруженные силы России в это время еще не закончили своей реорганизации и вопрос об их дальнейшем развитии остается по сути дела не вполне ясным, военный министр извещал, что возглавляемое им ведомство хочет иметь ясное представление о том, «какого рода задачи могут быть возложены на него в ближайшее время» (19, л. 19).

В ответ на запрос Коковцова, министр иностранных дел сообщил, что правительству следует развивать свои вооруженные силы, готовя их к действиям против Турции, но учитывая, что любая война на Балканах вряд ли сможет быть локализована, и после ее возникновения «встанет вопрос общегосударственной политики» (там же, л. 23—24), т.е. война превратится по меньшей мере в общеевропейскую.

Дальнейшее усиление международной напряженности в районе проливов (Первая и Вторая Балкан-

ские войны, усиление германского влияния в Турции, конфликт с миссией Лимана фон Сандерса) в начале 1914 г. приводят царское правительство к мысли о необходимости приступить к конкретной подготовке войны. Было ли решение царского правительства о подготовке к войне, начало которой относилось на 1917—1919 гг. поводом к тому, что Германия развязала ее летом 1914 г.? Или, иначе говоря, был ли санкционированный Николаем II окончательный переход к третьему этапу политики России в Проливах причиной того, что мировая бойня вспыхнула на 3—5 лет ранее, чем это было выгодно царскому правительству? Как известно, М.Н.Покровский отвечал на этот вопрос положительно¹. Отсюда он, вполне естественно, делал вывод, что именно действия России развязали мировую войну. Тезис этот давно опровергнут отечественной исторической наукой (354, с. 495—517), доказывающей, что если все империалистические страны в равной степени ответственны за возникновение войны, то «честь» ее *развязывания*, несомненно, принадлежит Австро-Венгрии и Германии.

Политика России в проливах, и в частности, ход развития ее вооруженных сил — лишнее доказательство правоты подобных утверждений. Постановления Особого совещания 8 февраля знаменовали собой не более как решение приступить к материальной подготовке захвата проливов, но сама подготовка была вся еще впереди. В соответствии с этим и военные планы царизма на 1914 г. не носили еще агрессивного характера. В «Плане операций Черноморского флота на

---

¹ Для этого он без особого на то основания утверждал, что при помощи Мясоедова (шпионская деятельность которого никогда не была доказана) «чрезвычайно секретный» протокол (совещания 8 февраля 1914 г., на котором было принято решение начать подготовку к войне в Проливах. — *К.Ш.*) оказался, по всей вероятности (??) в руках германского Генерального штаба одновременно с тем, как Николай начертал на оригинале этого протокола свое одобрение. В этой связи становится понятен тот адский шум, который подняла германская печать как раз в марте 1914 г. по поводу агрессивных стремлений России (284, с. 17—18). Между тем, как теперь это уже совершенно ясно, весь этот «адский шум», начавшийся еще до 8 февраля, имел совершенно определенную цель — подготовку населения Германии к близкой в будущем войне с Россией.

1914 г.»¹ признавалось, что «Россия, не усилив своей армии параллельно с усилением в 1913 г. германской и австрийской армии, не имея на Черном море ни сильного флота, ни достаточных средств для перевозки крупного десанта, также боясь внутренних потрясений, сама войны не начнет. Таким образом, на Черном море в 1914 г. война может быть наступательная только со стороны Турции, при обороне со стороны России... Для России занятие Константинополя и проливов решало бы весь многовековой ближневосточный вопрос, но не имея на это, по крайней мере в начале войны, сил, Россия в 1914 г. принуждена ставить себе целью только оборону своих границ» (369, с. 242).

Германия еще до февральского совещания и даже до доклада Сазонова Николаю II 23 ноября 1913 г. отправила в Константинополь миссию Лимана фон Сандерса, а затем, после некоторых чисто формальных уступок России, пришла к выводу, что среди средств борьбы за утверждение своего влияния в проливах не исключается и война. Таким образом, не политика царизма в Проливах и не запланированное развитие царских вооруженных сил подтолкнули Германию и Австро-Венгрию к развязке мировой войны летом 1914 г., а убеждение этих последних в том, что не следует упускать момента, наиболее благоприятного для них соотношения вооруженных сил Антанты и Тройственного союза. Это убеждение и определило, что мировая война, которую готовили не один год все империалистические государства, была начата летом 1914 г. правительствами Германии и Австро-Венгрии.

§ 2. Развитие вооруженных сил Германии и Австро-Венгрии перед Первой мировой войной.

Влияние гонки вооружений на обострение международного положения

История развития вооруженных сил России вряд ли может быть правильно понята, если ее рассматри-

¹ «Совершенно секретно. Знает четыре человека», — отмечалось в этом документе, составленном командованием Черноморского флота (177, л. 102).

вать изолированно, вне связи с развитием вооруженных сил потенциальных противников царизма. Уже к концу первого этапа, как мы выше видели, одна из военных программ России — строительства Черноморского флота — была принята как прямая ответная мера на развитие турецких вооруженных сил. На втором этапе воздействие развития армии и флота соседей России на ее военные программы было еще более заметным. Особенное внимание Генеральный штаб России уделял вооруженным силам Германии и Австро-Венгрии, справедливо видя в них своих наиболее вероятных противников. И военным, и дипломатам, и всему царскому правительству было ясно, что Германия никогда не допустит войны один на один России с Австро-Венгрией, и царским войскам, в случае войны, придется иметь против себя армии обоих этих государств.

Развитие австро-венгерской армии не очень пугало царских генералов, ибо для них не была тайной военная слабость «лоскутной империи», раздиравшейся на части острейшими внутренними противоречиями. Иное дело было с германской армией. Положение царизма в крайней степени усугублялось тем, что, как мы видели, армия его все ближайшие годы после русско-японской войны находилась в хаотическом состоянии, была буквально раздета и разоружена, а немецкая, после создания германской империи и победоносной франко-прусской войны, сделалась предметом национальной гордости, давно и тщательно готовилась к грядущей борьбе за передел мира, за новые колонии и контрибуции. Генералы знали, что не за горами то время, когда правители Германии опять призовут их «железом и кровью» разрешать «насушенные задачи империи», и с нетерпением рвались в бой. «Ничего лучше радостной и победоносной войны, — заявил военному атташе России в Берлине начальник военного кабинета императора ген.-адъютант фон Линкером, — нам не надо. Армия устала от этого 39-летнего мира и жаждет войны. Мы совершенно готовы начать ее немедленно... Мы отлично знаем, что у России нет денег. Денег от нее мы и не потребуем. Кошелек, из которого мы можем почерпнуть средства для уплаты всех наших долгов, находится в руках Франции, и кошелек этот мы несомненно добудем». Красноречивый

жест рукой, — добавлял Михельсон, — пояснил последнюю мысль. «Цинизм этой речи, — писал он, — в связи со служебным положением говорившего весьма характерен» (113 «а», л. 21—22).

Развитие армии в Германии определялось специальным законом, принимаемым рейхстагом раз в пять лет. Закон этот носил название «квинквенат». В марте 1911 г. истек срок действия старого квинквената и на смену ему правительство предложило новый. Он предусматривал увеличение армии — всего на 10 тыс. человек и рост расходов почти на 48 млн марок. Но зато существенно усиливались пулеметные части и артиллерия — планировалось создание 18 батарей полевой артиллерии и от 19 до 23 пеших, составлявшейся из орудий крупных калибров (146, л. 90—91).

Первое время русский Генеральный штаб был склонен объяснять умеренность нового квинквената тем, что «готовность германской армии к войне так велика, что она может позволить себе без риска дать отдохнуть расстроенным финансам империи (144, л. 1). Однако дело было не в этом. 1910—1911 гг. были временем апогея в гонке морских вооружений, и германское правительство решило сделать вид, что оно ради развития флота готово даже пойти на более медленный рост ассигнований на армию. Таким нехитрым трюком думали сломить охоту англичан к соревнованию в военно-морских вооружениях. Еще не успел окончиться 1911 г., как в прессе уже появились сообщения о намерении германского правительства пересмотреть только что принятый квинквенат. Действительно, в начале апреля 1912 г. в рейхстаг был внесен законопроект, которым предполагалось создание двух новых армейских корпусов — одного в районе Саарбрюкена на границе с Францией, а другого — на границе с Россией в районе Алленштейна. В связи с этим общая численность немецкой армии возростала с 515 до 544 тыс. человек (145, л. 95—97). Новый законопроект предусматривал также значительное увеличение флота и возрастание в течение 5 лет военного бюджета более чем на 440 млн марок (из них 144 млн марок единовременных расходов и на 296,5 млн марок возрастали постоянные расходы). Средства для развития вооруженных сил планировалось добыть за счет введения новых налогов на предметы широкого потребле-

ния. Этому законопроекту правительство придавало столь большое значение, что готово было даже распустить рейхстаг, если бы он отказался его утвердить (там же, л. 101).

Закон был без изменения принят рейхстагом. Русских военных и дипломатов взволновали не столько размеры увеличения немецкой армии, сколько его темпы. Формально рассчитанный на 5 лет, закон фактически выполнялся в три года (274, л. 106). Было ясно, что выполнив пятилетку в сжатые сроки, немецкие милитаристы не станут сидеть сложа руки и предпримут новые меры к увеличению своих вооруженных сил.

Ход выполнения немецких военных программ (145, л. 130)¹

Предусмотрено сформировать	Пехотных батальонов	Пулеметных рот	Кавалерийских эскадронов	Артиллерийских батарей
По закону 27.III.1911 г.	1	100	—	35
По закону 14.IV.1912 г.	17	106	6	42
Всего в течение 1911—1915 гг. планировалось создать	18	206	6	77
Было сформировано в 1911 и 1912 гг.	14	102	—	57
Планировалось создать в 1913 г.	2	104	6	20
Оставалось на 1914 и 1915 гг.	2	—	—	—

Итак, уже к осени 1913 г. рассчитанные на 5 лет законы должны были быть выполнены, и к весне

¹ Мы даем те данные, которыми располагало ГУГШ, а не другие позже официально опубликованные в Германии, ибо именно первые были известны Генеральному штабу России и учитывались им.

1914 г. немецкая армия получала стройную организацию, вполне отработывала ее и к лету того же года была готова вступить в бой. Однако немецкие милитаристы не думали ограничиться принятыми законами. С начала 1913 г. до царского Генерального штаба дошли слухи о значительной активизации деятельности военного министерства Германии. Оно закончило на два месяца ранее, чем всегда обучение новобранцев, в необычное время года (зимой) призвало на сборы запасных всех категорий (более 600 тыс. человек против 450 тыс., созданных в 1910 г.), начало выработку законопроекта о дальнейшем еще более значительном увеличении своих вооруженных сил (145, л. 136).

Действительно, вскоре этот законопроект был внесен в рейхстаг. Выступая в нем с обоснованием своих требований, рейхсканцлер в марте 1913 г. заявил, что, «насколько можно предвидеть, не будет такой европейской войны, в которую мы не были бы втянуты». Открыто противопоставив «славян» «германцам», он предупредил, что Германия никогда не оставит Австро-Венгрию одну, «в верности союзу мы пойдем дальше дипломатического посредничества» (там же, л. 195). Из всего этого, по утверждению главы правительства, вытекало одно — необходимо спешно усилить немецкую армию. Конкретно речь шла об увеличении вооруженных сил Германии сразу на 136 тыс. человек. Рейхстаг полностью одобрил предложенный законопроект. При осуществлении этой программы немецкие генералы опять применили свой старый трюк: закон формально должен был быть реализован в течение 3-х лет — к марту 1916 г. Однако фактически началось почти молниеносное осуществление его в самые сжатые сроки. Посол в Берлине сообщал в МИД, что закон «будет приведен в исполнение почти в полном своем объеме к 1 октября 1913 г.» (272, л. 12).

Для столь значительного увеличения вооруженных сил решено было одновременно ассигновать в течение трех лет 898 млн марок. Постоянные расходы на армию возрастали на 393 млн марок. Источником для получения необходимых средств решили сделать единовременное обложение всех имуществ и доходов в размере от 1/2 до 2% их стоимости. Это сразу должно было дать казне более 1 млрд марок. Расходы Германии на вооруженные силы стремительно росли. Бюджет военного и морского министерства в 1910 г. съел

48,7% всех общеимперских расходов¹ казны и равнялся 648 млн руб. На следующий год прямые военные расходы подскочили до 662 млн руб. и составили 51,9%. Большую половину своего общеимперского бюджета Германия уже в 1911 г. направила на подготовку к войне! В 1912 г. в военных расходах произошел дальнейший резкий скачок — на армию и флот было ассигновано 730,9 млн руб. (54,7%). В 1913 г. прожорливому Молоху войны было выброшено более миллиарда рублей. Почти две трети общеимперского бюджета (61,6%) шло на подготовку борьбы за предел мира (148, л. 24—25). Для сравнения напомним, что царская Россия, тоже тратившая на свои вооруженные силы немалую часть бюджета, выделила военному и морскому министерствам в 1910 г. 597,6 млн руб.; в 1911 — 618,7 млн руб.; в 1912 — 704 млн руб., а в 1913 — 826 млн руб., т.е. на 25% меньше, чем Германия (376, с. 47). Параллельно с бюджетом росла и численность немецких войск. «Гонка вооружений была нескончаема, — отмечают авторы, специально исследовавшие деятельность Генерального штаба Германии... — С 1871 по 1914 гг. германские милитаристы 10 раз увеличивали численность и усиливали вооружение армии по штатам мирного времени» (388, с. 120)².

Готовность немецкой армии к войне была столь значительна, темпы вооружения столь высоки, а сроки окончания реорганизации и развития армии и флота настолько очевидны, что специалисты задолго до лета 1914 г. точно называли дату начала будущей войны. В справке, составленной в Генеральном штабе России еще в июне 1912 г., отмечалось: «Германия будет в полной готовности к войне лишь через два года: все формирования будут закончены; канал императора Вильгельма (Кильский канал. — *К.Ш.*) перестроен; флот увеличится» (116, л. 8).

---

¹ Следует отметить, что доля военных расходов Германии в общеимперском бюджете не сравнима с долей военных расходов в бюджетах других стран, ибо в Германии общеимперский бюджет предусматривал лишь часть государственных расходов, значительная доля которых проводилась по сметам отдельных земель Германской империи. С учетом последних процент военных расходов был бы значительно ниже.

² В указанной монографии на с. 522 даются иные, слегка завышенные, цифры, чем в приводимой ниже таблице.

**Бюджетная численность германской армии
в 1910—1914 гг. (148, л. 22)**

	1910	1911	1912	1913	1914
Рядовых	504446	507253	531004	599925	655582
Унтер-офицеров	87071	88292	92347	106496	107996
Офицеров	25722	25880	27267	30219	30741
Врачей и чиновников	5281	5307	5526	6234	6329
Всего	622520	626732	656144	742874	800648

Осенью того же года военный атташе России полковник Базаров, указывая на пропаганду милитаризма в Германии, на силу алармистских кругов, повсюду кричащих, что «война нужна Германии как гроза в душный летний день», предупреждал: «С настроением этим несомненно следует считаться. Весьма возможно, что к концу будущего или к началу 1914 г., когда лихорадочная деятельность по военной и морской подготовке Германии будет в главных чертах закончена... наступит критический момент, когда и общественное мнение, и армия, и стоящие во главе государства лица, придут к сознанию, что в данное время Германия находится в наиболее выгодных условиях для начала победоносной войны» (114 «а», л. 126).

Аналогичного мнения были и другие военные агенты, внимательно следившие за развитием вооруженных сил Германии. Отметив, что в ее армии и на флоте в 1913 г. к войне готово еще не все, военный атташе России в Швейцарии полковник Гурко доносил: «насколько я лично убежден в том, что Германия не допустит войны до начала 1914 г., настоялько же я сомневаюсь в том, чтобы 1914 год прошел без войны...» (там же, л. 198).

Стоит ли удивляться, что ничтожный повод — несколько смертельных выстрелов Гавриила Принципа, раздавшихся летом 1914 г., заставили зарокотать немецкие орудия, вымуштрованные наводчики которых только и ждали команды «Пли!».

Внимательно следил Генеральный штаб России и за развитием вооруженных сил Австро-Венгрии. Состояние их, благодаря разветвленной сети агентуры,

было известно царским генералам досконально. «Лоскутная империя» целиком оправдывала свою ироническую кличку! Формально она состояла из двух государств равных по правам, в каждом из которых был свой парламент и свое правительство, ответственное только перед ним. «Общие дела» империи вели три министра — финансов, иностранных дел и военный (с морскими делами). Эти три министра были ответственны перед так называемыми «Делегациями», составленными из 60-ти членов от каждого из парламентов (австрийского и венгерского). Империя Габсбургов, по сути дела, состояла из трех государств: Австрии, Венгрии и Австро-Венгрии. Каждое из них имело свои особые вооруженные силы: общую армию, австрийский ландвер и венгерский ландвер или гонвед. Общая численность армии в мирное время, согласно штатам 1908 г. составляла 32 тыс. офицеров и 368 тыс. солдат (112, л. 4). В случае войны, по расчетам Генерального штаба России, Австро-Венгрия могла выставить около 2-х млн человек (1,9 млн человек учитывая и обученный ландштурм) (147, л. 63). Организация армии Австро-Венгрии в мирное время была такова:

**Состав вооруженных сил Австро-Венгрии
в мирное время (119, л. 2)**

	Общая армия	Австрий- ский ландвер	Гонвед	Итого
Батальонов пехоты (обыкновенно по 4 роты)	467	118	94	679
Эскадронов кавалерии	254	41	60	353
Пулеметных отделений	141	48	29	218
Батарей по 6 орудий	224	16	—	240
Конных батарей по 4 орудия	24	—	—	24
Тяжелых батарей по 4 орудия	15	—	—	15
Горных батарей по 4 орудия	25	—	—	25
Крепостных батарей	72	—	—	72
Пионерных батальонов (по 5 рот)	15	—	—	15
Телеграфных и ж.-д. ба- тальонов (по 4 роты)	3	—	—	3

Если учесть постоянное стремление венгров к полной независимости от австрийцев и вспомнить, что значительную часть населения Австро-Венгрии составляли славяне, угнетавшиеся и венгерскими, и австрийскими магнатами и непрестанно боровшиеся за свою национальную независимость, можно представить себе какие противоречия раздирали вооруженные силы империи Габсбургов. Венгры требовали, чтобы их язык стал официальным в армии; австрийцы не соглашались на это; славяне не понимали ни тот ни другой язык...

И все же, несмотря на внутренние раздоры, а может быть в значительной степени благодаря им, Австро-Венгрия накануне Первой мировой войны вела на Балканах откровенно агрессивную политику, стремясь облегчить внутреннее положение за счет внешних успехов. Со времени Боснийского кризиса, отношения России с Австро-Венгрией были резко обострены и в некоторые моменты подходили к границе войны. Это заставляло русский Генеральный штаб внимательно следить за состоянием вооруженных сил Австро-Венгрии и быстро реагировать на их усиление. Вплоть до Боснийского кризиса развитию вооруженных сил Австро-Венгрии мешала обструкция венгерского парламента, не соглашавшегося на увеличения ассигнований на армию и усиления ее состава. Однако с началом осложнений из-за присоединения Боснии и Герцеговины и с приближением угрозы войны с Сербией и стоявшей за ее спиной Россией, острота внутренних разногласий была в значительной степени стерта. Военное министерство получило до 175 млн крон ассигнований (154 «г», л. 7) и использовало их на организацию двух новых горных бригад, пехотной дивизии и перевооружение всей артиллерии скорострельными пушками. Каждый из 42 артиллерийских полевых полков получил по 40 новых орудий, каждый конно-артиллерийский дивизион — по 20, новую технику получили и ландверные дивизионы. Всего армия получила 1968 новых орудий, полтора миллиона снарядов к ним, необходимое телефонное и проч. артиллерийское имущество. Затем началось перевооружение всей горной артиллерии новыми горными пушками и гаубицами, каждый пехотный и егерский батальон получили по специальному пулеметному отделению (из двух пулеметов), армия обновила свое обозное имущество и

получила патрон с остроконечной пулей (там же, л. 3—5).

Общая численность Австро-Венгерской армии в 1904—1910 гг. была сравнительно с численностью ее населения, меньше чем у других государств. Неоднократные попытки военного министерства добиться увеличения числа призывников не встречали поддержки со стороны венгерского парламента. Тогда в 1912 г. военное министерство решило сократить сроки военной службы в пехоте и в артиллерии с 3-х до 2-х лет, чтобы увеличить контингент обученных запасников и за одно добиться от парламента некоторого увеличения общей численности армии. В 1913 г. в связи с обострением международного положения в результате Балканских войн, военному министерству удалось добиться нового увеличения численности армии. Добавочное количество призывников было направлено главным образом в артиллерию, пулеметные части и на увеличение штатного состава пехотных батальонов, которые стали содержаться в усиленном составе. Вся реорганизация армии по планам военного министерства должна была закончиться полностью к 1917—1918 гг., но основная часть преобразований падала на 1913—1915 гг. Общее представление о развитии вооруженных сил Австро-Венгрии (общееимперских, ландвера и гонведа) дают следующие таблицы:

Рост состава австро-венгерской армии в мирное время по законам от 3 июля 1912 г. и 30 октября 1913 г.
(148, л. 26—37)

Название родов войск	Было к 1912 г.	Сформировано		Формируется	
		в 1912 г.	в 1913 г.	в 1914—1915 гг.	в 1916—1917 гг.
1	2	3	4	5	6
Пехота					
Батальоны	680 1/4	—	—	—	—
Пулеметн. отд.	ок. 300	ок. 80	ок. 180	ок. 120	—
Кавалерия					
Полки	58	—	—	2	—
Эскадроны	353	—	—	15	—
Пулеметн. отд.	12	2	2	6—10	22—18

1	2	3	4	5	6
Артиллерия пешая					
Полки	56	2	—	36	8
Батареи	255	13	86	200	12—100
Артиллерия кон- ная					
Дивизионы	8	—	1	1	1
Батареи	24	—	3	3	3

В результате законов 1912 и 1913 гг. общая численность армии Австро-Венгрии значительно возросла.

	1910	1911	1912	1913	1914
Рядовых	320000	324000	329523	380994	456396
Унтер-офицеров	40000	41000	41000	42000	—
Офицеров и воен- ных чиновников	31039	32020	38750	35000	39000
Итого	391039	397020	409273	457994	

Примечание: к 1918 г. общая численность армии Австро-Венгрии достигала 580000 чел.

Общая сумма чрезвычайных ассигнований на развитие и перевооружение армии и флота Австро-Венгрии составила за 1910—1913 и первую половину 1914 г. почти 450 млн руб. золотом. Еще более средств было отпущено за эти же годы по обычному бюджету — 1145,8 млн рублей (там же, л. 37).

В свое время царизм имел самую крупную в Европе армию, намного превосходившую своей численностью любую другую. В канун войны соотношение численности войск России и Франции с войсками Германии и Австро-Венгрии стало меняться в пользу последних. Если же мы вспомним, что в техническом отношении русская армия была крайне обездоленной, то реальное соотношение вооруженных сил окажется еще более благоприятным для Центральных держав. По сведениям русского Генерального штаба, которыми царизм и руководствовался, соотношение сухопутных вооруженных сил этих государств после мобилизации выглядело так (там же, л. 49—50):

Наименование государств	Число батальонов полевой пехоты	Постоянные войска в тыс.				Ополчение в тыс.
		Численность действующих войск	Численность запасных войск	Итого	Численный состав общармейских учреждений	
Россия	1830	3056	460	3516	249	733
Франция	1040	1320	415	1735	Св.нет	567
Германия	1260	2640	1045	3685	450	340
Австро-Венгрия	820	1700	380	2080	100	500

Гонка вооружений, достигшая накануне Первой мировой войны своего апогея, стала существеннейшим образом влиять на ход международных событий. Создавался порочный круг, из которого империалистические государства не могли выйти: чем больше они вооружались, тем более сгущались на международном горизонте грозные тучи, а чем острее становилась внешнеполитическая обстановка, тем с большим ожесточением правители принимались за гонку вооружений.

Наиболее наглядно влияние гонки вооружений на обострение международного положения проявилось в англо-германском морском соперничестве. Без учета этого фактора нельзя разобраться ни во многих внешнеполитических акциях ряда империалистических правительств, ни в том, почему маринизм с такой силой захватил даже такие государства, для которых много лет до этого главным в развитии вооруженных сил было всемерное укрепление армии, а не флота. Хотя в абсолютных цифрах расходы почти всех стран на армию оставались значительно большими, чем на флот, бюджет последнего в процентном отношении стал расти гораздо быстрее общих расходов на вооружение. Особенно стремительно расходы на флот перед войной стали расти с 1907 г. — после переворота в судостроении, произведенного появлением новых типов линейных и иных военных кораблей. Все, от мала до

велика, от крупнейших империалистических государств до совсем маленькой Греции, от старой владычицы морей Англии до континентальной России почитали, что их государственная жизнь не может нормально функционировать без военного флота, а национальная гордость не потерпит отсутствия в его составе линейных кораблей самых современных типов.

Расходы на флот в фунтах стерлингов. Фунт стерлингов равнялся приблизительно 10 золотым рублям (367, с. 209)

Страны	1907—1908	1913—1914	Абсолютное увеличение	Рост в %
Россия	8850240	24249454	15399214	173,9
Англия	31251156	46809000	15058144	48,2
Германия	14225000	23039194	8824194	61,9
Франция	12486798	20847763	8360970	67,0
США	21260732	29498867	8238135	38,8
Австро-Венгрия	2713540	6600551	3887011	143,0
Япония	7371772	9860912	2489135	33,7
Италия	5661822	10157846	4496024	79,0
Всего:	103821060	170563867	66742827	64,5

Значение флота особенно возросло для тех империалистических государств, которые имели заморские колонии. Мировая торговля и экономический раздел мира были немислимы без развитого торгового флота. Чем сильнее рос товарооборот и чем крепче становились экономические связи империалистических государств со слаборазвитыми районами мира, тем большее значение приобретали морские торговые пути. «Только на международной торговле, на великой торговле, которая ведется через моря и нуждается для своего существования и развития в помощи внушительного военного флота, может держаться в настоящее время «мировая держава», — таково было общее мнение всех без исключения государственных деятелей любой империалистической страны (371, с. 28).

Связь строительства военного флота с экономическим развитием страны всячески афишировалась и вы-

ставлялась главной причиной каждый раз, как какой-либо из империалистических соперников готовил очередное его увеличение. Так убивали сразу двух зайцев: во-первых, представляли строительство флота «общенародным» делом, в котором в равной степени заинтересованы все члены общества, а во-вторых, пытались убедить потенциальных противников в мирном, оборонительном характере этой, по сути дела, всегда агрессивной акции. «Государство, которое имеет океанские, или в равной мере мировые интересы, — писало в специальном меморандуме в 1894 г. Верховное командование германского флота, — должно быть в состоянии защищать их и дать почувствовать свою силу за пределами территориальных вод. Мировая торговля, мировая промышленность и развитое рыболовство в открытом море, мировые связи и колонии невозможны без флота, способного к активным действиям» (389, р. 19).

Но флот был нужен не только для охраны торговых путей, но и для борьбы за новые рынки сбыта. «Нам нужны рынки, — заявил в беседе с русским военным агентом начальник Генерального штаба Германии Мольтке, — без них и свободных путей к ним мы жить не можем... Если нам запрут пути для торговли, мы должны будем взяться за оружие. Главные пути, конечно, теперь для нас морские, поэтому развитие флота совершенно необходимо и должно идти быстрыми темпами».

Первостепенное значение флота для империалистических государств и проводимой ими политики с еще большей необходимостью вытекало и из другого. Без военно-морского флота нельзя было ни завоевать колонии, ни удержать их в составе империи, ни «округлить» ее границы в борьбе с другими империалистическими конкурентами. «Без мощного военного флота, — заявил Вильгельм, — Германии и колонии не нужны» (312, с. 7), ибо Англия в любой момент может отобрать их себе. «Мы можем видеть, — писал он канцлеру Гогенлоэ в конце 1896 г., — какую ошибку мы сделали бы, начав колониальную политику 10 лет назад без флота» (389, р. 25). «Под давлением необходимости, — отмечал кайзер в своих мемуарах, — мы должны были расширить наши колониальные приобретения», но поскольку первоначально у Германии

не было достаточно сильного военного флота, «все это делалось лишь с разрешения Англии, что было тяжело и позорно для нас» (314, с. 10). Так колониальная политика неизбежно делала вопрос о строительстве флота осью, вокруг которой стали развиваться империалистические противоречия крупнейших капиталистических стран.

Наконец, вывоз капитала, а не только товаров тоже не может осуществиться в полной мере без достаточно развитого флота. Экспортеры капитала должны были быть уверены, что государство и за тридевять земель сможет вооруженной рукой отстаивать их интересы, обеспечить длительный покой, без которого невозможно извлечь всех выгод из сделанных инвестиций. Разумеется, что подобный «покой» был ничем иным, как непрерывной серией следующих друг за другом империалистических конфликтов и локальных войн с беспрестанно роптавшим населением колоний. По официальным данным английского военного министерства, за шесть «мирных» лет (с 1898 по 1903 г.) оно провело не менее 73-х военных «предприятий», в которых английская армия потеряла только убитыми 770 офицеров и 7813 солдат. Число раненых было, понятно, еще большим: 1929 офицеров и 21431 солдат (131, л. 138). Без флота проводить эти заморские операции было бы невозможно.

Все сказанное убеждает нас в том, что со своей точки зрения А.Тирпиц был абсолютно прав, когда заявлял: «У нас не было иного пути к мировому могуществу, кроме постройки флота... Морское могущество было естественной и необходимой функцией нашего хозяйства, которое в области мирового влияния оспаривало первенство у Англии и Америки, опередив все другие народы» (325, с. 252). Но, подобно Тирпицу, были правы и все остальные империалисты в других странах. «Первенство Германии на море не может быть совместимо с существованием Британской империи», — справедливо утверждал Эйр Кроу — один из руководящих деятелей английского Министерства иностранных дел (Цит. по 364, с. 625).

Никто не хотел без боя уступать свое «место под солнцем». В результате началось ожесточенное морское соперничество империалистических государств, соперничество, в которое втягивались не только веду-

шие, но и второстепенные капиталистические государства. «Чили, Аргентина, Бразилия, — доносил русский морской атташе в Лондоне в МГШ, — все строят сверхдредноуты... Норвегия строит корабль в Англии, Голландия приступает к такой же постройке. Испанцы кончают на стапеле третий дредноут и желают построить еще три. Португальцы заказывают суда в Англии, греки строят их в Германии... Короче, мания дредноутизации обуяла правительства всех стран» (208, л. 21). Мощный флот сделался решающим атрибутом и аргументом империалистической дипломатии. Целый период ее стал именоваться одним из типов военных судов: «эпоха канонерок» и по сей день служит синонимом беззастенчивого грабежа и наглого насилия.

Увлечению линейными кораблями в чрезвычайной мере способствовало повсеместное распространение теории «господства на море», родоначальниками которой были контр-адмирал американского флота А.Т.Мэхэн и английский вице-адмирал Коломб. Суть этой теории сводилась к чрезвычайному преувеличению роли флота в мировой истории. «Обладание морем, или контроль над ним и пользование им, — писал Мэхэн, — являются теперь и всегда были великими факторами в истории мира» (критику этой теории см. 365, т. 1, с. 1 и др.). Без господства на море не может существовать ни одно великое государство. Господство это, по мысли Мэхэна и Коломба, достигалось в войне флотов, войне, которую они рассматривали как самостоятельную и не связанную с действиями других родов оружия. Исход этой войны должно было решить генеральное сражение, результат которого, в свою очередь, зависел от победы линейных сил. Теория Мэхэна и Коломба стала официальной доктриной во всех без исключения империалистических государствах, которые стали теперь измерять мощь своих флотов числом линейных кораблей. Так повсеместно началось гипертрофированное развитие одного рода оружия и одного типа боевых кораблей.

Мы видели выше, что необходимость флота логически вытекала из агрессивной внешней политики. Повальное увлечение маринизмом достигло таких размеров, что в гонку морских вооружений стали втягиваться страны и в известной мере с целью поддержать свой великодержавный престиж. В канун мировой

войны царская Россия, например, в значительной мере создавала свой линейный флот на Балтике не для защиты торговых путей (морской товарооборот ее здесь был ничтожен) и не для удержания в составе империи колониальных окраин (это делалось не флотом, а армией), а для придания царизму особой «союзоспособности» и большего веса на международной арене. В ответ на утверждение в Думе кадета П.Н.Милюкова о том, что «наши экономические интересы не требуют от нас таких жертв, которые от вас (членов Думы. — *К.Ш.*) сейчас добиваются» (40, л. 347) один из лидеров крайне правых В.М.Пуришкевич, задав риторический вопрос: «нужно русскому человеку, нужно России, как государству великодержавному, иметь флот или не нужно?», сам же на него ответил: «нельзя говорить о создании флота только для тех народов, которые имеют в известной степени развитую торговлю и промышленность, нужно учитывать и другие обстоятельства — обстоятельства моральные: великодержавный престиж прежде всего» (там же, с. 361).

Пожалуй, наиболее четко отношение царизма к военному флоту и причину, заставившую Россию, эту континентальную державу, принять участие в гонке морских вооружений, определил П.А.Столыпин: «Всякая мировая держава не может не участвовать в мировой политике, не может не участвовать в политических комбинациях и отказаться от права голоса в разрешении мировых событий. Флот есть рычаг для осуществления этого права, это атрибут великой державы...» (98, л. 2). Как видим, целый ряд причин экономического и политического характера привели к тому, что из всех родов оружия с конца XIX века военноморской флот стал развиваться наиболее быстрыми темпами. Гонка морских вооружений стала наиболее ярким и выразительным проявлением милитаризма и крайне отрицательно влияла на обострение международных отношений. Четче всего это можно проследить на примере Германии и Англии — крупнейших империалистических государств, политика которых в значительной мере определяла темпы, продвижения человечества к I Мировой войне.

Несмотря на различные зигзаги политики ведущих государств, зигзаги, в результате которых временами на первое место выходили то франко-германские, то

англо-русские, то русско-австрийские противоречия, на протяжении ряда лет, предшествовавших Первой мировой войне напряженность в мире, без сомнения, создавалась прежде всего англо-германской конкуренцией и подготовкой германского милитаризма к борьбе за передел мира. Наиболее дальновидные люди всегда понимали это. «Мировое положение, — считали еще в 1907 г. офицеры русского морского Генерального штаба, — определяется соперничеством Соединенного королевства и Германской империи. Соперничество их не может быть разрешено иначе, как с оружием в руках» (308 «а», т. 1, с. 59), именно поэтому и идет столь ожесточенная гонка вооружений между ними.

Неравномерность экономического развития капиталистических стран привела к тому, что Германия, выросшая к концу XIX века в крупнейшее по экономической силе государство, оказалась почти без колоний, т.к. мир к этому времени был уже поделен. Германский империализм повел речь о переделе мира. «Вопрос шел о том, — откровенно вспоминал позже А.Тирпиц, — не опоздали ли мы принять участие в почти уже закончившемся разделе мира». Поскольку, по его мнению, еще не поздно было переделить мир «попытку морского могущества необходимо было предпринять без всяких проволочек» (325, с. 99).

Пожалуй, наиболее ярко подготовка германского империализма к борьбе за этот передел проявилась в развитии военно-морского флота. До конца 90-х годов XIX века флот Германии был несравним по своей силе не только с английским, но и с французским, и с русским флотами. Серьезной попыткой к его усилению и, вместе с тем, первым шагом на пути морского соперничества был разработанный А.Тирпицом в 1897 г. проект об увеличении германского флота. Им предусматривалось в течение семи лет довести военно-морские силы до 17 линейных кораблей (2 эскадры по восемь линкоров и один флагманский корабль), 8 броненосцев II класса, 9 больших и 26 малых крейсеров, а кроме того, создать резерв из 2 линейных кораблей, 3 больших и 4 малых крейсеров. Законопроект устанавливал, что «для поддержания торговых интересов» Германия должна иметь в заграничном плавании до 23 кораблей. В марте 1898 г. рейхстаг большинством

голосов одобрил представленный законопроект (353, с. 337, 343). Закон о флоте 1898 г. рассматривался германским империализмом лишь как первый шаг в борьбе с господством владычицы морей Англии. «Я думал о «скачкообразном развитии», но считал необходимым до поры до времени не предъявлять рейхстагу новых требований, — вспоминал позже Тирпиц. — Это оказалось, однако, трудным делом. Когда мы серьезно взялись за постройку флота, аппетиты разгорелись необычно. И раньше, чем я сам ожидал этого, возникла необходимость максимума расходов и приступить к разработке второй судостроительной программы. Уже осенью 1898 г. я взял себе за принцип построить организационную работу таким образом, чтобы она полностью соответствовала задаче нового увеличения флота в будущем» (325, с. 150).

Прошло немногим более двух лет после марта 1898 г., как Германия вновь резко увеличила свои военно-морские планы. 14 июня 1900 г. на свет появился новый закон, которым определялся состав германского флота. Боевой флот теперь должен был состоять из 2-х флагманских линейных кораблей и 4-х эскадр по 8 линкоров в каждой, 8 больших и 24 малых крейсера должны были использоваться как суда разведки, 3 больших и 10 малых крейсеров составляли специальный заграничный отряд. Закон предусматривал создание резерва из 4-х линейных кораблей, 3-х больших и 4-х малых крейсеров и определял для каждого из типов кораблей срок службы, по истечении которого в строй автоматически должен был вступать новый корабль. Всего, таким образом, планировалось создание к 1920 г. германского флота в 38 броненосцев, 14 больших и 38 малых крейсеров и 96 эсминцев. Для выполнения этой программы Германия должна была ежегодно закладывать 2 линейных корабля, 1 броненосный и 2 легких крейсера и дивизион эскадренных миноносцев. Это была сила, способная вступить в спор с любым из сильнейших флотов мира. Именно так и определяли германские государственные деятели цель этого закона. Но ни для кого не было тайной, что под словом «любой» подразумевался конкретно только один флот — английский. «При разработке второй программы, — писал Тирпиц, — мы долго думали над тем, следует ли включить в ее обо-

снование возможность столкновения с Англией. Я предпочитал не затрагивать Англию. Но, выставляя столь необычное требование, как удвоение морских сил, невозможно было совершенно обойти его действительную подоплеку (подчеркнуто мною. — *К.Ш.*). Нашу общественность все равно невозможно было приучить к молчанию в отношении Англии» (там же, с. 154).

Германские законы о флоте, принятые на протяжении немногим более двух лет, не могли не беспокоить английское правительство, которое не сомневалось в целях создания немецкого флота. Необходимо было отвечать на вызов Германии соответствующими контрмерами. «Морской закон, — писала "Таймс" 13 июня 1900 г., — может оказать важное действие на развитие английского флота». Правда, непосредственной угрозы господству Англии на море пока еще не было. Ведь «программы не всегда выполняются», — утешала себя «Таймс» (389, р. 48). Пока все еще зависело от того, как будет выполняться принятый закон и не будет ли он расширен вновь.

Однако, кое-какие меры необходимо было предпринять немедленно. Бесспорное преимущество Германии заключалось уже сейчас в том, что мощный английский флот был раздроблен между многочисленными доминионами и колониями Англии. Флот же немцев всегда был собран в кулак. Передислокация английского флота, создание новых баз с оперативным направлением на Северное море и германское побережье — таков был первый ответ английского адмиралтейства на немецкие законы о флоте (346, с. 23). В начале 1903 г. было официально объявлено о создании на Северном море новой базы Розайт. Вскоре, став с конца 1904 г. первым лордом адмиралтейства, адм. Фишер решил перенести главную базу флота на север Шотландии — в Скапа-Флоу. Затем он начал генеральную чистку флота, вычеркнув из его списочного состава все устаревшие суда (387, р. 139—141).

Морское соперничество Англии и Германии начало принимать все более и более острые формы, оказывая возрастающее влияние на англо-германские отношения. 4 февраля 1905 г. на обеде в честь гражданского лорда адмиралтейства Ли, последний произнес речь, в которой, говоря об идущей во флоте реоргани-

зации и о создании резервных эскадр, готовых к немедленному выходу в море, заявил, что «если война, к несчастью, будет объявлена, при существующих условиях, британский флот готов первым нанести удар, прежде, чем другая сторона получит время прочесть в газетах об объявлении войны» (389, р. 95). Хотя в этом заявлении по имени никто не был назван, оно тотчас же дошло до адресата. Вильгельм объявил Тирпицу, что он намерен вызвать английского посла в Берлине и заявить ему, «что этот драчливый пират должен быть официально завтра же одернут своим правительством. Иначе поднимется такая буря в нашей прессе, которая может быть сдержана только немедленным введением колоссальной судостроительной программы, вырванной у нас общественным мнением» (391 «а», № 124, р. 197).

Активность английского адмиралтейства возросла с октября 1904 г., когда первым лордом его был назначен германофоб Джон Фишер. В значительной мере по его настояниям и под его непосредственным руководством был составлен проект «Дредноута» и начато его спешное строительство. Цель Фишера была совершенно ясна: он хотел показать Германии всю бессмысленность соревнования со страной, промышленность которой смогла за год построить самый мощный корабль мира. Однако расчеты Фишера не оправдались. Появление «Дредноута» было для Германии приятным сюрпризом. По словам офицеров русского МГШ, немцы крепко «ухватились» за идею «Дредноута»: «первая половина 1906 г. прошла в расширении верфей и стапелей одновременно как на императорских, так и на частных заводах... К осени расширение заводов закончено и имеется возможность заложить два броненосца в 17000 тонн, предусмотренных сметой» (107 «а», л. 129).

Результаты переворота в судостроении, в конечном счете, пошли на пользу Германии: морская гонка началась с нового, промежуточного старта. Теперь расстояние до Англии оказалось не дальше, а ближе, чем до появления «Дредноута», ибо весь многочисленный линейный флот Англии (как и менее многочисленный Германии) оказался устаревшим. Немцы не испугались и не потеряли воли к соревнованию. Со-

всем наоборот — гонка морских вооружений началась с новым остервенением.

В 1906 г. немцы приняли так называемую «Новеллу» (добавление) к закону о флоте. Состав его увеличивался на 6 тяжелых крейсеров и 48 эскадренных миноносцев, число которых теперь должно было достичь 144 штук. Но суть новеллы заключалась не в увеличении корабельного состава флота. Главное было в другом: новелла санкционировала переход к строительству дредноутов и отпускала необходимые на это средства (325, с. 225). Как только рейхстаг утвердил эту новеллу, Тирпиц приступил к выработке новой. Суть ее сводилась к уменьшению срока службы линейных кораблей с 25 до 20 лет. Не меняя общую численность флота, новелла должна была значительно омолодить его состав, способствовать скорейшей замене устаревших кораблей современными дредноутами. В апреле 1908 г. рейхстаг утвердил и эту новеллу. Темпы морской гонки возрастали еще в большей мере. Теперь, в течение 1908—1912 гг. в Германии должно было закладываться ежегодно по 4 дредноута, с 1912 по 1917 гг. по два, а с 1917 г. устанавливался, по словам А.Тирпица, ежегодный «постоянный трехтактный темп» (там же, с. 227).

В Англии уже никто не сомневался в реальности угрозы господству ее флота на море. Положение английского империализма в некоторой степени осложнялось тем обстоятельством, что на смену консервативному кабинету пришел либеральный, представители которого много и громко говорили о необходимости пацифизма, проведения внутри страны социальных реформ за счет уменьшения непомерных расходов на вооружение. Придя к власти, либералы действительно сократили расходы на судостроение, ожидая втайне, что Германия последует их примеру и господство Англии на море будет сохранено. В первый же год своего правления либералы решили уменьшить бюджет морского министерства на 2,5 млн фунтов стерлингов, для чего вместо 4-х дредноутов заложить только 3, вместо пяти эсминцев — два, подводных лодок вместо 12 — 8 (205, л. 4). На 1907—1908 финансовый год расход на морское ведомство сократили еще на 1,4 млн фунтов. Правительство заявило, что оно заложит три или даже два дредноута «в зависимости от выяснения судостро-

ительных программ других государств, и в особенности, Германии» (131, л. 22).

На следующий год кредиты на новое судостроение было решено еще сократить на полмиллиона фунтов стерлингов (приблизительно на 7%). По справедливому мнению русского посла, это имело одну цель — продемонстрировать всем и вся миролюбие Англии. Правительство, прежде чем начать усиленную постройку судов, вызванную германской программой, решило на год держаться выжидательной политики, рассчитывая, что это может ослабить энергию Германии в увеличении ее морских сил. «Если эти расчеты не оправдаются, — сообщал хорошо информированный посол, — то правительство принуждено будет с будущего года значительно расширить свою программу по постройке новых судов, чтобы вознаградить себя за сокращение нынешнего года» (там же, л. 95—96).

Действительно, отвечая в парламенте на нападки оппозиции, Асквит, занимавший в правительстве пост казначея, заявил, что теперь в одностороннем сокращении кредитов на новое судостроение идти уже некуда, т.к. необходимо считаться с существующим положением вещей. Дальнейшее развитие или сокращение нового судостроения будет определяться уже не волей английского правительства. Будущее зависит от морской политики других держав. Английское правительство может твердо гарантировать только одно: оно никогда не допустит потери Англией господства на море, ибо если для «других» флот только предмет национальной гордости, то для Англии это вопрос жизни или смерти.

Поманив немцев пряником, англичане тотчас же решили помахать у них перед носом кнутом. В июне—июле в Северном море были проведены самые крупные в истории английского флота маневры, в которых участвовало сразу три флота (так называемый Домашний, флот Канала и эскадра Атлантического моря). Более 300 кораблей одновременно бороздили воды Северного моря, репетируя встречный бой, отражение десанта и т.д., и т.п. (там же, л. 184).

Вскоре после этого английское правительство попыталось договориться с немцами о совместном сокращении темпов судостроения. Некоторые из политических деятелей Германии непрочь были бы за соот-

ветствующие уступки ослабить гонку вооружений (312, с. 334). По всей вероятности, именно на это и рассчитывали Э.Грей и Ллойд Джордж, когда начали «поиск путей, которые позволили бы обоим сторонам ослабить темпы и уменьшить размеры морского строительства» (320, т. II, с. 38). С этой целью 14 июля 1908 г. они имели беседу с германским послом Меттернихом, которому заявили, что морская гонка бесперспективна для Германии, ибо ни одно английское правительство не может допустить потери господства своего флота на море. Вместе с тем, «отношения между обеими странами не могут улучшиться до тех пор, пока они будут продолжать свое соперничество флотов» (там же, с. 41). Чтобы выйти из этого заколдованного круга, Ллойд Джордж предложил начать неофициальные переговоры. Меттерних ответил, что, прежде всего, английский кабинет должен «ослабить политическое напряжение в отношении между двумя странами и своей политикой в Центральной Европе восстановить уверенность, что его соглашения не будут в один прекрасный день использованы против нас. Тогда лишь будет расчищена почва для возможных переговоров о сокращении морских вооружений». Что же касается любых предложений о переговорах, то германский посол твердо заявил, что «ни конференции, ни тем менее официальное предложение в виде ноты английского правительства германскому не сможет решить вопроса об уменьшении расходов на флот, что даже я считаю, что официальное предложение такого рода при создавшихся условиях носило бы весьма сомнительный характер и повело бы к серьезным и опасным последствиям» (там же, с. 45). По словам Меттерниха, во время всей беседы с министрами он руководствовался одним твердым положением: «сначала политика дружбы — затем разговоры о флоте», однако Вильгельм никак не хотел допустить и мысли хотя бы о частичном, самом незначительном сокращении гонки морских вооружений. «Необходимо указать ему (Меттерниху. — *К.Ш.*), — писал он в заключении пространной резолюции на донесение посла, — что я не желаю соглашения с Англией ценой уничтожения германского флота» (там же, с. 44).

В конце июля 1908 г. состоялась еще одна беседа Ллойд Джорджа с Меттернихом. Повторив старые ар-

гументы об ухудшении отношений между Англией и Германией, Ллойд Джордж вновь предложил ослабить темпы строительства обоих флотов и заявил, что английское правительство не возражало бы против установления соотношения германского и английского флотов 2:3. Сообщение посла об этом вызвало крайнее раздражение кайзера. «То, что Ллойд Джордж посмел выступить, предлагая ограничить темпы нашего строительства, вообще превосходит всякие границы и является результатом того, что Меттерних стал уже не в первый раз во время переговоров на опасный путь, говоря, что эта возможность не исключается» (там же, с. 47). Далее разгневанный кайзер разразился на донесении посла непотребной бранью в адрес «этих торгашей — англичан» и слабовольного посла, позволившего втянуть себя в опасные переговоры.

Однако английское правительство не теряло надежды все же уломать строптивного кайзера и стоящие за его спиной наиболее оголтелые империалистические круги Германии. Вновь и вновь оно выступало с нежеланными для Вильгельма предложениями: ограничить темпы военно-морского судостроения и тем сохранить за Англией господство на море. Вопрос о взаимном замедлении морской гонки был поднят во время встречи кайзера с Эдуардом VII в августе 1908 г. Правда, английский король, зная отношение Вильгельма к подобным предложениям, не рискнул сам выступить с ним. Это было поручено одному из сопровождающих его дипломатов. Гардинг (постоянный заместитель английского МИД) заявил Вильгельму, что англо-германские отношения не омрачаются ничем, кроме морской гонки. По его словам, сохранение «морского превосходства Великобритании сделалось кардинальным принципом британской политики, принципом, который не может игнорировать ни одно правительство любой партии» (391 «а», № 117, р. 185). Если в результате обсуждения между двумя правительствами не удастся достичь снижения темпов военно-морского строительства, то в ближайшее время они возрастут в еще более резкой форме, ибо правительству Англии «станет совершенно необходимым в следующем году представить на рассмотрение парламента широкую судостроительную программу и объяснить необходимость ее появления». Парламент, без сомне-

ния, утвердит программу правительства, и обострявшаяся гонка морских вооружений может через несколько лет привести «к чрезвычайно критической ситуации в случае не только серьезного, но даже мелкого спора, возникшего между двумя странами». Кайзер ответил, что Германия никому не собирается угрожать своим флотом, что его строительство — внутреннее дело немцев, дело их «национальной гордости», что никакого изменения и даже простого обсуждения планов военно-морского строительства Германия не может допустить и «он скорее пойдет на войну, чем подчинится такому диктату» (там же, р. 186). «Что же касается правительства его величества, — добавил Вильгельм, — то оно, конечно, может свободно строить в свое удовольствие сколько ему угодно». «Хотя и печально, что германское правительство заняло такую непримиримую позицию по отношению к какому-либо обсуждению или изменению своих судостроительных программ, — заключал свой меморандум Гардинг, — лучше знать худшее и приготовиться к нему» (там же, р. 187—188).

Попытки англичан замедлить строительство немецкого флота привели к обратным результатам. Немецкий империализм не только сохранил беспокоивший Англию темп судостроения, но даже еще больше увеличил его: в нарушение своего собственного закона о флоте немцы стали, фактически, закладывать суда не в начале года, а в конце предыдущего, еще до формального утверждения морского бюджета с кредитами на новое судостроение. Это удавалось достичь с помощью крупнейших немецких банков, которые, получив гарантию от морского министерства, стали широко финансировать судостроительные заводы под будущие заказы (196, л. 78). При помощи этого нехитрого трюка четыре дредноута программы 1909 г. были, фактически, заложены в ноябре 1908 г., что давало возможность построить их по меньшей мере на полгода ранее.

В весеннюю сессию 1909 г. в английском парламенте оппозиция начала жестокую атаку на правительство, требуя заложить в ближайшем финансовом году не 4 дредноута, как предполагало правительство, а в два раза больше. Утверждая, что в результате политика либералов «недостаточно обеспечивает безопасность

империи», консерваторы предложили парламенту вынести вотум недоверия правительству. Хотя кризис удалось разрешить, правительство заявило, что оно будет внимательно следить за развитием немецкого флота и составит свои дальнейшие планы всецело в зависимости от «их (немецкой. — *К.Ш.*) программы» (292, с. 23).

В результате поднятой в прессе шумихи правительство уступило требованиям «общественности» и в конце 1909 г. заложило четыре добавочных дредноута и несколько легких кораблей. Средства на них были отпущены доминионами Англии.

Алармистские выступления английской прессы не на шутку испугали немцев, которые никогда не исключали возможности превентивной войны со стороны Англии. В июне 1909 г. в Берлине состоялось специальное совещание под председательством рейхсканцлера. На нем Бюлов заявил, что «вполне серьезные люди в Англии видят приближение войны с нами; встает вопрос, каковы будут наши шансы в подобной войне». «Сейчас, — заявил Тирпиц, — мы не можем относиться спокойно к перспективе столкновения с Англией» (312, с. 362) и должны найти способ ладить с нею в течение «опасного периода», пока флот не будет готов к войне. «Опасный период наших отношений с Англией будет пережит в течение 5—6 лет, примерно к 1915 г., после того, как будет произведено расширение канала императора Вильгельма (Кильского канала. — *К.Ш.*) и будет закончено укрепление наших гельголандских позиций». До этого Тирпиц настаивал на мире с Англией, поскольку, по его словам, напряженность в отношениях с этим государством создавалась исключительно в результате морского соперничества. Тирпиц соглашался несколько уменьшить темпы строительства флота и установить определенное соотношение в силах английского и немецкого флотов (он предлагал 4:3). С Тирпицом был согласен и посол Меттерних, который считал, что ухудшение отношений с Англией вызвала исключительно германская военно-морская политика, «наше военно-морское строительство и поднятая вокруг него агитация» (там же, с. 365).

Общее мнение наиболее полно высказал рейхсканцлер. Бюлов заявил: «Для того, чтобы пройти опасную

зону, отделяющую нас от момента окончания соору- жения нашего флота (подчеркнуто мною. — *К.Ш.*) ре- комендуется соглашение с Англией». «Наши уступ- ки, — заявил он далее, — могли бы заключаться в за- медлении темпа постройки и в отказе от новелл (даль- нейшего усиления флота. — *К.Ш.*)» (там же, с. 364). Бюлов предлагал уполномочить Меттерниха начать на указанных условиях неофициальные переговоры.

Позиция немецкого империализма на этом совеща- нии обрисовывалась совершенно ясно: единственное из-за чего стоит вести переговоры, это из-за опасности того, что война начнется раньше, чем к ней успеют подготовиться. Ни о каком серьезном желании идти на компромисс и речи не было. Надо было просто оття- нуть время, для чего стоило сделать некоторые незна- чительные уступки. Но даже такое, более чем скром- ное, решение совещания, вызвало кислую мину у кай- зера. Беспокойство Англии он назвал мнимым: по его мнению, это было «ни что иное, как шумиха, вызван- ная внутривнутриполитическими мотивами» (там же, с. 366).

Все последующие переговоры (обзор их сделан в «Памятной записке сэра Э.Грея» см. 391 «а», № 468, р. 631—636), по сути дела, имели одну цель, не пре- кращая гонки морских вооружений, усыпить бдитель- ность англичан, выиграть время и пройти спокойно «опасную зону». Позиция германского правительства сводилась к одному: никаких разговоров о сокраще- нии общих размеров немецкого флота быть не может. Речь может идти только об уменьшении темпов его строительства, об отдалении сроков, к которым флот Германии достигнет установленного для него размера. Именно за это Германия должна получить «соответст- вующую» цену, которая была точно определена немец- ким империализмом: в будущей войне Англия должна гарантировать нейтралитет и спокойно глядеть, как немцы разделяются с Францией и Россией. Всяким переговорам о сокращении темпов военного судос- троения должно предшествовать общеполитическое соглашение Германии и Англии.

Как ни желала Англия замедлить темпы строитель- ства немецкого флота, платить за это фактическим ан- нулированием договоров с Францией и Россией (за- ключенных, к слову говоря, именно в результате роста англо-германских протворечий, в том числе и на

море), она не собиралась. В ответ англичане назвали свою цену: за взаимное ослабление темпов строительства флота немцам предлагались уступки в вопросе о Багдадской железной дороге и железнодорожных концессиях в Персии (391 «а», № 442—443, р. 598—600).

Переговоры, или, точнее, эпизодическая переписка между английским и германским правительством по поводу возможного ослабления военно-морской гонки шла на протяжении нескольких лет. Конец их знаменовался провалом миссии английского военного министра Холдена в феврале 1912 г. С конца 1911 г. в прессу стали проникать слухи о новом увеличении немцами темпов военно-морского строительства. По выработанному Тирпицем законопроекту к двум боевым эскадрам должна была прибавиться третья, для чего 5 линейных кораблей, 4 броненосных и 4 легких крейсера брались из резерва, 3 линейных корабля и два легких крейсера должны были быть построены вновь в течение 1912—1916 гг. На усиление флота предполагалось ассигновать более 20 млн марок. Таким образом, в очень недалеком будущем германский флот должен был состоять из 41 линейного корабля, 20 броненосных и 40 легких крейсеров, 144 эскадронных миноносцев и 72 подводных лодок (298, 1914 г., № 9, с. 149).

Слухи о германской новелле активизировали действие тех кругов английской и немецкой буржуазии, которые были заинтересованы в поддержании мирных отношений между обоими государствами. Инициатива в последних перед войной военно-морских переговорах принадлежала частным лицам — влиятельному немецкому финансисту А.Балину и лондонскому банкиру немецкого происхождения Э.Касселю. И английское, и немецкое правительства пошли на переговоры без всякого желания и надежды договориться, преследуя только одну цель — продемонстрировать лишний раз свое миролюбие и неуступчивость другого партнера. Ни Грей, отказавшийся лично ехать в Берлин, ни руководители английского МИДа, некоторые из которых именовали эту затею не иначе как «глупый шаг» (386, с. 211—213), не ожидали от нее никакого проката, а позицию немцев лучше всего характеризует следующее: в день приезда в Берлин Холден получил своеобразное «добро пожаловать»: руководитель флотского

союза, очень влиятельной в Германии организации по пропаганде взглядов морского ведомства, выступил с очередной алармистской речью, а сам кайзер на открытии рейхстага заявил, что в эту сессию новелла обязательно будет внесена на утверждение. Переговоры теряли всякий смысл. Сколько бы любезностей не говорили друг другу их участники, позиции каждой из сторон были непоколебимы: Германия требовала за сокращение темпов нейтралитета Лондона в будущей войне, а Англия настаивала на признании своего господства на море и как максимум уступок предлагало чужие (португальские) колонии и, тоже отнюдь не только свои интересы в железнодорожном строительстве в Малой Азии. Провал миссии Холдена всем дал ясно почувствовать одно: спор Англии с Германией за господство на море *непримирим*, он не может окончиться ничем другим, кроме разгрома одного из соперников в морском, как тогда думали, бою.

В ответ на требование немцев быть нейтральными в случае общеевропейской войны, англичане еще больше усилили военные связи с союзниками по Антанте. В начале 1912 г. русский военный атташе во Франции сообщил о заявлении начальника французского генштаба, что в морских генеральных штабах Англии и Франции ведется интенсивная работа по координации действий. Это же подтвердил ему и английский морской агент в Париже, заявивший, что в его адмиралтействе к власти пришли сторонники более тесных связей с союзниками по Антанте. Атташе сообщил о твердой уверенности французского правительства в том, что ему, в случае необходимости, будет оказана Англией энергичная помощь (114 «а», л. 11).

Впервые за много лет английское правительство проявило доброжелательный интерес и к строительству русского флота. В январе 1912 г. Черчилль вел разговор с русским военно-морским атташе. Суть его заключалась в выяснении того, «на какую силу следует рассчитывать в Балтийском море в 1914—1917 гг. соответственно. Центр тяжести сводился к вопросу, сможет ли иметь Россия 4 больших крейсера в 1914 г. (если заказывать в Англии) или в 1916 г. (если строить в России)» (166, л. 2). Черчилль был очень любезен, приглашал в Англию морского министра Григоровича и живо интересовался составом программы, внесенной

в это время в Думу. Как бы поясняя далее причину этого интереса, Черчилль перешел к германской новелле и обещал, что какова бы она ни была «Германия останется в накладе» — на каждый заложенный корабль Англия ответит двумя, а то и двумя с половиной сверхдредноутами.

Вскоре, по инициативе англичан, зашла речь «о посещении английской эскадрой Балтийских портов для ознакомления с общим состоянием русского флота» (там же, л. 55), а затем между генеральными штабами России и Англии начались переговоры о заключении морской конвенции типа уже подписанной к этому времени франко-русской (подробнее см.: 363).

Однако фактические совместные действия против Германии морских генеральных штабов России, Англии и Франции начались уже ранее, точнее, на другой день после отъезда Холдена из Берлина. Едва проводив на вокзал Холдена, морской атташе в Берлине Уотсон пригласил в английское посольство русского военно-морского агента капитана 2-го ранга Беренса и заявил ему, что он считает ближайшие два года самыми опасными для европейского мира, т.к. наиболее выгодное для германского флота соотношение морских сил будет к концу 1913 г. и что именно поэтому ему поручено его правительством особенно внимательно следить за всеми признаками военных приготовлений Германии. А далее он сразу взял быка за рога и предложил в виду серьезности положения иметь с ним и французским коллегой более тесные отношения, обмениваться данными, обсуждать их сообща, а также сообразовать свои поездки по Германии таким образом, чтобы они взаимно дополняли друг друга (114 «а», л. 75—76). Русский МГШ согласился на предложение англичан, и военно-морские агенты стали работать в тесном контакте: разделили районы наблюдений, обменивались своими сведениями о состоянии немецкого флота и т.д., и т.п. (195, л. 10—21).

В том же 1912 г. Черчилль предложил заложить 4 дредноута, 8 крейсеров и 20 эскадренных миноносцев, но объявил, что он исходит в своих расчетах из того, что программы других морских держав не будут увеличены, в противном случае, в парламент будут представлены дополнительные требования (206, л. 4—5). При обсуждении бюджета Черчилль заявил, что так

называемый «Двойной стандарт» для Англии уже не подходит и адмиралтейство, в действительности, придерживается политики — иметь 60% преимущества перед Германией в дредноутах, но с учетом того, что ее закон о флоте не будет изменен. Если же этого не произойдет, то на каждый корабль, заложенный сверх старого закона, Англия будет отвечать двумя (там же, л. 67). Вместе с тем, Черчилль обещал, что, если немцы откажутся от закладки своих 3-х дредноутов, то Англия не заложит пять.

Гонка морских вооружений приобрела невиданные ранее размеры. В Англии только за один 1912—1913 финансовый год в строй вступили 4 линейных корабля, 3 линейных и 4 легких крейсера, 5 эсминцев, 3 подводных лодки, а на 1 апреля 1913 г. продолжали еще строиться 11 линейных кораблей, 3 линейных (207, л. 2—5) и 13 легких крейсеров, 35 эсминцев и 21 подводная лодка. Между тем, по утвержденной в марте того же года программе, предполагалось к этому добавить еще 5 линейных кораблей, 8 легких крейсеров и 16 эсминцев. Судостроительная промышленность Англии была самой могучей в мире и не только справлялась с заданиями своего адмиралтейства, но успевала урвать себе заказы и у других государств. Английский налогоплательщик, хотя и кряхтел, но регулярно вносил свою лепту в королевскую казну и недостатка в средствах правительство не ощущало. Но все же перед ним во весь рост вставала грозная опасность: все более и более ощущалась нехватка специалистов на верфях и личного состава на флоте, а поскольку в Англии отсутствовала всеобщая воинская повинность, набрать нужное количество даже матросов было не так-то просто. Всего матросов адмиралтейство могло наскрести на 60 крупных кораблей; классных специалистов и офицеров — только на 53, а организация великобританского флота предусматривала наличие в его составе 65 линкоров и линейных крейсеров (206 «а», л. 16).

Закладывать линейные корабли, зная, что на них некому будет служить — совершенно бессмысленно. Поэтому Англия решила сделать еще одну безнадежную попытку ослабить гонку. Выступая в парламенте в марте 1913 г., Черчилль от имени правительства предложил Германии сделать в скачке вооружений «выход-

ной день» — не закладывать в этом году ни одного дредноута. «Это так просто, — уверял Черчилль, — что не может повести к недоразумениям. Финансы вздохнули бы, а флоты не пострадали бы... Эту апелляцию Великобритания адресует ко всем нациям, и ни к одной с такой искренностью, как к Германии, великому соседу по Северному морю» (207, л. 57). Однако, чем больше говорили о замедлении темпов, тем меньше появлялось желание сокращать их. И английское адмиралтейство, возглавляемое тем же Черчиллем, и морское ведомство немцев готовились и думали не о «выходном дне», а о ближайших днях смертельной схватки друг с другом, когда, по образному выражению английского короля Георга V, представится приятная возможность «пускать ко дну каждый корабль противника, который попадет в руки» (297, т. XX, ч. 2, № 1034). Империалистический мир на всех парусах шел к империалистической войне.

Гонка вооружений была не только следствием империалистической конкуренции, но и чрезвычайно сильным ускорителем ее. Флот Германии «был самым крупным проявлением германского империализма» (312, с. 14). По признанию крупнейшего советского исследователя германского империализма А.С.Ерусалимского уже «на рубеже XX в. англо-германское соперничество стало основным империалистическим соперничеством, ведущим к мировой войне» (357, с. 570). Начало XX в., как мы видели, в еще большей степени подтвердило правоту этих слов. «Строительство германского флота в значительной степени вызвало мировую войну», — заявлял Ллойд Джордж (320, с. 35). И это не было мнением одного английского политического деятеля. Аналогичные мысли высказывали хорошо знавшие суть дела германские послы: Меттерних (312, с. 363) и сменивший его Лихновский (там же, с. 20), рейхсканцлер Б.Бюлов и пришедший ему на смену Бетман-Гольвег.

Итак, обострение империалистических противоречий — таков был первый непосредственный результат гонки вооружений. Вторым ее результатом было ускорение перегруппировки капиталистических государств. «Для Англии, — с сожалением признавал ее военный министр Холден, — прошли дни, когда была возможна позиция блестящей изоляции. Наша морская мощь, даже как инструмент самообороны, была под угрозой стать не отвечающей своим требованиям при отсутст-

вии дружбы, которая гарантировала бы, что другие флоты останутся, если не активными союзниками нашего, то хотя бы нейтральными». По его мнению, именно морская гонка «сделала необходимым появление Антанты» (цит. по 388, р. 24).

Ожесточенное военно-морское соревнование Англии и Германии создавало благоприятные условия для политических спекуляций, при которых государства, обладающие даже небольшим, но дееспособным военным флотом (например, Россия) могли надеяться сыграть решающую роль, бросив в критический момент на колеблющиеся чаши весов свою морскую силу. Наличие у них флота, по мнению правительств таких государств, придавало им особую «союзоспособность» и относительную независимость внутри империалистических группировок. Эти расчеты в значительной мере и определяли характер развития вооруженных сил России в предвоенные годы.

§ 3. Программа усиленного судостроения 1912 г. Планы дальнейшего развития Балтийского флота накануне Первой мировой войны

Принятая правительством и внесенная в Государственную думу десятилетняя программа развития вооруженных сил 1909—1910 гг. так и не была утверждена последней. В значительной мере это произошло потому, что Морское министерство уже в том же 1910 г. ее нарушило, получив около 150 млн руб. на строительство Черноморского флота. Кроме того, вся программа с точки зрения морского ведомства страдала одним коренным пороком: выполнение ее оказалось в зависимости от утверждения Думой новых налогов, денежные поступления от которых, вполне естественно, казна могла ощутить далеко не сразу. По расчетам МГШ, реализации этих законопроектов «можно было ожидать только через два—три года, а делать такой перерыв в судостроении — значило бы отказаться от всякой его планомерности» (200, л. 502). Морское министерство не могло пойти на это и вновь выступило инициатором нарушения согласованного с военным ведомством и утвержденного правительством плана развития вооруженных сил России. На этот раз сделать это решено было в пользу Балтийского флота.

Состояние последнего внушало его начальнику вице-адм. Н.О.Эссену серьезные опасения. Считая, что именно «Балтийское море является главным морским вероятным театром военных действий», Эссен доносил новому морскому министру вице-адм. И.К.Григоровичу, что «настоящее состояние их (морских сил Балтийского моря. — *К.Ш.*) совершенно не отвечает единственной цели, имеющей огромное политическое значение для нашей Родины» — борьбе с германским флотом. Признавая 1914—1915 гг. самым опасным рубежом в международных отношениях, Эссен требовал именно «к этому моменту иметь хотя небольшую, но все же дееспособную силу» (160, л. 99). В результате всех этих причин Григорович, едва только став морским министром, в одном из первых своих докладов царю 12 марта 1911 г. просил разрешения переработать десятилетнюю программу судостроения, на что 19 марта последовало указание Николая II «Программу пересмотреть» (там же, л. 502). Разработка новой программы велась в Морском министерстве к этому времени уже не первый день. 4 апреля 1911 г. морской министр подал царю два документа: проект «Закона об императорском Российском флоте» и «Программу усиленного судостроения Балтийского флота на 1911—1915 гг.» (193, л. 13).

К проекту «Закона о флоте» была приложена специальная «Объяснительная записка» (см. 369, с. 140—144), в которой, исходя из исторических, стратегических и дипломатических соображений, обосновывалась необходимость для России мощного линейного флота. В основу «Закона о флоте» была положена мысль уже осуществленная в Германии: определить на длительный ряд лет вперед состав каждого из трех флотов России, сроки службы всех типов кораблей, необходимые ассигнования на порты, утвердить все это законодательным порядком и поставить таким образом дело строительства флота на прочное основание независимо от настроения Думы, Совета Министров или претензий на новые ассигнования сухопутного ведомства. В «Законе о флоте» Морское министерство по сути дела возвращалось к своей старой «Программе № 2, которая в мае 1907 г. признавалась им же неосуществимой из-за невозможности обеспечить такой большой флот необходимым личным составом. Через

22 года военно-морские силы России на Балтийском море должны были состоять из двух боевых и одной резервной эскадры, на Черном море — из одной боевой эскадры, по силе своей в полтора раза превосходящей морские силы государств, расположенных на побережье Черного моря и одной резервной эскадры из устаревших судов. Состав каждой эскадры определялся в 8 линейных кораблей, 4 броненосных крейсера, 8 легких крейсеров, 36 эсминцев и 12 подводных лодок. Сибирская флотилия (на Тихом океане) должна была состоять из 18 эсминцев, 12 подводных лодок, 3 минных заградителей и 2 легких крейсеров. Только в течение 17 лет для осуществления «Закона о флоте» от государства требовалось 2192,5 млн руб. (3, л. 329).

Первые пять лет из 22, планировавшихся на воссоздание военно-морских сил до размеров, предусмотренных «Законом о флоте», были выделены в особый период, на который Морским министерством предусматривалась специальная «Программа усиленного судостроения Балтийского флота на 1911—1915 гг.». Исходя из того, что «наличный состав Балтийского флота является не оперативно-способным», морское ведомство требовало скорейшего создания современной морской силы, которая в будущем явилась бы, хотя и немногочисленной, но оперативно-способной и тем самым возможно скорее дала бы прочное основание для внешней политики и устранила бы беззащитность России на важнейшем морском театре. Для того, чтобы избежать этого, Морское министерство предлагало немедленно, в дополнение к уже заложенным в 1909 г. 4 линкорам, приступить к строительству, начиная уже с 1911 г. на Балтийском море 4 броненосных и 4 легких крейсеров, 36 эсминцев и 12 подводных лодок. В результате, в сочетании с четырьмя еще сравнительно новыми линкорами додредноутского типа, Балтийский флот к 1915 г. должен был получить полную боевую эскадру. Кроме того, 2 легких крейсера предполагалось заложить на Черном море и 6 подводных лодок на Тихом океане. Общая стоимость расходов по этой программе определялась в 512,6 млн руб. (там же, л. 260).

Ознакомившись с этими грандиозными планами Морского министерства (полное осуществление которых требовало расходов в 2,7 млрд руб. золотом), Ни-

колай II пришел в восторг: «Отлично исполненная работа, — заявил он начальнику морского генерального штаба, — видно, что стоят на твердой почве; расхвалите их (работников МГШ. — *К.Ш.*) от меня» (193, л. 15). Царь в принципе одобрил все представленные документы и 25 апреля 1911 г. согласился на то, чтобы «Программа» была немедленно внесена в Совет министров для ее скорейшего осуществления уже в 1911 г., а «Закон о флоте» прежде внесения его в Совет министров был предварительно разработан совместно с министром финансов для согласования финансовой стороны дела.

Получив одобрение царя, Григорович 3 мая 1911 г. приказал сделать все необходимые расчеты в самый непродолжительный срок (169, л. 502) с тем, чтобы успеть вовремя внести программу в Думу. Однако морское ведомство встало перед трудноодолимым препятствием. После ознакомления с планами судостроения частные заводы заломили столь высокие цены, что стоимость броненосных крейсеров поднялась до фантастической цифры в 51 млн руб. Оказалось, что за ту же цену на иностранных заводах можно было заказать в два раза больший флот! «Не имея возможности пока разобрать причины этих повышенных расценок, — доносил начальник МГШ морскому министру, — морской генеральный штаб полагает, что с такими цифрами войти в Совет Министров нельзя» (там же, л. 504). МГШ предлагал целый ряд мер для борьбы с чрезмерными претензиями отечественной промышленности (разрешение отдать часть заказов за границу и т.д.). Но Григорович не согласился на них. «Я уверен в отказе на заграничные заказы, — написал он на докладе. — Надо примириться, что 1911 г. пропал для постройки судов... Не следует падать духом, а принять все меры к скорейшему обоснованному подсчету усиленной программы, считая ее с 1912—1916 гг., и внести в законодательные учреждения еще в ближайшую сессию законопроект, а его скорейшее проведение будет сделано» (там же, л. 506). Министр потребовал, чтобы немедленно были произведены все расчеты по программе и не позднее 10 ноября внесены в Совет министров, а к 1 декабря — в Государственную думу.

С небольшим опозданием — 19 ноября — необходимые расчеты были произведены и программа пред-

ставлена в правительство и царю. Николай II остался, как всегда, доволен работой МГШ. «Выполнение представленной программы усиленного судостроения, — написал он 12.XII.1911 г., — составляет насущную потребность обороны государства» (233, л. 2). 15 декабря 1911 г. вопрос этот рассматривался Советом министров (3, л. 251), который сразу же выразил свое недовольство тем, что планы Морского министерства, «связанные с огромными из средств казны ассигнованиями, не были, однако, сообщены... на заключение финансового и контрольного ведомств» (там же, л. 338). Совет министров заявил, что неясно, является ли представленная новая программа частью 10-летней программы 1910 г. и согласована ли она с военным ведомством. Кроме того, поскольку в случае ее утверждения расходы на морское министерство в ближайшие 5 лет достигли 760 млн руб. и значительно превышали согласованные в 1910 г. расходы на целое десятилетие (698 млн руб.), Совет Министров решил образовать для всестороннего обсуждения программы специальное междуведомственное совещание под председательством морского министра в составе представителей от Государственного контроля и министерств иностранных дел, торговли и промышленности, финансов и военного.

Созданная комиссия разделилась на ряд подкомиссий, которые и приступили к детальному разбору программы и предложенных по ней сметных ассигнований, чем тотчас же вызвали негодование МГШ и его нового начальника контр-адм. Ливена. 12 января 1912 г. он подал морскому министру специальный доклад, в котором писал, что «представители финансового ведомства и Государственного контроля задаются определенной целью во что бы то ни стало произвести сокращение в кредитных исчислениях программы». Ливен признавал, что исчисления, принятые в программе, действительно чрезвычайно высоки, но жаловался на то, что сделать что-либо для их понижения совершенно невозможно вследствие полной зависимости Морского министерства «от того или иного завода, монополизировавшего известную отрасль боевого судостроения» (161, л. 89). Считая, что ставить утверждение программы судостроения в зависимость от исполнения требований представителя Министерства

финансов нельзя, Ливен просил Григоровича, как председателя комиссии, наметить определенный срок, к которому работа всех подкомиссий должна быть обязательно закончена. Морской министр приказал через неделю созвать пленарное заседание.

Одновременно Григорович вошел в переписку с Государственным контролером и министром финансов, убеждая их не требовать сокращений в программе. Последние никак не хотели с этим согласиться, но зная всеисилие Григоровича решили пойти на хитрость. Вероятно, с ведома кого-то из них секретная переписка между тремя министрами стала достоянием гласности и была частично опубликована в газете «Речь» от 2 февраля 1912 г. Жалоба на это Григоровича привела царя, по его словам, «в ужас». Воспитанный и бесстрастный царь разразился редким в его практике письмом. «Подобный факт я не могу назвать иначе как предательством, — гремел он в послании к премьер-министру. — Прошу Вас, Владимир Николаевич, настоять на полном расследовании этого случая и затем доложить мне о результатах. Предупреждаю, что я весьма серьезно смотрю на этот случай, и что кто бы ни был виновником, — я намерен с ним поступить *круто*» (1 «а», л. 7—8). Как и всегда поддержка царя гарантировала Морскому министерству полную победу над его конкурентами.

18 февраля Григорьевич представил в Совет министров журнал Межведомственного совещания (3, л. 382—388). В нем отмечалось, что пятилетняя программа находится в согласовании с планами военного ведомства и что, внося эту программу, Морское министерство полностью отказывается от 10-летней программы, предполагая однако в следующий за 5-летней программой период, построить 4 линейных корабля, предусматривавшихся программой 1910 г. Даже второстепенные возражения представителей Министерства финансов учтены не были, а с главным требованием финансового ведомства — растянуть кредитные ассигнования на более длительный период Морское министерство никак не желало соглашаться, заявив, что предел его уступок — это уменьшение ассигнований в первый 1912 г. до 12 млн руб. С более существенными замечаниями выступил представитель МИДа, которое уже давно порицало морское ведомство за то, что оно

обращает свое главное внимание в ущерб Черноморскому флоту на Балтику. Однако чувствуя за собой поддержку Николая II, Морское министерство не желало считаться со взглядами МИДа и оставило свою программу без изменений.

В отличие от работы совещания 1909—1910 гг., на сей раз не стали определять мер для изыскания средств на судостроение, а просто приняли к сведению заявление представителя министра финансов, что если Дума утвердит программу, то его министерство немедленно внесет специальный законопроект об источниках для покрытия этих новых расходов по судостроению. В феврале Совет Министров рассматривал журнал совещания. Морское министерство сократило заявку до 502 млн руб. Коковцов и Тимашов отказались поддерживать требования своих представителей об уменьшении расходов еще на 11,5 млн руб. Но министр финансов продолжал настаивать на ассигновании кредитов с 1913, а не с 1912 г. Поскольку Григорович по-прежнему упорствовал, ему разрешили в случае одобрения программы Думой, приступить к строительству уже в 1912 г., взяв на него средства из других статей бюджета, с условием, что позаимствования будут погашены в 1913 г. с получением первых ассигнований на программу (161, л. 9). Потребовав, чтобы в представлении в Думу Морское министерство обстоятельно разъяснило причины, по которым оно вынуждено было отказаться от программы 1909—1910 гг., Совет министров разрешил внести в законодательные учреждения новую судостроительную программу. Что же касается «Закона о флоте», то было решено, что он «может получить окончательное утверждение в порядке военно-морского законодательства лишь по разрешении в общем законодательном порядке потребных на осуществление изысканной программы средств» (3, л. 251—256).

И на этом этапе царь оказал самую решительную поддержку планам Морского ведомства. Вызвав премьер-министра, он тщательно проинструктировал Коковцова, что тот должен сделать, чтобы облегчить прохождение программы через Государственную думу (246, л. 17).

В начале марта 1912 г. морской министр представил в Государственную думу «Программу усиленного

судостроения 1912—1916 гг.» (3, л. 251). Объясняя в препроводительной записке причину замены 10-летней программы 1909—1910 гг. и резкое увеличение своих требований на новое судостроение (за 5 лет 1913—1917 гг. на него вместе с этой программой ассигновывалось 722,8 млн руб., т.е. гораздо больше, чем ранее просилось на 10 лет), Григорович сослался на резкое усиление германского судостроения и необходимость закончить создание оперативно способного Балтфлота к 1916—1917 гг. Напомнив, что согласно проекта «Закона о флоте» (частью которого являлась представленная программа), создание двух эскадр для Балтийского моря планировалось в 20 лет, Морское министерство считало необходимым первую эскадру построить уже к 1919 г., для чего по освобождению стапелей от судов, заложенных по этой программе, немедленно заложить еще 4 линкора и 5 легких крейсеров¹. Однако уже выполнение этой программы позволяло вместе со старыми, но еще боеспособными линейными кораблями «Андрей Первозванный» и «Император Павел I» составить по расчетам МГШ боевую эскадру. Детально определив стоимость каждого корабля, программа предусматривала расход на судостроение общей суммы в 421146027 руб. Морское ведомство требовало на развитие портов 71 млн руб. в течение тех же 5 лет и около 10 млн руб. на оборудование казенных заводов. Государственная дума исключила все кредиты кроме ассигнований на судостроение, потребовав, чтобы они были внесены особым законопроектом (3, л. 576).

23 июня 1912 г. принятая после Государственной думы без изменения и Государственным советом программа была утверждена царем и обрела силу закона. Наконец-то царизму после долгих мытарств и тревожных удалений удалось обеспечить своему флоту твердую про-

---

¹ В таком случае боевая эскадра Балтфлота к 1919 г. состояла бы из следующих кораблей: 4 линейных кораблей типа «Севастополь», заложенных еще в 1909 г., 4 броненосных крейсеров, 4 легких крейсеров, 36 эсминцев и 12 подлодок, заложенных по программе 1912—1916 гг., 4 линкоров и 5 легких крейсеров, заложенных по новой программе, утверждение которой относилось морским ведомством на 1914—1915 гг.

грамму на десятилетия вперед, ибо ни правительство, ни Государственная дума не собирались ограничиться закладкой только части эскадры и во второе пятилетие заложили бы недостающие для нее 4 линейных корабля и 5 легких крейсеров, а затем каждое десятилетие строили бы по одной боевой эскадре, что и предусматривал «Закон о флоте», в принципе одобренный царем. Николаю II мерещилось осуществление самых сокровенных надежд. В рескрипте Григоровичу по поводу утверждения программы царь назвал 23 июня «днем великих надежд для России», ибо «наш флот должен быть воссоздан в могуществе и силе, отвечающих достоинству и славе России». Отметив упорство, с которым Морское министерство провело уже ряд мер по поднятию боеспособности флота, Николай II заявлял, «что как бы ни были важны сами по себе все эти меры, они имеют значение подготовительной работы к осуществлению основной задачи, от которой зависит и наша внешняя безопасность, и наше международное положение. Эта задача — наряду с правильной постановкой сухопутной обороны соорудить и флот, соответствующий по своей численности и боевым качествам потребностям России». Теперь, с ассигнованием на это необходимых средств, Григорович со своим ведомством имеет священный долг «выполнить великое историческое предназначение», в его руках «будущее России как морской державы.., честь и слава родной земли» (298, 1912, № 7, с. 1).

Так воспринял Николай II начало осуществления своей заветной мечты. Дальнейшие события ясно показали, что «Программа усиленного судостроения» всеми рассматривалась лишь как первая часть развития флота. По решению Совета министров специальная междуведомственная комиссия под председательством Григоровича, рассмотрев «Закон о флоте», разделила его на две части. Одну из них — касающуюся состава флота — должен был утверждать царь, другую — ассигнования на его строительство — Государственная дума. В конце 1913 г. морское ведомство подготовило для Государственной думы новую программу, завершавшую строительство первой Балтийской эскадры. Однако обострение международного положения в районе Балканского полуострова заставило в самый канун мировой войны спешно принимать

программу усиленного развития Черноморского флота, и даже, более того, планировать перевод построенных балтийских дредноутов в Средиземном море на французские базы для давления на проливы со стороны Эгейского моря. Но ни эти, ни другие меры по усилению своего флота осуществить царизму уже не было дано. Начавшаяся мировая война обнаружила такую вопиющую неподготовленность армии в материально-техническом отношении, такую нехватку орудий, снарядов, пулеметов, взрывчатых и отправляющих веществ (374, с. 37), перед которой никто не ощущал недостатка в линейных кораблях ни на Балтийском, ни на Черном морях. Более того, увлекшись перед войной строительством крупных кораблей, Морское министерство уже в годы мировой войны было вынуждено принять ряд мер для исправления однобокого развития флота: Программу спешного развития легких сил на Черном море; Программу строительства десантных судов для Черноморского флота; Программу строительства подводных лодок для всех трех своих морей. В трудных условиях войны приходилось расплачиваться за одностороннее увлечение перед войной строительством линейного флота.

§ 4. Малая программа усиления армии 1913 г. Большая программа 1914 г.

Внесенная в Государственную думу десятилетняя программа развития вооруженных сил так и не была утверждена последней. Во всех своих расчетах военное ведомство продолжало ориентироваться на программу пополнения материальной части 1908 г. Именно на основании этой программы военное министерство получило в апреле 1910 г. на этот год около 37 млн руб. (в том числе 18,5 млн руб. для главного артиллерийского управления, 13,4 млн руб. для инженерного управления и т.д.) (47, л. 174). В тех случаях, когда появлялась необходимость ассигнований на непредвиденные ранее мероприятия, производилась простая передвижка средств внутри утвержденных ранее расходов. В мае 1910 г. Сухомлинов обратился в правительство с письмом, в котором подчеркивал, что из всех нужд военного министерства «мероприятия по заготовлению

тяжелой артиллерии и по усовершенствованию крепостей являются наиболее настоятельными и требующими скорейшего осуществления», и ждать утверждения только что внесенной в Думу 10-летней программы нет никакой возможности. Он просил у правительства разрешения войти в Думу с просьбой об использовании 24748000 руб. на заготовление тяжелой артиллерии и 2 млн руб. на крепости (50, л. 250). Средства эти предлагалось позаимствовать из ранее утвержденных расходов на такие мероприятия, от проведения которых теперь военное ведомство считало возможным отказаться (пополнение интендантских запасов). Правительство согласилось, и Дума утвердила ходатайство военного министерства, согласившись на передвижку кредитов (26, л. 23).

То же самое повторилось вновь еще через несколько месяцев. 28 октября 1910 г. военное министерство обратилось в Думу с просьбой «Об отпуске на 1911 г. средств на пополнение запасов и материальной части артиллерии и на усовершенствование обороны государства» (27, л. 1—4). Рассказав о произведенной передислокации войск, выработке новых норм запасов, военное ведомство добавляло, что «в основание настоящей работы была положена задача при надлежащем обеспечении переорганизованной армии материальной частью по возможности не превысить общего итога расхода, исчисляющегося на указанную потребность по предыдущим представлениям».

Все свелось опять-таки к передвижке кредитов между различными параграфами. Так, решено было на 30 млн руб. уменьшить ассигнования для создания продовольственных запасов и за счет этого увеличить ассигнования на артиллерию, авиацию, инженерное имущество. Всего на 1911 г. военное министерство просило (и получило) 53,8 млн руб. (45, л. 32). Это было даже меньше, чем предусматривалось программой 1908 г., по которой в 1911 г. предполагалось потратить на эти цели 55444000 руб. (50, л. 1). В то время как Морскому министерству уже стало тесно в рамках еще не утвержденной 10-летней программы и оно, не задумываясь нарушило ее в том же году, в котором эта программа была отправлена в Думу, а в следующем 1911 г. решило удвоить темпы судостроения и фактически в 5 лет построить то, на что ранее отво-

дился десятилетний срок, военное ведомство все еще считало себя связанным куцей программой 1908 г. и не помышляло повысить свои требования хотя бы до пределов уже одобренных правительством (71,5 млн руб. в год).

Весь конец 1910 г. и 1911 г. прошли в бесплодной переписке Сухомлинова и Коковцова. Первый требовал увеличения ассигнований, а второй — сокращения их, ссылаясь на то, что военное ведомство плохо использует отпущенные ему средства и замораживает на своих счетах значительные суммы, что в высшей степени стесняет нуждающееся в кредитах правительство. Суть этого спора очень обстоятельно изложена в монографии А.Л.Сидорова, специальный раздел которой так и назван: «Финансирование армии и флота накануне Первой мировой войны» (376, с. 51—82). Всех интересующихся отошлем к этой ценной, богатой фактическим материалом книге, здесь же отметим одно: несмотря на крайнюю нужду армии во многом, вплоть до 1912 г., расходы на ее перевооружение не выходили за рамки программы, утвержденной еще в 1908 г.

Чувствуя, что в одиночку ему не справиться с председателем Совета министров, возглавлявшим одновременно и Министерство финансов, Сухомлинов решил призвать себе на помощь «общественное» мнение и добился у царя разрешения созвать в начале 1912 г. в Москве специальное совещание под своим председательством. В состав его были введены начальник Генерального штаба, командующие некоторыми военными округами и их начальники штабов, руководители важнейших отделов ГУГШ. Совещание постановило: «Ныне же принять чрезвычайные меры к устранению недостатков в материальной части армии, насколько это представляется возможным» (134, л. 7), изменить план стратегического развертывания и осуществить ряд других мер по объявлению мобилизации и управлению войсками.

Царь утвердил решение совещания, и военное ведомство в качестве первоочередной меры решило приблизиться к уровню ассигнований, предусмотренных десятилетней программой 1909—1910 гг. Учитывая решение царя, Коковцов теперь не стал возражать, правительство поддержало намерение Военного министер-

ства, Государственная дума тоже одобрила планы военного ведомства, и только теперь программа 1908 г. была значительно превышена. По закону от 14 мая 1912 г. (310 «а», I отдел, № 96, ст. 829), военное министерство получило право израсходовать в этом году 70 млн руб. на пополнение запасов и материальной части артиллерии и на усовершенствование обороны государства. Большая часть этих средств была выделена ГАУ (35,6 млн руб.), 13 млн руб. — на инженерное имущество, около 10 млн руб. пошло на крепости и т.д. Кроме ассигнований на 1912 г. министерство получило этим же законом право использовать, начиная с 1913 г., 152 млн руб. для завершения мероприятий, начатых в этом году. Таким образом, лишь в 1912 г. началась выполняться программа, согласованная еще в самом начале 1910 г.

Составляя бюджетную смету на 1913 г., военное ведомство решило просить у правительства значительного увеличения и обычных, и чрезвычайных кредитов. Чрезвычайные расходы на 1913 г. предусматривались в сумме 108 млн руб., т.е. значительно больше, чем было запланировано 10-летней программой. Однако правительство заявило, что такое резкое увеличение расходов оно «не может не признать чрезмерным» (376, с. 71) и сократило чрезвычайную смету более чем на 65 млн руб., отказавшись, таким образом, даже от того уровня чрезвычайных расходов (71,5 млн руб. в год), который был им одобрен в начале 1910 г.

Между тем армия по-прежнему была вооружена из рук вон плохо. С предельной ясностью это обнаружилось уже через несколько месяцев после произведенных правительством сокращений, во время резкого обострения международной напряженности в период первой Балканской войны. По требованию Сухомлинова Главные управления подсчитали свои запасы и сообщили о соответствии их утвержденным нормам. Картина получилась более чем печальная. Только продовольственные, интендантские и санитарные запасы, да простейшие виды инженерного имущества имелись почти в полном наличии, а то, чего не хватало, должно было быть пополнено в течение 1913—1914 гг. В достатке армия была снабжена также винтовками, револьверами и патронами, но старого типа, с тупой пулей, обладавшей плохими баллистическими данны-

ми. С артиллерией дело обстояло гораздо хуже: только легкие орудия имелись в необходимом количестве. Мортир не хватало почти 50%, тяжелых орудий новых типов не было совсем, а старые пушки образца 1877 г. должны были быть заменены лишь к концу 1914 г. Перевооружение крепостной артиллерии должно было быть завершено к 1916 г. только наполовину, в осадной артиллерии материальной части совсем не имелось, и эта «артиллерия» числилась таковой только на бумаге; после объявления мобилизации и формирования новых частей в армии должна была обнаружиться нехватка 84% пулеметов. Недоставало 55% трехдюймовых гранат для легких орудий и 62% для горных, 38% бомб для 48 линейных гаубиц, 17% шрапнелей, 74% орудийных прицелов новых систем и т.д., и т.д. (45, л. 67—79)

Таким образом, менее чем за два года до начала мировой войны правительство, а не одни только главные управления военного министерства, имели исчерпывающие сведения о печальном положении, в котором находятся вооруженные силы царизма. С учетом всего вышесказанного вряд ли справедливо сваливать всю вину за плохую подготовку армии на одного Сухомлинова и делать его «козлом отпущения». Все правительство, весь царский режим были повинны в том, что не смогли подготовить свои вооруженные силы, и заставили русского солдата и беженцев с оккупированных территорий кровью и муками отступления расплачиваться за ошибки горе-руководителей и окостенелость государственной системы. Да и вряд ли вообще Россия могла обеспечить всем необходимым свою колоссальную по численности армию вровень со своими потенциальными противниками.

Обеспокоенное правительство решило созвать специальное совещание под председательством товарища военного министра, отвечавшего за материальное обеспечение армии. И здесь, пожалуй, впервые военное министерство почувствовало, что одно ассигнование необходимых средств еще не может изменить создавшегося положения. Царская Россия была не только бедна финансами, но и промышленность ее была развита явно недостаточно. Простое ассигнование средств еще отнюдь не значило немедленного пополнения недостающих запасов и отсутствующей матери-

альной части. Ускорить производство пулеметов было невозможно — «ввиду сего признано излишним испрашивать на эту надобность средства» (там же, л. 6). «Усилить производство патронов в настоящее время не представляется возможным, но крайне необходимо иметь запас станков для обеспечения безостановочного производства патронов» (л. 12). «Ускорить изготовление материальной части крепостной и тяжелой артиллерии не представляется возможным, так как ныне использована вся производительность казенных и частных заводов» (л. 14). Вывод совещания был печален: «Все вышеупомянутые заготовления требуют немедленного осуществления, а для этого в некоторых случаях необходимо прибегнуть к заказам за границу» (л. 18), для чего военное ведомство и должно получить от правительства разрешение.

Совещание признало необходимым немедленно отпустить военному министерству 61,6 млн руб. на пополнение запасов до предусмотренных ранее норм, причем о некоторых из них (например, о нормах запаса снарядов для полевой скорострельной артиллерии) было заявлено, что они явно занижены и не соответствуют предполагаемым расходам в современном бою. Размер новых требований, предъявленных военным ведомствам к казне, в общей сложности достигал почти 50 млн руб. (около 12,5 млн руб. было предусмотрено Чрезвычайной сметой на 1913 г.). На основании решения этого совещания Сухомлинов вошел в правительство с просьбой об ассигновании 66,8 млн руб. для спешного пополнения запасов и материальной части артиллерии. Почти половина из указанных средств должна была пойти на досрочное выполнение мероприятий, предусмотренных планами 1910 и даже 1908 гг., а около 31 млн руб. требовалось на доведение некоторых запасов до новых норм, выведенных с учетом Балканской войны. На сей раз правительство отнеслось к планам военного министра благожелательнее, чем когда-либо. Даже постоянный оппонент Сухомлинова Коковцов заявил Совету министров, что он заверил царя в том, что «современное финансовое положение дает полную возможность дальнейшего усиления средств нашей государственной обороны и, что отпуски последних никогда не будут им подчинены соображениям финансового свойства» (там же, л. 158).

Совет министров отменил свое прежнее решение о сокращении чрезвычайных расходов военного ведомства и дал Сухомлинову все, что он просил.

Шестьдесят семь миллионов рублей золотом были в то время солидной суммой. Разумное использование их (например, расширение оружейных, пороховых и т.п. военных казенных заводов) могло бы в значительной мере сгладить остроту позднейшего кризиса вооружения. Однако военный министр и его помощники рассудили иначе. Большую часть средств они использовали на латание дыр и мелких прорех: 13 млн руб. было выделено на пополнение неприкосновенных запасов продовольствия; 5,5 млн руб. — на создание запаса брюк и гимнастерок защитного цвета; еще 5 млн руб. — на оборонительные работы в крепостях. Тратить на все это *чрезвычайные* ассигнования было, конечно же, нецелесообразно. Из оставшейся суммы 12 млн было выделено на создание запаса снарядов для полевой скорострельной артиллерии, 4 млн — на авиацию, 4 млн — на автомобили, еще более мелкие суммы — на различные виды инженерного имущества.

Вскоре положение на Балканском полуострове ухудшилось еще в большей степени. За первой Балканской войной последовала вторая. В конце 1912 г. в Совете Министров самым серьезным образом обсуждали вопрос о возможности того, что между Австро-Венгрией и Россией вот-вот вспыхнет война, которая неизбежно перерастет в общеевропейскую. Сухомлинов на заседании правительства требовал самых решительных мер вплоть до неурочного призыва на учебные сборы запасных, для доведения частей Варшавского и Киевского военных округов до штатов военного времени, передислокации к западной границе кавалерийских частей и т.д., и т.п. (154 «д», л. 95—96). Председатель Совета Министров и министр иностранных дел с трудом утихомирили разбушевавшегося вояку, заявив, что если начнется война, «военная поддержка нас всеми державами тройственного согласия не может почитаться безусловно обеспеченною. При таких же условиях, война с Тройственным союзом, во главе с Германией, явится для нас в настоящее время положительным бедствием, тем более, что у нас нет активной военно-морской силы на Балтийском море, армия еще не приведена в достаточную степень готов-

ности, а внутреннее состояние страны далеко от того одушевленно-патриотического настроения, которое позволяло бы рассчитывать на могучий подъем национального духа...» (там же, л. 97).

От воинственных мер, могущих вызвать войну, пришлось отказаться, но тем острее вставал вопрос о более решительной подготовке армии к войне, приближение которой мало-помалу уже начинало ощущаться многими членами царского правительства. Все понимали, что история не дает значительного срока для спокойного развития вооруженных сил и нужно пересмотреть десятилетнюю программу 1910 г., форсировав подготовку армии к войне.

С осени 1912 г. офицеры Генерального штаба трудились, не покладая рук. В конце февраля первый вариант плана был готов (136, л. 1—6). Им предусматривалось увеличение войск в некоторых округах, развитие и реорганизация отдельных родов оружия и упорядочение штатов. Конкретно речь шла о создании двух новых корпусов — по одному в Варшавском и Кавказском округах, одной стрелковой бригады в Петербургском округе (в Финляндии), двух стрелковых полков в Туркестане, дивизии в Омске и усилении частей в Приамурском округе. Существенной реорганизации подверглись отдельные рода войск. В артиллерии наконец-таки должен был осуществиться переход от трудноуправляемых 8-ми орудийных батарей к 6-ти орудийным. Каждой пехотной дивизии в Европейской России планировали придать бригаду из девяти батарей (54 орудия), стрелковой бригаде — четырехбатарейный дивизион; на Кавказе и в Сибири пехотной дивизии придавали шесть легких и три горных батареи, а в каждом корпусе — отдельный горный дивизион из 6 батарей; в Туркестане все стрелковые бригады получали четырехорудийный дивизион из 2-х горных и 2-х легких батарей. Численность гаубичной артиллерии намечалось первоначально довести до одного 4-х батарейного дивизиона на корпус, а затем развернуть этот дивизион в 6 батарей и иметь в каждой дивизии по одному 3-х батарейному дивизиону. Все корпуса получали по одному 3-х батарейному дивизиону.

Значительно увеличивалась численность кавалерии. В европейских округах создавалось 22 новых шестиэскадронных полка, а в Приамурском округе — 4 тоже

шестиэскадронного состава. Как и новые корпуса, кавалерийские полки в первую очередь планировалось создать в округах близких к западной границе в Варшавском (два), Виленском (два), Одесском (два), Московском (четыре) и Петербургском (один).

Реорганизовались также обозные, инженерные и технические войска, в пехоте создавалось в каждой стрелковой бригаде по 4 самокатных роты, в крепостях, расположенных по границе с Германией и Австро-Венгрией, усиливались пехотные части и крепостная артиллерия. Наконец, в пехоте планировалось осуществить повсеместный переход от 48-рядного состава рот к 60-рядному, усилить кадры второочередных полков, запасных и этапных частей в такой степени, чтобы обойтись при мобилизации без выделения для них личного состава из первоочередных частей.

Общие итоги реорганизации войск по предложенной программе должны были выглядеть так:

Род войск	Увеличивается		Новый расход в млн руб.	
	Офицеров	Нижних чинов	Единовременный	Постоянный
Пехота	4102	240670	24483	43871
Кавалерия	1040	35050	16262	14969
Артиллерия	3587	68460	180899	27498
Обозные войска	150	7885	985	1103
Инженерные и технические войска	680	14195	2990	3605
Итого	9507	366260	225619	91046

Выработанные Генеральным штабом планы 6 марта 1913 г. рассматривались и были одобрены на особом совещании под председательством самого «верховного вождя армии» — Николая II. Журнал совещания найти не удалось, но во всей своей последующей деятельности военное министерство неизменно ссылалось на одобрение этого совещания (22, л. 21).

Получив одобрение царя, Сухомлинов решил разделить утвержденный план на две части и в первую очередь осуществить наиболее неотложные мероприятия по усилению артиллерии. Так, на свет из одного одобренного плана появились две программы «Малая программа усиления армии» и «Большая программа», которая обнимала собой и «Малую», и ряд других, менее спешных мероприятий.

Подобное разделение, кроме ускорения прохождения через законодательные органы планов удовлетворения наиболее неотложных нужд, было и тактическим ходом со стороны военного министра по отношению к Думе: он был уверен, что легче провести два мероприятия порознь чем вместе, тем более, что принятие «Малой программы», являвшейся частью «Большой» предreshало в известной мере и судьбу последней. Наконец, был и еще один плюс от разделения на две программы: немедленно осуществив часть своих требований, военное министерство получало некоторое время для работы над значительным расширением оставшейся части, так что в совокупности «Большая» и «Малая» программы значительно превышали меры по усилению армии, одобренные в заседании под председательством царя 6 марта 1913 г. Обе эти программы в совокупности должны были дать почти на четверть большее увеличение армии, чем это предусматривалось первоначальным планом Генерального штаба.

Получив одобрение царя, военное министерство стало действовать немедленно. Уже 13 марта в Думу было послано отношение с просьбой увеличить контингент новобранцев на 1913 г. приблизительно на 25 тыс. человек (148, л. 7—14). Дума не возражала, и 11 апреля 1913 г. ведомство получило просимый им закон. Из 25 тыс. новых солдат 15 тыс. выделили для артиллерии, немедленное развитие которой было признано самым неотложным делом, 6 тыс. предназначалось для усиления рядов в ротах пограничных округов, остальные новобранцы выделялись в технические части и в новую бригаду, создававшуюся в Финляндии (11, л. 14).

В начале июня в Военном министерстве было созвано совещание для определения расходов на материальную часть, необходимую для осуществления

«Малой программы» (22, л. 21). Председатель его, ген. Ю.Н.Данилов, сообщил, что по закону 11 апреля 1913 г. армия России в ближайшее время увеличится на 76321 человека. Напомнив о результатах совещания под председательством царя, Данилов добавил, что Николай II «повелел» еще в 1913 г. войти в законодательные органы с просьбой об отпуске кредитов и что, исполняя это приказание, военное ведомство выделило самые неотложные мероприятия в «Малую программу», осуществление которой потребует около 122 млн руб. Совещание одобрило все расходы и высказалось за немедленное их удовлетворение.

Сухомлинов известил правительство о результатах работы Комиссии Данилова (там же, л. 14), и 13 июня 1913 г. военное ведомство вошло в Думу с основной частью «Малой программы» — просьбой об ассигновании обыкновенных и чрезвычайных кредитов на содержание личного состава и приобретение необходимой материальной части (44 «б», л. 4). Уже для 1913 г. военное министерство просило право израсходовать на эти цели около 14 млн руб., а в дальнейшем развитие операции по пополнению матчасти на общую сумму в 122,4 млн руб. Львиная доля этих средств — 97,6 млн руб. выделялась на приобретение артиллерии и боезапаса к ней, 15,8 млн руб. — на устройство технических артиллерийских заведений и 8,9 млн руб. — на развитие авиации. 10 июля 1913 г. Николай II утвердил решение Думы и Государственного совета, и «Малая программа» стала законом (310 «а», I отдел, № 169). Как ни спешило военное министерство, оно явно запаздывало. До начала войны оставалось всего немногим более года, а программа рассчитывалась на пять долгих лет!

Получив «Малую программу», Генеральный штаб не думал ею ограничиваться. Еще в июне 1913 г. генерал-квартирмейстер подал начальнику ГУГШ обширный доклад, в котором подробно анализировал состояние русской армии и отмечал ряд существенных недостатков в ее организации (143, л. 96—112). Суть их, по мнению Ю.Н.Данилова, сводилась к тому, что, сравнительно с армиями Германии и Австро-Венгрии Россия содержит свои войска по штатам мирного времени в явно ослабленном составе. Он предлагал ряд мер по усилению войск, что должно было значительно

увеличить мобилизационную готовность армии. Генерал Жилинский успокоил Данилова, написав на его докладе, что «разработанные и уже учтенные меры идут гораздо дальше» (там же, л. 96).

К середине октября 1913 г. «Большая программа» Генеральным штабом была окончательно разработана (50 «а», л. 5), а 22 октября того же года одобрена царем, который на поданном ему докладе наложил резолюцию: «Мероприятие это провести в особо спешном порядке». Царь «повелел» полностью выполнить «Большую программу» к осени 1917 г. (там же, л. 56). Как уже говорилось выше «Большая программа» включала в себя и «Малую», уже одобренную Думой и ставшую законом, и целый ряд новых мероприятий, предусматривающих дальнейшее усиление русской армии. Согласно этой программы общая численность офицерского корпуса возрастала на 11772 человека (на 28%), а нижних чинов — на 468200 человек (на 39,2%) (136, л. 7—13), что требовало ежегодного увеличения контингента новобранцев на 137 тыс. человек по сравнению с 1912 г. и на 112 тыс. по сравнению с 1913 г., когда уже начала действовать «Малая программа». По родам оружия это увеличение распределялось так (44, л. 2):

Род оружия	Увеличивается число		Процентов
	Офицеров	Нижних чинов	
Пехота	4080	266239	57%
Конница	1186	38831	8%
Артиллерия	5191	126036	27%
Инженерные войска	406	12800	3%
Технические войска	702	15512	3%
Обозные войска	150	8565	2%
Военно-учебные заведения	57	217	—

Большая часть нового личного состава предназначалась для усиления уже существующих частей в связи

с увеличением штатов мирного времени. Для этой цели выделялось 5608 офицеров и 296142 солдата, а из оставшихся 6164 офицеров и 172058 солдат предполагалось сформировать новые части. Увеличение штатов мирного времени должно было, по мысли Генерального штаба, значительно улучшить мобилизационную готовность войск и создать более благоприятные условия для их боевой подготовки в мирное время.

Что же конкретно планировалось «Большой программой» для развития различных родов войск? После реорганизации в 1909—1910 гг. в пехоте по-прежнему продолжали существовать роты 7 составов. Кроме нормальной роты в 48 рядов существовали роты усиленного состава 6 типов. Все это вносило немалую путаницу, затрудняло быстрое проведение мобилизации и нормальное обучение войск в мирное время, т.к. значительная часть малочисленных рот выделялась в караул, наряды и некоторые воинские команды. Программа предлагала содержать все полки только в трех составах: в нормальном, имея 60 рядов в ротах, в усиленном — 84 ряда и в полном — 100 рядов. Поскольку одновременно с выработкой и проведением «Большой программы» военное министерство добивалось (и добилось) (310 «а», I отдел, № 213) удлинения срока службы на 3 месяца, к началу лета, которое всегда считалось Генеральным штабом наиболее вероятным временем начала военных действий, в армии имелись бы солдаты четырех сроков службы. В результате полки 84 и 100 рядного состава, составлявшие четверть всей пехоты (24%), даже после выделения людей во вновь формируемые при мобилизации учреждения, не требовали усиления запасными и завершали мобилизацию в кратчайшие сроки. Полки 60 рядного состава имели бы 80 рядный состав и при переходе к штатам военного времени (100 рядов в роте) насчитывали бы не менее 30% солдат, призванных из запаса. Кроме усиления штатов, в пехоте формировалось 2 новых корпуса, одна стрелковая дивизия, 6 бригад, 2 стрелковых полка и ряд других более мелких частей.

В кавалерии штаты эскадронов увеличивались на 4 ряда (8 конных рядовых) по тем же соображениям, по которым увеличивались штаты в пехоте. Кроме

того создавалось 26 новых полков, что по отношению к 67 регулярным кавалерийским полкам, существовавшим до реформы давало приращение конницы на 39%. Для этих новых частей создавалось 6 запасных полков (28 эскадронов). «Большая программа» предусматривала доведение некоторых кавалерийских дивизий до 5 и даже 6 полкового состава. Цель этого мероприятия заключалась в следующем: после мобилизации кавалерийские дивизии из 4-х полков передавались в распоряжение высших инстанций для создания стратегической конницы, а 5-е и 6-е полки оставались в корпусах. Из них образовывалась так называемая «войсковая конница», находившаяся в подчинении командиров армейских соединений. Всего по «Большой программе» русская кавалерия должна была состоять из 22 дивизий и 2-х отдельных бригад (93 регулярных кавалерийских полка и 19 казачьих, насчитывавших в общем 658 эскадронов и сотен). Другой мерой, предусмотренной «Большой программой», было сосредоточение всей стратегической кавалерии (кроме обеих гвардейских кавалерийских дивизий) в пограничных военных округах. Во внутренних же округах оставлялись только те полки, которые предназначались для образования войсковой кавалерии.

Одно из главных мест в реорганизации армии «Большая программа» отводила артиллерии. Недаром почти все предусмотренные для этого рода войск мероприятия были выделены в специальную «Малую программу» и проведены через законодательные органы на год ранее других. Именно в артиллерии — наиболее технически оснащенном роде войск, технико-экономическая отсталость России сказывалась ярче всего. «Следует признать, — отмечал крупнейший знаток истории артиллерии Е.З.Барсуков, — что русские, готовясь к войне с немцами и зная о мощном артиллерийском вооружении своего будущего противника, в отношении обеспечения своей армии артиллерией, пренебрегли одной из основ военного искусства, установленного еще в эпоху Наполеона: «не уступать в вооружении противнику» (332, I, с. 173).

Действительно, «Большая программа» не уничтожила разницы, существовавшей между степенью оснащенности артиллерией германской и русской армий. Немецкий корпус в 1914 г. имел в своем составе

28 батарей (160 орудий) — и это без учета конной артиллерии. Русский же корпус в 1917 г. должен был иметь 27 батарей (156 орудий), но с учетом и конной артиллерии. Без нее же число батарей в корпусе понижалось до 25 (144 орудия), таким образом и после выполнения всей «Большой программы» мощь артиллерийского огня русского корпуса была меньшей, чем немецкого. Кроме того, вполне естественно, немецкий генеральный штаб не стал бы сидеть сложа руки и постарался бы сохранить разрыв в оснащенности артиллерией русской и немецкой армии, разрыв, который в 1914 г. был угрожающим: по организации существовавшей до «Малой программы» русский корпус был почти в два раза хуже снабжен артиллерией, чем немецкий: он имел всего 14 восьмиорудийных батарей против 28 шестиорудийных немецких. Слабость артиллерии была одним из коренных пороков в организации царских войск, и «Большая программа» не уничтожала этой слабости, а только делала ее не столь кричащей.

Что же конкретно предусматривалось сделать для развития артиллерии? Во-первых, все восьмиорудийные батареи реорганизовывались в шестиорудийные. Каждая из двух артиллерийских бригад, входящих в состав корпуса теперь должна была состоять из 9 легких батарей и 2-х батарейного мортирного дивизиона. Кроме того, всем корпусам русской армии придавался дивизион полевой тяжелой артиллерии в составе двух батарей из четырех 42-х линейных пушек каждая и одной батареи из четырех 6-ти дюймовых гаубиц. В сочетании с дивизионом конной артиллерии (две батареи по 6 орудий) в корпусе насчитывалось всего 27 батарей (156 орудий). Кроме реорганизации уже имевшихся артиллерийских частей, «Большая программа» предусматривала новое формирование 4-х артиллерийских бригад и 2-х тяжелых артиллерийских дивизионов для новых корпусов, одной бригады и двух дивизионов для других частей, создание артиллерийских гарнизонов крепостей Гродно и Ивангород. Итог реорганизации артиллерии по «Большой программе» виден из следующей таблицы (см. стр. 258).

	Число до «Большой программы»							Должно быть после выполнения «Большой программы»						
	легких	горных	гаубичных	копных и казачьих	конно-горных	тяжелых	Всего	легких	горных	гаубичных	копных и казачьих	конно-горных	тяжелых	Всего
В округах Европейской России	336	4	54	40	2	15	451	624	6	129	40	2	86	887
В Финляндии	6	3					9	4	8	3				15
На Кавказе	27	16	6	6	2		56	38	28	12	6	2	9	95
В Туркестане	13	3		2		1	19	6	12	9	2	1		30
В Сибири	6	17	14	2	2	9	104	80	42	26	2	2	18	170
Всего	442	42	74	50	7	24	639	752	96	179	50	7	113	1197

В результате выполнения «Большой программы» число батарей в русской армии увеличивалось на 558 (87,3%). Общее число орудий, на которое увеличивалась артиллерия, принимая во внимание потребности для формирований военного времени, составляло 1430 и давало гораздо меньший рост в процентах — 20,7%, ибо, как уже говорилось, батареи из восьмиорудийных становились шестиорудийными. В военное время русская артиллерия должна была состоять из 8358 орудий — 6048 легких и конных, 666 горных, 1176 гаубиц и 468 тяжелых (312 — сорокадвухлинейных пушек и 156 шестидюймовых гаубиц).

Общие расходы по осуществлению «Большой программы» должны были составить 433,2 млн руб., но т.к. часть из них была уже предусмотрена «Малой программой», то разрешение законодательных органов надо было получить всего на 292 млн руб. (44, л. 1). По завершении всех мероприятий «Большой программы», постоянные расходы на армию возрастали на 139,8 млн руб. в год. Вся «Большая программа» должна была быть полностью выполнена к 1 ноября 1917 г., а наиболее важная часть, касающаяся артиллерии — к 1 апреля 1917 г. (107, л. 23—28). Получив проект программы, правительство потребовало детального ее рассмотрения в специальной междуведомственной комиссии, которая начала работать в январе 1914 г. В течение трех дней — 24, 26 и 29 января представители Министерства финансов, Государственного контроля и военного министерства обсуждали «Большую программу» (22, л. 112—123). Представители гражданских ведомств сразу же обратили внимание на то, что, по сравнению с мартом 1913 г., требования военных об увеличении армии возросли на 120 с лишним тысяч человек. По их мнению, такое резкое увеличение армии вряд ли может быть осуществлено в течение четырех лет, тем более, что сами военные ранее жаловались на трудности размещения в стране некоторых заказов. Ответ военных был краток. «Для всей настоящей программы, — заявили они, — повелительным началом являются мероприятия, принимаемые нашими западными соседями» (там же, л. 115). Именно поэтому первоначальные планы пришлось пересмотреть и увеличить. Что же касается сроков, то окончание программы к концу 1917 г. утверждено

царем и пересмотрено быть не может. Замедление с поставками для армии вооружения, по мнению военных, не должно было быть, т.к. ими предусматривается своевременное развитие артиллерийских и прочих казенных заводов.

Тогда представители Министерства финансов и Государственного контроля попробовали возражать против размера ассигнований на «Большую программу», заявив, что без расходов на нее военное министерство требует в ближайшие 5—8 лет 315 млн руб. на строительство новых казарм, 137 млн руб. на приобретение земли для устройства стрельбищ, 78 млн руб. на строительство стратегических шоссе, около 100 млн руб. на реформу войскового хозяйства, учебных заведений и т.д. Общая сумма всех претензий военного министерства к казне достигает 1 миллиарда рублей. Удовлетворится ли военное министерство «Большой программой» или оно предвидит еще и дальнейший рост расходов?

Ответ военных был обескураживающим. «Составленная ныне программа, — заявили они, — никоим образом не должна почитаться планом всех потребностей ведомства на ближайшее время. Программа эта преследует одну определенную задачу — а именно, создание новых и усиление существующих войсковых частей в соответствии с теми увеличениями армий, которые ныне осуществляются во всех западноевропейских государствах после войны на Балканском полуострове» (там же, л. 119). Генералы поспешили «успокоить» представителей Министерства финансов, заявив, что их требования по «Большой программе» «не должны почитаться исчерпывающими, так как предстоят еще и другие крупные мероприятия» (там же, л. 119).

Имея категорическое решение царя о необходимости выполнить «Большую программу» в полном объеме и в самый сжатый срок, представители Госконтроля и Министерства финансов не только одобрили требования военных, но даже увеличили ассигнования по программе на... 682 руб., доведя общую сумму единовременных расходов по ней до 433,2 млн руб. Большая часть единовременных расходов выделялась на развитие артиллерии (190 млн руб.) и на «Особые мероприятия» (150 млн руб.), под которыми под-

разумевались усиление крепостей, создание крепостной артиллерии, крепостных запасов и т.д. 40 млн руб. предполагалось потратить на пехоту, 25 млн руб. выделялось для кавалерии, по 4 млн руб. для технических и инженерных войск и т.д.

Постоянные ежегодные расходы по родам войск возрастали, начиная с 1917 г., так (44, л. 5): артиллерия — 54 млн руб., пехота — 50 млн руб., кавалерия — 16 млн руб., технические войска — 11 млн руб., инженерные войска — 3,5 млн руб.

Раскладка единовременных расходов по годам дает представление о темпах реализации «Большой программы»:

	В миллионах рублей			
	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Единовременные расходы	57,5	104,0	112,5	122,7
Постоянные	6,7	50,3	95,7	131,0
Всего:	64,2	154,3	208,2	253,7

Итак «Большая программа» была согласована, не вызвала возражений со стороны нового министра финансов П.Л.Барка и государственного контролера П.А.Харитонов и с разрешения председателя Совета министров И.Л.Горемыкина была отправлена в Государственную думу (50 «а», л. 103). Здесь в адрес военного министерства и его руководителя Сухомлинова раздался только один упрек: его обвиняли в непоследовательности: в 1909—1910 гг. им была уничтожена крепостная пехота, теперь она вновь возрождена под видом крепостных гарнизонов; из уничтоженных в это время крепостей две — Ивангород и Гродно решили опять восстановить; упраздненные было артиллерийские парки создавались вновь. «Может быть все эти восстановления, возвращения, чересчур желательны, но тогда зачем же было все это разрушать?» — спрашивал докладчик комиссии по военным и морским делам Сухомлинова (44, л. 7).

Военный министр так и не смог толком объяснить своих противоречивых действий. Он просто заявил: «Это наша совместная с вами работа, ибо целый ряд пожеланий Государственной думы, которые высказы-

вались в отношении развития нашей армии, вошли в него» (там же, л. 59). Дума в полном объеме утвердила «Большую программу», а через две недели, 24 июня 1914 г. Николай II наложил резолюцию «Быть по сему» и «Большая программа» стала законом.

Но было уже поздно. Всего через четыре дня в Сараево прогремели выстрелы Гавриила Принципа, до начала войны оставались буквально считанные дни. «Большая программа» безнадежно запаздывала. Царская армия вынуждена была вступать в войну, имея почти в два раза меньше артиллерии, чем ее главный соперник. Кто был в этом виноват? Приведенный выше материал дает на наш взгляд недвусмысленный ответ — весь царский режим, а не один военный министр. Тот режим, который давил политическую свободу, тяжелым грузом висел на шее народа, непреодолимым препятствием стоял на пути исторического прогресса России. Он был виноват во всем — и в плохом легкомысленном военном министре, и в том, что втянул народы всей страны в ненужную кровопролитную бойню, и в том, что не подготовил армию — в смерти сотен тысяч плохо вооруженных солдат, в муках и слезах миллионов беженцев и эвакуированных с захваченных немецкими войсками территорий.

§ 5. Развитие турецких вооруженных сил накануне Первой мировой войны. Миссия Лимана фон Сандерса

Три года, предшествовавшие мировой войне, занимают особое место в истории Европы и всех балканских стран. За эти годы Турция вела три войны, которые послужили прелюдией к мировой войне 1914—1918 гг. Вполне понятно, что внимание турецкого правительства к своей армии, не раз получавшей сокрушительные удары балканских союзников, резко возросло, поставки сухопутного оружия чрезвычайно увеличились.

Борясь за поставки для турецкой армии, крупнейшие мировые фирмы, производившие вооружение, вступили между собой в жестокую конкурентную борьбу, предоставляя турецкому правительству все

возможные льготы (подробнее об этом см. 378). Успех попеременно был то на стороне Франции, имевшей сильные позиции в турецком Министерстве финансов, то на стороне Германии, издавна связанной с армейским командованием, то на стороне Англии, почти безраздельно господствовавшей в Морском министерстве, а итог этого соревнования торговцев смертью был один — все новые и новые поставки орудий, снарядов, винтовок, патронов, пороха, мин и т.д. и т.п. Одному Круппу в течение короткого срока заказали 200 полевых орудий в 75 мм и 120 тыс. снарядов к ним, 180 гаубиц в 148 мм и 100 тыс. снарядов, 90 горных орудий в 98 мм и 75 тыс. снарядов (152 «а», л. 380). Не желая портить отношений с французским правительством, ходатайствовавшим за фирму Крезо и угрожавшим прекратить финансовую помощь в случае отказа, турки не обошли и эту фирму, заказав ей 9 горных батарей (36 орудий) калибром в 75 мм и передали ей ряд других заказов (378, с. 118). В результате немецких и французских поставок турецкая армия к началу 1912 г. почти закончила перевооружение легкой артиллерии современными орудиями, снабдила кадровую армию (низам) и запас (редиф) ружьями Маузера, получила некоторое количество пулеметов и другого сухопутного вооружения (115, л. 110 и др.).

Триполитанская война 1911—1912 гг., затем Балканские войны вызвали новый тур гонки вооружения. Один за другим в Турцию потянулись корабли (152 «а», л. 357—365 и др.) официальной союзницы России — Франции. От портов по разбитым дорогам на лошадях, ослax и даже верблюдах насильно мобилизованные крестьяне ташили в глубь страны тысячи ящиков с винтовками, патронами, везли орудия, снаряды, интендантское и инженерное имущество (десятки страниц с перечислением см. 152 «а»).

Разгром турецкой армии в Балканской войне не умерил воинственного пыла младотурок. Добившись новых займов у Франции, Германии, Англии, турецкое правительство с новым ожесточением приступило к перевооружению своей армии. В начале 1914 г. Генеральный штаб России получил сведения о заказе в Германии 200 орудий полевой артиллерии, 50 крепостных пушек (всего предполагалось заказов в Германии от 800 до 1000 орудий), 100 пулеметов (из 300 ут-

вержденных к заказу), 20 тыс. винтовок Маузера, 150 млн ружейных патронов (152 «а», л. 445). Почти одновременно французская фирма Шнейдер-Крезе получила от Турции заказ на 50 млн франков. Она должна была поставить 376 горных орудий, 50 млн патронов и много другого военного имущества.

В условиях непрерывных войн, которые велись в это время Турцией, все эти поставки у русского Генерального штаба не вызывали особенных опасений. Даже и с этими поставками турецкая армия была намного слабее русской и сама по себе большой угрозы для России не представляла. Но был в развитии турецких вооруженных сил и такой фактор, который не на шутку пугал царское правительство и заставил его не один раз собираться на специальные и очень неприятные заседания. Многочисленные заказы для сухопутных сил были естественны, но было совершенно неестественно, что именно в это же время — время тяжких поражений турецкой армии и сокрушительного ее разгрома в первую балканскую войну, еще большее внимание уделялось турецкому флоту. Развитие турецкого линейного флота в подобной ситуации лишней раз подчеркивает, что он создавался искусственно, вне связи с нуждами обороны Турецкого государства, создавался на чужие деньги на чужих заводах, руководился чужими офицерами и должен был ремонтироваться чужими инженерами и рабочими¹.

Выше мы рассмотрели как в 1910 — начале 1911 г. турецкое правительство начало развивать свой флот и решило заказать два новейших линейных корабля. Россия, против которой мог быть использован турецкий линейный флот, еще не успела принять ответной меры в виде своей майской программы 1911 г., как турецким деятелям заказ двух линейных кораблей и других судов показался слишком слабой акцией. «Эти два дредноута, — заявил морской министр, — еще не обеспечивают вполне положение Турции и необходимо теперь же заботиться о дальнейшем увеличении флота» (219, л. 76).

---

¹ В этом случае нельзя не согласиться с Г.Хальгартеном, который писал, что в Турции «поставки оружия не диктовались интересами обороны, а напротив, сами эти поставки пробудили интерес к вопросам обороны» (390, с. 460).

Действительно, не ограничившись уже предпринятыми мерами, турецкое правительство приступило к новому увеличению флота. Вслед за заказом двух линейных кораблей в апреле 1911 г., парламент ассигновал специальные средства на приобретение 12 крупных военных транспортов (152 «а», л. 243). Вскоре, по сведениям турецких газет, правительством решено было закупить в течение ближайших шести месяцев еще один линейный корабль, а через 2 года вторую серию из трех линейных кораблей, вооруженных, как и первые, орудиями в 13,5 дюймов (там же, л. 245). Намерение турок заказать третий дредноут было «настолько серьезно, что французские предприниматели как мне передал французский посол, — писал Чарыков, — настаивают перед ним, чтобы третий дредноут был заказан во Франции» (там же, л. 270). Для усиления флота, помимо 5 млн лир, отпущенных парламентом в 1910 г., решено было использовать конфискованные драгоценности свергнутого султана Абдул-Гамида и его вклады в немецкие и французские банки.

В начале июня 1911 г. при посредничестве «Национального банка в Турции», располагавшего английскими капиталами, был подписан окончательный контракт с фирмой «Армстронг-Виккерс» (там же, л. 313). Через 22 месяца, 3 апреля 1913 г., Турция должна была получить первый линейный корабль. Таким образом, срок конца господства русского флота на Черном море был точно определен, ибо и одного линейного корабля современного типа было вполне достаточно для успешного боя со всей черноморской эскадрой, а новые корабли России могли вступить в строй не ранее, чем через 48 месяцев после их закладки.

Быстрый рост турецкого флота стал навязчивой идеей русского правительства. Оно решило изыскать любые способы, чтобы так или иначе сохранить свое господство на Черном море. Вследствие разницы в сроках строительства военных кораблей в России и Англии, одной закладки соответствующего числа линейных кораблей в Николаеве (где строился Черноморский флот) было мало. Прежде всего решили повлиять на английские фирмы, чтобы заставить их замедлить темпы строительства турецких линкоров. В своем дневнике Григорович писал: «Период времени с 1914 по 1915 гг. будет для нас критическим в смысле

войны с Турцией, если последняя получит заказанные ею 2 броненосца ранее готовности наших линейных кораблей; но мною приняты меры к соглашению с некоторыми лицами, строящим турецкие корабли, насколько возможно задержать их постройку и не допускать их прихода в Черное море ранее готовности наших, хотя бы двух кораблей» (315, с. 62). Кроме этого решено было воспользоваться и другим «счастливым» случаем. Осенью 1911 г. началась итало-турецкая война. По мнению царского правительства, наступил чрезвычайно удобный момент, чтобы разом решить важнейшие вопросы, интересовавшие Россию: добиться от Турции свободного прохода через проливы военных судов и заставить ее отказаться от планов строительства мощного линейного флота. Мысль об этом одновременно пришла в голову и Чарыкову, и Нератову (337, с. 114, см. также 297, т. 18, ч. II, № 509). Так на свет появился известный «демарш Чарыкова», одним из пунктов которого предусматривалось продажа Турцией России заключенных ею с «Армстронг-Виккерсом» контрактов на строительство 3-х линейных кораблей.

Немедленно морскому агенту в Лондоне послали запрос о возможности подобной сделки. Капитан 1 ранга Рейн посетил первого лорда адмиралтейства. Английское правительство понимало, что его согласие мало что значит, если Турция сама не захочет продать линкоры. Если же она захочет, то Англия от этого только выиграет, т.к. попасть в Черное море они все равно не могут, а каждый новый корабль в восточной части Балтики неизбежно оттянет на себя некоторую часть немецкого флота — потенциального противника Англии. Поэтому У.Черчилль с удовольствием заявил, что его «правительство радо облегчить России приобретение броненосных судов в Англии, как турецких, так и других» (160, л. 530). Но для подобной сделки необходимо прежде всего согласие Турции. Быстро откликнулись и руководители английских фирм, боявшиеся, что итало-турецкая война окончательно разорит Турцию, которая не сможет заплатить за сделанные ею заказы (197, л. 187). 12 октября морской министр Григорович доложил царю, что через неделю в Петербург прибудут представители английских фирм, чтобы представить «под видом новых броненосцев

типа «А» лично, конфиденциально начальнику МГШ чертежи, описания и возможные условия покупки строящихся в Англии турецких линейных кораблей» (160, л. 293). Однако, как известно, попытки России дипломатическим путем разрешить интересовавшие ее вопросы, с треском провалились. Переусердствовавший Чарыков был дезавуирован и ушел в отставку. Турция не отказалась от мысли об усилении своего флота даже в условиях тяжелой войны, которую она вела с полным напряжением всех своих сил. Она не только сохранила старые заказы, но и произвела новые: во Франции — 8 канонерских лодок, в Германии — минный заградитель. Не очень энергичный, с точки зрения турок, адм. Вильямс, был заменен другим, тоже английским, адм. Лимпусом (213, л. 258). Платежи за заказанные линкоры вносились «Армстронг-Виккерсу» регулярно и, по словам их представителя в Константинополе, «никаких задержек в постройке не предвидится» (209, л. 38).

Не успела окончиться итало-турецкая война, как вспыхнула первая Балканская. Началась она с сокрушительного разгрома турок. Казалось бы именно теперь, когда войска Болгарии непосредственно угрожали столице Оттоманской империи, всякие мысли о создании мощного флота надо оставить. Однако турецкое правительство думало иначе. В связи с задержкой платежей «Армстронг-Виккерсу», английское правительство по примеру русского обратилось с просьбой к Турции о продаже заказанных линкоров. Но турки ответили, что они не только не собираются продавать их, а «наоборот, предполагают произвести заказ новых» (264, л. 10). Тогда, чтобы «Виккерс» и «Армстронг», переставшие получать от Турции очередные платежи, не приостановили совсем работ по сооружению «Решада V», английское правительство гарантировало им приобретение этого линкора, если Турция от него когда-либо все же откажется. В результате этой гарантии, сообщал Щеглов «вероятно усиленное начало работ» (209, л. 66). Поскольку строительство флота велось в кредит, на занятые деньги и фактически не стоило Турции ни копейки и возможен был такой парадокс, когда государство, стоявшее на грани национальной катастрофы, заказывало все новые и новые боевые корабли. В апреле 1911 г. посол в Кон-

стантинополе сообщил о том, что Турция ведет переговоры о покупке заказанных Бразилией двух линейных кораблей, предлагая за них 2,1 млн фунтов стерлингов. Деньги на это приобретение Турции давал Немецкий банк под залог земель в Константинополе. На встревоженный запрос Министерства иностранных дел посланник в Бразилии Максимов ответил, что «парламентская комиссия обсуждает продажу броненосца «Рио-де-Жанейро». — По-видимому, добавлял он, — есть хорошие предложения». Действительно, в декабре 1913 г. Бразилия продала Турции «Рио-де-Жанейро» (216, л. 129), который турки переименовали в «Султан Осман I».

Итак, к лету 1914 г. на Черном море могли появиться уже два мощных турецких линкора. Между тем, представители турецкого правительства продолжали разъезжать по всему свету, выискивая, где еще можно перекупить уже заложенные линейные корабли. Переговоры по этому поводу велись сразу с американскими, итальянскими, английскими, немецкими и французскими фирмами. Внимание Турции привлекли два линейных корабля «Морено» и «Ривадавия», заказанные Аргентиной северо-американской фирме «Шваб». В самом начале 1914 г. посол в Константинополе Гирс телеграфировал в МИД, что у него «есть сведения о покупке Турцией третьего дредноута «Ривадавия», строящегося в Америке» (265, л. 7). Встревоженные Григорович и Сазонов послали телеграммы послам и морским агентам в США и Аргентине с требованиями проверить эти слухи (278, л. 5). Ответ последних был неутешителен: действительно, турецкое правительство ведет переговоры о покупке одного из двух линейных кораблей, предлагая за него 20 млн руб., Аргентина же хочет продать только оба за 36 млн руб. (там же, л. 6).

В ответ на указание Сазонова предложить за оба 43 млн руб. посол ответил, что в аргентинском правительстве возобладало мнение о том, что продавать корабли не стоит «ни под каким видом, ни под каким условием» (там же, л. 14). Однако первоначальный отказ аргентинского правительства не смутил турок. «Необходимо возобновить переговоры о покупке аргентинских дредноутов и дать реальное доказательство нашего желания их купить на основании прежних

предложений», — телеграфировал великий визирь турецкому послу в Лондоне Радик-паше 19 февраля 1914 г. (217, л. 26). Получив вновь отказ, турецкое правительство вскоре в третий раз начало уговаривать Аргентину продать злополучные линкоры (273, л. 20). Эта настойчивость объяснялась тем, что аргентинские линкоры были почти совсем готовы и в ближайшее время должны были вступить в строй.

Одновременно Турцией была предпринята и другая, более успешная попытка. С заказом третьего линейного корабля решено было обратиться опять в Англию, к тому же «Армстронг-Виккерсу». Переговоры пошли здесь быстро и в мае морской агент телеграфировал из Лондона, что «Турция заказала Армстронгу дредноут типа «Решад» ходом на 1 узел больше» (203, л. 54).

Заказав третий линейный корабль, турецкое правительство отнюдь не успокоилось. «Получил данные, — сообщал в МГШ в самый канун мировой войны Щеглов, — указывающие, что Турция намерена увеличить силы четвертым дредноутом» (220, л. 106). Через неделю он донес, что на усиление флота «сегодня парламентом ассигнован экстраординарный кредит в 8 млн лир на 6 лет» (там же, л. 110). Однако ограничиться одними линейными кораблями турецкое правительство не собиралось. 24 февраля 1914 г. на заседании правящей партии «Единение и прогресс» принято было решение о необходимости спешно заказать два крейсера, 20 эсминцев и 2 подводные лодки (217, л. 55). Вскоре часть этого плана была осуществлена.

Подводя итоги восьмимесячной деятельности турецкого морского министерства, кап. 1 ранга Щеглов доносил в МГШ накануне начала мировой войны, что только за это время Турция купила один линкор, заказала другой, заказала тому же «Армстронгу» в июне 2 легких крейсера (4000 тонн водоизмещения, 30 узлов хода), 4 эсминца (1010 тонн, 32 узла), французской фирме «Норман» — еще 6 таких же эсминцев, Крезо — 2 подводные лодки, 12 гидропланов. За это же время в Турцию прибыли: из Англии 4 парохода для тралящего каравана и 9 сторожевых катеров; из Франции — 7 канонерских лодок; из Германии — минный заградитель (там же, л. 1). Это был довольно

мощный современный флот, одинаково угрожавший и Греции, и России.

Чтобы подготовить для него личный состав, Англия значительно расширила прием в свои морские училища турецких моряков и увеличила число возглавлявшихся адм. Лимпусом английских инструкторов до 72 человек (204, л. 48), причем в марте 1914 г. турецкий посол специально посетил У.Черчилля и беседовал с ним «по вопросам поступления на службу в турецкий флот еще некоторого числа (английских) офицеров и инструкторов» (170, л. 93).

Чтобы закрепить за собой дальнейшее строительство турецкого флота и создать в стране необходимую ремонтную базу для крупных боевых судов, английские фирмы при содействии своего правительства приступили к выполнению весьма далеко идущего плана. В сентябре 1910 г. Щеглов сообщил из Константинополя, что синдикат английских фирм, занятых судостроением и производством сухопутных видов оружия («Виккерс», «Армстронг», «Витворт»), предложил турецкому правительству купить у него за 2 млн фунтов стерлингов военный порт в бухте Золотой рог со всеми его постройками и оборудованием. Синдикат обязался за свой счет создать здесь мощный судостроительный завод для постройки боевых судов любого водоизмещения. «Единовременно, — писал Щеглов, — "Армстронг" предлагает выдать Турции еще 2 млн фунтов в виде займа, на которые "Армстронг" и построит на новом эллинге в Золотом роге дредноуты» (216, л. 66). Турецкое правительство охотно откликнулось на предложение английских фирм, но окончательное подписание договора с ними несколько затягивалось из-за помех, чинимых немцами и итальянцами, которые выступили конкурентами английского синдиката. Победа все же осталась за последним. В конце октября в Константинополь прибыл один из директоров «Армстронга» для оформления договора. «Англичане считают, — доносил Щеглов, — дело получения арсенала и дока весьма для себя важным и в политическом отношении, т.к. это дает им большое влияние и связи с турецким правительством. Адмирал Лимпус считает, что если англичанам удастся получить этот заказ, то одновременно с этим получит ход и вопрос о судостроительной программе, им составленной»

(там же, л. 96). Эта программа была несколько видоизмененным вариантом той, которую некогда составил предшественник Лимпуса Гэмбл, и стоила 30 млн турецких лир.

19 ноября между турецким правительством и английским синдикатом был подписан договор, даже несколько расширенный по сравнению с первоначальными планами (там же, л. 98). Суть этого договора вкратце сводилась к следующему. Для устройства морского арсенала в Золотом роге и плавучего дока в Измиде создавалось специальное общество, которому турецкое правительство передавало в полное распоряжение территорию и оборудование своего адмиралтейства, реализацию основного капитала общества в 1350 тыс. фунтов стерлингов брал на себя синдикат английских банков (лишь 120000 фунтов передавалось турецкому правительству). Во главе общества стояло правление из 3 турок и 4-х англичан. В течение 30 лет турецкое правительство обязалось все заказы на суда отдавать только этому обществу. Правление имело право в неограниченном количестве приглашать из Англии инженеров, техников и рабочих высокой квалификации, но обязалось через 10 лет довести число турецких рабочих до 50% от общего числа. Уже через год общество должно было строить корпуса эсминцев, через 2,5 года — крейсеров, через 3 года — главные двигатели для эсминцев, через 12 лет строить полностью корабли любого водоизмещения (там же, л. 25). Заключение этого договора ставило дальнейшее развитие турецкого флота на прочную базу. Англичане немедленно приступили к его реализации. Уже в начале декабря Щеглов сообщал о скором прибытии в Константинополь партии английских инженеров, техников и рабочих в 300 человек. Затем почти ежемесячно стали поступать более мелкие партии, а в начале мая 1914 г., по сообщению Щеглова, прибывало сразу 800 человек (217, л. 103).

Как ни неприятен был царской России подобный оборот дел, однако в то же время произошло другое событие, в гораздо большей степени взволновавшее царское правительство. Тяжелые поражения, понесенные турецкой армией в Первую Балканскую войну, настоятельно требовали ее реорганизации, которая опять была поручена той же Германии. Немцы объясняли поражение турок тем, что их «плохо слушались»,

и решили изменить условия, на которых действовала их военная миссия. «Схема немецкого внедрения, — сообщал военный агент в Константинополе, — простая и ясная: военные училища, офицерские школы и академия в чисто учебном отношении и образцовые полки и высшие тактические единицы — в командно-строевом отношении. Если к этому прибавить известный процент германских офицеров в центральных управлениях, то окажется, что в недалеком будущем германская миссия раскинет свою паутину на всю турецкую армию» (118, л. 16).

Особенно русских дипломатов и военных возмущало то, что, согласно контракта, глава немецкой миссии ген. Лиман фон Сандерс должен был стать командиром 1 турецкого корпуса, расположенного в столице. «Все это означает, — считал Щеглов, — что в случае десантных операций в районе Босфора в будущем мы встретим здесь германский корпус» (там же, л. 60).

Примириться с таким положением Россия, конечно, не могла и решительно выступила против миссии Лимана. Подробное рассмотрение дипломатического конфликта, связанного с этой миссией не входит в нашу задачу (подробнее об этом см. 362, с. 175—190). Отметим только одно: последовавший за выстрелом в Сараево австрийский ультиматум лишь заключительный аккорд сигнала к войне, начало которому было дано немецкой миссией. «Русско-пруссские отношения умерли раз и навсегда! Мы стали врагами!» — подвел итог Вильгельм II (цит. по 384, с. 512), хорошо понимавший, что именно усилия России¹ заставили Герма-

---

¹ Англия и Франция действовали за спиной России не только из желания выглядеть миротворцами; они сами вели политику аналогичную германской. Во главе турецкой жандармерии стоял французский инструктор. Французы не только финансировали Турцию, но и снабжали ее авиацию самолетами. Поставили во главе турецкой авиационной школы в Сафракее своих офицеров-специалистов. О роли, которую играли в турецком флоте английские инструкторы, говорилось выше. Недаром, в ответ на сетование русского военного агента в Константинополе по поводу миссии Лимана, его германский коллега предложил «пригласить для участия в наших переговорах морского офицера любой национальности для выявления вопроса о значении работы английской морской миссии по отношению к обороноспособности проливов и Константинополя» (118, л. 41).

нию сделать очень незначительные, чисто внешние уступки.

Результат конфликта с миссией Лимана не удовлетворил ни Россию, ясно видевшую всю эфемерность подобных уступок¹, ни Германию, которая посчитала себя оскорбленной и решила, что она публично ущемлена в своих жизненно важных интересах. Все это имело своим последствием дальнейшее обострение международной напряженности и неизбежность мировой войны².

В начале февраля 1914 г. русский Генеральный штаб получил сведения о совещании 24 января высших представителей австрийского военного ведомства под председательством военного министра Кробатина, на котром последний огласил текст меморандума германской военной канцелярии. Из меморандума было видно: «1) что стремление германского правительства к разрешению в свою пользу вопроса о проливах должно неизбежно сопровождаться, вследствие общеизвестных политических причин, одновременным столкновением на восточной и западной границах; 2) что значение для Германии вопроса о проливах привело правительство к убеждению, что в числе средств достижения намеченного результата не исключается вероятность столкновения на обоих фронтах»

---

¹ Подводя итог одержанной «победе», Леонтьев доносил, что в Турции по-прежнему находится более 50 немецких офицеров, в том числе 1 фельдмаршал, 3 генерал-майора, 10 полковников, 15 подполковников, 20 майоров и 4 капитана. В ближайшее время число их должно увеличиться до 61. После ухода Лимана с поста командира I корпуса, начальником штаба в нем был сделан правая рука Лимана полк. Франкенберг. «Вынужденные уступить нажиму извне, — писал Леонтьев, — немцы постарались в данном случае в согласии с турками свести эту уступку к чисто внешней стороне — замене одного наименования другим... Самое же дело — руководство войсками, призванными защищать столицу государства в той или иной обстановке, фактически осталось в их руках» (117, л. 9).

² Нельзя согласиться с утверждением С.Фея, который считал, что «история с фон Сандерсом представляет яркий пример того, таким образом при добром желании обеих сторон может быть найден выход даже из критического положения; его удовлетворительное разрешение есть доказательство того, что войны не «неизбежны» (386, с. 343).

(295, 1934, № 3, с. 91). Далее в меморандуме намечался ряд конкретных мер по подготовке будущей войны¹, кроме того в меморандуме признавалось, «что время вероятного вооруженного столкновения держав тройственного союза с Россией и Францией соответствует приблизительно времени близкого неизбежного крушения турецкого государственного организма». Военный совет, поддержав все выдвинутые в меморандуме меры, признал, что для австрийского правительства невозможно участвовать «в союзной войне против России без предварительного получения строго определенных данных о размерах компенсации» (там же) за свое участие и постановил, доложив обо всем императору, скорее принять меры, однородные с Германией. «Тройственный союз»² брал курс на войну в самом ближайшем будущем.

§ 6. Программа усиления Черноморского флота 1914 г.

После принятия программы строительства Балтийского флота в 1912 г., царское правительство вновь вынуждено было свои главные заботы уделять Черному морю. Этого требовало и продолжавшееся усиление турецкого флота, и возросшее внимание к Босфорской экспедиции, и обострение международной напряженности в районе проливов в связи с итало-турецкой

---

¹ В том числе необходимость широкой заблаговременной подготовки общественного мнения Германии к неизбежности вооруженного столкновения. Вспыхнувшая непосредственно вслед за этим антирусская кампания в германской печати является хотя и косвенным, но весьма убедительным подтверждением правильности сведений, полученных Генеральным штабом России. Эта пропаганда приняла столь крутой оборот, что посол в Германии и оба военных атташе спрашивали своих министров не рассматривать ли все происходящее как подготовку к войне. На запрос МИДа и личное послание царя к кайзеру, ответы немцев разумеется были успокоительными.

² «Тройственным» он может быть назван только условно, ибо в этом же документе выступление Италии на стороне Германии и Австро-Венгрии признавалось весьма проблематичным.

войной. Надвигавшаяся Первая Балканская война еще в большей степени озаботила царизм. Чувствуя ее приближение, начальник Морского Генерального штаба Ливен обратился со специальным письмом к Сазонову, в котором просил «обрисовать перед МГШ современное положение "восточного вопроса" вообще и, в частности, вопроса о турецких проливах, а также современное отношение к этим вопросам нашего дипломатического ведомства» (271, л. 21). Сазонов ответил, что война на Балканах может вспыхнуть со дня на день, причем не исключено, что Россия при известных обстоятельствах будет вынуждена в нее ввязаться, и «неготовность нашей армии и флота» может вызвать «серьезные последствия» (168, л. 45).

Вскоре, действительно, началась война. Уже через две недели после открытия боевых действий между Турцией и «союзниками» Морское министерство потребовало от правительства экстренных ассигнований в виду настоятельной необходимости, при существующих политических обстоятельствах, обеспечить Черноморскому флоту возможность выхода во всякое время в море» (17, л. 571). Три с лишним миллиона рублей для этой цели были даны одновременно с разрешением Гирсу вызвать в Константинополь в случае необходимости весь Черноморский флот (295, 1924, № 6, с. 51).

Угроза захвата Константинополя Болгарией вновь ставила перед Морским министерством вопрос о его отношении к проливам. Взгляды МГШ на эту проблему были изложены Ливеном в докладе морскому министру 25.XI.12 (там же, с. 58—59). По его мнению, первостепенная важность для России проливов определяется двумя обстоятельствами: во-первых, тем, что через них проходит значительная часть русского экспорта и, во-вторых, возможностью при владении проливами сосредоточить оборону всего побережья юга России в одной точке. Окончательное разрешение задач России Ливену представлялось в виде присоединения к ней не только Малой Азии и Балканского полуострова, но и всех островов греческого архипелага, включая и о. Крит «при непременном условии господства на Черном и Эгейском морях посредством первоклассного флота». Однако цель эта даже в будущем одной Россией достигнута быть не может. Она по

силам лишь соединенным усилиям всех славянских племен. Не в интересах России и захват узкой прибрежной полосы в районе проливов, ибо защитить такую слабую, легко доступную для атаки с тыла позицию, будет чрезвычайно трудно. «Для осуществления нашей коренной задачи, то есть для обеспечения свободного выхода из Черного моря, захват берегов проливов оказывается бесполезным. Надо захватить или всю отделяющую нас от них территорию, или ничего». Ливен склонялся ко второму решению. Отказавшись от территориальных захватов, начальник МГШ господство в проливах ставил «всецело в зависимость от силы нашего флота и от возможности сему последнему свободно оперировать в этом районе». Для этого, по его мнению, нужно было, прежде всего, создать сильный Черноморский флот, открыть проливы для прохода через них не только коммерческих, но и военных судов, уничтожить в них все военные укрепления и обеспечить своему флоту в Мраморном море угольные станции и право стоянки. План этот был наивен до чрезвычайности, но выводы из него были сделаны очень конкретные и практичные. «Все наши рассуждения, — писал Ливен, — основываются на наличии сильного флота. Без него ни одна из предлагаемых мер не имеет смысла и без него мы не можем подвинуться ни на один шаг на пути нашего исторического развития. *Создание необходимых морских сил есть государственная необходимость*» (там же, с. 16).

Точка зрения начальника МГШ не стала господствующей в морском ведомстве. Победило другое мнение, выраженное Григоровичем в письме Сазонову 9 мая 1913 г. Единственную гарантию благоприятного для России решения вопроса о проливах — морской министр видел «в быстром создании на Черном море военного флота такой силы, чтобы он мог при современной политической конъюнктуре овладеть во время войны водами и берегами обоих турецких проливов... Нам необходимо сначала (до разрешения вопроса о проливах. — *К.Ш.*) создать на Черном море сильный флот, что может быть сделано в ближайшее пятилетие, если проведение Большой судостроительной программы для Черного моря не встретит непреодолимых препятствий» (там же, с. 64).

Летом 1913 г. Морское министерство совместно с МИДом приступило к разработке согласованных планов политики России в проливах, предполагая по окончании работы подать общий доклад царю. В соответствии с генеральной задачей «в — 1918—1919 гг. — овладеть Босфором и Дарданеллами», Морское министерство должно было «в ближайшее пятилетие — 1913—1918 гг. вполне приготовить серьезную морскую силу, ее базу и всю ее операцию, необходимую для военного захвата проливов».

Общий доклад Николаю II подан так и не был, но оба ведомства пришли к единому мнению. МГШ выразил его в докладе Григоровичу 07.XI.13. Ливен отмечал, что с утверждением трех судостроительных программ дело воссоздания морской силы поставлено на прочную базу, и к 1918 г. русский флот будет состоять из 11 дредноутов, 8 старых, но вполне еще годных к бою линейных кораблей додредноутского типа, 15 крейсеров и 48 эсминцев. Этой весьма солидной силе должна быть поставлена и соответствующая задача, «ибо очевидно было бы нерационально строить военный флот на суммы, переходящие за миллиард рублей, лишь для защиты побережья Финского залива от десанта двух немецких корпусов, десанта весьма проблематичного с точки зрения серьезного стратегического расчета» (там же, с. 67). Новая задача по предположению Ливена заключалась в обеспечении для России свободного пути из Черного моря в Средиземное, что достигалось совместными усилиями обоих флотов — и Черноморского и Балтийского (последний для этого должен был быть перебазирован в Средиземное море во французскую базу Бизерту). Начальник МГШ предлагал морскому министру одобрить эту идею и положить ее как основу разрабатываемых планов войны на море, так и «в основание начатой разработки новой программы судостроения». Руководители МИДа, по словам Ливена, вполне солидарны с предлагаемым им планом, и «по соображениям порученного им дела, настаивают на сосредоточении всех наших военно-морских усилий в Черном и Средиземном морях» (там же, с. 69).

Ливен был прав. Опять, как и в 1910 г., непосредственная инициатива усиления Черноморского флота исходила от дипломатов. 14 ноября 1913 г. посол в Константинополе Гирс обратился к Сазонову со спе-

циальной депешей, в которой сообщал о прибытии в марте—апреле 1914 г. в Константинополь заказанного англичанам дредноута и предупреждал о дальнейшем усилении турецкого флота (467, л. 21—23). Посол сообщал министру о совершенной недопустимости преобладания турецкого военного флота на Черном море. «Мы не только должны и обязаны принять все меры к скорейшему выполнению нашей судостроительной программы на Черном море, — убеждал Гирс Сазонова, — но и поневоле вынуждены расширить ее, чтобы не оказаться в слабейшем нежели Турция положении». Николай II, прочтя донесение Гирса, полностью с ним согласился (там же).

Принципиальное одобрение царем нового расширения Черноморского флота, без сомнения, ускорило выработку уже давно вынашивавшихся МИДом планов. В результате, 23 ноября 1913 г. Сазонов обратился к Николаю II со специальным докладом, в котором, определяя существующее положение и дальнейшие цели России в проливах, писал не только о невозможности серьезных активных выступлений против Турции, но о недостаточности «наших оборонительных средств против морской программы, которая может быть осуществлена в ближайшее время Турцией» (295, 1924, № 6, с. 23). Предлагая ускорить разработку планов Босфорской экспедиции, Сазнов высказывался и за спешное усиление Черноморского флота.

В специальном приложении «О необходимости увеличения наших морских сил на Черном море» министр иностранных дел сравнивал силы турецкого и русского флотов. По его мнению, только в течение 1913 г. Россия могла обладать господством на море. В последующие три года преобладание бесспорно переходило к Турции, а в 1917 г., в связи с вступлением в строй 3-х дредноутов, заложенных по программе 1911 г., Черноморский флот вновь будет иметь небольшое преимущество. Однако, в отличие от России, лишенной возможности спешно усиливать свой флот на Черном море покупкой линейных кораблей у другого государства, Турция сможет в любой момент добиться господства, если приобретет еще хотя бы один линкор. «Неудовлетворительность нашего морского положения на Черном море, — заключал министр, — является в настоящее время тем более прискорбной,

что можно ожидать в недалеком будущем новых осложнений на Ближнем Востоке и в связи с ними, быть может, и открытия вопроса о проливах, для разрешения которого в благоприятном для нас смысле необходимо наличие достаточной морской силы на Черном море. Все вышеизложенное приводит к выводу, что нами должны быть безотлагательно предприняты новые усилия и сделаны новые жертвы для обеспечения необходимого нам решительного господства на Черном море» (там же, № 7, с. 32).

Морской министр горячо поддержал все основные положения Сазонова, тем более, что, как специально подчеркивалось в ответе, и сам Николай II одобрил его основную идею «начать теперь же серьезную подготовку отечества к стратегической задаче в Константинопольском канале». Излагая свой план борьбы за господство на Черном море, путем не только спешного усиления Черноморского флота, но и перевода Балтийского в Средиземное море, Григорович просил Сазонова о поддержке МИД «и в правительственных, и в законодательных кругах» (там же, с. 34).

Однако поддержка эта пришла не только от министра иностранных дел, но и несколько с неожиданной стороны. 19 декабря 1913 г. МГШ подал Григоровичу доклад, в котором, основываясь на донесении морского агента, сообщал о состоявшейся покупке Турцией в Англии бразильского дредноута «Рио-де-Жанейро». «Султан Осман», как стали называть линкор турки, вместе с заказанным ранее «Решадом V» должны были прийти в Константинополь уже летом 1914 г. Появление их на Черном море в корне меняло все стратегические планы России: «в случае войны наша Кавказская армия окажется в чрезвычайно тяжелом положении, ...и наш Черноморский флот весьма легко может оказаться в положении, аналогичном положению тихоокеанской эскадры в Артуре» (184, л. 39). Если же войны не будет, то подобное усиление турецкого флота приведет к резкому падению престижа России, «твердости и вескости русского голоса.., между тем, как голос этот по общему признанию и теперь уже недостаточно влиятелен» (295, 1924, № 7, с. 33).

Чтобы избежать столь мрачных перспектив, МГШ предлагал ряд мер — ускорить строительство судов программы 1911 г., при помощи дипломатических

средств замедлить срок сдачи английскими фирмами турецких линкоров, попытаться перекупить за границей готовые дредноуты и провести их в Черное море, а также разработать планы посылки Балтийского флота в Средиземное море для совместных действий с Черноморским флотом.

Немедленный эффект из всех предлагаемых мер могла дать только одна — покупка строившихся в Америке для Аргентины и Чили линейных кораблей «Ривадавия» и «Амиранте-Латорре». С этими планами надо было спешить, ибо по сведениям МГШ (84, л. 47), на эти же корабли зарились и Греция, и Турция. Григорович начал действовать со свойственной ему энергией. Уже 22 декабря он обратился с письмом к Сазонову, излагая в нем от своего имени предложения, сделанные МГШ (295, 1924, № 7, с. 49). 6 января 1914 г. он написал еще более обстоятельные письма тому же Сазонову и премьеру Коковцову. В них он сообщал, что по сведениям Морского министерства, к концу 1914 г. — середине 1915 г. Турция будет обладать тремя, а возможно и четырьмя современными линейными кораблями, которые вместе с уже имеемым у Турции флотом «составят морскую силу, превосходящую нынешний наш Черноморский флот подавляюще — приблизительно раз в шесть» (184, л. 47). По мнению Григоровича, и международное положение (кризис «восточного вопроса» и связанные с ним тревоги), и стратегические соображения (неизбежный в этом случае отказ от Босфорской экспедиции, реальная угроза высадки десанта на левом фланге русской армии, тяжелое положение Кавказской армии, лишаящейся подвоза по Черному морю) и, наконец, внутривластическое состояние страны («моральное впечатление нового поражения нашего флота», — так осторожно выражался морской министр) «заставляют принять все возможные меры для ослабления тяжелых последствий временного господства турок на Черном море» (295, 1924, № 7, с. 5).

Григорович извещал Коковцова и Сазонова, что с этой целью он решил скупить все дредноуты, о продаже которых только могла идти речь — два чилийских — «Амиранте-Латорре» и «Амиранте-Кокрен», заканчивающихся постройкой в Америке в 1913 г. и два аргентинских — «Сен-Морено» и «Ривадавия», срок вступления в строй которых определялся 1914 г.

Заплатив за каждый из этих кораблей по 35 млн руб. (184, л. 61), Россия не только удвоит свой Черноморский флот (или Балтийский, если эти корабли не удастся провести через проливы), но и не даст возможности усилиться флоту турок. Сообщая о своем намерении обратиться с подобным предложением к Николаю II, морской министр просил своих коллег поддержать перед царем его ходатайство.

Министр иностранных дел откликнулся на другой же день: «не могу, со своей стороны, не присоединиться в принципе к высказанному в означенном письме мнению с точки зрения необходимости оградить преобладание нашего Черноморского флота над турецким» (там же, л. 710). Ответ Коковцова был более сдержан. Поставив несколько вопросов (для какого моря предназначаются эти суда? Если для Черного, то как их удастся провести через закрытые проливы?), премьер сомневался в том, что на подобную покупку Государственная дума даст согласие, ибо еще совсем недавно, в 1912 г. Морское министерство уверяло Думу, что в течение ближайшего времени не предполагается ни делать какие-либо добавления к программе, ни испрашивать какие-либо новые ассигнования на усиление флота (там же, л. 73). Отвечая Коковцову, Григорович согласился с тем, что провести корабль через проливы не удастся, но приобрести, по крайней мере два из них, те которые вступают в строй в 1914 г. без сомнения нужно. Он извещал главу правительства, что по согласованию с МИДом намечаемые к покупке заграничные корабли во время войны предназначаются для помощи Черноморскому флоту, а в мирное время составят отдельный средиземноморский отряд. Что же касается возражений, которые якобы могут поступить со стороны Государственной думы, то морской министр не согласился с премьером. По его сведениям, в ней существует сильное течение в пользу безотлагательного усиления флота путем покупки (там же, л. 76—78). Не дожидаясь нового ответа от Коковцова, Григорович 7 февраля подал Николаю II доклад, в котором, сообщая о намерениях Турции усилить свой флот новыми линейными кораблями, предлагал перекупить строящиеся в США аргентинские линкоры «Ривадавию» и «Морено». Царь согласился (там же, л. 72).

В результате дальнейшей переписки с П. Барком, заменившим на посту министра финансов В. Н. Коковцова, Морское министерство теперь легко получило принципиальное одобрение своих планов, но с указанием, что просимые им средства должны быть отпущены не иначе, как путем проведения их через законодательные учреждения, причем источником для покрытия этого расхода могла бы служить свободная наличность государственного казначейства (там же, л. 81). Запланированная сделка не состоялась, так как аргентинское правительство отказалось от продажи кораблей. Опасаясь, что Турция сможет купить их в другом месте, МИД, по ходатайству Григоровича, разослал циркулярные депеши послам во все крупнейшие столицы (Лондон, Берлин, Рим, Париж, Вашингтон) с просьбой внимательно следить: не появится ли подобная возможность где-либо в другом месте (280, л. 23—37).

Из покупки судов за границей ничего не получилось. Как видно, и не особенно на это надеясь, Морское министерство параллельно с этими попытками предприняло разработку планов строительства Черноморского флота на отечественных заводах. 22 декабря, одновременно с письмом Сазонову, в котором впервые упоминалось о необходимости купить корабли за границей, морской министр и начальник МГШ подали совместный доклад Николаю II, в котором просили у царя «повеление положить в основу дальнейшего развития нашего флота упомянутую выше задачу: приобретение господства на море в Константинопольском канале и прилегающих к нему водах» (295, 1924, № 7, с. 37). Для решения этой задачи, по мнению Морского министерства, к 1919 г. надо было сосредоточить в Эгейском море эскадру Балтийского флота из 12 линейных кораблей и соответствующего числа легких сил, а также создать к этому же времени эскадру на Черном море из 8 линкоров, необходимого числа крейсеров и эсминцев. 30 декабря царь одобрил представленный доклад и, таким образом, постройка еще 5 дредноутов для Черноморского флота в принципе была решена, независимо от исхода начатых в это же время переговоров о покупке линкоров за границей.

8 февраля 1914 г. состоялось уже упоминавшееся выше Особое совещание с обсуждением доклада Сазонова от 23 ноября. Кроме основного вопроса о подго-

товке Босфорской экспедиции для захвата проливов, неизбежно возникал и другой — о состоянии Черноморского флота и возможности его обеспечить высадку десанта в Константинополь. Всем было ясно, что пока турецкий флот будет господствовать в Черном море, нельзя будет приступить к десантной операции, самая возможность десантной операции была признана гадательной до тех пор, пока морские силы России вновь не приобретут перевеса (283, с. 39). Поэтому сообщение о принятых мерах для ускорения строительства заложенных в 1911 г. линкоров удовлетворило всех участников. С одобрением они отнеслись и к известию о том, что в скором времени решено заложить в Николаеве еще один линейный корабль. Григорович доложил, что им намечено еще дальнейшее значительное усиление Черноморского флота в ближайшие годы сооружением второй бригады вполне современных дредноутов. Кроме того, независимо от их строительства, Николай II одобрил приобретение строящихся за границей линкоров для создания в помощь Черноморскому флоту средиземноморской эскадры. В заключенное совещание приняло специальный пункт, которым обязывало правительство и его министров принять все меры, чтобы в возможно скором времени Черноморский флот был усилен второй бригадой наиболее современных и мощных дредноутов.

23 марта Николай II утвердил решение совещания, но еще до этого одобрения, 17 марта, Морское министерство вышло в Совет министров с предложением немедленно приступить к закладке в Николаеве 1 линейного корабля, 2 легких крейсеров, 8 эсминцев и 6 подводных лодок (369, с. 174), на что требовалось около 110 млн руб. Этот законопроект был одобрен Думой, Государственным Советом и незадолго до начала войны — 24 июня 1914 г. (в один день с «Большой программой усиления армии») утвержден царем.

Однако закладка одного линкора с соответствующим числом легких кораблей не могла удовлетворить МИД. 17 июня 1914 г. Сазонов обратился со спешным письмом к Григоровичу, в котором, напоминая о решении совещания 8 февраля, спрашивал его, в каком положении находится вопрос об усилении Черноморского флота второй бригадой более мощных и современных дредноутов (178, л. 139).

По приказанию Григоровича МГШ подготовил ему специальный доклад (179, л. 167), на основании которого 27 июня морской министр послал ответ Сазонову. В нем сообщалось, что морским ведомством по согласованию с Министерством финансов уже подготовлена очередная судостроительная программа общей стоимостью около 500 млн руб. Основная часть этих средств должна пойти на строительство Балтийского флота, который в случае войны почти весь, как мы помним, уходил в Средиземное море. Чтобы восполнить его отсутствие и предполагалось заложить на Балтике новую бригаду линейных кораблей. «В этой очередной программе судостроения, — сообщал Григорович, — для Черного моря возможно уделить сумму для постройки двух линейных кораблей с соответствующими придаточными частями» (178, л. 14 (1)). Но поскольку и Николай II, и Особое совещание решили заложить на Черном море бригаду кораблей (т.е. 4 линкора), морской министр предлагал следующий ловкий ход: уже согласованную с министром финансов программу немедленно внести в ближайшую же сессию Государственной думы, в результате чего в начале 1915 г. окажется возможным приступить к постройке двух линейных кораблей. Неуверенный в том, что ассигновав в течение трех лет более 1 миллиарда рублей на флот, Дума раскошелится еще более, чем на 100 млн руб. для закладки второй половины бригады линейных кораблей с соответствующим числом приданных ей легких сил, Григорович предлагал по примеру первой программы Балтийского флота начать это строительство в качестве «меры совершенно исключительного характера, проводимой по высочайшему е.и.в. повелению, вследствие выяснившегося ускорения в военном судостроении Австро-Венгрии и попыток Турции приобрести еще 2 линейных корабля, сверх 3-х уже приобретенных» (там же, л. 140).

Всем этим планам не суждено было претвориться в жизнь. Вследствие целого ряда политических, экономических и социальных причин царизм слишком поздно приступил к материальной подготовке своих грандиозных планов по захвату проливов. Германия с Австро-Венгрией не стали ждать, пока царизм в достаточной степени разовьет свои вооруженные силы, и развязали войну первыми.

Глава IV.

МИЛИТАРИЗМ И БОРЬБА ПАРТИЙ ВОКРУГ РАЗВИТИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЦАРИЗМА

---

§ 1. Влияние гонки вооружений на обнищание страны

Войны царизма и подготовка к ним требовали колоссальных средств, размеры которых стремительно возрастали год от года. В начале XIX столетия расходы на флот и армию составляли около 50 млн руб. К середине века они увеличились вдвое. За следующие 25 лет возросли в два раза и составили уже около 200 млн руб. Через 10 лет, в 1885 г. расходы на армию и флот равнялись 243,4 млн руб. Еще через такой же срок они составили уже 337,2 млн руб., а в 1905 г. прямые расходы на военное и морское министерства достигли внушительной цифры в 489,7 млн руб.¹. «Но как ни значительны абсолютные цифры расходов по сметам военного и морского ведомств, — признавался царю В.Н.Коковцов, — цифры эти не выражают собой общей совокупности затрат на оборону государства, так как многие потребности этих ведомств удовлетворяются у нас за счет других источников» (71, л. 2) и проходят по графам иных министерств (строительство стратегических железных и шоссейных дорог, содержание пограничной стражи, различные денежные пособия инвалидам или их семьям, некоторые расходы по военной части в казачьих областях и т.д.). С учетом

---

¹ Эти данные взяты из «Всеподаннейшей записки министра финансов о желательных изменениях в порядке удовлетворения расходов военного и морского ведомств» от 2 ноября 1907 г.

таких статей, расходы на армию и флот, по мнению В.Н.Коковцова, в 1906 г. равнялись уже не 502,7 млн руб., а 596 млн И это были только обычные расходы по обыкновенному бюджету, не включавшие в себя чрезвычайных расходов военного времени¹. Прямые затраты на армию и флот в 1906 г. составляли по расчетам министра финансов 37% обыкновенных расходов и обеспечили царизму сомнительную честь гордиться тем, что по расходам на оборону «Россия не только не отстает от других государств, но занимает среди них первенствующее место» (там же, л. 3).

Однако и производимых затрат явно не хватало. «Несмотря на то, что на военные потребности представлялись у нас все те средства, какие только могли быть уделены государственным казначейством по состоянию его ресурсов, даже с ущербом для культурно-хозяйственных интересов страны, армия наша, — признавал Коковцов, — нуждалась и нуждается во многом» (там же, л. 5), в результате чего военное и морское министерства продолжали вновь и вновь требовать ассигнований на восстановление расстроенных войной вооруженных сил. По планам военного ведомства для полного удовлетворения всех его нужд требовалась колоссальная сумма около 2,3 миллиардов рублей, — больше чем весь годовой доход страны в 1907 г. Немногим меньше планировало потратить на новое судостроение Морское министерство, около полутора миллиардов рублей в течение 5 лет нужно было израсходовать по расчетам МПС на улучшение пропускной способности дорог, строительство Амурской железной дороги и прокладку второй колеи Сибирского железнодорожного пути, на работы по улучшению водных путей и т.д., и т.п.

Слабо развитая экономика страны была явно не в состоянии обеспечить удовлетворение всех этих непосильных для нее требований, тем более, что последствия революции 1905—1907 гг. сократили доходную

---

¹ Чрезвычайные расходы, вызванные Русско-японской войной и ее последствиями, составляли по всем ведомствам всего 2316,8 млн руб. «Действительный размер этих издержек (на войну. — К.Ш.) превысит, без сомнения, последнюю сумму, — добавлял в 1908 г. Коковцов, — т.к. расходы еще продолжаются» (там же, л. 6).

часть бюджета (прекратились ежегодные поступления 90 млн руб., взимаемых с крестьян в виде выкупных платежей) и увеличили на 90 млн руб. расходную часть (выплата процентов и погашения по займам, заключенным для покрытия военных расходов).

Стремясь выйти из создавшегося положения, правительство обратилось к испытанному средству и еще туже закрутило налоговый пресс, усиливая прежде всего косвенные налоги. Однако платежеспособные возможности нищего крестьянства России, составлявшего основную массу ее населения (85%) были исчерпаны полностью, и даже царский министр финансов должен был согласиться с тем, что крестьянство «не только не может быть привлечено к усилению лежащего на нем податного бремени, но, напротив того, настоятельно нуждается в облегчении этого бремени и даже в особых мерах к поднятию хозяйственных его сил» (там же, л. 6). Увеличение же налогов на обеспеченную часть населения страны могло дать, по мнению Коковцова, всего лишь 60 млн руб. в год, что далеко не покрывало потери только от отмены выкупных платежей.

Сокращать дальше расходы на гражданские ведомства, чтобы подкормить Молоха войны, было, по мнению В.Н.Коковцова, совершенно невозможно, ибо «за последние годы предоставление денежных средств на удовлетворение различных потребностей соответственно нормальным запросам жизни страны совершенно приостановилось, и даже мероприятия первостепенного государственного значения, если только они не относились к потребностям военного или морского ведомств, откладывались», а поэтому «отрасли гражданского управления не могут послужить почвой для сокращения расходов, и, наоборот, будут даже предъявлять все большие и большие требования к государственному казначейству» (там же, л. 8).

Раз нельзя было увеличить налоговое обложение и невозможно изыскать дополнительные средства на реорганизацию и развитие вооруженных сил за счет сокращения других расходных статей, оставалось только одно — отправиться на поклон к богатым соседям и выпросить у них очередную подачку в виде займа. Но и этот путь оказался по существу закрытым для царизма. Дело было не только в том, что внешний долг Рос-

сии достиг колоссальной суммы — 8,6 млрд руб. Главная причина заключалась в другом: в результате революции заколебался еще недавно казавшийся незыблемым престол российского самодержца. Давать деньги дышавшему на ладан царизму стало рискованным делом: «продолжающиеся еще у нас внутренние настроения (так деликатно Кокковцев именовал революцию. — *К.Ш.*) сильно подорвали наш кредит, и мы не можем, поэтому, рассчитывать на успех особенно крупных кредитных операций за границей» (там же).

Образовался заколдованный круг: армия требовала коренной реорганизации и улучшения, флот надо было строить по сути дела заново, а казна пуста и пополнить ее никакими ухищрениями невозможно. Сокращать расходы на другие нужды — значит прийти «к экономическому разорению и финансовому истощению страны». Единственный выход из этого положения Кокковцев видел в значительном уменьшении численности армии в мирное время (особенно крепостей, центральных и местных учреждений военного ведомства, исключении из списков флота старых кораблей и т.д.). Освободившиеся после этого сокращения средства и должны были использоваться для неотложных нужд вооруженных сил.

Против этого предложения решительно выступил начальник Генерального штаба Ф.Ф.Палицын, заявивший в ответном докладе Николаю II, что «самый большой военный бюджет обходится дешевле проигранной войны», и что неполностью, частично, могут быть удовлетворены все остальные государственные нужды страны, кроме нужд обороны. Неудовлетворение ее потребностей хотя бы на 5% неизбежно приведет к гибели армии и крушению Российской империи.

Но дело было не столько в возражениях начальника Генерального штаба, сколько в том, что план Кокковцова страдал одним существеннейшим недостатком: по сведениям военного ведомства содержание одного солдата обходилось в 130 руб. в год и, стало быть, даже значительное сокращение армии на 200000 человек (приблизительно на 20%) давало прямую экономию всего в 26 млн руб., а с учетом одновременного уменьшения и других расходов (на казармы, их ремонт, сокращение офицерского состава, центрального аппарата и т.д.) общая экономия дости-

гала ежегодно 66 млн руб. (48, л. 2). Между тем серия особых совещаний под председательством премьер-министра Столыпина (август 1909 — январь 1910 г.) определила суммарные расходы, необходимые на усиление боевой готовности армии и флота в 1265 млн руб. в течение 10 лет. Таким образом, даже полное осуществление предложенного министром финансов плана давало лишь половину всех необходимых средств.

Изыскивая источники для покрытия этих 1265 млн руб., Коковцов решил обратиться к последней надежде — увеличению дохода от продажи водки. На систематическом спаивании народов России царизм уже давно строил свое финансовое благополучие. В 1904 г. было выпито 70 млн ведер водки — более чем по полведра на каждого жителя, считая женщин, стариков и грудных детей; в 1905 г. — 75 млн ведер; в 1906 г. — уже 85 млн; в 1907 г. — 86 млн (287, стб. 1717). В последующие годы потребление водки держалось приблизительно на этом же уровне (с некоторой тенденцией к увеличению). Трата на водку сделалась основной расходной статьей многомиллионного крестьянства России. В 1909 г. вся Бессарабская губерния потратила на железо 19 тыс. руб., а на водку — 4895 тыс.; Олонецкая губерния — 2 тыс. и 1500 тыс. соответственно; Пермская губерния — 87 тыс. и 13 миллионов (287, стб. 1445). По подсчетам А.Л.Сидорова, за пятилетие накануне I мировой войны валовый доход от продажи водки составил астрономическую цифру — почти четыре миллиарда рублей! А министр финансов предлагал в эти же годы сделать пьяный царский бюджет еще более пьяным. «Единственный возможный источник возвышения дохода, — твердо был убежден Коковцов, — *винная монополия*». Он настаивал на увеличении продажной цены ведра водки на 1 руб. 60 коп., что должно было дать в доходе прирост — 70 млн руб. и вместе с увеличением некоторых прямых (подходный, налог на наследство) и косвенных налогов (на табак, гильзы, гербовый сбор) составить ежегодно около 100 млн руб. Совет министров, рассмотрев в специальном заседании требования военного и морского ведомств о новых ассигнованиях и предложение министерства финансов об источниках их удовлетворения, одобрил план Коковцова (294, 1962, № 2,

с. 132) и вошел с ним в Государственную думу. Однако Дума не торопилась с рассмотрением указанного законопроекта, а вскоре надобность в нем и вообще отпала. «Слава Богу, — заявил в Думе Гучков, — наше финансовое положение улучшилось и упрочилось без проведения этой программы... Ближайшая задача — создание морской мощи, создание флота, не потребует приведения в движение этих экстренных мер» (41, л. 94).

Причину радости Гучкова раскрыл в одном из выступлений его соратник по партии октябристов Н.В.Савич; наряду с косвенными налогами, которые должны были дать львиную часть новых поступлений в законопроекте, «был и подоходный налог, налог на наследство, построенный чисто на социалистических началах (!)» (42, л. 5), в какой-то очень незначительной степени ущемлявшие имущие классы. Партии же этих классов, больше всех ратовавшие за новые ассигнования на армию и флот, ничем не хотели поступиться как только речь заходила о более равномерном распределении налоговых тягот, уже давно осуществленном в развитых капиталистических странах.

Советские историки и экономисты, занимавшиеся исследованием финансового положения довоенной России, пришли к единодушному выводу о наличии двух ярко выраженных периодов: первого — приходившегося на 1900—1909 гг. и второго, охватывающего самый канун мировой войны (376, с. 14). На первом этапе положение государственного казначейства было отчаянным. Финансовое «состояние русского государства, — признавало царское правительство, — грозит самыми тяжелыми осложнениями... Может нехватить средств даже на совершенно неотложные потребности».

В связи с предвоенным промышленным подъемом, рядом урожайных лет и выгодными ценами на мировых хлебных рынках, второй период был для царизма несравнимо более благополучным. За пятилетие 1909—1913 гг. только 1912 г. дал в суммарном государственном бюджете (обыкновенный плюс чрезвычайный) небольшой дефицит, причем прямые военные расходы составили за это время 3311,86 млн руб. Немалая часть этого приращения пала на особенно быстро увеличивавшийся бюджет Морского министерства. За пятилетие он вырос на 165%, в то время как бюджет Военно-

го министерства увеличился за это же время всего на 22%.

Прямые военные расходы России в млн руб. в 1909—1913 гг.

(составлено по «Отчетам Государственного контроля» за соответствующие годы)

	1909	1910	1911	1912	1913	Итого за 5 лет
Военное министерство	473,37	484,91	497,77	527,87	581,10	2562,02
Морское министерство	92,22	112,73	120,96	176,08	244,85	746,84
Итого	565,59	597,64	618,73	703,95	825,95	3331,86

Милитаризм лег тяжким бременем на плечи народа, повел к искусственной задержке в удовлетворении самых насущных культурных и иных нужд страны. В 1907 г. расходы Министерства просвещения составили 14 млн руб. (289, стб. 1655), а на все высшие учебные заведения правительство ассигновало и того меньше — 6,9 млн руб. (289, стб. 3358). Всего один линейный корабль стоил более чем в 4 раза дороже, а решено было построить их в том же 1907 г. целую бригаду в 4 линкора! С 1907 г. до 1912 г. расход на высшую школу возрос на 0,7 млн руб. (там же), а морской бюджет с 1907 г. по 1913 г. вырос на 157 млн руб., т.е. в 224 раза больше! Нищету, разорение страны, консервацию невежества и бескультурия — вот что несла народам России гонка вооружений, начатая царизмом.

Народам России, приходилось расплачиваться за подготовку царизмом вооруженных сил к борьбе за передел мира. В рассматриваемое время косвенные налоги возросли в России на 21,5% и вместе с прибылью от продажи вина давали почти половину всех доходов царской России (376, с. 41). На эти-то рубли и копейки, собранные с многомиллионного нищего народа, и строил царизм крейсера и линкоры, осадные мортиры и пулеметы.

Кто же выгадал от гонки вооружений? В чьих карманах оказалась значительная часть из этих сотен

миллионов рублей? Сохранившиеся в архивах документы дают на этот вопрос совершенно ясный, недвусмысленный ответ. Военные заказы были неиссякаемым источником для обогащения финансовых воротил, владельцев судостроительных и артиллерийских заводов, высших чиновников из Военного и Морского министерств, через руки которых проходили эти заказы, источником обогащения царской камарильи, принимавшей самое близкое участие в распределении жирных кусков казенного пирога (см. подробнее 383).

§ 2. Государственная дума и вооруженные силы царизма

Выработка и утверждение военных и военно-морских программ после Русско-японской войны совпали с конституционным поворотом истории России, определенным манифестом 17 октября 1905 г. В социальной структуре общества и власти произошли весьма существенные изменения. Как представительное учреждение парламентского типа, призванное решать в масштабах всей страны важнейшие вопросы ее существования и развития, Дума не обладала необходимой политической властью. Однако отсюда было бы совершенно неверно делать вывод, что у Думы вообще не было никакой власти. В результате борьбы народных масс и капиталистического развития страны самодержавие вынуждено было пойти на некоторое самоограничение, создав новое учреждение — учреждение, не играющее самой главной роли, но такое, которое все же было поставлено в связь с другими институтами царизма (Советом министров, министерством финансов, морским, военным), получило определенные права, определенную возможность влиять на правительство и контролировать его действия. С появлением этого нового «учреждения царизма», отличавшегося от всех других своим представительным характером, самодержавие в России, оставаясь самодержавием, перестало быть неограниченным, ибо если ограниченное самодержавие может иметь самые широкие градации, самые разнообразные типы, самые различные *степени ограничения*, то неограниченное самодержавие может существовать только в одном девственно-нетро-

нудом виде. Ограничение неограниченного самодержавия хоть в чем-либо (например, в праве вводить новые налоги) превращает его в ограниченное. Именно это произошло в России.

Ограничение самодержавия кадеты видели прежде всего в наличии у Думы права утверждать бюджет. Однако право это было в известной мере фикцией. Не говоря уже о том, что целый ряд статей в бюджете был «забронирован», т.е. не подлежал вообще рассмотрению Думы, и в принципе Дума не имела бюджетных прав, ибо отказ в бюджете не останавливал «по закону» приведение бюджета в исполнение. Если Дума отказывала в утверждении бюджета, правительство все равно не оставалось без средств, т.к. в силу входила смета прошлого года. Зависимость царизма от Думы проистекала из другого: от невозможности без Думы получить в бюджете *новые* ассигнования, без которых, вполне естественно, нельзя было вести перевооружение армии и строительство флота. Даже если бы царь «в порядке верховного управления» приказал выдать Военному или Морскому ведомству ту или иную сумму для проведения необходимых, по его мнению, мер, это далеко не освобождало царизм от зависимости от Думы. Финансово-экономическое положение России было таково, что, вплоть до самого кануна войны, когда доходы стали несколько превышать расходы, источниками для перевооружения армии и флота могли быть только новые налоги, ибо «область внешнего кредита, по крайней мере на ближайшее время, должна почитаться закрытой для России», — признавал министр финансов (375, с. 127). Введение же новых налогов стало прерогативой Думы, обойти которую в этом вопросе было никак нельзя. Таким образом совершенно необходимое перевооружение разгромленной царской армии и флота оказалось в прямой зависимости от Государственной думы. Возможность непосредственного влияния на разрешение этих вопросов, с одной стороны, и искренняя забота буржуазных и помещичьих партий о всемерном развитии и укреплении вооруженных сил России, с другой, сделали эту тему, по словам А.И.Гучкова «любимым вопросом III Государственной думы» (237, л. 3).

Внимание Думы к вопросам обороны объяснялось очень простым обстоятельством: «Мы больше не

можем позволить себе поражений, — утверждал в Думе 27 мая 1908 г. Гучков. — Действительно, новое поражение России явится не просто уступленной территорией, не просто заплаченной контрибуцией, но это явится тем ядовитым укусом, который сведет в могилу нашу родину... Как ни важны другие вопросы, которые проходят здесь, в этой зале, мы должны признать, что в этот исторический момент, который мы переживаем, вопросы государственной обороны и государственной безопасности должны стоять выше остальных и по важности своей, а главное, по неотложности разрешения» (293, с. 31).

С новым положением, создавшимся после появления Думы, вынуждены были считаться правительственные чиновники самых различных степеней. Разрабатывая военно-морские программы, офицеры МГШ составили специальную работу «Несколько соображений о том, как провести нам законопроекты в законодательных учреждениях» (308 «а», т. I), где рассматривали опыт работы парламентов европейских стран и предлагали морскому министру использовать его. Опытный бюрократ министр финансов Коковцов, выступая в «Особом совещании по рассмотрению программы развития морских вооруженных сил России» был вынужден признать, что с появлением Думы уже нельзя действовать «старыми приемами», когда начальники генеральных штабов за спиной кабинета министров через царя проводили ту или иную программу. «В настоящее время, — подчеркивал он, — соглашение двух начальников генеральных штабов ничего не стоит, пока дело... не проведено через Государственную думу в смысле расходов» (190, л. 26). Столыпин, ознакомившись с одним из проектов судостроения, представленном морским министром в Думу, возвратил его С.А.Воеводскому, подчеркнув, что он его не удовлетворяет и потребовал от Морского ведомства привести «целый арсенал аргументов в комиссии и в пленуме Госуд. думы для проведения проекта» (192, л. 287). Даже Николай Николаевич, председательствовавший в СГО, был вынужден признать, что реорганизация армии и флота зависят не столько от СГО, сколько от Думы, которая на это «дает деньги» (86, л. 39).

Перед проведением одной из программ Николай II на встрече в Ливадии с Коковцовым подробно проинструктировал его, как проводить ее через Думу и, в частности, «высочайше повелел» премьеру «пользоваться каждой встречей с членами Государственной думы, чтобы уяснить им, в частных беседах, насколько не отвечает достоинству России современное состояние нашего флота» (246, л. 17). Исполняя волю царя, Коковцов начал поодиночке обхаживать наиболее влиятельных членов Думы, убеждая их голосовать за кредиты на вооружение. На всех этапах прохождения программ через комиссию государственной обороны и бюджетную комиссию, через пленарные заседания, правительству, по словам его премьера, пришлось приложить «самые упорные настояния», чтобы Дума их утвердила. Узнав, что председатель бюджетной комиссии Алексеенко намерен не очень-то торопиться с обсуждением, Коковцов неоднократно и настойчиво убеждал его до тех пор, пока последний «обещал не создавать искусственных препятствий и назначить дело к слушанию, как только оно будет внесено из комиссии обороны» (там же, л. 18). В день обсуждения в комиссии в нее явилось почти в полном составе все правительство. Убеждая членов комиссии не отклонять кредитов, Коковцов выступал трижды. В поддержку программы помимо Григоровича выступили Сазонов, Вернадер (замещавший Сухомлинова), государственный контролер Харитонов. В пленарное заседание Думы явилось не только все правительство, но, чтобы произвести большее впечатление на депутатов, привели почти всех офицеров МГШ. День утверждений Думой программы был назван Николаем II историческим днем, «днем великих надежд для России» (298, 1912, № 7, с. 3). Такое значение придавал царизм одобрению Думой одной из военно-морских программ.

С еще большей тщательностью готовилось всем правительством проведение через Думу «Закона о флоте». В принципе этот законопроект был одобрен Николаем II еще 25 апреля 1911 г. (3, л. 464). Но именно потому, что российский самодержец уже не обладал неограниченной властью, согласие его очень немного дало морскому министерству. 13 июля, вскоре после утверждения Думой программы 1912 г., МГШ

запросил морского министра о том, как будет проводиться «Закон о флоте» (201, л. 37). Однако морской министр сам не мог дать ответ и обратился с запросом в Совет Министров (3, л. 464).

2 августа состоялось специальное заседание правительства, которое признало, что в тексте законопроекта есть такие статьи, право утверждения которых принадлежит только царю (состав боевых эскадр, их распределение по морям, срок службы кораблей и пр.), как верховному вождю армии и флота. Но есть и такие параграфы, «которые могут быть проведены в жизнь лишь при наличии соответствующих ассигнований по смете Морского министерства» (там же, л. 482) и поэтому проведение их в жизнь без одобрения Думой невозможно. Ввиду этого, Совет министров решил создать специальную комиссию авторитетных представителей почти всех министерств (финансового, морского, военного, юстиции, торговли и промышленности) с тем, чтобы разделить представленный законопроект на два и утвердить один из них «в порядке верховного управления страной», а второй, в силу необходимости, проводить через Думу.

27 октября 1912 г. под председательством начальника МГШ состоялось первое заседание созданной комиссии. Ливен заявил, что Морское министерство очень боится «того случая, когда законопроект будет утвержден в порядке Верховного управления, а затем кредиты не будут утверждены в общезаконодательном порядке; ведь тогда практическое значение закона будет аннулировано», — признавал начальник МГШ (194, л. 68). Поэтому он считает совершенно неизбежным провести некоторые статьи законопроекта через Думу. С Ливеном согласился Кузьминский, но решительно стал возражать генерал-квартирмейстер Данилов: «Я полагаю, — заявил он, — что представитель Министерства финансов с практической точки зрения совершенно прав, но дело здесь состоит в том, что утверждение законопроекта есть прерогатива верховной власти; следовательно, говоря вообще приходится решать что важнее: Практика или Принцип? Я считаю, что принцип». «Практика, а не принцип», — дружно возразили Данилову Ливен и Кузьминский. Несмотря на возражение Данилова, подчеркивавшего, что этим будет создан «крайне нежелательный прецедент для

Военного министерства, которое имеет массу аналогичных дел» (там же, л. 69), члены совещания решили, что устранить Думу от развития вооружений никак не удастся и все дело в том, чтобы выработать такую формулу законопроекта, которая не затрагивая прерогатив верховной власти в вопросах военного законодательства, вместе с тем давала бы возможность иметь утвержденное Думой прочное основание для дальнейшей деятельности по воссозданию армии и флота.

В результате двухдневных заседаний совещание пришло к выводу, что для осуществления своих планов Морское министерство неизбежно вынуждено будет «войти в общезаконодательном порядке с законопроектом об испрошении потребных ассигнований на осуществление всех мероприятий, вытекающих из «Закона о флоте» только по утверждении этого законопроекта в положительном смысле (подчеркнуто мною. — К.Ш.), ведомство может войти с самим «Законом о флоте», причем обязательно в порядке верховного управления» (178, л. 34). Как видим, в важнейшем для царизма вопросе — вопросе о темпах и направлении развития вооруженных сил, права Дума были далеко не фиктивны, а царь уже не был всемогущ и ограничивался предварительным решением представительного органа, в котором буржуазия была представлена довольно широко.

Почувствовав свою силу, буржуазия вполне естественно решила использовать ее для достижения своих весьма скромных целей. «Все думаю о тех чрезвычайных кредитах, за которыми к нам обратится правительство на нужды обороны, — писал Гучков одному из крупных октябристов, постоянному докладчику комиссии гособороны А.И.Звегинцеву. — Никак не следует упускать случай, чтобы поставить, как говорили в освободительную эпоху, свои требования. Начать следует с экзамена ведомства и состояния дела и о предположениях на будущее. Представляю себе, что мы устроим систематически ряд интимных бесед по отдельным отраслям. Обдумайте, голубчик, посоветуйтесь с Савичем, Гурко и др. какой наметить нам план бесед? Офицерский вопрос, подбор командного состава, унтер-офицерский вопрос, уставы, крепостной вопрос, в связи с этим состояние нашего инженерного ведомства и артиллерийских заводов, артиллерия, ин-

тенданство и т.д. и т.п. Может быть, благодаря нужде правительства в новых кредитах, нам удастся ухватить быка за рога» (244, л. 17). Мы привели эту длинную цитату из письма лидера октябристов, ибо в ней очень ярко показан как характер пожеланий, которые громко названы требованиями, так и способ, которым эти «требования» должны были осуществляться.

Закулисные встречи Гучкова с представителями военного министерства не оставались тайной для правительства. 16 сентября 1915 г. на допросе в комиссии ген. Петрова, расследовавшей дело бывшего военного министра Сухомлинова, Гучков рассказал, что он с группой своих единомышленников в самого начала деятельности III Думы «сходились от времени до времени с группою офицеров Генерального штаба... для предварительного обсуждения различного рода вопросов, проходивших по военному ведомству через Комиссию Государственной обороны и Государственную думу. Собrania эти проходили на квартире у кого-либо из участников и были известны военному министерству, которое не раз командировало на них специалистов по тем или другим вопросам. Эти собрания чрезвычайно облегчали нам дальнейшую работу и проведение законов через законодательные учреждения, т.к. давали нам такую осведомленность в деле, которая была бы невозможна в условиях работы многолюдной комиссии или еще более многолюдного собрания Государственной думы. В этом же кружке возник ряд добрых начинаний, которые в форме законодательных предположений или пожеланий значительно продвинули дело обороны» (247, л. 32). Буржуазия не на шутку была встревожена ясно обрисовавшейся неспособностью царизма поднять свои вооруженные силы на должный уровень и считала, что только ее вмешательство в проведение крайне необходимых реформ по улучшению армии и флота гарантирует страну от нового Мукдена, новой Цусимы и новой революции.

Критика Думой Военного и Морского министерств и требование их реформирования были отнюдь не случайны. В начале XX в. из всех ведомств царизма Военное и особенно Морское были наиболее заскорузлыми и кастовыми. Во главе Морского министерства вплоть до 1905 г., стоял безответственный генерал-адмирал из

«членов царствующего дома» (см. 341). Первым главой морского ведомства в середине XVIII в. оказался... 5-летний Павел I, последним — совершеннейшая бездарность — великий князь Алексей Александрович («Пять пудов августейшего мяса» — как звали его на флоте). Безответственного генерал-адмирала подменял ни за что не отвечавший управляющий Морским министерством, главная забота которого состояла в своевременном производстве офицеров флота и в справедливом распределении наград по «высочайшим» и иным праздникам.

Морское министерство отличалось редкостной, даже по российским размерам бесхозяйственностью и расточительностью. В 1896 г. бюджет японского флота был 9,7 млн руб., русского — 331 млн руб. За восемь последующих лет японское правительство истратило на новое судостроение 210,2 млн руб., русское — 265,2 млн руб. («Русь», 1907, № 202). Результатом этих расходов была Цусима, которая наглядно определила производительность сделанных затрат.

Вполне естественно, что в этих условиях не только у буржуазии, но даже у самых слепых приверженцев неограниченного самодержавия не было никакой уверенности, что «Цусимское ведомство» (как назвал Морское министерство крайне правый В.М.Пуришкевич) в состоянии возродить флот и производительно использовать те колоссальные суммы, которые оно просило на новое судостроение. Без реформы Морского министерства новой Цусимы не миновать, а «Россия второй Цусимы пережить не может. Я повторяю, — заявлял в Думе Пуришкевич, — вторая Цусима в России, это революция, это полное уничтожение того строя, на котором мы создавались, который создал ту Россию, которую мы знаем» (285, стб. 1390). Таково было твердое убеждение Думы, где против Морского ведомства единым фронтом выступили представители всех помещичьих и буржуазных партий — от крайне правых «истинно русских людей» типа Маркова II и Пуришкевича до левых кадетских депутатов. «Долг Государственной думы — открыто и прямо бросить в глаза обвинение Морского ведомства в полном несоответствии его работ... и потребовать у этого ведомства категорического ответа, что оно думает сделать для того, чтобы поставить нашу оборону на должную высоту и прекратить

эту возмутительную серию пожаров, хищений и безобразий, которые царят в Морском ведомстве и могут нас, знавших Наварин, привести ко второй Цусиме» (там же, стб. 1145), — так категорично заявлял не какой-нибудь представитель «оппозиции его величества», а все тот же Пуришкевич, пришедший в Думу для того, чтобы по собственному признанию поддерживать «правительственную власть от необоснованных и необдуманных нападков левых элементов» (там же, стб. 1132). «Не для того мы здесь собрались, — вторил Пуришкевичу "курский соловей" Марков II, — чтобы демонстрировать наши патриотические чувства. Мы собрались здесь, чтобы обсудить суть серьезного государственного дела», — как лучше и быстрее восстановить вооруженные силы России. Этого, по мнению Маркова, без реформы Морского министерства не достичь, а «мы тогда только получим гарантию действительных реформ, когда увидим, что виновники тех ужасных действий, которые привели к Цусиме, будут под судом» (31, стб. 345).

Реформа морского ведомства и его ревизия с целью пресечения казнокрадства и упорядочения хозяйственной деятельности — таковы два неперемennых условия Думы, без которых она не соглашалась отпускать средства на новое судостроение: «до тех пор, пока не дадут нам твердой гарантии того, что там (в Морском министерстве. — *К.Ш.*) все будет видоизменено и поставлено в лучшие условия, что второй Цусимы не будет, — до тех пор, господа, на это дело (на новое судостроение. — *К.Ш.*) ни копейки» (285, стб. 1391), — призывал своих единомышленников Пуришкевич.

Немногом менее ожесточенной, но тоже достаточно резкой критике подвергалось и военное ведомство. Поводов для этого было более чем достаточно. После создания в 1905 г. должности независимого от военного министра начальника Генерального штаба и Совета Государственной Обороны, возглавлявшегося безответственным великим князем Николаем Николаевичем, развитие армии оказалось под влиянием трех друг другу не подчинявшихся властей. И без того медленный и неповоротливый аппарат военного министерства стал крутиться вхолостую. Выше мы видели к чему это привело: 1906, 1907, 1908 и добрая половина 1909 г. прошли в бесплодных спорах о реформах, не-

обходимость проведения которых никем не подвергалась сомнению. Все это время со страниц русских газет не сходили следовавшие одно за другим разоблачения воров и взяточников, буквально заполонивших хозяйственные отделы военного министерства¹.

Дума резко критиковала хозяйственную деятельность Главного артиллерийского управления, обращала внимание военного ведомства на необходимость заблаговременной подготовки к войне заводов, работающих на оборону. Комиссия по обороне в III Думе специально остановилась на вопросе о недостаточной производительности артиллерийских заводов и высказала пожелание, «чтобы военное министерство безотлагательно и в кратчайший срок озаботилось выпиской из-за границы станков и вообще надлежащим, в целях повышения производительности, оборудованием наших патронных заводов» (366 «а», с. 55), расширило производительность оружейных, снарядных, пороховых и других казенных заводов.

Реорганизация военного министерства и развитие армии с точки зрения лидеров буржуазных партий происходили очень медленно и не могли удовлетворить их стремления к активизации агрессивной империалистической политики. «Нельзя же, господа, — патетически восклицал в Думе лидер октябристов Гучков, — раз навсегда подчиняться этому положению — рассматривать вопросы внешней политики исключительно под углом зрения своего военного бессилия» (348, с. 89). Пора выйти из длительного периода хронической военной неподготовленности и заговорить голосом, достойным «великой державы». Путь для этого буржуазно-помещичьи партии видели один: «пустите нас, — заявлял депутат Ефремов, — дайте нам проникнуть в суть дела, дайте нам контролировать и знать, как вы справляетесь, или вернее сказать не справляетесь с крупными и главнейшими нуждами нашего отечества», — быстрым развитием его вооруженных сил (285, стб. 120).

Пойти навстречу подобным требованиям правительство не хотело и не могло. В этом оно находило

---

¹ См., например, результаты специальных сенаторских ревизий сенаторов Гарина, Дедюлина, Нейгарта и других, борющихся с лихоимством военных чиновников (45 «а»).

полную поддержку со стороны правых, возмущавшихся попытками вмешательства либералов в дела военного и морского министерства. Отмечая возросшую роль комиссии по государственной обороне III Думы и попытки ее председателя А.И.Гучкова повлиять на ход дел в военном и морском ведомствах, В.М.Пуришкевич с негодованием писал царю о том, что и при новом министре Сухомлинове, заменившем Редигера, который искал опоры в Думе, «продолжается зависимость военного ведомства от Комиссии, как бы подчинение первого компетентности второй. Генералы, являющиеся представителями ведомства в Государственной думе, не стеснялись говорить, что комиссия по государственной обороне им помогает, их выручает» (225, л. 7), — Пуришкевич требовал, чтобы «верховный вождь армии» уберег ее от Думы, которая действует на вооруженные силы революционизирующе.

Однако обойтись без Думы царизм не мог. Единодушные требования Думы заставили правительство ускорить реорганизацию военного и морского министерств и предпринять некоторые, правда очень маленькие, шаги, чтобы сгладить остроту конфликта с Думой. 9 февраля 1908 г. в заседание комиссии по государственной обороне на рассмотрение бюджета Морского министерства (бюджет впервые включал ассигнования на новое судостроение) явились руководители ведущих министерств: Столыпин, Коковцов и Извольский. Военного и морского министров не пригласили «для большей свободы обмена мнений о вверенных им ведомствах». Премьер заявил, что он пришел со своими коллегами не для того, чтобы «оказывать давление на народных представителей», их цель более скромна — «осветить внутренний смысл правительственных предположений, чтобы не было разногласия между правительством и народными представителями». Речь свою в комиссии Столыпин начал с указания на то, что «все вопросы, связанные с государственной обороной, подлежат единоличному разрешению государя императора», однако, добавил премьер, «иногда государственная необходимость разбивается о финансовую невозможность. В данном случае интересы всех ведомств переплетаются между собой» (32, л. 8). Армию без средств не реорганизуешь, флота не восстановишь, а ассигнованием средств занимается

Дума. Именно поэтому «сводя во едино все сказанное, — заявлял Столыпин, — я прихожу к следующему выводу: правительство твердо решило не допускать никакого конфликта с Государственной думой на почве обороны» (подчеркнуто мною. — *К.Ш.*) (там же, л. 9).

Подобная позиция правительства, необычное для него внимание к мнению «народных представителей», помимо известной зависимости правительства от Думы в деле развития вооруженных сил объяснялась двумя причинами. Во-первых, царизму было совершенно ясно, что, за исключением социал-демократов и трудовиков, все остальные партии в Думе искренне радуют за состояние вооруженных сил России, готовы всячески содействовать их укреплению и развитию, что спор с ними идет только о методах улучшения флота и армии, о способах более быстрой и основательной подготовки к мировой войне. «Нет более фанатичных, более убежденных сторонников могучего дееспособного русского флота, как те, что как мы, не желаем в данный момент ассигновать денег на постройку броненосцев», — заявляли правые устами Маркова II. «Да, вы торопитесь, вы спешите, но вы спешите к новой Цусиме, а мы этого не хотим», — отвечал он морскому министру, требовавшему немедленных ассигнований на судостроение (285, стб. 1348).

Царизм охотно верил лидеру центра А.И.Гучкову, что октябристы не испытывают никакого злорадства от неустройства морского и военного министерств, ибо ясно ощущал чувство «патриотического траура, который напитал собой атмосферу этой залы... Мне и моим политическим друзьям, — продолжал Гучков, — больно, мучительно больно, отказывать правительству в кредитах на новое судостроение. Нам не менее, чем сторонникам ассигнования, дорого возрождение нашего флота, нашей морской обороны», но дать сейчас деньги на новое судостроение — значит «доконать наш флот», — заключал Гучков (316, с. 6).

Даже кадеты, отказывая в средствах на вооруженные силы, руководствовались самыми благими пожеланиями: «В бюджетной комиссии, — заявлял Челноков, — при рассмотрении вопроса у нас не было ни малейшей розни, которую можно бы объяснить партийностью взглядов. В деле, которое касается мощи

России, ее насущных интересов (голоса справа: браво, ого), которое является, быть может, важнейшим делом, которое мы рассматриваем, с точки зрения экономического его значения для России, у нас разногласий быть не могло (рукоплескания в центре и справа)» (286, стб. 1002).

Но дело было не только в общности позиций всех буржуазно-помещичьих партий в деле развития вооруженных сил, с мнением которых правительство, безусловно, было вынуждено считаться, а и в том, что правительству самому и без Думы ясно была видна насущная потребность в их реорганизации. По существу, правительство не возражало против реформ. Спор шел об одном: Дума требовала: «сначала реформы, а потом ассигнования», а правительство настаивало на необходимости проводить и то и другое одновременно. «Комиссия (по обороне. — *К.Ш.*), по многим вопросам стучится в открытую дверь, — заявлял морской министр адм. Диков, — эти реформы уже делаются на тех началах, которые высказаны Звегинцевым (докладчиком комиссии. — *К.Ш.*)» (31, л. 363). С морским министром был полностью согласен и премьер: «Ведомство должно быть реформировано, — заявлял Столыпин. — Эта мысль давно и глубоко признана правительством. В настоящее время не только задумана реформа, не только оформлена, но она близка к осуществлению и ей глубоко сочувствует государь император» (там же, л. 368).

Фактически реорганизация Морского министерства началась, тотчас же после разгрома флота под Цусимой. Уже в июле 1905 г. архаичная должность генерал-адмирала была упразднена, и вместо нее введена новая — морского министра. Вскоре была создана должность товарища морского министра, в ведение которого передали все административно-хозяйственные дела ведомства: Главное управление кораблестроения и снабжения, Морской технический комитет, заводы морского ведомства и т.д. (298, 1906, № 2, 8).

В конце 1905 г. молодой и талантливый офицер флота лейтенант Шеглов подал царю специальную записку «Значение и работа штаба на основании опыта Русско-японской войны» (308 «а», т. 1, с. 24), в которой предлагал создать в Морском министерстве совершенно новый орган — Морской генеральный штаб, в

обязанности которого должно войти изучение морских сил вероятного противника, составление плана войны на море и проведение всех необходимых мероприятий по организации боевой готовности флота. 24 апреля 1906 г. царь издал специальный рескрипт на имя Бирилева, в котором приказал организовать МГШ. Во исполнение указания Николая II, 1 мая 1906 г. из Главного морского штаба была выделена стратегическая часть, которую и преобразовали в Морской генеральный штаб (5, л. 1). Во главе группы молодых и очень способных офицеров, вошедших в новый орган, был поставлен опытный и широко образованный командир крейсера «Громобой» капитан 1 ранга Л.Брусиллов. Вся дальнейшая колоссальная работа по подготовке России к мировой войне на море легла на плечи этой небольшой группы энтузиастов морского дела. (Первоначально МГШ состоял всего из 15 человек). МГШ в Морском министерстве стал тем органом, который извлек наибольшие уроки из Цусимы и наиболее строго и последовательно боролся с «цусимцами» в Морском министерстве. Вся реорганизация министерства производилась теперь по инициативе офицеров МГШ, что довольно подробно изложено в работе М.Петрова (369, с. 126 и др.).

Важное значение для развития флота имело назначение в 1909 г. товарищем министра, а в 1911 г. — и морским министром И.К.Григоровича. Оно было удачным для русского флота, во многих отношениях. Опытный моряк, участник Русско-японской войны, во время которой он командовал броненосцем «Цесаревич», Григорович обладал морскими навыками, широтой взглядов и недюжинным организационным талантом. Хорошо понимая, что для воссоздания флота нужно не только согласие Думы, но и содействие крупного частного капитала, новый министр «не стоял за ценой» и охотно шел навстречу требованиям крупного капитала. Вместе с тем он прекрасно ладил и с камарильей, пользовался большим авторитетом у Николая II и стал единственным главой ведомства, удержавшемся на своем посту от предвоенных лет до самого конца династии Романовых, избежав отставки даже в годы войны «министерской чехарды». С назначением Григоровича морским министром началась, по сло-

вам Савича, «новая эра в создании флота», когда «ведомство внимательно прислушивалось к указаниям и пожеланиям Государственной думы» (249, л. 41).

Кроме реорганизации Морского министерства, Дума требовала и ревизии его. Октябристы считали, что без этого «никаких даже разговоров не может быть ни о каких постройках судов, ни о каких кредитах на новое судостроение; Государственной думе надлежит представить на благовоззрение е.и.в. истинное положение дел в Морском ведомстве и просить высочайшего повеления о составлении тайной особой комиссии при Государственной думе для обследования коренных реформ морского ведомства» (234, л. 14). Однако позже октябристы, как видно, сами почувствовали, что «запросили» слишком много. В марте 1910 г. Н.В.Савич от имени фракции октябристов потребовал, чтобы морской министр, по примеру военного, просил Николая II о назначении сенаторской ревизии всего ведомства для того, чтобы «поставить крест над прошлым, провести черту над прошлым и начать новое будущее русского флота». Дума единогласно приняла предложенную в этом духе формулу перехода к поэтапному рассмотрению бюджета Морского министерства на 1910 г. (287, стб. 1539). Признавая, что «у народных представителей создалось предубеждение о недоверии к хозяйственной деятельности Морского министерства, что в результате отражалось на ассигновании кредитов по судостроению» (подчеркнуто мною. — *К.Ш.*), Совет министров после специального рассмотрения этого вопроса просил Николая II разрешить обследование хозяйственной деятельности Морского ведомства специальной комиссией из членов Государственного совета. Царь согласился (211, л. 50).

Беседуя с членами назначенной комиссии, Николай II заявил, что поручает им «обследовать кораблестроительное дело в видах скорейшего воссоздания нашего боевого флота» (282, л. 50). Морской министр в переписке по поводу организации этой комиссии был еще более откровенен и точно объяснил причину ее появления. Так называемое «обследование» комиссией должно вестись, «как я понимаю, в том именно направлении, — без тени иронии сообщил он председателю комиссии, — чтобы дать народным представи-

телям Думы уверенность в возможности правильного использования кредитов для скорейшего восстановления боевого флота» (212, л. 5).

В результате некоторого, порою чисто формального удовлетворения пожеланий Думы, между нею и морским министерством установился мир. С 1911 г. все просьбы правительства о кредитах на новое судостроение Думой удовлетворялись, с той лишь разницей, что если за строительство Черноморского флота Дума не только голосовала единогласно (разумеется, кроме социал-демократов и трудовиков), но и часто выступала с упреками правительству за недостаточное к нему внимание, то давать деньги на строительство Балтийского флота охотников было меньше.

Мы так подробно остановились на реформах, проведенных в Морском министерстве потому, что именно против него была направлена большая часть выступлений в Думе и именно в отношении Морского ведомства царское правительство нашло возможным пойти на максимум уступок. Размер этого максимума мы видели выше.

Подобные же мелкие реформы и реформочки были произведены и в военном ведомстве. В известной мере под влиянием думской критики был упразднен СГО, Генеральный штаб подчинен военному министру, от должностей генерал-инспекторов родов войск были удалены некоторые особенно бездарные великие князья. Но октябристы были и этим довольны. Перечисляя все сделанное в Военном министерстве в течение 1907—1908 гг. (уничтожение сверхштатных генеральских должностей, излишнего числа личных адъютантов, реорганизация учебных заведений, передача некоторых хозяйственных функций от строевых офицеров интендантским чиновникам и т.п. «грандиозные» реформы), Гучков в Думе заявлял: «В общем, надо сказать, пути намечены правильно и единственный упрек, который можно сделать, — это робость, нерешительность, с которой идут по этому пути, а также и то, что эти реформы, как бы они не были важны, все же не охватывают собой всей той области вопросов, которая должна быть поднята» (82, л. 626).

Царизм твердо выдерживал свой генеральный курс: развитие вооруженных сил, характер программ,

последовательность их выполнения должны быть прерогативой только одного человека — «верховного вождя армии». Даже правительство — безропотный исполнитель воли этого «вождя», а военный министр — простой чиновник по осуществлению полученных им от царя указаний. Поэтому-то Сухомлинов всячески подчеркивал свое пренебрежение к Думе, демонстративно отказывался посещать ее заседания и присылал для обсуждения военного бюджета помощников А.А.Поливанова, а затем ген. Вернандера. «В Государственной думе, — заявил Поливанову Сухомлинов, — я выступать не буду, государь этого не желает» (307, т. VII, с. 56). Именно за это демонстративное пренебрежение к Думе позже ему и пришлось поплатиться. По требованию либеральной буржуазии, он в годы войны был посажен в крепость и после Февральской революции судим и приговорен к каторге, как немецкий шпион и якобы единственный виновник неподготовленности царских войск к мировой войне. Но та же либеральная буржуазия сочувственно относилась к сменившему Сухомлинова А.А.Поливанову, который в канун войны был помощником военного министра и в качестве такового в первую очередь должен был отвечать за материально-техническое снабжение армии. Анализируя взаимоотношения Думы с военным министерством накануне мировой войны, старший товарищ председателя Государственной думы С.Варун-Секрет отмечал: «если наблюдалась вполне согласованная и солидарная работа Государственной думы и ее комиссий с представителями военного ведомства, то эта солидарность никак не относится к главе ведомства, к военному министру генералу Сухомлинову, который почти не показывался в стенах Таврического дворца» (82, л. 655).

Эта полная солидарность и согласованность происходила из одного: обоюдной и кровной заинтересованности и царского правительства, и буржуазно-помещичьих партий в наиболее полном и быстром развитии вооруженных сил России для подготовки их к успешной борьбе в приближавшейся империалистической войне. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим подробнее отношение различных политических партий России к предвоенной гонке вооружений.

§ 3. Отношение политических партий России к гонке вооружений

Впервые вопрос о развитии вооруженных сил III Государственной думой рассматривался в начале 1908 г. Речь, конкретно, шла о ежегодных ассигнованиях 32 млн руб. в течение 4 лет для строительства на Балтийском море 4 линейных кораблей дредноутского типа. Уже первые выступления членов правительства показали, какое значение придавалось ими всемерно-му развитию флота и армии. Великая Россия, утверждал Столыпин, должна иметь не только сильную армию, но и великодержавный флот. Он, без сомнения, не ограничится только четырьмя линейными кораблями. В предлагаемом Думе плане воссоздания флота пока «выдвигается одна передовая идея: весь план нашей морской обороны осуществить со временем, когда позволят средства, а теперь лишь поддерживать живую силу свободного флота и не перейти во второй разряд держав» (32, л. 11). Вместе с тем, уверял премьер, создание первой бригады новейших линейных кораблей имело бы для России и самостоятельное значение — «эта эскадра (так называл Столыпин четыре линкора. — *К.Ш.*) не только обслужила бы Балтийское море, но служила бы нашим мировым интересам при известных политических конъюнктурах» (там же, л. 9).

Аргументацию Столыпина развивал в своей речи и А.П.Извольский: «В настоящее время без флота, — заявил министр иностранных дел, — нельзя даже быть равноправным государством, а у России есть такие задачи, осуществление которых невозможно без основательной морской силы». Отметив, что после поражения в Русско-японской войне МИД России пришел к твердому убеждению о необходимости переориентации во внешней политике, и, в частности, «возвратиться от Дальнего Востока к Ближнему, где нам предстоит разрешение исконной нашей задачи», Извольский утверждал, что «блестящих успехов ожидать нельзя от одних лишь усилий Министерства иностранных дел, пока не оборудована материальная часть армии и не восстановлен флот» (там же, л. 17).

Итак, и соображения государственного престижа, и внешняя политика, и экономика¹ требуют, по мнению правительства, немедленно приступить к развитию вооруженных сил, а в том, что это государству вполне под силу, должно было убедить членов комиссии по обороне выступление министра финансов В.Н.Коковцова: «Конечно, было бы гораздо легче сказать, что денег нет. Но я этого не скажу. Могущество России на море и на суше должно быть восстановлено. Быстро ли пойдет это восстановление, или медленно — будет зависеть от внутреннего состояния страны, — но первые шаги на этом пути, а именно начать строительство флота, нужно сделать и немедленно (там же, л. 12). В своем выступлении перед членами думской комиссии Коковцов был явно не искренен и выполнял, по всей вероятности, прямое указание царя, настаивавшего на немедленном строительстве линейных кораблей. Всего за несколько месяцев до этого — в ноябре 1907 г., Коковцов решительно отказывал в увеличении кредитов на армию (см. 71, л. 2—12). То же произошло и через несколько месяцев после этого выступления, 10 июля 1908 г., когда Коковцов писал Столыпину, что отпускаемые по бюджету военному ведомству средства «должны рассматриваться по состоянию средств казны, как предельные в прямом смысле этого слова и решительно не допускающие каких бы то ни было увеличений, по крайней мере в ближайшие годы» (48, л. 2). Выполняя волю «верховного вождя армии», В.Н.Коковцов на флот деньги находил, а на армию — нет.

Однако, убедить даже правых и октябристов (кадеты из-за своей «неблагонадежности» в комиссию по обороне не были допущены) в необходимости немедленных ассигнований Столыпину не удалось. Через месяц, 3 марта 1908 г., вопрос о строительстве четырех линкоров разбирался вновь. Столыпин опять выступил с настойчивыми требованиями ассигнований на судостроение, начинать которое надо немедленно, не дожидаясь реформы и реорганизации Морского министерства, ибо если не доверяя теперешнему составу Морского ведомства не давать ему средств, то «флот

---

¹ Если будет отказано в кредите на флот, — предупреждал Столыпин, — надо знать, куда мы идем — мы этим останавливаем русское национальное судостроение» (там же, л. 11).

никогда не будет построен. Но тогда не нужно строить и железные дороги, потому что многие железные дороги плохо построены. Нужно закрыть все ведомства», — откровенно признавался премьер (293 «а», стб. 3010). К воссозданию флота, по мнению правительства, надо подходить не только из-за узко ведомственных интересов Морского министерства. Дело далеко не исчерпывается тем, что без нового судостроения казенные заводы придется закрыть, а рабочих рассчитать, «вопрос тут не в безработных, — уточнял премьер, — это вопрос полицейский» (там же, стб. 3009)¹. Скорейшее воссоздание вооруженных сил, в том числе и флота, одна из главнейших, основных целей правительства, без осуществления которой нельзя добиться ни «успокоения» внутри страны, ни поднять пошатнувшийся престиж царизма вне ее. Если Дума не даст на это средств, разъяснял Столыпин, то «решение ваше для правительства, которое надрывается, которому повелено создать план обороны государства, будет равносильно изъятию одного из краеугольных, одного из важнейших камней... Этот отказ, это будет остановка, это будет шагом назад в той задаче, которая проводилась государством в продолжении многих лет. И мне кажется, что при теперешнем мировом состоянии народов такая остановка гибельна» (293 «а», стб. 3011).

Но убедить участников заседания в необходимости начинать восстановление вооруженных сил с развития флота, Столыпин не смог. В «Особом мнении голосовавших» специально отмечалось единодушное убеждение всех членов заседания, «что кроме соответствующего развития наших боевых сил на Черном море, России необходима эскадра в Балтийском море не только для обороны побережья, но и для выхода в океан и в дальние моря, для защиты русского дела в той части земного шара, где обстоятельства того требуют» (там же, стб. 3016). России нужны и сильная сухопутная армия, и оборудованные порты, и легкие силы (эсминцы и подводные лодки), необходимы ей и современные линейные корабли. «Все это, — по при-

---

¹ В неопубликованной стенограмме это место в речи Столыпина звучит еще красочнее: «Я опять оговариваюсь, что меня тут совершенно не тревожит мысль, что мы выброшим тысячи рабочих на улицу — это вопрос полиции» (31, л. 370).

знанию членов комиссии, — для своего создания и поддержания требует больших материальных жертв, но перед этими жертвами народное представительство не остановится, т.к. их вызывают честь и безопасность государства. Во всем этом, повторяем, царило полное единодушие, но дальше мы разделились» (там же, стб. 3017). Голосование, соглашались члены комиссии, «разделило нас не по отношению намерений и задач наших, а лишь в смысле выбора наилучшего пути к достижению общей всем нам цели».

Рассмотрим теперь подробнее, каково было отношение различных партий к развитию вооруженных сил царизма, и что же заставляло каждую из них голосовать против первой программы строительства Балтийского флота, строительства, которому царизм придавал, как мы видели, столь большое принципиальное значение.

Правые. Это были представители самых агрессивных, самых реакционных кругов правящих классов. Везде и всюду, — в Думе, в прессе, — они яростно кричали о необходимости «сильной», «грозной» и т.п. России под скипетром самодержавного монарха. Откровенный великодержавный шовинизм определял их внешне- и внутривполитические взгляды. Убеждение в возможности разрешить внутренние трудности за счет внешнеполитических успехов и надежда поживиться за счет захватов, заставляла правых ратовать за все новые и новые ассигнования на вооруженные силы. «Одного окна в Европу нам мало» — «Наше государственное здание не может считаться законченным до тех пор, пока мы не будем иметь парадной двери, а эту парадную дверь мы получим только тогда, когда в нашем распоряжении будет свободный, не замерзающий порт на океане»... «В настоящее время происходит раздел мира. Этот раздел мира не может совершиться помимо России, потому что иначе мы окажемся в хвосте других держав» (285, стб. 1308). Подобными фразами были пересыпаны все выступления любого правого оратора. Отсюда логично вытекало требование первостепенного внимания к вооруженным силам царизма, максимального сокращения «мирных» расходов для более полного удовлетворения нужд армии.

К этим же выводам правых приводил и их исторический опыт управления Россией, опыт, который диктовался только одним: страхом перед новой революцией и убеждением, что избежать ее и сохранить само-

державную Россию можно лишь не делая никому никаких уступок. Только голое насилие спасет самодержавие, а для этого нужна прежде всего сильная армия. Именно с ее восстановления и надо начинать обновление вооруженных сил. «Армия защищает нас не только от внешнего врага, как флот, — заявлял Крупенский, — но вместе с тем и от внутреннего... Если вы посмотрите на смету военного министерства, то увидите там более 50 млн руб., которые ассигнованы на то, чтобы мятежи, которые поднимаются слева, были усмиряемы» (285, стб. 1247).

В плане борьбы с «внутренним врагом» флот оказывался не только совершенно бесполезным, но даже более того — становился угрозой царизму, ибо именно моряки шли во главе революционного движения, увлекая за собой и армию. Вслед за «Потемкиным», в том же 1905 г., произошли восстания матросов в Свеаборге, Владивостоке, Севастополе, Баку. «В ту минуту, когда мы здесь говорим, — утверждал 24 мая 1908 г. Пуришкевич, — в Кронштадте для охраны мирных жителей Кронштадта держатся пехотные части, а Кронштадт полон моряков. Что это значит? Не служит ли это доказательством того, что тот элемент, который должен быть элементом силы и порядка, не представляет собой той дисциплинированной стройной массы, на которую могли даже положиться, коей можно вверить не защиту в дни войны, а в мирное время охрану жителей» (285, стб. 1389). Не лучше обстоит дело и с Черноморским флотом. «Каждый раз, когда отходит в плавание наша Черноморская эскадра., я боюсь, чтобы в ней не нашлось "Потемкина", а на "Потемкине" не оказался бы Матюшенко» (там же, стб. 1388). В этих условиях давать деньги на строительство новых кораблей, как заявил Марков II одному из руководителей Морского министерства, — «только увеличивать число бунтарей» (251, л. 35).

До тех пор, пока в Морском министерстве не будет наведен должный порядок, который даст хоть какие-нибудь гарантии не только от новой Цусимы, но и от нового «Потемкина» и новых матросских восстаний, правые призывали своих единомышленников отказывать правительству в ассигнованиях на флот и все, вплоть до последней копейки отдавать армии. Однако такая «строптивость» правых продолжалась недолго.

Как только «сферы» на них цыкнули, от оппозиционности правых не осталось и следа. По собственным словам, они «сложили свое мнение в карман» и стали ратовать в равной степени и за максимальное развитие армии и за всемерное усиление флота.

Октябристы. Их позиция немногим отличалась от платформы правых, ибо в значительной мере определялась теми же страхами и опасениями. Но к ним прибавлялось еще убеждение в том, что одно правительство без всесторонней помощи буржуазии справиться с важнейшим делом реорганизации армии и воссоздания флота не сможет. Правительство, как мы видели выше, понимало, что ему нельзя идти против правого большинства Думы и поэтому допускало на известных условиях вмешательство этого большинства в вопросы обороны. По меткой характеристике С.Ю.Витте, «как бы состоялось между вожаками большинства Думы и Столыпиным такое соглашение: «Вы, вожаки Думы, можете играть себе в солдатики, я вам мешать не буду, тем более, что здесь я уж совсем ничего не понимаю, а зато вы мне не мешайте вести кровавую игру виселицами и убийствами под вывеской полевых судов без соблюдения самых элементарных начал правосудия» (313, т. III, с. 498).

Суть октябристской «игры в солдатики» довольно точно изложил в одном из своих выступлений постоянный докладчик комиссии по делам государственной обороны Н.В.Савич: «Мы должны были убедиться, что деньги нужны, и именно нужны были в прошлом году, и именно на ту цель, на которую они испрашивались... Мы должны были убедиться, что по общему ходу дел эти ассигнования своевременны и целесообразны... При этом мы, конечно, исходили из того же самого положения, из которого исходило и правительство» (286, стб. 994). Правда, октябристы считали, что России необходим военно-морской флот, однако еще более необходима сухопутная армия. Именно поэтому развитие того и другого должно было быть строго согласовано, причем приоритет во всех вопросах должен оставаться за армией. Развитие флота надо поставить в определенные рамки — «мечтать о том, чтобы догнать Германию, мечтать об этом не приходится. Наша армия не в таком блестящем положении, чтобы сейчас мы все силы могли обратить на флот; нам нужно раз-

вить прежде всего и раньше всего нашу главную задачу, нашу главную опору — нашу армию» (286, стб. 1385).

Сколько бы ни требовало военное министерство средств для развития армии, оно ни разу не получало отказа от думского большинства. Более того — октябристы беспрестанно упрекали его руководителей в том, что они мало требуют средств, понуждали их просить еще и еще. Создалось парадоксальное положение — военные министры вынуждены были оправдываться перед октябристами в том, что они просят... очень мало! Каждый из руководителей военного ведомства придерживался в таких объяснениях своей тактики. Честный А.Ф.Редигер прямо заявил, что дело в том, что правительство не разрешает ему просить у Думы больше средств, чем казначейство в состоянии выделить. «Мне было поставлено здесь в упрек, что министерство робко требует средств на то, чтобы восполнить недостатки нашей армии. Этот упрек напрасный. Военное министерство выяснило все нужды, и если оно не предъявляет Государственной думе в настоящее время более значительных требований, то это только под давлением необходимости, — отвечал министр на обвинение А.И.Гучкова, — вследствие того, что на основании постановления Совета министров, которому лучше известно финансовое положение России, чем мне... дальнейшие шаги в этом отношении являются невозможными» (82, л. 631).

На смену прямодушному А.Ф.Редигеру пришел более «дипломатичный» Сухомлинов, который хорошо знал, что его предшественник был смещен с поста министра за откровенное высказывание в Думе своих мнений. Сухомлинов избрал другую тактику: в своих редких думских выступлениях он не перекладывал вины за «скромные» просьбы о кредитах на правительство, а уверял Думу, что отпускаемых военному ведомству средств вполне достаточно, и если обнаружится какая-либо дополнительная нужда в средствах для развития армии, он войдет в Думу со специальным законопроектом. (В скобках напомним о неоднократных требованиях тем же Сухомлиновым все новых и новых средств, которые он беспрестанно обращал к главе правительства В.Н.Кокцову.) Именно поэтому позже Сухомлинов и стал в глазах либеральной буржуазии

единственным виновником: Дума предлагала ему не стесняться в расходовании средств на армию, а он уверял, что армия всем снабжена в достаточной мере.

Выше мы видели, что Николай II поддержал планы Морского министерства о первоочередном развитии флота и не стал считаться ни с оппозицией СГО, ни с мнением многих генералов, требовавших внесения в законодательные органы единого плана обороны государства. В 1908 г. была внесена первая Морская программа, но Дума единодушно отклонила кредиты на строительство четырех линейных кораблей для Балтики. По повелению царя, Столыпин лично выступил в Государственном совете (240, л. 1—16) и добился его согласия на отпуск необходимых кредитов, которые и были даны морскому министерству «в порядке верховного управления страной». Ясно выраженная этим решением воля царя заставила правых изменить свою позицию. Раньше, заявил один из их лидеров Н.Е.Марков, мы голосовали против строительства линейных кораблей, теперь «все наши мнения мы складываем в карман, подчиняемся воле нашего самодержца и ассигнуем деньги, необходимые для постройки броненосцев. Вот почему фракция правых будет голосовать этот вопрос единогласно» (287, стб. 1563).

Как видим, очень немного надо было для того, чтобы сломить «сопротивление» правых строительству флота. Октябристы «держались тверже». Воля монарха и для нас закон, заявляли они, но, продолжая отказывать в кредитах на новое судостроение, «мы идем не против воли монарха, а по пути воли, которая выражается в том, чтобы ведомство выяснило свое положение, встряхнулось и вступило на новый путь» (там же, стб. 1564). Для того, чтобы убедиться, что ведомство уже «вступает на новый путь», они потребовали сенаторской ревизии, которая была заменена царем обследованием хозяйственной деятельности Морского министерства тремя членами Государственного совета.

Проведенная ревизия, наряду с некоторыми, иногда существенными, иногда чисто формальными реформами Морского ведомства, удовлетворила октябристов, никогда в принципе и не выступавших против необходимости для России иметь мощный линейный

флот. Зная, что в СГО и в военном ведомстве высказываются возражения против чрезмерного увлечения маринизмом, Гучков, в частности, не соглашался с подчинением Морского ведомства юрисдикции СГО, ибо в последнем «есть противники его дальнейшего развития» и подобным подчинением «мы чрезвычайно обездолим Морское ведомство и поставим очень серьезную палку в колесо дальнейшего развития морского дела» (293 «а», стб. 3170). Стремясь обеспечить России великодержавный флот, октябристы летом 1911 г. впервые проголосовали за кредиты на четыре балтийских линкора. В основе наших прежних отрицательных голосований, заявил Звегинцев, были две причины: была прямая материальная невозможность Морского ведомства создать эти корабли и была моральная его несостоятельность (37, л. 25). Именно поэтому, продолжал он далее, мы в течение 3-х лет «боролись» с Морским министерством, боролись по убеждению октябристов не безуспешно. «Весь этот успех нам нельзя было бы зарегистрировать, если бы не завенчалось это дело ревизией из трех членов Государственного совета. Ревизия эта подтвердила от слова до слова все те указания, которые давались с этой трибуны» (там же, л. 26). Поэтому только теперь октябристы будут голосовать за 4 линкора для Балтийского флота. Так, летом 1911 г. Дума отпустила, наконец-таки, кредиты на корабли, строительство которых фактически началось уже с ноября 1909 г., а решение Николая II о их закладке последовало еще в июне 1907 г.

Вскоре с весны 1912 г. перед Думой возникла значительно большая так называемая «Программа усиленного судостроения Балтийского флота». Она отличалась от первой программы не только своими размерами (4 линейных крейсера в 32 тыс. т. водоизмещения каждый, 8 легких крейсеров, 36 эсминцев, 12 подводных лодок и вспомогательные суда), но и тем, что, как всем хорошо было известно, представляла собой первую часть грандиозного «Закона о флоте» и утверждение этой первой части, по сути дела, предreshало создание в недалеком будущем грозного «великодержавного» флота. Правые от этой программы были в восторге. «Я полагаю, — заявлял Пуришкевич, — что

здесь неуместно было бы члену Государственной думы, русской Государственной думы, говорить о том, что мы не должны преследовать мировых, великодержавных задач», именно поэтому он считал, что «каждый час, каждая минута, каждая секунда отсрочки ассигнований на флот, это уже есть государственная измена и государственное преступление» (40, л. 361).

Отношение октябристов к программе 1912 г. было противоречивым. Чувствуя настроения «сфер» и искренне выступая за всемерное развитие военно-морских сил, большая часть из них была готова поддержать требование правительства. Меньшая же часть (во главе с А.И.Гучковым) придерживалась прежних убеждений — сначала армия, а уж затем флот. В заседание комиссии по обороне гучковская фронда не явилась. Накануне заседаний бюджетной комиссии октябристы устроили двухдневное совещание бюро фракции, в результате которого члены бюджетной комиссии — противники флота были заменены сторонниками ассигнований на флот, а перед пленарным заседанием Думы октябристская фракция приняла решение не связывать своих членов каким-либо предварительным обязательством, предоставив каждому голосовать по своему усмотрению.

Возражавший в заседании Думы против программы октябристский «лидер» оказался чуть ли не в единственном числе. «Я всегда настаивал на новых ассигнованиях и еще больших ассигнованиях, говорил, что ведомство (сухопутное. — *К.Ш.*) слишком мало у нас спрашивает» (40, л. 89), — заявил А.И.Гучков. «Зияющие нужды нашей обороны» требуют, по его словам, новых и новых ассигнований на армию, а правительство в ущерб ей большую часть средств отдает флоту. «И вот, гг., мое главное возражение, мой главный страх перед этой морской программой. Мы увлекаемся важной, но все же второстепенной задачей, и мы упускаем главную задачу» (там же, л. 92) — первоочередное развитие сухопутной армии (и Черноморского флота, против спешного строительства которого Гучков отнюдь не возражал). Однако почти никто из октябристов не последовал за своим «лидером». Подавляющее большинство их согласилось с А.И.Звегинцевым, который ратовал за ассигнования на судострое-

ние в полном размере. Голосами правых и октябристов и была утверждена в канун войны эта программа строительства Балтийского флота.

Кадеты. Перед мировой войной именно эта партия с примыкающими к ней родственными политическими группировками (прогрессисты и т.п.) стала главной партией русской буржуазии. Правое крыло кадетов, возглавляемое П.Б.Струве, открыто провозгласило полную идентичность своих взглядов с интересами российского империализма (см. 381), кадетский лидер П.Н.Милюков делал это же немного тоньше, но тоже совершенно ясно и последовательно. Давать развернутую характеристику внешнеполитических убеждений кадетской партии — не наша цель. Мы покажем только одно — как внешнеполитическая ориентация кадетов отражалась на отношении их к развитию вооруженных сил царизма.

К планам царизма в области внешней политики, заявлял в ЦК партии лидер кадетов П.Н.Милюков «наше отношение должно быть иное, чем во внутренней: менее партийное... Мы должны выразить мнение по возможности общенационального значения, стоять на внепартийной точке зрения» (231, л. 2). Однако вполне естественно, планы кадетов и царизма не сливались воедино, между ними имелись отличия. И одним из них было то, что кадеты требовали проведения на Балканах даже более агрессивного курса, чем царские министры¹. Именно кадеты стали наиболее яркими проповедниками славянофильских теорий, вкладывая в них, в соответствии с духом времени, новое, откровенно империалистическое содержание: «славянским вопросом необходимо интересоваться не в силу сродства и сентиментальных славянофильских мотивов, — утверждал Милюков, — а потому, что он представляет собой часть международного русского вопроса... Славянство — даровая сила против германизации Балкан и эту силу надо использовать» (229, л. 29). Для чего? На этот вопрос тот же Милюков дал

---

¹ Дело зашло столь далеко, что ЦК партии даже посчитал нужным слегка одернуть слишком зарвавшегося Милюкова и редактируемую им «Речь» — см. там же, л. 11. Заключение председательствовавшего на заседании М.М.Винавера.

в открытом заседании Думы совершенно определенный ответ: «При будущем делении сфер влияния или территориальных приобретений, что же останется нам? Об этом вопросе говорить считается неудобным, но и умолчать нельзя. Это вопрос о проливах» (289, стб. 2227).

В своей среде Милюков был еще более конкретен. «Для России трудно довольствоваться просто нейтрализацией проливов, для нее нужны и куски территории по берегам проливов», — заявил он в заседании ЦК 12 октября 1912 г. (231, л. 24). Его поддержал другой столп российского либерализма П.Б.Струве. В борьбе за осуществление стоящих перед Россией внешнеполитических задач, заявил он, надо «не отделять себя от других элементов общества, использовать здоровый инстинкт даже у «Нового времени». ...Мы одна из самых мощных стран. Мы могли бы говорить таким языком, что все бы попрятались в нору» (231, л. 226).

Вполне естественно, что при таком внешнеполитическом курсе вооруженным силам России отводилось отнюдь не последнее место. «Игнорируя нашу армию, наша дипломатия ошиблась бы» (231, л. 7), — считал Милюков. Стоит ли удивляться, что большинство кадетских лидеров было твердо убеждено в том, «что если возможна перспектива раздела Турции, то Россия будет вполне права, если она будет стараться не только подравняться к противникам (в смысле вооружений. — *К.Ш.*), но и превосходить их» (232, л. 111).

Однако несмотря на столь определенные заявления, в некоторых случаях (например, при увеличении контингента новобранцев в 1914 г., при обсуждении в Думе «Большой программы усиления армии»), кадеты голосовали против. Причины этого были весьма разнообразны. Кадеты по собственным словам числились «оппозицией его величества» и в качестве таковой вполне естественно *должны были* произносить иногда оппозиционные речи. «Если мы и захотим стать рядом с Марковыми, — откровенно признавался один из их лидеров, — нам все равно не поверят: мы будем лишь Марковыми второго сорта» (231, л. 6), именно поэтому в погоне за популярностью кадеты очень часто занимались обычной демагогией и говорили с думской

трибуны отнюдь не то, что думали¹. Такая политика облегчалась для них тем, что от кадетских голосов ничего не зависело и они смело могли голосовать против кредитов на армию и флот в полной уверенности, что не повредят подготовке России к войне. «Всякий наш вотум, — подчеркивал один из кадетских членов Думы, — положительный или отрицательный, будет шагом чисто академическим, т.к. не от нас будет зависеть провести или отвергнуть военные ассигновки; наше решение имело бы только значение политической манифестации» (230, л. 14). И подобные манифестации с пышным фейерверком речей Милюкова, Шингарева, Челнокова, Гессена кадеты устраивали не раз. Демагогии в их выступлениях содержалось достаточно, и в ней была одна из причин некоторых голосований против ассигнований на армию и флот.

Однако в этих отказах, без сомнения, присутствовал не только расчет «на публику», но и «искреннее и горячее желание» вывести царское правительство на «настоящий разумный и свободный путь плодотворной работы» (293 «а», стб. 3085). Кадеты, подобно правым и октябристам, тоже боялись, что старые порядки приведут к новой Цусиме и Мукдену, результатом которой будет новая революция. Поясняя свое отношение к будущей войне, тот же Шингарев не делал никаких принципиальных различий между правыми, октябристами и кадетами: «Войны боится и центр, и крайняя правая, — потому что боятся революции. Нет ни одной политической группы в Думе, которая подходила бы к войне с легким сердцем» (231, л. 8). Поэтому пускаться на легкомысленные и плохо подготовленные «предприятия» было, по мнению кадетов, совершенно невозможно. «При современном состоянии страны, — отмечали они, — война явилась бы в выс-

---

¹ Кадеты были сторонниками развития Черноморского флота, однако даже при этом непрочь были «сыграть в оппозицию». На заседании парламентской фракции 3 мая 1911 г., когда разбиралось отношение фракции к программе строительства Черноморского флота 1911 г. В.М.Челноков выступил с таким предложением: «По существу строить броненосцы на Черном море следует, но тем не менее было бы осторожнее (!) и правильнее (?) голосовать против ассигнований на их постройку» (228, л. 27).

шей степени рискованным шагом не только с внешней стороны, но и со стороны возможных внутренних осложнений... К попытке агрессивной политики надо отнестись с большим вниманием и осторожностью» и ни в коем случае «нельзя допустить, чтобы при возникновении таких проблем страна находилась в состоянии неподготовленности» (232, л. 2).

Подготовка же к войне должна была, по мысли кадетов, заключаться не только в развитии вооруженных сил, но требовала известной реорганизации всех ведомств, прежде всего военного и морского. В борьбе за реорганизацию третьеиюньской монархии, за реформы, «мы избрали как бы точкой самого слабого сопротивления, в наших спорах и прениях по отношению к правительству, именно Морское министерство. Разве так исключительно, — восклицал Челноков, — то, что делается в этом министерстве, и разве не повторяется то же самое в целом ряде других министерств?» (286, стб. 1038). «Морское ведомство, и все остальные наши ведомства будут сильны только тогда, — продолжал он далее, — когда правительство пойдет рука об руку с народным представительством, когда оно признает за нами те права, которые нам принадлежат по закону, и когда мы будем в состоянии эти права осуществлять» (там же, стб. 2040). Кадеты, подобно октябристам, тоже хотели использовать нужду правительства в Думе для утверждения военных ассигнований, чтобы поставить перед царизмом «свои требования». И в этом была вторая причина некоторых голосований их против ассигнований на развитие вооруженных сил. «Наш отказ в кредите (на "Большую программу" военного министерства. — *К.Ш.*) имеет весьма определенный смысл: желание, чтобы или это правительство ушло или переменяло свою тактику», — заявил Милюков в Думе. Разъясняя это высказывание, П.Н.Милюков писал позже: «Всякая попытка толковать его какими-либо антимилитаристическими соображениями была бы неправильна и опровергалась бы целым рядом других голосований фракции за вооружения. Ближе всего голосование 1914 г. стоит к подобному же голосованию большинства Третьей Государственной думы против кредитов на новые броненосцы,

вызванному желанием вызвать коренную реформу порядков в ведомстве, получившем название «цусимского» (241, л. 3).

Вполне естественно, что более левые кадеты шли в этих требованиях дальше октябристов. Для большинства последних важно было одно: убедиться в том, что правительство в состоянии рационально использовать кредиты для осуществления своих планов, в суть которых они считали для себя входить невозможным. Не нам, заявляли они «судить о том, какие корабли строить, и строить ли крейсера или броненосцы, строить ли миноносцы или подводные лодки. — Это дело не наше, это дело компетентных специалистов» (286, стб. 994). Кадеты считали иначе, они требовали более широкого подхода к делу, хотели, в частности, поставить «вопрос о значении флота вообще в системе русской государственной обороны» («Речь», 1912, № 120, 122). Формулируя при первом же рассмотрении в Думе отношение русской демократии к планам развития вооруженных сил царизма, один из кадетских журналов («Наш век», 1908, № 966) считал, что есть лишь три принципиальных подхода к ним: первый, по принципу «чем хуже — тем лучше». Пусть правительство ассигнует миллиарды и ничего не создает на них. Затраченные миллиарды будут миллиардами, выброшенными на воздух. Это будет колоссальная демонстрация убожества, невежества и злоупотреблений. Это будет всемирное посмешище с трагическим исходом». Все это было бы, по мнению кадетов, еще полбеда. Беда в том, что это будет в то же время неисчерпаемый материал для революционизирования умов и обострения революционного настроения в народных массах, а «того, что дано последней войной достаточно, слишком достаточно». Нет, говорил кадетский орган, формула «чем хуже — тем лучше» для нас не годится.

Второй возможный подход: «Это не наше дело» или «все программы для нас одинаково неприемлемы». Подобные мысли — схоластика и школярство. Демократии, утверждали кадеты, необходимо взглянуть правде в глаза: при данных исторических условиях, расходование нескольких десятков миллионов на флот и армию не может быть реально уничтожено в государственном бюджете никакими человеческими и сверхчеловеческими силами; а поэтому для страны и

народа «важно, чтобы эти миллионы были истрачены не скверно, а хорошо». Настаивать на безоговорочном прекращении всяких ассигнований на вооруженные силы до тех пор, пока не произойдет полный переворот в правительственном режиме — также утопично, как, например, требовать закрытия телеграфа и почтовых учреждений на том основании, что департамент полиции занимается перлюстрацией писем. Это, утверждали кадеты, недостойно серьезной партии, нереально, утопично.

Итак, — подводил итог «Наш век», — остается только одна приемлемая и прочная точка зрения: военный бюджет это наше дело, как и весь бюджет, военные расходы — это наши деньги, и будущая программа развития вооруженных сил подлежит всенародной оценке, должна быть подчинена народным интересам. Представители демократической оппозиции, — считали кадеты, — могут и обязаны предъявить свои требования, выставить свои условия, те условия, которым должны удовлетворять организация военного дела, с точки зрения экономики, духовных сил страны.

В Думе и прессе кадеты часто сетовали на то, что их не допустили в комиссию по государственной обороне, неоднократно возражали против закрытых обсуждений. В своей же среде были откровенны и считали вполне допустимым участие в тех закулисных совещаниях с правительством, на которые царские министры соизволят их пригласить. Так, Рижская группа кадетской партии внесла на конференции 1914 г. специальную резолюцию, в которой предлагала считать участие кадетской фракции в совещаниях с правительством по вопросам обороны и внешней политики «вполне допустимым, независимо от приглашения крайних левых» (230, л. 74).

По глубокому убеждению кадетов, сам подход правительства к вопросам развития вооруженных сил, был неверен. Именно это убеждение и было причиной, заставлявшей кадетов голосовать против ассигнований на новое судостроение на Балтийском море. Начинать надо, считали кадеты, с создания общего плана развития всех вооруженных сил. «Мы должны требовать от правительства, чтобы нам был представлен полный план тех действий, которые оно считает необходимыми для правильной организации обороны, чтобы нам

был представлен полный счет того, что это будет стоить» (287, стб. 1486), чтобы правительство определило источник средств, из которого должны быть покрыты эти расходы. В этом плане каждому из флотов России должны быть поставлены точные задачи, для выполнения которых и заложено определенное число кораблей, а главное надо твердо помнить, «что для России армия всегда будет иметь первенствующее значение, а флот только подсобное и притом с задачами чисто второстепенными» (235, л. 15; 29, л. 18). Правительство же склонно рассматривать флот «не как реальную военную силу, на которую в известном месте и при известных условиях должна будет опираться армия, а как средство поддерживать неизвестно где какие-то довольно фантастические торговые интересы». «Нам нечего стремиться, — заявляли авторы цитируемой «Записки», — переשהголять первые флоты мира в постройке сверх-кораблей» (там же, л. 5, 23).

Решительно возражали кадеты и против утверждений правительства о том, что немедленная закладка линейных кораблей на Балтийском море нужна для загрузки казенных заводов. Эти заводы настолько запущены, строят так медленно и дорого, организация управления ими в такой степени не соответствует требованиям жизни, что, по мнению кадетов и прогрессистов, целесообразнее отказаться от их услуг: «неудачный способ казенного судостроения заставляет серьезно поставить вопрос об организации частного судостроения» (246, л. 18).

Подводя итог двухдневному обсуждению в Государственной думе «Программы усиленного судостроения Балтийского флота», А.И.Шингарев от имени кадетской фракции заявил: «Политическая часть проекта нам кажется подозрительной, техническая сомнительной, финансовая ошибочной... Вотируйте деньги на флот, но вы будете ответственны в том горе, которое можете причинить!» — патетически воскликнул он (41, л. 41). Ни разу за все предвоенные годы кадеты не согласились голосовать за строительство линейных кораблей на Балтийском море. Для подобного судостроения кадеты, вместе со всеми остальными буржуазными и помещичьими партиями видели только одно возможное место — Черное море — и только одно оправдание — проливы.

При строительстве Черноморского флота создано оригинальное положение: уже не правительство убеждало упирающуюся Думу в необходимости ассигнований на новые корабли, а, наоборот, эта последняя требовала от правительства обратить первостепенное внимание на развитие морских сил юга страны, не останавливаясь при этом даже перед курьезными обвинениями царских министров в самых тяжких преступлениях (288, с. 69). Дума придавала столь большое значение развитию Черноморского флота, что связывала свое отношение к Морскому министерству и проводившимся в ведомстве реформам с отклонением или утверждением правительством планов его строительства.

В марте 1910 г. правительство внесло в Думу десятилетний план развития вооруженных сил страны, в котором предполагалось запланированные на подготовку к войне средства поделить приблизительно между армией и флотом и отдать явное предпочтение развитию Балтийского флота перед Черноморским. Чувствуя отрицательное отношение Думы к этому плану, Столыпин устроил у себя на Елагинском острове секретное совещание из нескольких министров, высших чинов военного и морского ведомств и представителей комиссии Государственной думы по обороне (249, л. 41). На совещании Столыпин заявил, что интересы страны требуют «выхода из тупика», созданного конфликтом Думы с Морским министерством. «Вот этим заседанием у главы правительства, — вспоминал Савич, — мы и воспользовались, подняли во весь рост вопрос о срочном усилении Черноморского флота и связали с ним вопрос о благополучном разрешении нашего конфликта с ведомством». Столыпин пытался смягчить остроту спора заявлением, что если будет необходимо, правительство ассигнует средства на Черноморский флот, но руководители Морского министерства не склонны были идти на компромиссы. «Если у нас есть средства на постройку сверх балтийских дредноутов еще несколько кораблей подобного типа, — заявил начальник МГШ адм. Эбергард, — то их следует строить на Балтике, а не на Черном море». «С этой точкой зрения мы согласиться не могли, — продолжал Савич, — опять мы с правительством не договорились, конфликт не был улажен» (там же).

Действительно, требования немедленного строительства Черноморского флота впервые раздались именно в Думе. Мощный флот на Дальнем Востоке — отдаленная мечта; необходимость линейных судов в Балтийском море — легко оспорима. «Но, гг., у нас есть третье место, о котором слишком мало пока говорилось, и вероятно, слишком мало и думалось даже в Морском министерстве: Я, гг., говорю о Черном море», — заявлял в Думе один из ее депутатов в марте 1910 г. Именно «на Черном море место для реального значения, для реального влияния русского флота», именно здесь «должно главным образом быть сосредоточено в данное время все наше судостроительство» (287, стб. 1490).

Через год комиссия по обороне, рассматривая бюджет Морского министерства на 1911 г., высказала особое пожелание о том, «чтобы правительство незамедлительно предприняло надлежащие меры для обеспечения обороны на Черном море» (238, л. 2), а бюджетная комиссия, подчеркнув в своем докладе «бездеятельность Морского министерства», с опаской заявляла, что «мы рискуем теперь потерять наше положение на Черном море. Нужны самые энергичные усилия, чтобы предотвратить такое несчастье, последствия которого трудно оценить» (293 «а», с. 34).

Даже получив первую черноморскую программу 1911 г., законодатели Российской империи по-прежнему продолжали настаивать на необходимости приоритета Черного моря над Балтийским. Так, утверждая в 1912 г. для последнего «Программу усиленного судостроения», «Финансовая комиссия заметила однако, что главное внимание в ней уделяется морским силам на Балтийском море». Не отрицая важности и Балтфлота, комиссия, по ее словам, не могла, вместе с тем, не обратить внимания на то, что наиболее существенные экономические интересы России тесно связаны с преобладанием на Черном море. Главный экспорт хлеба происходит из портов этого моря, а поэтому защита черноморских берегов и свобода дальнейшего морского пути имеет для России, как страны по преимуществу земледельческой, первенствующее значение (30, л. 102 «б»).

Стремление захватить проливы и гарантировать безопасность вывоза из России хлеба и других сель-

скохозяйственных и промышленных товаров и определяло отношение к строительству Черноморского флота представителей буржуазно-помещичьих партий: «Что касается Черного моря, то на нем мы броненосцев не отрицаем — они будут там соответствовать тому, что нужно, — заявлял М.В.Челноков. — ...Таким образом на Восточный (Тихий. — *К.Ш.*) океан приходится махнуть рукой, для Балтийского моря требовать плана, а на Черном море — приступить, скрепя сердце, к тому, что упущено» — и побыстрее закладывать мощные линейные корабли (227, л. 223). «По существу, — утверждал и Милюков, — фракция народной свободы не возражает против флота (смех справа, голоса: в добрый час, но без денег). Мало того, с теми оговорками, которые были представлены моим товарищам, фракция не выступает даже против линейного флота (голоса: о-о, звонок председателя)» (38, л. 4). Кадеты, говорил он, выступают только противниками строительства Балтийского флота, ибо, по их мнению, война в Европе, в ближайшее время мало вероятна. «Вот, гг., на Ближнем Востоке, там дело иное... Я признаю, что на Ближнем Востоке катастрофа возможна, что она возможна в некоторые времена чуть ли не каждую минуту» (там же, л. 116), поэтому нужно строить флот только на Черном море, а все остальные средства уделить укреплению сухопутной армии. Это, убеждал он депутатов, полностью соответствует не только интересам России, но и интересам ее союзников. «Я думаю, что всякий англичанин при здравом суждении опять должен повторить, что скажет всякий француз: лучше эти деньги потратить на сухопутную армию и лучше предоставьте нам строить корабли дешевле вас, гораздо лучше вас» (там же, л. 125).

В отношении к судостроительным программам с кадетами полностью были солидарны и *прогрессисты*. «Можно быть сторонниками, самыми горячими, постройки флота в Черном море и быть решительным противником постройки Балтийского флота» (37, л. 5), заявил выступавший от фракции прогрессистов Уваров, а Федоров I был еще более откровенен: когда мы голосовали против строительства Балтийского флота, утверждал он, «ни у кого из нас не было уверенности в том, что этот Балтийский флот нужен для

нас., но в Черном море дело совершенно другое. Поэтому, если мы будем говорить, что не доверяем Морскому ведомству, что мы не хотим давать ему этого ассигнования, если мы будем так смотреть на эту точку зрения (!), то мы можем попасть в положение унтер-офицерской вдовы, которая сама себя высекла» (36, л. 65).

Для того, чтобы не оказаться в незавидном положении этой глупой вдовы, и помещицья партия правых, и буржуазно-помещицья октябристская партия, и наиболее буржуазные по-своему характеру партии кадетов и прогрессистов, не только дружно голосовали за развитие Черноморского флота, но и выступали инициаторами его спешного строительства. Проливы были таким узлом, в котором тесно переплетались интересы «благородного» дворянства и империалистические устремления русской буржуазии. Общность внешнеполитических целей буржуазии и помещиков заставляла их партии поддерживать политику царского правительства в отношении развития вооруженных сил. Разногласия среди этих партий не носили принципиального характера и вся «борьба» сводилась к частностям — с чего начать восстанавливать вооруженные силы — с развития армии или флота? Какому из флотов отдать предпочтение — Балтийскому или Черноморскому?

Только *социал-демократы и трудовики* безоговорочно выступали против всяких ассигнований военному и морскому ведомствам. Условия царской России с ее реакционным строем, ограничивавшим возможность для революционеров высказывать свои убеждения в легальной прессе, зачастую оставляли для них открытым только один способ обращения к массам — нелегальные издания. ЦК РСДРП, местные организации, выпустили не один десяток листовок, где ясно высказывали свое отношение к развивавшейся в стране гонке вооружений: «Во имя наживы, во имя корысти стоит старый мир коленопреклонный перед идолом милитаризма, — писалось в листовке ЦК РСДРП в апреле 1908 г. — Последние народные гроши тащит он на алтарь его, каждый год он собирает с народа кровавый налог — рекрутчину и обрекает цвет и красу народных сил на годы отупляющей и растлевающей

казарменной жизни. Ему нужны эти миллионные армии, чтобы держать в цепях рабства пролетариат, чтобы творить грабежи и насилия, именуемые войнами» (Цит. по 361, с. 17).

Чем быстрее шла подготовка империалистических государств к Первой мировой войне, тем решительнее и чаще выступали социал-демократы с разоблачением сути гонки вооружений. Особого размаха их антивоенная агитация ежегодно достигала в канун международного праздника пролетарской солидарности — 1 Мая. И в легальной прессе «Звезда», «Наш путь», «Правда» и др., и в зарубежных органах РСДРП публиковались десятки статей, в которых социал-демократы выражали свое отношение к милитаризму, объясняли рабочим и крестьянам связь агрессивной внешней политики с реакционной внутренней.

Социал-демократы в борьбе с милитаризмом широко использовали не только нелегальные методы. Речи против гонки вооружений раздавались и в различных легальных организациях, и особенно часто — в Государственной думе. Ни одна военная и военно-морская программа правительства, ни один ежегодный бюджет военного или морского министерства не проходил через Думу без того, чтобы члены социал-демократической и трудовой фракции не обнажили их подлинный характер.

Член социал-демократической фракции III Думы Н.П.Покровский 2-й говорил, что причина, вызвавшая требования ассигнований на развитие армии и флота, заключается в стремлении переделить мир и в том, что царизму на время удалось подавить революцию и выйти из трудного экономического положения, в котором он ранее находился. «Я думаю, — говорил он, — что к этому (к развитию вооруженных сил царизма. — *К.Ш.*) побудило правительство просто свободная наличность, которая зазвенела в государственном казначействе. Еще в прошлом году, когда министр финансов докладывал об этой свободной наличности и когда здесь нынче оглашали торжествующие речи об этой свободной наличности, мы указывали, куда уйдет эта свободная наличность: конечно на военно-морские затеи» (36, л. 94). И вот теперь, чуть только страна стала выходить из экономического кри-

зиса и полосы неурожайных лет, царизм потребовал сотни миллионов рублей на подготовку мировой войны. Социал-демократы, заявил Покровский, будут голосовать против ассигнований на развитие вооруженных сил.

Выступая в Думе, социал-демократы и трудовики показывали всей стране, во что обходится народу гонка вооружений, которая ведется в целях создания и раздувания престижа царизма в европейском концерте. За пять лет с 1908 по 1912 гг. расходы страны на так называемые производительные нужды выросли всего на 155 млн руб., а только на одно военно-морское строительство — на 250 млн руб. На все высшие учебные заведения было ассигновано в 1907 г. 6,9 млн руб., а в 1912 г. — 7,6 млн руб., между тем как в том же 1907 г. Николай II и Совет министров принципиально одобрили строительство 4-х линейных кораблей стоимостью *каждый* около 30 млн руб., а в 1912 г. Дума ассигновала на новое судостроение только по одной программе более 420 млн руб. на 5 лет, т.е. по 84 млн руб. в год¹. Все это происходит потому, утверждали ораторы, что «правительство, чуждое стране, враждебное демократическим массам населения, видит свою единственную опору в полицейской военной силе» (41, л. 102) и в угоду укреплению и развитию этой силы отказывает в ассигнованиях на самые необходимые культурные потребности страны.

Однако, дело не ограничивалось критикой только царского правительства. Социал-демократы шли дальше, разоблачали антинародную политику Думы, обнажали теснейшую связь, которая существовала между агрессивными планами царизма и буржуазно-помещичьих партий. «В этом прогрессивном росте военно-морских расходов, — заявлял с думской трибуны Н.П.Покровский, — Государственная дума всегда услужливо шла по следам правительства, и тот же депутат Гучков, который с первой сессии до последней ведет кампанию борьбы с этими ведомствами (военным и морским. — *К.Ш.*) в результате этой борьбы имеет одну цель — как можно больше извлечь денег

---

¹ Все данные взяты из выступления Н.П.Покровского. См.: Стенографический отчет Государственной думы, 3 созыв, сессия 5, ч. II. СПб., 1912. Стб. 3358—3359.

из государственного казначейства в пользу военноморских расходов. Если депутат Гучков выступал с этой трибуны против фантомов Морского ведомства и громил порядки Морского ведомства, то мы все знаем, что это было сделано для того, чтобы получить новое ассигнование сотен миллионов рублей на новое судостроение» (289, стб. 3356). И если Гучков начнет сегодня с думской трибуны «громить» главное артиллерийское управление, продолжал Покровский, это значит одно: правительство готовится завтра внести программу новых расходов на вооружение армии артиллерией.

Не только октябристы, но и кадеты, часто выступавшие с демагогическими речами подвергались в Думе беспощадной критике со стороны социал-демократических депутатов. «В стремлении правительства укрепить военно-полицейскую мощь его поддерживали не только правые, националисты и октябристы, но этой идеей заразились и соседи слева из так называемой ответственной оппозиции. Прогрессисты и кадеты, — справедливо утверждал Н.П.Покровский, — охотно идут на военно-морские ассигнования. В четырехчасовой речи депутат Шингарев нагромоздил бесконечный ворох жалоб на нищету, бедность, некультурность России и т.д. Он не видит, конечно, что из-за этих расходов на военные и морские надобности Россия, оставаясь в том же положении десятки лет, будет оставаться такой же некультурной и бедной» (там же, стб. 3357). Выступая от имени социал-демократической фракции, Покровский решительно возражал против использования ресурсов государственного казначейства, на пополнение которых истощаются все местные средства населения, на военно-морские расходы, связанные с политикой военных авантюров. Он бросал упрек большинству Думы в том, что ничего не делается для устранения налогового бремени прежде всего на неимущие классы населения, подчеркивал, что думским поощрением милитаризма и маринизма страна обрекается на культурный застой (41, л. 104).

Социал-демократы не только призывали голосовать против чрезвычайных кредитов на развитие армии и флота, но и ежегодно отказывались утверждать обычный бюджет военного и морского министерств. «Мы заявляем, — утверждал в IV Думе А.Е.Бадаев, — что

будем бороться всеми доступными нам способами против всяких международных авантюр и постоянного увеличения вооружения... Мы не можем голосовать за бюджет, который дает в руки буржуазного правительства средства и возможность поддерживать и укреплять систему капиталистической эксплуатации и тратить деньги в интересах господствующей буржуазии против интересов рабочего класса» (283, с. 346).

Борьба социал-демократов против милитаризма и маринизма далеко не ограничивалась только деятельностью их думской фракции. Она охватывала международные конгрессы социал-демократических партий, была постоянной темой для статей в легальной печати. Разоблачая агрессивный характер царизма, подготовку им борьбы за передел мира, социал-демократы показывали генетическую связь этих планов с характером буржуазного общества России, кровную заинтересованность его в подготовке и ведении войны.

Все предвоенные годы социал-демократы и трудовики активно боролись против милитаризма русских помещиков и буржуазии, ни разу не осквернив своих знамен голосованием за военные кредиты и проповедью «квасного патриотизма».

Глава V.

ИТОГИ РАЗВИТИЯ АРМИИ И ФЛОТА К 1914 г. ПРИЧИНЫ ПЛОХОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ РОССИИ К ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ И РАЗВАЛ ЦАРСКОЙ ИМПЕРИИ

Девять лет, прошедших между концом русско-японской и началом Первой мировой войны, были очень важным этапом в развитии России. В начале его вооруженные силы царизма были в полном расстройстве, не имели почти никаких мобилизационных запасов, было нарушено необходимое соотношение между различными родами войск, только что закончившаяся война обнаружила коренные пороки организации армии, недостатки в ее боевой подготовке и выучке. Флот был почти полностью утерян.

Все последующие годы были заполнены упорной работой самодержавия по исправлению этих пороков. Начав русско-японскую войну за 10 лет до начала «большой», «великой» I мировой войны, царизм оказался в положении плохого шахматиста, загнавшего себя в цугцванг; надо делать ход, а любой из них только ухудшает положение — выйти из «европейского концерта», разорвать заключенные ранее дипломатические, военные договоры и остаться один на один с объединенными Германией и Австро-Венгрией невозможно. Но и восстановить вооруженные силы после неудачной дальневосточной авантюры, в которую легкомысленно втянулся молодой царь — тоже нет сил, тем более, что немалые средства требовались и для проведения внутренних реформ, аграрной, социальных, экономических, надо было восстановить финансовое и экономическое положение, подорванное той же войной и революционным лихолетьем. Несмотря на тяжелое финансовое положение, длительный эко-

номический кризис и депрессию, несмотря на то, что главное внимание царизма в эти годы было обращено на подавление первой буржуазно-демократической революции, царское правительство сделало немало, чтобы подготовить свои вооруженные силы к борьбе за передел мира. Решительно экономя на самых необходимых расходах, сократив ниже всяких допустимых пределов ассигнования на образование, на культурные и так называемые «производительные расходы» (строительство железных дорог, шоссе, промышленных предприятий и т.п.), царизм выделил немалые средства на армию и флот. Бюджет этих министерств за 8 предвоенных лет (1906—1913) составил солидную сумму.

**Бюджет Военного и Морского министерств
в 1906—1913 гг. в млн руб.**

(По отчетам Государственного контроля
за соответствующие годы)

Годы	Военное министерство	Морское министерство	Итого прямые расходы на вооруженные силы
1906	309,55	111,64	421,19
1907	405,68	87,71	493,39
1908	462,55	93,48	556,03
1909	473,37	92,22	565,59
1910	484,91	112,73	597,64
1911	497,77	120,96	618,73
1912	527,87	176,08	703,95
1913	581,10	244,85	825,95
Всего	3742,80	1039,67	4782,47

Однако, несмотря на весьма и весьма крупные размеры этой суммы, она была почти на четверть меньше того, что тратила на свою армию и флот кайзеровская Германия. Кроме того, необходимо учесть и еще одно обстоятельство: получая средств значительно меньше,

Военное министерство России содержало армию на много больше германской. Традиционная политика — «числом поболее — ценою подешевле» сужала возможности царского правительства в вооружении и снабжении своей армии всем необходимым.

Явно недостаточная готовность царской армии к концу 1913 — началу 1914 гг. не составляла секрета ни для правительства, ни для Думы. 25 октября 1913 г. военное министерство подало в Думу сведения о всех средствах, выделенных в 1908—1913 гг. на пополнение запасов армии, материальной части артиллерии и на усовершенствование государственной обороны (108, л. 22—28). В той же таблице № 1 (см. Приложения) были приведены подсчеты дальнейших расходов на эти цели уже утвержденных правительством и законодательными органами, но отнесенных на более поздние сроки (1914—1917 гг.). Из приведенных цифр следовало, что военное ведомство к концу 1913 г. получило немногим более 1/3 (37%) тех средств, которые правительство и Дума посчитали необходимым выделить на развитие и реорганизацию армии, на усовершенствование обороны государства. Но зато почти 54% утвержденных чрезвычайных ассигнований получило к концу 1913 г. для выполнения судостроительных программ Морское министерство (см. табл. № 2 в Приложениях). В полном соответствии с отпущенными ассигнованиями большинство заложенных кораблей даже к концу 1914 г. были еще далеки от вступления в строй.

Однако если мы будем определять готовность армии не по степени использования тех кредитов, которые правительство и Дума ассигновали на ее развитие, а по тому, что находило необходимым само военное министерство, то убедимся, что фактически нужды армии были удовлетворены гораздо в меньшей степени. Вспомним, что еще в 1906 г. генералы считали, что для поднятия армии в уровень с современными требованиями военного дела нужно израсходовать единовременно 2,3 млрд руб. Правительство к 1914 г. согласилось выделить немногим более 1 млрд, т.е. могло удовлетворить даже к 1917 г. требование военных менее чем на половину.

Но развитие военного дела не остановилось на уровне 1906 г. Армия все в большей и большей степени насыщалась новой техникой, артиллерией, уже в канун войны встал вопрос о необходимости вооружить пехоту автоматической винтовкой. Обсуждая «Большую программу» военного министерства, комиссия IV Думы по военным и морским делам потребовала сообщить, сколько ему нужно средств для удовлетворения некоторых из очередных пожеланий. Произведенные подсчеты дали столь ошеломляющие цифры, что военное министерство из опасения полной дискредитации степени боевой готовности армии отказалось сообщить их Думе, заявив на заседании комиссии, что среди военных специалистов нет, якобы, полного единогласия о размерах необходимых средств. Между тем, в подписанной начальником главного артиллерийского управления генералом Д.Д.Кузьминым-Караваевым справке эти средства определены совершенно четко. Для вооружения армии автоматической винтовкой (включая стоимость оборудования заводов и создания запаса в 1500 патронов на винтовку) требовалось 800 млн руб., для перевооружения легкой полевой артиллерии орудием новой системы — 280 млн руб., для перевооружения крепостей — 143,5 млн руб. на 5 лет, для строительства новых казарм, стрельбищ и т.п., необходимость чего вызывалась как увеличением армии по «Большой программе», так и передислокацией войск, требовалось 650 млн руб. (50 «а», л. 125, 127, 116, 122). Итак, только для удовлетворения перечисленных пожеланий ГАУ нужно было выделить дополнительно немногим менее 2 млрд руб. А ведь в эти подсчеты еще не было включено очень многое.

Вполне естественно, что не перевооружив армии, не построив флота, царская Россия не могла желать развязывания войны летом 1914 г. Даты окончания и «Большой программы усиления армии» (107 «а», л. 23—28), и судостроительных программ ясно и убедительно свидетельствуют о том, что 1914 г. приходился всего лишь на начальный этап в подготовке вооруженных сил России к борьбе за передел мира. Чем же тогда объяснить широко известный факт выступления военного министра Сухомлинова в прессе в конце февраля 1914 г. с разухабистым заявлением, что Россия полностью готова к войне, будет вести ее на

чужой территории и закончит единым мощным ударом¹. Некоторые авторы относили это выступление за счет легкомысленности Сухомлинова, другие (в частности М.Н.Покровский) считали его обычной поджигательной акцией военщины. На самом деле все это было не так.

Вскоре после конфликта с миссией Лимана фон Сандерса, в конце января 1914 г. в Германии неожиданно, на страницах почти всех газет, вспыхнула яростная антирусская кампания. Ряд видных политических деятелей выступил с русофобскими речами и статьями, на площадях Берлина под улюлюканье и свист бюргеров сжигался фанерный московский Кремль и т.д., и т.п. Все это приняло столь серьезный размах, что морской министр Григорович 3 февраля 1914 г. обратился со специальным письмом к министру иностранных дел Сазонову, прося его сообщить «не следует ли ее (антирусскую кампанию. — *К.Ш.*) рассматривать как подготовку общественного мнения страны к возможному активному выступлению Германии» (277, л. 3). Посол в Берлине Свербеев отмечал, что вся эта антирусская пропаганда «нисколько не сдерживается здешним правительством», сообщал, что он потребовал специальной аудиенции у статс-секретаря Ягова. Последний, разумеется, «отрицал всякую причастность официальных сфер к возводимым на нас печатью обвинениям» (там же, л. 10). Всему этому было придано столь большое значение, что даже царь был извещен о размерах и ходе этой антирусской кампании (210, л. 109).

Для военного министерства взрыв шовинизма в Берлине не был неожиданностью. Генеральный штаб еще в начале февраля получил сообщение о состоявшемся в Вене 24 января заседании высших представителей австрийского военного ведомства под председательством военного министра Кробатина. Министр ог-

---

¹ См.: «Биржевые ведомости» вечерний выпуск от 27 февраля 1914 г., статья «Россия хочет мира, но готова к войне». В статье не называлось имя Сухомлинова, но прозрачно намекалось на причастие к ней военного министра. «Всем известно, — утверждалось в этой статье, — что на случай войны наш план обыкновенно носил оборонительный характер. За границей, однако, теперь знают, что идея обороны отложена, и русская армия будет активной».

ласил полученный им из Берлина меморандум, в котором говорилось об уверенности германского правительства в неизбежности близкой общеевропейской войны. В меморандуме утверждалось, что германское правительство в ближайшее время предпримет ряд конкретных мер по подготовке к войне, в том числе признавалась «необходимость широкой заблаговременной подготовки общественного мнения Германии к вопросу о неизбежности вооруженного столкновения при разрешении вопроса об обладании проливами» (85, л. 4). Отвечая на начавшуюся в германской прессе кампанию, Сухомлинов и выступил с разрешения царя в «Биржевке» (324, с. 298).

Как видим, не только в развитии своих вооруженных сил, но и в непосредственных шагах по развязыванию Первой мировой войны кайзеровская Германия шла намного впереди царской России. Сравнение темпов развития вооруженных сил германии и России не оставляет никакого сомнения в том, что начало войны летом 1914 г. было выгодно только Германии. Приняв «Большую программу» всего за несколько недель до начала войны, Россия рассчитывала, что мир продержится по крайней мере до 1917 г. К этому же году планировали закончить и военно-морские программы. Но немецкие империалисты решили иначе, и война началась тогда, когда они ее захотели.

Неподготовленность вооруженных сил России к войне, отнюдь не бывшая тайной для сведущих лиц, к концу 1914 г. стала очевидной для всех. Советские историки уже в 20-е годы проделали большую работу по выяснению причин кризиса вооружения, переживавшегося царской армией. Тщательное исследование архивных материалов показало, что к началу войны артиллерийским и прочим военным имуществом русская армия была снабжена почти в полном соответствии с утвержденными нормами (см. 336 «а», с. 40, 294, 411 и др.; 331, с. 115); недостаток видов вооружения был крайне незначителен и не он был причиной кризиса. Истоки его крылись глубже — во всей социально-экономической отсталости имперской России, в ее безоглядной экспансии, результатом чего стала и русско-японская война за 10 лет до войны 1914 г. Но если его ограничить только военными сюжетами, они сводились к двум: во-первых, в силу целого ряда причин социаль-

но-экономического характера русская армия шагала явно не в ногу со временем. В результате к лету 1914 г., в полном соответствии с утвержденными нормами, царская армия была снабжена артиллерией и другим вооружением хуже всех в Европе. «Каждая русская пехотная дивизия, — отмечает крупнейший знаток истории русской артиллерии, — была обеспечена вдвое меньшим числом батарей и имела на 26 орудий меньше, чем германская пехотная дивизия, и на 2 1/2 батареи меньше, чем австрийская (при том же количестве орудий — 54); при этом на каждую пехотную дивизию в Германии приходилось 8, а в Австрии 4 тяжелых орудия, тогда как русские пехотные дивизии и корпуса вовсе не были обеспечены тяжелыми орудиями» (332, т. I, с. 170 и др.). Разница в оснащенности артиллерией особенно наглядна при сравнении количества выстрелов, произведенных в ходе мировой войны. Вся русская артиллерия произвела около 50 млн выстрелов из орудий всех калибров; немецкая — в пять с половиной раз больше — 272 млн выстрелов. Даже армия Австро-Венгрии, несравненно меньшая по численности, была поддержана в своих боевых действиях 70 млн артиллерийских выстрелов — почти в полтора раза больше, чем русская! (332, т. IV, с. 404).

Второй причиной кризиса были надежды русского Генерального штаба (также как и немецкого, и австро-венгерского, и французского) вести войну при помощи накопленных в мирное время мобилизационных запасов предметов боевого снабжения. Война оказалась не молниеносной, а длительной, расход боеприпасов столь велик, что всех запасов едва хватило на первые четыре месяца войны (332, т. II, с. 320). И если Германия, обладавшая высоким промышленным потенциалом, смогла быстро перевести свою экономику на военные рельсы, то в России перестройка не прошла столь гладко, тем более, что отсталый не только экономически, но и политически царский режим на протяжении первого года войны никак не соглашался допустить хотя бы на самых скромных условиях участие буржуазии в борьбе с кризисом вооружения.

Обнаруженную войной плохую подготовку вооруженных сил царизма надо было как-то объяснить. Нужно было что-то сказать отступающей армии, почему она отступает, как-то растолковать сотням тысяч

беженцев с оккупированной немцами территории, почему им пришлось покинуть насиженные места и, взяв немудрый скарб, отправиться с ребятишками в изгнание. При всех реакционных антидемократических режимах для такого «объяснения» существует древний как мир способ: виновным во всех ошибках и упущениях объявляют одного человека, на него взваливают и действительные, и мнимые грехи и косвенно декларируют таким нехитрым путем невинность самого «режима». Все дело в людях, а не в коренных пороках существующей политической системы, утверждали всегда господствующие верхи России. На этот путь встали и представители буржуазной «общественности». Как только кризис вооружения сделался очевидным фактом, виновник его был немедленно обнаружен и провозглашен — военный министр Сухомлинов со своими ближайшими помощниками — начальником главного управления Генерального штаба Жилинским и начальником главного артиллерийского управления Кузьминым-Караваевым; они были смещены со своих постов и против них началось следствие.

Результаты следствия доложили царю 9 февраля 1916 г. (84, л. 1—26). Все три «козла отпущения» обвинялись в том, что они не приспособили отечественные заводы «к такой производительности по изготовлению орудийных снарядов, которая одна, сама по себе, могла бы удовлетворить всю потребность армии в снарядах во время войны». В вину им ставились и то, что они не пересмотрели с учетом новейших потребностей нормы снабжения армии в мирное и военное время винтовками и пулеметами (там же, л. 23).

Бывший военный министр персонально обвинялся во взяточничестве (о чем убедительно свидетельствовал стремительный рост его денежных вкладов в банках), в корыстном покровительствовании отдельным фирмам, производящим вооружение и, наконец, в том, что он был связан с осужденными военным судом немецкими шпионами (О непричастности Мясоедова к шпионажу, см. 385). Ознакомившись с материалами назначенной им комиссии, Николай II написал Сухомлинову: «Я пришел к заключению, что нет фактических данных относить это (обнаружившуюся нехватку вооружения. — *К.Ш.*) исключительно к вашей виновности» (248, л. 5). Поблагодарив военного

министра за отлично проведенную мобилизацию армии, царь отпустил со службы взяточника и казнокрада поправлять «пошатнувшееся» здоровье.

Началась длительная борьба либеральной буржуазии, требовавшей отдать под суд Сухомлинова с Николаем II, ясно понимавшим, что суд над бывшим министром вскроет слишком много язв всего царского режима. В конце февраля 1916 г. министр двора Фредерикс имел по поручению царя специальную беседу с главой правительства о деле Сухомлинова. Фредерикс заявил, что сторонники осуждения Сухомлинова «хотят взвинтить суд над ним во всесветский скандал, дискредитирующий правительство и могущий нанести сильный удар монархическому принципу... Суд над Сухомлиновым неминуемо разрастется в суд над правительством. Эхо происходившего на суде раздастся преувеличенно в кулуарах Думы, оттуда в чудовищных размерах разольется на улицу и проникнет в совершенно искаженном виде в народ и армию, пятная все, что ненавистно народу». В результате всего этого нельзя будет «оградить верховную власть от брызг той грязи, которую взбаламутит этот суд» (там же, л. 7).

Николай II решительно возражал против открытого суда. Как всегда бывает в России, «улица» тщательнейшим образом отстранялась от обсуждения преступлений, совершенных властью имущими. Для высших представителей этой власти, замешанных в самых неблагоприятных преступлениях — воровстве, взяточничестве, превышении власти, нарушении элементарной законности и т.д. и т.п., в России всегда знают только три способа: келейный, закрытый военный суд, столь же келейное разжалование бывших генералов в рядовые, а чаще всего — забвение «за давностью времен». Только одним из этих способов и предлагал воспользоваться Николай II, соглашаясь сделать Сухомлинова козлом отпущения, чтобы утихомирить разыгравшиеся в «обществе» страсти (там же, л. 8).

Сухомлинов был судим только при Временном правительстве в сентябре 1917 г., осужден на вечную каторгу как немецкий агент. Выше в разной связи мы неоднократно давали нелестную характеристику его деятельности. Легкомысленный кавалерийский генерал отнюдь не блестяще управлял военным министерством. Он то уничтожал крепостную пехоту, то воз-

рождал ее; то разоружал некоторые крепости, то признавал необходимым восстановить их вновь. Действия различных руководимых им управлений военного ведомства тоже часто не совывались друг с другом. Так, ГУГШ составляло в 1910 г. мобилизационное расписание совершенно самостоятельно и независимо от ГАУ, не считаясь ни с наличием вооружения и прочих предметов артиллерийского снабжения, имевшихся в распоряжении ГАУ, ни с необходимым временем для заготовления недостающего артиллерийского имущества (366 «а», с. 33). Сухомлинов брал взятки, окружил себя темными дельцами, «представлявшими» при военном министре крупнейшие мировые фирмы, производившие вооружение. Он виноват во многом, но в том, что русская армия оказалась плохо подготовленной к мировой войне, прежде всего и больше всего виноват сам царский режим.

Мысль эта в исторической науке стала теперь общепризнанной. Неподготовленность армии, утверждал А.Л.Сидоров, «явилась результатом вовсе не одной только злой воли Сухомлинова. Его можно во многом обвинять, но ответственность за военную неподготовленность армии в целом, за систематическое урезание кредитов, за недостаток средств, за политику бездефицитного бюджета и «финансовое равновесие» несло все правительство в целом. Царский режим тормозил осуществление самых назревших потребностей в военной области. Он не мог создать современные, технически оснащенные армию и флот» (376, с. 82).

В чем же конкретно выразилась эта тормозящая роль царизма? Помимо политической отсталости и реакционности самодержавного режима, толкавшего страну от одной внешнеполитической авантюры к другой, ее видят исключительно в неспособности третьиюньской монархии обеспечить быстрое развитие производительных сил России, без чего нельзя было снабдить вооруженные силы сложной военной техникой. Само по себе это положение бесспорно. Однако ограничиться только им неверно. Нельзя забывать, что дойдя до своих естественных границ уже к концу XVIII в., Россия продолжала расширяться во все стороны света, кроме севера, где был Ледовитый океан. Это требовало постоянного содержания колоссальной (наемной) армии. Не помогла и военная реформа Ми-

лютина, по которой была введена всеобщая воинская повинность, не учитывавшая демографического фактора. Имея в 2—3 раза больше населения, чем Франция или Германия, Россия получила самую крупную армию в мире, которую могла прокормить, но оказалась не в состоянии вооружить по требованиям своего времени. Задача эта была просто нереальной. Комплексное исследование развития всех родов вооруженных сил царской России накануне Первой мировой войны убедительно свидетельствует, что в самом этом развитии, независимо от финансово-экономического состояния страны, имелись коренные пороки. Мы видели, в каком отчаянном положении находилась в 1906—1908 гг. армия, составлявшая всегда основу могущества царской империи. Однако, восстановление и дальнейшее развитие вооруженных сил царизм решил начать с линейного флота. В добавок к этому на серии совещаний 1909—1910 гг. средства, предназначенные на перевооружение сухопутных и морских сил, поделили между военным и морским ведомствами почти поровну (715 млн на армию, 695 млн руб. на флот). Фактически же в последующие годы армия была оттерта на второй план. В пятилетие, предшествовавшее мировой войне (1909—1913 гг.) суммарный прирост бюджета министерства составил 195,17 млн руб., а морского в полтора раза больше — 285,64 млн руб.! Имея плохо вооруженную армию, испытывая недостаток финансовых средств, царская Россия — грандиозная сухопутная империя — в 1913 г. оказалась на втором месте в Европе по размерам своего военно-морского бюджета, уступив пальму первенства только «владычице морей» Великобритании! (367, т. V, с. 209). По темпам роста морского бюджета царская Россия накануне мировой войны вышла на первое место в мире! Правда, по размерам своего сухопутного военного бюджета Россия тоже стояла на первом месте и в абсолютных цифрах военное министерство получало раза в три больше морского. Но ведь на перевооружение и развитие армии и флота шли именно новые суммы в бюджете, шло его приращение, а оно-то как раз было не в пользу военного ведомства.

В предвоенные годы царское правительство систематически урезывало и обычные и чрезвычайные кре-

днты на армию. В 1909—1913 гг. чрезвычайные ассигнования на артиллерию были сокращены на 67 млн руб., на инженерное имущество и авиацию — на 15,3 млн руб., на ручное оружие и винтовочные патроны — на 16,4 млн руб. (367, с. 78, табл. 3). Флоту же не отказывали ни в чем и всегда в первую очередь удовлетворяли планы Морского министерства. Если бы царизм отказался от строительства линейного флота на Балтике и освободившиеся десятки миллионов рублей направил на усиление армии и, прежде всего, на развитие заводов, производящих сухопутное вооружение, результат мог бы быть иным.

Мировая война подвела итог целесообразности сделанных затрат. Не прошло и полугода, как в армии обнаружился недостаток всего — орудий и снарядов, пулеметов и винтовок, патронов и инженерного имущества. Но никто не ощущал нехватки так и не построенных, самых мощных в мире линейных крейсеров типа «Кинбурн» и линкоров, из которых тоже далеко не все были достроены в ходе войны. Более того, увлекшись строительством линейного флота, Морское министерство уже в ходе войны вынуждено было исправлять однобокое развитие военно-морских сил, предложив правительству программу строительства подводного флота (85 подводных лодок), программы строительства легких сил и десантного флота для Черного моря. Конечно, не увлечение маринизмом и не диспропорция в развитии армии и флота породили кризис сухопутного вооружения в годы Первой мировой войны. Но они в сочетании с рядом других причин в крайней степени обострили этот кризис и придали ему необычайно болезненный и опасный характер.

Как же произошло, что, несмотря на финансовые трудности, отсутствие необходимой технической базы, не считаясь с небывалым еще в истории Российской империи расстройством сухопутных сил, царь упорно, преодолевая сопротивление Думы, Совета государственной обороны, не считаясь с мнением своих же военных министров и самых авторитетных генералов, продолжал настаивать и в конце-концов настоял на строительстве значительных линейных сил? Ответ на этот вопрос нельзя получить исходя лишь из военных или внешнеполитических соображений, ибо не только

они лежали в основе грандиозных военно-морских программ. Рассматриваемые годы были временем небывалого падения престижа царизма как внутри страны, так и вне ее. Разгром вооруженных сил в Русско-японскую войну показал всему миру военную слабость самодержавия, которая еще сильнее была подчеркнута тем, что победителем в единоборстве с Россией оказался не союз государств, как это было в Крымскую войну и даже пусть не одна, но первоклассная «великая» европейская держава, а молодое азиатское государство, не успевшее еще стяжать себе особых лавров на мировых полях брани. Весь мир мог убедиться, что значит угроза некогда всемогущего царизма «закидать шапками» строптивного противника.

Крах внутри страны был еще показательнее. Даже либеральные буржуа и помещики оказались в оппозиции «старому режиму», а открытые восстания в армии и на флоте, рабочее движение, повсеместные крестьянские выступления, не говоря уж о настроении интеллигенции, не только свидетельствовали о том, что царизм не имеет опоры среди своего народа, но и заставляли союзников России весьма скептически оценивать потенциальные возможности царизма. Необходимо было спешно восстанавливать как выразился начальник Генерального штаба Ф.Ф.Палицын, «обаяние русского имени» (96, л. 21), нужно было во что бы то ни стало, любой ценой поднять упавший престиж царизма. Этим определялась одна из основных черт режима Столыпина — национализм «истинно русских людей» внутри страны и великодержавная политика во вне ее. Они стали краеугольными камнями третьиюньской империи. Именно они в первую очередь и определяли настойчивость царизма и лично Николая II при проведении военно-морских программ, ибо что может дать более полное представление о силе и могуществе «самодержца всея Руси», как не тысячетонные бронированные мастодонты с орудиями в 12 и даже 14 дюймов?» Флот России, как великой державе нужен, и без него она обойтись не может», — заявил в СГО Извольский 9.04.1907 г. (64 «а», л. 141). — Таков основной постулат, с которым приступали к решению вопроса о каждой из судостроительных программ. «Если не напрячь все силы, надо примириться с мыслью быть вычеркнутыми из числа великих держав»

(67, л. 33), — заявил первый морской министр А.Бирилев. «Постройка исключительного оборонительного флота, — выражал он твердое свое убеждение, — есть жалкий удел второстепенных и третьестепенных государств» есть «акт национальной приниженности» (там же, л. 57). «Флот России как великой державе необходим, и она должна иметь его и быть в состоянии послать его туда, куда его потребуют государственные интересы», вторил Бирилеву пришедший ему на смену И.Диков (64 «а», л. 138).

Это не было профессиональным мнением только моряков. Их полностью поддерживал и Извольский, и Столыпин. Приводя, по собственному выражению «теоретические данные», Извольский утверждал: «Государство только тогда выходит на великий путь, когда обеспечит себе выход в море... Вообще великая держава не может обойтись без флота, без господства над водным пространством» (188, л. 253), и отсюда делал категорический вывод: «линейный флот нужен России вне всякой зависимости от забот по обороне наших берегов... для участия в разрешении предстоящих мировых вопросов, в которых Россия отсутствовать не может» (86, л. 145).

С великодержавным престижем тесно связывался вопрос об особой «союзоспособности» России при наличии у нее мощного флота. При этом ставка делалась на ожесточенное морское соперничество, разгоревшееся между Англией и Германией, соперничество, в котором конечный итог, по мысли его участников, должен был определиться числом заложенных и построенных дредноутов. Царские деятели посчитали, что им представляется счастливая возможность занять положение третьего радующегося, сыграть роль третейского судьи, который, памятуя прежде всего о своих интересах, в зависимости от них будет решать ожесточенный спор двух смертельных врагов: «создав себе в нужный срок военный флот достаточной силы, — считал один из основателей МГШ Щеглов, — Россия сразу достигнет положения, при котором союза с ней будут искать самые сильные державы мира, и от России самой будет зависеть использовать эти предложения для достижения тех или других политических выгод, необходимых ей для своего упрочения. Тогда в руках России будет многое... Истратить несколько сот миллионов

рублей для того, чтобы создать себе в ближайшем будущем такое положение стоит: они окупятся очень быстро многими и многими политическими и экономическими последствиями» (215, л. 26).

Русско-японская война и последовавшее вскоре за ней дипломатическое поражение в Боснийском кризисе ясно показывали, что царизм уже не может выступать «солистом» на международной арене, тем более, что весь ход международной жизни все сильнее способствовал расколу империалистических стран на враждующие группировки. Чувствуя, что Россия теряет позиции «великой» державы и одна уже не в состоянии добиваться осуществления своих интересов, царизм поневоле был вынужден свои надежды возлагать на создание «дипломатических комбинаций», стремясь приложить максимум усилий к тому, чтобы не оказаться в них на положении младшего партнера. А угроза эта из возможности превращалась в реальность в результате возраставшей экономической и политической зависимости от более развитых стран. Нейтрализовать экономическую, прежде всего финансовую зависимость, по мысли царизма, можно было только одним: укреплением своей военной мощи, что нагляднее всего должно было проявиться, опять-таки, в строительстве линейного флота. «Самое ценное в настоящее время в нашей политической жизни, — считал Бирилев, — это возможность заключать союзы с другими государствами. Россия же теперь не может быть надежной союзницей не только по причине своих внутренних беспорядков и финансового расстройств, но и по причине необладания сильным боевым флотом. Выгодный союз с другим государством можно заключить только имея в своем распоряжении армию и флот» (67, л. 78).

Расчет царизма, как видим, был довольно прост: линейный флот на Балтике должен строиться не только *против* какого-либо вероятного противника, сколько *за* какого-нибудь будущего союзника. Он должен быть приманкой, которая заставит Францию, Англию и Германию искать союза с Россией, заставит их идти на максимальные уступки, даст возможность России торговаться и выбирать себе того союзника, который больше даст. «Министр иностранных дел сказал нам, — заявлял в Думе П.Н.Милюков, — что наше от-

ношение вообще к нашему партнеру (Франции. — *К.Ш.*) «платоническое» и что может легко наступить «охлаждение». Господа, вы даже не знаете, ведь, если это действительно наступит, против кого вы строите флот: сегодня нам говорят, что против Германии, а потом окажется, что для союза с Германией, — если наступит «охлаждение» и изменение международных группировок» (40, л. 73). Именно потому ориентировавшиеся на союз с Францией кадеты и выступали против строительства линейных сил на Балтике.

Борясь с претензиями Морского министерства, военное ведомство и Министерство финансов решили использовать тот же аргумент, заявляя, что главное в «союзоспособности» России не флот, а армия: «Франция рассчитывает на наши сухопутные силы, а не на наш флот», — утверждал Коковцов (188, л. 260), его отчасти поддерживал и Извольский (там же, л. 23). Но у моряков был один внешне очень убедительный способ обосновывать свои требования, — сводить все к расчетам на бумаге, тем более, что в мирное время изыскать какой-либо иной способ определения боеспособности войск и флота было невозможно. При этом «мощь» армии резко возрастала, ибо, во-первых, за числом батальонов и батарей не так-то просто было увидеть их фактическое состояние, а, во-вторых, при подобных расчетах вероятные противники оказывались всегда слабее: людские резервы России были подавляющи. Что же касается флота, то хотя Россия и потеряла в Русско-японскую войну почти все свои боевые корабли, переворот в судостроении, произведенный появлением «Дредноута», давал царизму некоторые надежды на возможность сравняться в военноморской силе с крупнейшими странами, при условии одновременного с ними начала строительства новых типов судов.

Кроме того, прельстить Германию можно было не столько дивизиями и армиями, сколько именно линейными кораблями, числом которых измерялось ожесточенное англо-германское морское соперничество. Вместе с тем, союзником России была не только Франция, заинтересованная прежде всего в русской армии, но и Англия, которая ничего не имела против того, чтобы некоторая толика германского флота в случае войны была бы оттянута в восточную часть

Балтийского моря. Об этом прямо заявил Извольскому Ч.Гардинг во время свидания в Ревеле летом 1908 г. Эдуарда и Николая II. В разговоре с Извольским Гардинг сказал: «Нельзя закрывать глаза на то, что если Германия будет продолжать тем же напряженным темпом увеличивать свои морские вооружения, через 7 или 8 лет (нельзя не подивиться точности предвидения Гардинга! — *К.Ш.*) в Европе может наступить весьма тревожное и натянутое положение; тогда арбитром положения будет, несомненно, Россия (а это именно то, к чему она так стремилась. — *К.Ш.*), и вот почему в интересах сохранения равновесия и мира мы самым искренним образом желаем видеть русское государство как можно более сильным на суше и на море». «Мысль эту, — добавлял от себя Извольский, — сэр Ч.Гардинг повторил несколько раз, как бы давая понять, что он выражал не личное свое мнение, а определенное политическое убеждение Лондонского кабинета» (252 «а», л. 91). Можно себе представить, как было приятно русскому министру услышать из уст англичанина эти слова о столь желанной для него перспективе. Именно эти соображения заставляли Извольского поддерживать расчеты на усиление «союзоспособности России» в случае, если у нее будет линейный флот. «В настоящую минуту мы говорим о войне с Германией, — заявлял министр иностранных дел в СГО, — но это не единственная комбинация; быть может в будущем политическая обстановка изменится и нынешние наши отношения к Германии еще более укрепятся и выльются в союз с нею. Обладая броненосцами, — продолжал он, — которые полезны и для обороны и для наступления, мы через несколько лет, когда эти броненосцы будут готовы и когда общая политическая обстановка и группировка государств, быть может, изменится, приобретем большую ценность как союзник, что не может не входить в заботы министра иностранных дел» (188, л. 15).

Как видим, вопрос строительства флота в конкретных условиях кануна мировой войны приобретал для царизма чрезвычайно важное значение. Он перерастал границы морского ведомства, тесно связывался с общей политикой правительства, с великодержавным престижем государства, с надеждой царизма добиться полноправного, а по возможности и преобладающего

положения в Антанте. Именно это обеспечивало поддержку широким планам Морского министерства как со стороны МИД'а России, так и всего правительства, и, в первую очередь, со стороны лично Николая II. Именно это заставляло царизм воевать из-за флота с Думой, провести первую судостроительную программу помимо нее в порядке «верховного управления страной». Это определило и судьбу сопротивлявшегося строительству флота СГО; отказав в апреле 1907 г. Морскому министерству в первоочередном восстановлении военно-морских сил, он сам себе подписал смертный приговор: царь решил обходиться без него.

Самодержавие уже имело первый звонок, свидетельствующий о начавшемся распаде империи в 1905—1907 гг., когда революционное движение и в центре и в национальных окраинах достигло грозной опасности. Но сигнал этот не заставил его одуматься и изменить свою имперскую политику. Все помыслы и действия близоруких «хозяев» России были направлены не на коренную внутреннюю реорганизацию и интенсивное экономическое и социальное развитие страны, а, как и многие столетия до этого, на экспансивное расширение империи, на раздвижение ее границ, хотя, по сравнению с XVII и XVIII вв., геополитические условия в XX в. сделали это практически невозможным. Задавшись нереальной задачей, самодержавие неизбежно должно было прийти к политическому краху, империя должна была рухнуть и могла воссоздаться только на другой, но тоже не очень-то прочной основе.

Морские специалисты по достоинству оценили увлечение маринизмом, охватившим на рубеже веков не только Россию, но практически все государства. В ходе I мировой войны, утверждал адмирал Алафузов, «германский флот, на создание которого было затрачено столько сил и средств, оказался ненужным, чего Тирпиц (и не только он один! — К.Ш.) не понимал и не хотел понять» (предисловие к 325, с. 39). Если это справедливо по отношению к Германии, которая начала мировую войну не в последнюю очередь из-за стремления отнять заморские колонии у Англии, то что же тогда говорить о континентальной России? Авантюрой была надежда царизма поднять свой упавший престиж, обрести на международной арене неза-

висимое положение при помощи мощного великодержавного флота и вновь развить границы своей империи. В годы войны за эту авантюру, как и за другие упущения режима, русскому солдату пришлось расплачиваться своей кровью, а всем народам России впоследствии — гражданской войной, когда большевики осуществили свой лозунг: «Превратим войну империалистическую в войну гражданскую!»

Таблица № 1

Расходы на пополнение запасов и материальной части артиллерии и на усовершенствование обороны государства в тыс. руб. (108, л. 22—28)

Наименование мероприятий	Общая сумма утвержденных расходов	Ассигновано по законам 3.VII.1908 г.; 18.III. и 19.VII.1909 г.; 15.IV и 21.VI.1910 г.; 7.IV и 19.V.1911 г.; 14.V.1912 г.; 11.IV и 10.VII.1913 г.						Планировалось ассигновать в 1914—1917 гг.	Процент удовлетворения потребности к 1.01.1914 г.
		1908	1909	1910	1911	1912	1913		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Ручное оружие и боевые припасы к нему	111083,0	660,0	7174,2	4132,0	5500,0	10106,0	22766,0	60789,9	45
2. Пулеметы	25944,4	5678,3	4129,2	5744,0	1869,0	2799,0	3243,0	2482,0	90
3. Полевая артиллерия и ее запасы	191343,0	2100,0	19979,0	16092,0	16003,0	5050,0	12447,0	119676,0	27
4. Устройство заводов и технических артиллерийских заведений	15850,0	—	—	—	—	—	712,0	15138,0	4
5. Полевое инженерное имущество	76481,7	2703,0	4691,5	2915,0	3854,1	9624,0	13851,1	38780,0	19
6. Продовольственные запасы	35887,7	14133	4204,4	731,5	9,5	2566,0	5859,1	8273,5	74

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
7. Вещевые запасы	48683,9	10587,1	15594,1	1000,0	—	2399,2	3935,9	15167,9	68
8. Конский состав	2464,0	—	—	—	—	—	2416,0	48,0	98
9. Медицинские и ветеринарные запасы	6863,1	819,2	68,0	102,0	514,4	954,8	1105,3	828,6	45
10. Госпитальные запасы	4301,6	1398,6	818,0	—	45,0	162,0	269,0	1609,0	60
11. Обоз (интендантский)	18230,2	1002,6	1475,1	500,0	1500,0	3828,0	4548,0	5376,4	70
12. Оборудование полевых ж.д.	5126,0	758,0	862,0	103,0	—	—	350,0	3053,0	39
13. Шоссе	513626,7	—	—	—	—	50,0	100,0	339537,1	23
14. Постройка казарм		—	—	—	—	—	1352,7		
15. Инженерные работы в крепостях		2414,0	1000,0	10418,0	6514,0	9418,0	20000,0		
16. Крепостное инж. имущество		2554,8	407,1	565,0	1648,0	3625,0	1926,0		
17. Крепостная артиллерия		6214,1	4333,4	7697,5	15490,0	17628,0	5000,0		
Итого:	1055812,3	52023,6	64891,0	50000,0	53800,0	70000,0	103255,1	672420,0	37

Таблица № 2

Финансирование военно-морских программ накануне Первой мировой войны (в млн руб.)¹

Программы	Плано- вые ассиг.	Фактически ассигновано								Процент удовлетво- рения к 1.01.1914 г.
		1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	Итого	
Малая судостроительная программа 1907 г.	126,7	14,2	7,5	10,5	29,6	29,0	18,0	14,0	122,8 ²	90
Программа усиления Черноморского флота 1911 г.	150,8	—	—	—	10,1	26,6	32,2	16,1	84,9	69
Программа спешного усиления Балтийского флота 1912 г.	421,1	—	—	—	—	6,5	59,8	75,2	141,5	18
Программа усиления Черноморского флота 1914 г.	110,0	—	—	—	—	—	—	3,0	3,0	—
Всего	808,6	14,2	7,5	10,5	39,7	62,1	110,0	108,3	352,2	49,5 ³

¹ Таблица составлена на основании «Всеподаннейших отчетов Государственного контролера» за соответствующие годы.

² Всего по этой программе было израсходовано 128,797 млн. руб., так как некоторые расходы по вводу линейных кораблей в строй были произведены еще и в 1915 г.

³ Без учета Черноморской программы 1914 г.

**Готовность новых кораблей российского флота
к концу 1914 г. (283, с. 66, 68, 74, 76)
Малая программа 1907 г.
(Балтийский флот)**

Название и тип кораблей	Процент готовности корпуса по весу	Процент готовности механизмов по весу
<i>4 линейных корабля</i>		
«Севастополь»	Закончен	Закончены
«Петропавловск»	"-"	"-"
«Гангут»	"-"	"-"
«Полтава»	"-"	"-"

**Программа успешного усиления Балтийского флота
1912 года**

Тип и число кораблей	Процент готовности корпуса по весу	Процент готовности механизмов по весу
1	2	3
<i>4 линейных крейсера</i>		
«Измаил»	55,9	18,3
«Кинбурн»	30,7	4,1
«Бородино»	51,0	6,9
«Наварин»	20,6	3,6
<i>6 легких крейсеров</i>		
«Адмирал Бутаков»	14,0	Заготовка материалов
«Адмирал Спиридонов»	10,0	"-"
«Светлана»	31,8	"-"
«Адмирал Грейг»	9,0	5,0
«Муравьев-Амурский»	Заказаны в Германии и не получены в связи с началом войны.	
«Невельской»		
<i>36 эскадренных миноносцев</i>		

2 эсминца	79—86	6—86
1	2	3
6 эсминцев	60—70	от заготовки материалов до 26
5 эсминцев	50—60	от заготовки материалов до 74
6 эсминцев	40—50	от заготовки материалов до 27
3 эсминца	25—35	менее 5
14 эсминцев	менее 10%	один — 50; один — 11; остальные — заготовки материалов
<i>18 подводных лодок</i>		
3 подводных лодки	70—80	Сведений нет
3 "-	60—68	"-
3 "-	42—58	"-
2 "-	15—16	"-
7 "-	менее 10%	"-

Программа усиления Черноморского флота 1911 г.

Название и тип кораблей	Процент готовности корпуса по весу
1	2
<i>3 линейных корабля</i>	
«Императрица Мария»	75,9
«Император Александр III»	71,7
«Императрица Екатерина Великая»	66,2
<i>2 легких крейсера</i>	
«Адмирал Лазарев»	14,2
«Адмирал Нахимов»	14,2
<i>9 эскадренных миноносцев</i>	
4 эсминца	Закончены

5 эсминцев	от 82 до 95
1	2
6 подводных лодок	
2 подводные лодки	Закончены
3 ¹ -"-	88—97
2 -"-	75—84

Программа усиления Черноморского флота 1914 г.

Число и тип кораблей	Процент готовности
1 линейный корабль	7,7
2 легких крейсера	Заготовка материалов
8 эсминцев	-"-
6 подводных лодок	-"-

¹ В том числе первый в мире подводный минный заградитель «Краб», заложенный в 1909 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ

Ф. 966. Личный фонд В.Н.Коковцова I «а». Оп. 2. Д. 11.

Ф. 1276. Совет министров

1. Оп. 1. Д. 547
2. Оп. 1. Д. 571
3. Оп. 2. Д. 444
4. Оп. 3. Д. 595
5. Оп. 3. Д. 610
6. Оп. 4. Д. 256
7. Оп. 4. Д. 422
8. Оп. 4. Д. 529
9. Оп. 4. Д. 530
10. Оп. 4. Д. 626
11. Оп. 5. Д. 85
12. Оп. 5. Д. 522
13. Оп. 5. Д. 571
14. Оп. 6. Д. 412
- 14«а». Оп. 6. Д. 466
15. Оп. 6. Д. 471
16. Оп. 4. Д. 952
17. Оп. 7. Д. 412
18. Оп. 7. Д. 444
19. Оп. 7. Д. 471
20. Оп. 8. Д. 429
21. Оп. 8. Д. 465
22. Оп. 9. Д. 531
23. Оп. 9. Д. 600
24. Оп. 10. Д. 693

Ф. 1278 — ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

25. Оп. 2. Д. 794
26. Оп. 2. Д. 1508
27. Оп. 2. Д. 1558
28. Оп. 2. Д. 2005
29. Оп. 2. Д. 2027
30. Оп. 2. Д. 2887
31. Оп. 2. Д. 3327
32. Оп. 2. Д. 3329
33. Оп. 4. Д. 87
34. Оп. 4. Д. 93
35. Оп. 4. Д. 157
- 35«а». Оп. 4. Д. 256
36. Оп. 4. Д. 466

- 37. Оп. 4. Д. 473
- 38. Оп. 4. Д. 469
- 39. Оп. 4. Д. 585
- 40. Оп. 4. Д. 632
- 41. Оп. 4. Д. 634
- 42. Оп. 5. Д. 37
- 43. Оп. 5. Д. 154
- 44. Оп. 5. Д. 194
- 44«а». Оп. 6. Д. 466
- 44«б». Оп. 6. Д. 952

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ**

Ф. 1 — КАНЦЕЛЯРИЯ ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА

- 45. Оп. 1. Д. 1109
- 46. Оп. 1. Д. 70280
- 47. Оп. 1. Д. 71586
- 48. Оп. 1. Д. 71850
- 49. Оп. 1. Д. 72558
- 50. Оп. 1. Д. 74537
- 50«а». Оп. 1. Д. 77921
- 51. Оп. 2. Д. 102
- 52. Оп. 2. Д. 169
- 53. Оп. 2. Д. 589
- 54. Оп. 2. Д. 592
- 55. Оп. 2. Д. 599
- 56. Оп. 2. Д. 602
- 57. Оп. 2. Д. 605
- 58. Оп. 2. Д. 608
- 59. Оп. 2. Д. 686
- 60. Ф. 400 — ГЛАВНЫЙ ШТАБ
- 61. Оп. 1. Д. 70
- 62. Оп. 290. Д. 130277
- 63. Оп. 1. Д. 8
- 64. Оп. 1. Д. 26
- 65. Оп. 1. Д. 45
- 65«а». Д. 50
- 66. Д. 53
- 67. Д. 80
- 68. Д. 81
- 69. Д. 110
- 70. Д. 115
- 71. Д. 125
- 72. Д. 127
- 73. Д. 128

**Ф. 830 — СОВЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБОРОНЫ,
ОПИСЬ 1**

- 74. Д. 130

- 75. Д. 136
- 76. Д. 137
- 77. Д. 140
- 78. Д. 144
- 79. Д. 161
- 80. Д. 168
- 81. Д. 186

**Ф. 962. ВЕРХОВНАЯ СЛЕДСТВЕННАЯ КОМИССИЯ
ГЕН. ПЕТРОВА**

ОПИСЬ 1

- 82. Д. 22
- 83. Д. 32
- 84. Д. 43

**Ф. 2000. ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО
ШТАБА**

ОПИСЬ 1

- 85. Д. 14
- 86. Д. 26
- 86«а». Д. 59
- 87. Д. 77
- 88. Д. 82
- 89. Д. 93
- 90. Д. 103
- 91. Д. 136
- 92. Д. 137
- 93. Д. 140
- 94. Д. 144
- 95. Д. 146
- 96. Д. 147
- 97. Д. 148
- 98. Д. 149
- 99. Д. 153
- 100. Д. 154
- 101. Д. 168
- 102. Д. 170
- 103. Д. 190
- 104. Д. 202
- 105. Д. 203
- 106. Д. 258
- 107. Д. 302
- 107«а». Д. 319
- 108. Д. 326
- 109. Д. 346
- 110. Д. 351
- 111. Д. 378
- 112. Д. 409
- 113. Д. 442

113«а». Д. 443
114. Д. 686
114«а». Д. 687
115. Д. 693
116. Д. 705
117. Д. 712
118. Д. 718
119. Д. 732
120. Д. 893
130. Д. 912
130«а». Д. 919
131. Д. 977
132. Д. 1051
133. Д. 1109
134. Д. 1811
135. Д. 1835
136. Д. 1837
137. Д. 2219
138. Д. 2220
139. Д. 2221
140. Д. 2226
141. Д. 2257
142. Д. 2258
143. Д. 2287
144. Д. 2463
145. Д. 2535
146. Д. 2576
147. Д. 2827
148. Д. 2982
149. Д. 3028
150. Д. 3775
151. Д. 3785
152. Д. 3789
152«а». Д. 3825
153. Д. 3885
154. Д. 3845
154«а». Д. 6657
154«б». Д. 6659
154«в». Д. 6718
154«г». Д. 6828
154«д». Д. 7148

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ВОЕННО-МОРСКОГО
ФЛОТА**

Ф. 410. КАНЦЕЛЯРИЯ МОРСКОГО МИНИСТЕРСТВА
155. Оп. 1. Д. 1721

Ф. 418. МОРСКОЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ
ОПИСЬ 1

156. Д. 40
157. Д. 57
158. Д. 80
159. Д. 111
160. Д. 176
161. Д. 196
162. Д. 319
163. Д. 365
164. Д. 380
165. Д. 392
166. Д. 395
167. Д. 404
168. Д. 409
169. Д. 418
170. Д. 428
171. Д. 438
171«а». Д. 483
172—176. Д. 486
177. Д. 531
178. Д. 534
179. Д. 590
180. Д. 718
181. Д. 727
182. Д. 730
183. Д. 732
184. Д. 735
185. Д. 776
186. Д. 718
187. Д. 868
188. Д. 1243
189. Д. 1271
189«а». Д. 1371
190. Д. 1372
191. Д. 1403
192. Д. 1409
193. Д. 1535
194. Д. 1536
195. Д. 2481
196. Д. 3896
197. Д. 3939
198. Д. 4181
199. Д. 4183
200. Д. 4186
201. Д. 4190
202. Д. 4193
203. Д. 4281
204. Д. 4288
205. Д. 9728
206. Д. 9779

206«а». Д. 9781
207. Д. 9787
208. Д. 9789
208«а». Д. 10061
209. Д. 10082
210. Опись 2. Д. 272«а»

**Ф. 420. КАНЦЕЛЯРИЯ МОРСКОГО МИНИСТРА
ОПИСЬ 1**

211. Д. 7182
212. Д. 182

**Ф. 898. ВОЕННО-МОРСКОЙ АГЕНТ В ТУРЦИИ
ОПИСЬ 1**

213. Д. 5
214. Д. 15
215. Д. 20
216. Д. 23
217. Д. 26
218. Д. 27
219. Д. 44
220. Д. 46
221. Д. 106
222. Д. 486

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**

Ф. 115. СОЮЗ 17 ОКТЯБРЯ

ОПИСЬ 1
223. Д. 1
224. Д. 113
225. Д. 666

Ф. 523. ЦК ПАРТИИ КАДЕТОВ

ОПИСЬ 1
226. Д. 1
227. Д. 2
228. Д. 3
229. Д. 7
230. Д. 16
231. Д. 30
232. Д. 31

Ф. 555. ЛИЧНЫЙ ФОНД А.И.ГУЧКОВА

ОПИСЬ 1
233. Д. 107
234. Д. 123
235. Д. 127
236. Д. 246

237. Д. 511

**Ф. 579. ЛИЧНЫЙ ФОНД П.Н.МИЛЮКОВА
ОПИСЬ 1**

238. Д. 222

239. Д. 385

240. Д. 946

**Ф. 598. ЛИЧНЫЙ ФОНД П.А.СТОЛЫПИНА
ОПИСЬ 1**

240«а». Д. 104

**Ф. 601. ЛИЧНЫЙ ФОНД НИКОЛАЯ II
ОПИСЬ 1**

241. Д. 31

242. Д. 42

**Ф. 932. ЛИЧНЫЙ ФОНД А.И.ЗВЕГИНЦЕВА
ОПИСЬ 1**

243. Д. 11

244. Д. 132

**Ф. 1467. ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СЛЕДСТВЕННАЯ КОМИССИЯ
ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА**

ОПИСЬ 1

245. Д. 147

245«а». Д. 447

246. Д. 653

247. Д. 737

248. Д. 761

Ф. 5856. ЛИЧНЫЙ ФОНД П.Н.МИЛЮКОВА В ЭМИГРАЦИИ

ОПИСЬ 1

249. Д. 316

250. Д. 1588

**Ф. 701. ЛИЧНЫЙ ФОНД И.К.ГРИГОРОВИЧА
ОПИСЬ 1**

251. Д. 98

**АРХИВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

ФОНД КАНЦЕЛЯРИИ МИД

252. 1907 г. Д. 1025

253. 1908 г. Д. 43

254. 1908 г. Д. 1025

255«а». 1908 г. Д. 1029

256. 1908 г. Д. 1030

257. 1908 г. Д. 1031

258. 1908 г. Д. 1034
259. 1908 г. Д. 1035
260. 1908 г. Д. 1036
261. 1908 г. Д. 1038
262. 1908 г. Д. 1039
263. 1908 г. Д. 1041
264. 1908 г. Д. 1047
265. 1908 г. Д. 1051
266. 1908 г. Д. 2955
267. 1908 г. Д. 3062
268. 1909 г. Д. 215
269. 1909 г. Д. 38
270. 1909 г. Д. 215
270«а». 1909 г. Д. 216
271. 1912 г. Д. 83
272. 1913 г. Д. 40
273. 1914 г. Д. 370

ФОНД СЕКРЕТНЫЙ АРХИВ МИНИСТРА

274. Оп. 470. Д. 18
275. Оп. 467. Д. 309/312
276. Оп. 467. Д. 461/480
277. Оп. 470. Д. 215
278. Оп. 470. Д. 351
279. Оп. 470. Д. 360
280. Оп. 470. Д. 370
281. Оп. 470. Д. 309/312

АРХИВ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (С.-ПЕТЕРБУРГ)

- ЛИЧНЫЙ ФОНД АКАД. А.Н.КРЫЛОВА**
ОПИСЬ 2
282. Д. 77

БИБЛИОГРАФИЯ

I. ОФИЦИАЛЬНЫЕ И ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ

283. Большевицкая фракция IV Государственной Думы. М., 1938.
283«а». Всеподданнейший доклад по Морскому министерству. СПб.
284. Вестник НКВД. М., 1919. № 1.
285. Государственная дума. Созыв III. Сессия 1. Стенографические отчеты. СПб., 1908.
286. Государственная дума. Созыв III. Сессия 2. Стенографические отчеты. СПб., 1909.

287. Государственная дума. Созыв III. Сессия 3. Стенографические отчеты. СПб., 1910.
288. Государственная дума. Созыв III. Сессия 4. Стенографические отчеты. СПб., 1911.
289. Государственная дума. Созыв III. Сессия 5. Стенографические отчеты. СПб., 1912.
290. Государственная дума. Созыв IV. Сессия 1. Стенографические отчеты. СПб., 1913.
291. Государственная дума. Созыв IV. Сессия 2. Стенографические отчеты. СПб., 1914.
292. Выдержки из дебатов палаты общин по морскому бюджету 1909—1910 гг. СПб., 1909.
293. Гучков А.И. Речи по вопросам государственной обороны. Пг., 1917.
- 293«а». Доклады бюджетной комиссии. Третья Государственная дума. III созыв. Сессия. СПб., 1908.
294. Исторический архив.
295. Красный архив.
296. Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг. М., 1922.
297. Международные отношения в эпоху империализма. Серия II. 1900—1913. М.—Л., 1938.
298. «Морской сборник». СПб.
299. Особые журналы Совета Министров царской России. М., 1982—1988.
300. Отчет Государственного контролера... за 1907 г. СПб., 1908.
301. Отчет Государственного контролера... за 1908 г. СПб., 1909.
302. Отчет Государственного контролера... за 1909 г. СПб., 1910.
303. Отчет Государственного контролера... за 1910 г. СПб., 1911.
304. Отчет Государственного контролера... за 1911 г. СПб., 1912.
305. Отчет Государственного контролера... за 1912 г. СПб., 1913.
306. Отчет Государственного контролера... за 1913 г. СПб., 1914.
307. Падение царского режима. Т. I—VII. М.; Л., 1926.
308. Положение о Совете Государственной Обороны. СПб., 1906.
- 308«а». Работы офицеров МГШ. Т. I—IV. СПб., 1906—1907.
309. «Расписание сухопутных войск, исправленное на 1.01.1908 г.» СПб., 1908.
310. Царизм в борьбе с революцией. 1905—1907. М., 1936.
- 310«а». Собрание узаконений.

311. British Documents of the Origin of the War. Vol. VI, L., 1927.

II. МЕМУАРЫ

312. Бюлов Б. Воспоминания. М.; Л., 1935.

313. Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1—3. М., 1960.

314. Гогенцолерн В. Мемуары. Пг., 1923.

315. Григорович И.К. Воспоминания бывшего морского министра. СПб., 1993.

316. Гучков А.И. рассказывает. Воспоминания председателя Гос. думы и военного министра. М., 1993.

317. Данилов Ю.Н. Накануне краха. Ганновер, 1928.

318. Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1991.

319. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг. Т. 1—2. Париж, 1933.

320. Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары. М., 1934.

321. Лукомский А.С. Воспоминания. Т. 1. Берлин, 1922.

322. Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907—1916. М., 1924.

323. Савич М.В. Воспоминания. СПб., 1993.

324. Сухомлинов В.А. Воспоминания. Берлин, 1924.

325. Тирпиц А. Воспоминания. М., 1957.

III. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

326. Авдеев В.А. После Мукдена и Цусимы // Военно-исторический журнал. 1992. № 8.

327. Алафузов В.А. Доктрины германского флота. М., 1959.

327«а». Алкснис Я.Я. Подготовка к войне и вопросы комплектования армии // Война и революция. М., 1926. № 6.

328. Астафьев И.И. Военная тревога в правящих кругах царской России в октябре 1908 г. // Вестник Московского университета. История. 1965. № 2.

329. Астафьев И.И. Балканская политика царизма и русско-германские отношения накануне Боснийского кризиса 1908—1909 годов // Вестник Московского университета. История. 1965. № 3.

329«а». Астафьев И.И. Русско-германские дипломатические отношения. 1905—1911. М., 1972.

331. Барсуков Е. Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении. М.; Л., 1926.

332. Барсуков Е. Артиллерия русской армии. Т. 1—4. М., 1948.

333. Беклемишев Н. Восстановление русской морской силы на внутренней базе. СПб., 1907.

334. Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-промышленного потенциала. М., 1986.
335. Бестужев И.В. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906—1910. М., 1961.
336. Бовыкин В.И. Очерки внешней политики России. М., 1960.
337. Бовыкин В.И. Из истории возникновения Первой мировой войны. М., 1961.
338. Букшпан Я.М. Военно-хозяйственная политика. М.; Л., 1929.
- 338«а». Буров В.М. Отечественное кораблестроение в третьем столетии своей истории. СПб., 1995.
339. Буше А. Основы подготовки великой войны. Л., 1927.
340. Величко К.Н. Крепости до и после мировой войны 1914—1918 гг. М., 1922.
341. Витте А.Г. Очерки устройства управления военноморским флотом в России и иностранных государствах. СПб., 1907.
342. Власть и реформы. Л., 1996.
343. Военные моряки в годы первой русской революции 1905—1907 гг. М., 1956.
344. Волобуев П.В., Гефтер М.Я. Монополии в металлообрабатывающей промышленности России. «Материалы по истории СССР». Т. VI. М., 1959.
345. ГейдORN Г. Монополии. Пресса. Война. Исследование внешней политики Германии с 1902 по 1914 год. Роль прессы в подготовке Первой мировой войны. М., 1964.
346. Горшков С.Г. Морская мощь государства. М., 1976.
347. Гроос О. Война на Балтийском море. М., 1924.
348. Гучков А.И. К вопросу о государственной обороне... Пг., 1917.
349. Гучков А.И. В III Государственной думе (1907—1912 гг.). Сборник речей. СПб., 1912.
350. Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне 1914—1915 гг. Берлин, 1924.
351. Деренковский Г.М. Франко-русская морская конвенция 1912 г. и англо-русские морские переговоры накануне Первой мировой войны // Исторические записки. Т. 29. М., 1949.
352. Емец В.А. О роли русской армии в первый период мировой войны 1914—1918 гг. // Исторические записки. Т. 77. М., 1965.
353. Ерусалимский А.С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма. М., 1951.
354. Ерусалимский А.С. Происхождение мировой империалистической войны // Против исторической концепции М.Н.Покровского. М.; Л., 1939.

355. Ефремов П.Н. Внешняя политика России 1907—1914. М., 1961.
356. Зайончковский А.М. Мировая война 1914—1919 гг. Т. 1—3. М., 1938—1939.
357. Зайончковский А.М. Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и оперативных планов. М.; Л., 1926.
358. Зайончковский А.М. Подготовка России к мировой войне в дипломатическом отношении. М., 1926.
359. Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. М., 1973.
360. Зайончковский П.А. Офицерский корпус русской армии перед Первой мировой войной // Вопросы истории. 1981. № 4.
361. Игнатъев А.В. Внешняя политика России в 1905—1907 гг. М., 1986.
362. Игнатъев А.В. Русско-английские отношения накануне первой мировой войны. М., 1962.
363. Игнатъев А.В. К истории русско-английских переговоров 1914 г. // История СССР. 1960. № 3.
- 363«а». История внешней политики России. Конец XIX — начало XX в. М., 1997.
364. История дипломатии. Т. II. М., 1963.
- 364«а». История Первой мировой войны. 1914—1918. Т. I, II, IV. М., 1975.
365. История военно-морского искусства. Т. I—III. М., 1953.
366. Квашнин-Самарин Е.Н. Морская идея в русской земле. СПб., 1912.
367. Павлович М. Милитаризм, маринизм и война 1914—1915 гг. Т. V. Ч. II. М., 1924.
- 367«а». Ньюбольд Д. Как Европа вооружалась к войне. М., 1923.
368. Петров В.А. Очерки по истории революционного движения в русской армии в 1905 г. М.; Л., 1965.
369. Петров М. Подготовка России к мировой войне на море. М., 1926.
370. Покровский М.Н. Империалистическая война. М., 1934.
371. Проливы: Сборник. М., 1926.
- 371«а». Россия. 1913. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995.
372. Руммель Ю.В. Отечественный флот как средство обороны и международной политики. СПб., 1911.
373. Руммель Ю.В. Чем грозит России отсутствие флота. СПб., 1912.
374. Сидоров А.Л. Борьба с кризисом вооружения русской армии в 1915—1916 гг. // Исторический журнал. Кн. 10—11. М., 1944.

375. Сидоров А.Л. Влияние империалистической войны на экономику России // Очерки по истории Октябрьской революции. Т. 1. М.; Л., 1927.
376. Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1960.
377. Силин А.С. Фон дер Гольц и его военная миссия в Турции // Германский империализм и милитаризм. М., 1965.
378. Силин А.С. Борьба германских оружейных монополий за турецкий рынок накануне Первой мировой войны // Колониализм вчера, сегодня, завтра. М., 1964.
379. Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. Полное собрание речей. М., 1991.
380. Строков А. История военного искусства. М., 1967.
381. Струве П.Б. Великая Россия // Патриотика. СПб., 1911.
382. Тарновский К.Н. Советская историография русского империализма. М., 1964.
383. Труды Русского морского союза. Вып. I—IV. СПб.
384. Тэйлор А. Дж. П. Борьба за господство в Европе. М., 1958.
385. Ушаков К. Подготовка военных сообщений России к мировой войне. М.; Л., 1924.
386. Фей С. Происхождение мировой войны. М.—Л., 1934.
387. Фирле Р. Война на Балтийском море. Т. 1. Л., 1926.
388. Фостер Г., Гельмерт Г., Отто Г., Шниттер Г. Прусско-германский генеральный штаб. К его политической роли в истории. М., 1966.
389. Флот в Первой мировой войне. Т. 1—2. М., 1964.
390. Хальгартен Г. Империализм до 1914 г. М., 1961.
391. Хвостов В.М. Проблема захвата Босфора в 90-х гг. XIX в. // Историк-марксист. 1930. № 10.
392. Шапошников Б.М. Мозг армии. Кн. 1—3. М., 1926—1929.
393. Шацилло К.Ф. Государство и монополии в военной промышленности России. Конец XIX в. — 1914 г. М., 1992.
394. Шацилло К.Ф. Русский империализм и развитие флота накануне Первой мировой войны. М., 1968.
395. Шацилло К.Ф. «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 4.
396. Шигалин Г. Подготовка промышленности к войне. М.; Л., 1929.

* * *

397. British Documents on the Origin of the War. Vol. VI. L., 1927.
398. Records of the Admiral of the Fleet Lord Fisher. L., 1928.

399. Richmond H.W. National Policy and Naval Strength. L., 1928.

400. Woodward E.L. Great Britan and German Navy. L., 1935.

IV. ДИССЕРТАЦИИ

401. Астафьев И.И. Русско-германские дипломатические отношения 1905—1911 гг. (От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения): Канд. дис. М., 1966.

402. Кузин В.В. Совет Государственной обороны в России (1905—1909): Канд. дис. М., 1950.

403. Никитин Е.Ф. Русская армия накануне Первой мировой империалистической войны: Канд. дис. Л., 1949.

404. Сапрыкин В.О. Военные реформы в политической жизни России 1907—1914: Канд. дис. М., 1995.

**Корнелий Федорович Шацилло:
ученый и человек
(1924—1998)**

В июле 1958 г. в коридорах Института истории АН СССР на Волхонке, 14 появился высокий, элегантный, неизменно приветливый человек. Это был Корнелий Федорович Шацилло — новый сотрудник сектора истории СССР периода капитализма. К.Ф.Шацилло тогда закончил аспирантуру на историческом факультете МГУ, куда он поступил после многолетней службы в военно-морском флоте СССР.

До защиты кандидатской диссертации у К.Ф.Шацилло оставалось всего несколько месяцев. К этому времени уже вполне определилась сфера научных интересов молодого ученого. Тема его диссертации «Финансовый капитал в морской судостроительной промышленности России (1910—1917 гг.)», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук, соответствовала проблематике группы, которую возглавлял тогдашний директор Института А.Л.Сидоров, собиравший «под свое крыло» молодых талантливых ученых, в том числе и учеников своих учеников (научным руководителем К.Ф.Шацилло был ученик А.Л.Сидорова В.И.Бовыкин). Школа А.Л.Сидорова была связана с лучшими из давних традиций отечественной науки — новаторством, глубоким знанием и анализом источников, уважением к историографическому опыту. Все эти черты были отмечены впоследствии и в творческом почерке К.Ф.Шацилло.

Выбор Корнелием Федоровичем темы исследования на последних курсах исторического факультета был не случаен. Судостроительная промышленность работала, как известно, на русский флот, к истории которого у К.Ф.Шацилло были особые пристрастия. Дело в том, что Корнелий Федорович закончил школу в Новосибирске за несколько недель до начала Великой Отечественной войны в 1941 г. и его как одного

из первых добровольцев, рвавшихся на защиту Родины, направили на учебу в Тихоокеанское высшее военно-морское училище во Владивостоке. С этого времени в течение более чем десяти лет жизнь К.Ф.Шацилло была тесно связана со службой на флоте. Закончил он ее в Севастополе, где командовал сначала торпедным катером, потом звеном катеров и, наконец, танко-десантным судном.

В 1951 г. после тяжелой болезни Корнелий Федорович был вынужден уйти в отставку, но любовь к флоту, как и особую нежность к морю, он сохранил на всю жизнь. Море научило его крепко стоять на ногах, не бояться житейских бурь и ветров. И не случайно, уже давно став москвичом, он каждый год весной уезжал в Крым, в любимый Коктебель или в Севастополь. До конца своих дней Корнелий Федорович сохранял выправку моряка, а соленый морской ветер каждый раз был для него источником бодрости, своеобразным эликсиром молодости. В Институте истории (позднее — Институте истории СССР АН СССР и Институте российской истории РАН) все представляли себе К.Ф.Шацилло как бы в двух ипостасях — ученого и ветерана войны (в последние годы Корнелий Федорович возглавлял Совет ветеранов Великой Отечественной войны).

Из многих прекрасных человеческих качеств Корнелия Федоровича всегда выделялось его фантастическое трудолюбие. В тесной коммунальной квартире, где К.Ф.Шацилло снимал с семьей комнату, его чаще всего можно было видеть за «семейным» письменным столом, который он делил со своими сыновьями-школьниками. Потом квартирные условия улучшились, но и тогда, несмотря на хроническую болезнь сердца, он по-прежнему трудился по многу часов каждый день, как ни уговаривала его жена — Валентина Михайловна Астрова поберечь себя и отдохнуть.

К.Ф.Шацилло был щедро одарен природой. Прекрасная память резко сокращала время на поиски нужных источников и литературы. Энциклопедически образованный, Корнелий Федорович держал в голове огромную информацию, которой он щедро делился со своими коллегами. Работал Шацилло очень быстро, причем эта быстрота не мешала ему писать хорошо и изящно, что дружно отмечали все, кто читал его рабо-

ты. Прекрасно владел Корнелий Федорович и ораторским искусством, будучи отличным лектором и искусным полемистом.

Везло Шацилло и на архивные находки, за которыми стояло, однако, не слепое везение, а упорный, часто изнурительный труд, и на учителей и на коллег по работе. Корнелий Федорович был соратником и другом замечательных ученых, теперь уже тоже завершивших свой жизненный путь: А.Л.Сидорова, Л.М.Иванова, К.Н.Тарновского, А.Я.Авреха, П.В.Волобуева, В.И.Бовыкина, Н.М.Пирумовой. Трудно переоценить, в частности, ту роль, которую сыграл в жизни Шацилло А.Л.Сидоров, который под конец жизни в начале 1960-х гг. после ухода с поста директора Института истории целиком «ушел в науку». Корнелия Федоровича он попросил помочь ему в сборе архивных материалов по истории борьбы классов и партий, сосредоточив основное внимание на либеральном движении начала XX в., а также источников, характеризующих экономическое положение России в годы Первой мировой войны. Аркадия Лавровича интересовали личности С.Ю.Витте, П.А.Столыпина, П.Н.Милюкова, А.И.Гучкова, Г.Е.Распутина и др. Именно тогда у Корнелия Федоровича и пробудился особый интерес к российскому либерализму, история которого находилась в тени и ограничивалась чаще всего лишь общими характеристиками, взятыми из работ В.И.Ленина. Но всерьез заняться этой проблемой Шацилло смог только через несколько лет.

Корнелий Федорович отличался доброжелательностью, искренностью и необыкновенной скромностью. Он не стремился к карьере, не старался обойти своих коллег в получении должностей. Между тем в Институте истории после защиты кандидатской диссертации ученый мог очень долго оставаться младшим научным сотрудником. Получить должность старшего научного сотрудника было очень сложно (особенно если учесть, что разница в зарплате между младшим и старшим научным сотрудником составляла одну треть), и для этого нужны были особые представления в отдел кадров Президиума АН СССР. Конечно, можно было включиться в административную работу, например в качестве ученого секретаря института, или в крайнем случае сектора, но при этом автоматически резко со-

кращались занятия наукой. Вдобавок желательно было быть «в фаворе» у начальства. Свое право на работу над докторской диссертацией следовало доказать публикацией ряда статей по определенной теме. К.Ф.Шацилло поломал эти традиции: он просто много и упорно работал и написал хорошую книгу, которая сразу же была включена в план изданий Института и увидела свет в 1968 г. В том же году младший научный сотрудник К.Ф.Шацилло защитил докторскую диссертацию на тему: «Развитие вооруженных сил России накануне Первой мировой войны (военно-морские программы царского правительства в 1906—1914 гг.)», и вскоре о новом докторе наук заговорили как о перспективном ученом с большим будущим.

Это было время узкой специализации ученых. Многие историки десятилетиями оставались «певцами одной темы». Существовало даже мнение (оно сохранилось в среде российских историков, в отличие от наших западных коллег, в известной степени до сих пор), что такая специализация помогает более углубленному исследованию. С одной стороны, это, конечно, так, но с другой — узкая специализация искусственно сужает поле зрения ученого. Корнелий Федорович и здесь пошел против устоявшихся традиций, успешно занимаясь экономической историей России, историей либерального движения, буржуазно-демократических революций и Первой мировой войны, не говоря уже о самых разноплановых личностях, начиная с Николая II и кончая В.И.Вернадским.

Все перечисленные темы широко представлены в трудах К.Ф.Шацилло, число которых за 30 лет составило около 200. В них ученый обращался к узловым вопросам внутренней и внешней политики царского самодержавия, классовой борьбы, общественной мысли. С годами он все больше сосредоточивался на таких «сквозных» проблемах отечественной истории, как реформы и революции, изменения и преемственность в историческом процессе, власть и общество, государство и экономика, роль личности в истории. По каждому из этих вопросов у Корнелия Федоровича были свои суждения и тщательно взвешенные оценки, к которым внимательно прислушивалась научная общественность в нашей стране и за рубежом.

Характерными чертами исследовательского почерка К.Ф.Шацилло были неутомимый поиск новых источников, прежде всего архивных, идеальное чувство меры, полное неприятие любой конъюнктурщины, неизменное стремление следовать принципам историзма и объективности, которую ученый ставил выше так называемой партийности.

Говоря о научном наследии К.Ф.Шацилло, нужно прежде всего сказать, что он был один из достойных сынов своего времени. XX век — век сложный и противоречивый, трагический и героический, век революционных потрясений и мировых войн, великих диктаторов и палачей и великих деятелей культуры и науки. Поэтому не приходится удивляться тому, что спектр научных интересов К.Ф.Шацилло был очень широк. Но сам он выделил те области, которые и отразились в его книгах.

Тема войны нашла свое воплощение в крупных монографиях К.Ф.Шацилло «Русский империализм и развитие флота накануне Первой мировой войны. 1906—1914 гг.», «Государство и монополии в военной промышленности России. Конец XIX в. — 1914 г.» и в предлагаемой вниманию читателей работе «От Портсмутского мира к Первой мировой войне», а также в научно-популярной книге «Россия перед Первой мировой войной», и ряде статей, в том числе и опубликованных за рубежом: «Влияние гонки вооружений на народное хозяйство царской России» (для «Ежегодника экономической истории», издаваемого в Германии), «Русско-финляндские экономические отношения от промышленного переворота до Первой мировой войны» (для одного из финских изданий) и др.

К.Ф.Шацилло не принадлежал к числу тех исследователей, чья концепция, раз сложившись, уже не претерпевала затем существенных изменений. Многие пересмотрел он и в понимании процесса развития монополистического капитализма в России и ее участия в Первой мировой войне, собрав и осмыслив большой конкретно-исторический материал и отойдя от ортодоксальных толкований ряда проблем истории России начала XX в. Мудрость возраста проявлялась у него не в повторениях того, что уже было сделано, а в умении найти нестандартные решения, отойти от стереотипов.

И это хорошо прослеживается в вышеупомянутых монографиях Корнелия Федоровича.

Сегодня, когда имя К.Ф.Шацилло прочно связано с проблемами российского либерализма, мало кто помнит, как Корнелий Федорович приступил к изучению этой темы, которая, несомненно, была ему внутренне близка и интересна. Ведь известно, что, если душа исследователя не откликается на судьбу его героев, если они ему чужды и по-человечески несимпатичны, если он не открывает в себе какого-то сходства с их характерами и образом мысли, — большого успеха при прочих равных условиях не будет. Корнелий Федорович внутренне идеально подходил для интерпретации истории либеральной идеи и либеральных организаций России. Однако по иронии судьбы начинать ему пришлось с темы: «В.И.Ленин о русском либерализме на рубеже двух веков», хотя лидер большевиков, в отличие от Шацилло, ненавидел и презирал либералов, а открыто написать о несовпадении своей позиции с позицией вождя он, естественно, не мог, тем более что в те годы был секретарем партийной организации Института истории СССР. Между тем в связи со 100-летием со дня рождения Ленина началась работа над несколькими юбилейными сборниками, в том числе и над сборником «В.И.Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России» под редакцией Л.М.Иванова. Корнелий Федорович получил ответственное и почетное, как тогда считали, задание написать статью на названную выше тему.

Ситуация облегчалась лишь тем, что в конце 1960-х гг. еще чувствовались (хотя не всегда и далеко не во всем) последние отголоски хрущевской оттепели, и историки дореволюционного периода хотя бы в ограниченных пределах могли выходить за рамки простого «склеивания» и официозного комментирования цитат из сочинений Ленина и порассуждать о сюжетах «вокруг» главной темы. К тому же в Институте именно в то время стали витать в воздухе идеи так называемого «нового» направления» (которое через несколько лет было предано партийной анафеме и в полном смысле слова разгромлено), и у Корнелия Федоровича появился реальный шанс написать что-то не вполне традиционное и интересное, хотя он видел, что одновременно поднимают голову и консервативные силы, сто-

явшие на страже марксистско-ленинской ортодоксии и особенно пристально следившие за работами, связанными с ленинской проблематикой. Так или иначе, Шацилло как настоящий ученый решил подойти к делу творчески и попробовать свои силы в новой для него проблематике.

Первый набросок статьи «В.И. Ленин о русском либерализме» обсуждался на заседании сектора истории СССР периода капитализма с участием таких известных историков, как А.Я. Аврех, И.Ф. Гиндин, М.С. Волин, К.Н. Тарновский, Э.С. Виленская и др. Надо сказать, что Корнелий Федорович не стал «бодаться с дубом»: в его тексте было всего три ссылки на работы трех либералов — П.Н. Милюкова, В.А. Маклакова и М.О. Гершензона, которые терялись в море отсылок к сочинениям Ленина. Тем не менее и в трудах Ленина Корнелий Федорович стремился найти то, что не всегда «замечала» официальная историография: указания на наличие в России трех общественно-политических лагерей (в том числе и либерального, который отнюдь не сливался с правительственным), констатацию в работах Ленина факта появления в начале XX в. «нового» либерализма, анализ эволюции позиции либералов в связи с ростом революционного движения в стране, и признание внутренней неоднородности самого либерального движения, имевшего левый и правый фланги и «центр».

Особенно интересны были мысли К.Ф. Шацилло о «новом» либерализме начала XX в. Сейчас они выросли в некую стройную концепцию, согласно которой классический либерализм XIX в. с его основополагающими идеями свободы человеческой личности и примата закона как доминанты всего общественного устройства был дополнен достаточно широкой социальной программой, призванной обеспечить превращение рабочих, крестьян и других низших слоев общества в полноправных граждан. «Новый» либерализм делал ряд существенных шагов навстречу демократии, начал применять даже нелегальные формы оппозиции самодержавию и приобретал все более ярко выраженный политизированный характер. Понятно, что К.Ф. Шацилло писал обо всем этом крайне осторожно и скупно, но если учесть, что в то же самое время профессор исторического факультета МГУ Е.Д. Чермен-

ский, стоявший на сугубо ортодоксальных позициях и обласканный за это отделом науки ЦК КПСС, в своих лекциях и печатных трудах вообще отрицал какую-либо эволюцию либерализма, а тем более отличие «нового» либерализма от «старого», земского, то даже то немногое, что было сделано в этом плане Корнелием Федоровичем, приобретало совершенно особый смысл. В итоге специалисты, научившиеся, как известно, читать между строк, вынесли из статьи К.Ф.Шацилло очень многое. Не случайно ссылки на нее стали с 1970 г., когда вышел упомянутый сборник, традиционными для всей отечественной литературы, посвященной российскому либерализму.

Достаточно подробно остановился К.Ф.Шацилло в вышеупомянутой работе и на вопросе о возможности союзнических отношений между революционерами и либералами (сейчас эта, увы, нереализовавшаяся возможность признается потенциально очень плодотворной, подчеркнув, что налицо был явный парадокс: либералы постепенно левели, а Ленин относился к ним все более критически, уже угадывая в них будущих «предателей» революции. Здесь безусловно срабатывали и интуиция Ленина, не верившего в способность либералов удержаться на последовательно оппозиционных позициях, и закономерное повышение планки требований к возможным союзникам пролетариата по мере роста самого пролетарского движения и его влияния на народные массы. Сильной стороной статьи было и то, что Шацилло проследил развитие ленинских взглядов на либерализм в динамике. Вслед за Лениным он писал, что либералы постепенно меняли свою окраску от бледно-розовой до почти «красной», а затем на глазах «чернели» (хотя, прямо скажем, на последнем этапе этого сложного процесса Ленин, как политик заострял внимание с явным преувеличением).

Статья о ленинских оценках либерализма стала для Корнелия Федоровича своеобразной «увертурой» к его монографии «Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг.», над которой он работал со второй половины 1970-х гг., уже после того, как с «новым направлением» во главе с директором Института членом-корреспондентом АН СССР П.В.Волобуевым было покончено, а сектор истории СССР периода капитализма превратился в сектор истории буржуазно-

демократических революций в России во главе с В.И.Бовыкиным.

Формально Корнелий Федорович не принадлежал к «новому направлению», и поэтому не попал в проскрипции отдела науки ЦК КПСС, наводившего порядок на «историческом фронте». Но он глубоко переживал все случившееся. Ведь практически все ученые, принадлежавшие к группе П.В.Волобуева, были его друзьями или товарищами-единомышленниками, и он не мог не разделять многие их идеи, по-человечески сопереживал с ними все перипетии той трагической истории, сочувствовал ее жертвам, старался их ободрить, поддержать, помочь. И тот факт, что в очень трудные для историков 1970-х гг. с характерным для них усилением идеологического пресса К.Ф.Шацилло продолжил изучение проблемы российского либерализма, свидетельствовало о его принципиальности и определенном гражданском мужестве. Во всяком случае Корнелий Федорович не только не отступил от концепции «нового» либерализма, а наоборот, направил свои усилия на ее более аргументированное обоснование, вступив при этом теперь уже в открытую полемику с Черменским и мобилизовав для этого богатейшую источниковую базу, которая легла в основу его монографии. Он использовал все многоцветие либеральной мемуаристики и разнообразный архивный материал: фонды редакции «Освобождение», А.А.Корнилова, В.И.Вернадского, Д.И.Шаховского, В.А.Маклакова, С.А.Муромцева и др. из нынешних ГА РФ, РЦХИДНИ, Архива Академии наук, Архива литературы и искусства, рукописных отделов РГБ в Москве, РГИА и РНБ в Петербурге, ЦГИА Украины, Рукописного отдела библиотеки им. Т.Г.Шевченко в Киеве и др.

В поистине великолепной второй главе монографии К.Ф.Шацилло, посвященной журналу «Освобождение», мастерски проанализирована история возникновения и эволюция как «Союза Освобождения», так и «Союза земцев-конституционалистов», знаменитая банкетная кампания 1904 — начала 1905 гг., показан созыв Парижской конференции российских оппозиционных и революционных партий осенью 1904 г. Заметим, что К.Ф.Шацилло первым рассказал о той роли, которую сыграли в подготовке этой конферен-

ции японский разведчик полковник Акаши и финский политики К.Циллиакус (Япония, как позже и Германия, в своих целях осуществляла в 1904—1905 гг. попытку «революционизирования» России, отпуская для этого немалые по тем временам денежные средства). В книге обстоятельно разбирается зарубежная историография. Некоторые положения западных и американских ученых К.Ф.Шацилло вполне разделял, но подверг критике попытки профессора Гарвардского университета Р.Пайпса представить «Союз Освобождения» единственной революционной организацией в России.

С выходом в свет книги о либерализме Корнелию Федоровичу в конечном счете повезло: подписывали ее к печати при М.С.Горбачеве, когда в воздухе уже носились идеи «перестройки». Монография вышла в свет в 1985 г., и научная общественность и в СССР, и за рубежом встретила ее очень благожелательно, откликнувшись рядом положительных рецензий на яркий и во многом творческий труд большого ученого.

К.Ф.Шацилло участвовал ранее во многих международных форумах историков, проходивших в Германии, Венгрии, Бельгии, Англии, Италии, США, ряд его работ был переведен на иностранные языки. После выхода книги о либерализме авторитет Корнелия Федоровича возрос еще более. Фамилию К.Ф.Шацилло, наряду с известными представителями мировой науки и культуры XX в., можно было найти теперь в биографических справочниках «Кто есть кто», изданных в США и Англии.

Возможно, в постсоветский период Корнелий Федорович написал бы историю российского либерализма без того подчеркивания «бессилия» либералов и «краха» их стратегии, тактики и организации уже накануне 1905 г. Мы знаем, что такие планы у него были, но в 1990-е годы он работал в основном уже над другой, снова экономической и военно-дипломатической тематикой. Однако о своих любимых либералах Шацилло не забывал никогда, опубликовав, в частности, в 1991 г. в книге «Исторические силуэты» прекрасный очерк о В.И.Вернадском и увлеченно собирал материал о другом замечательном либерале Д.И.Шаховском.

С середины 1970-х гг. Корнелий Федорович много занимался революционной тематикой и прежде всего историей Первой российской революции. На первый взгляд, это было в основном научно-популярные, приуроченные к юбилейным революционным датам статьи и разделы в коллективных трудах. Но Шацилло всегда умел расцветить текст яркими деталями и новыми фактами, сделать его интересным и поучительным для читателя. Он был одним из соавторов очерка «Революция 1905—1907 г. в России» (1975 г.), выпустил книгу «1905-й год» в серии «Страницы истории нашей Родины» в издательстве «Наука» (1980 г.), пособие для учителей «Первая революция в России» (1985 г.) и др.

Большой интерес представляют те оценки, которые давал К.Ф.Шацилло различным политическим деятелям эпохи революции, включая и представителей высшей бюрократии и членов царской семьи. Более чем скептическое отношение было у него к последнему русскому императору, незаслуженно поднятому на пьедестал в постсоветские годы. Корнелий Федорович был убежденным противником самодержавной, а затем тоталитарной системы. Поэтому любая апология Николая II, равно как и Сталина, всегда вызывала у него бурный протест. Многие помнят фразу, сказанную как-то Корнелием Федоровичем: «Николай II сам себя загнал в подвал Ипатьевского дома». Это высказывание вполне созвучно словам французского историка Абеля Вильмана о том, что в «судьбе нет случайностей, человек скорее создает, нежели встречает свою судьбу». К.Ф.Шацилло глубоко понимал роковую роль личности Николая II в истории народов России, которыми он управлял как самодержец. Подчеркивая возникшее на рубеже веков несоответствие самодержавной системы национальным интересам России, К.Ф.Шацилло считал, что как политический деятель Николай II объективно год за годом усугублял политический кризис в стране, приближая революционную развязку. Эту точку зрения наиболее полно К.Ф.Шацилло изложил в предисловии к книге «Дневники императора Николая II», изданной в 1992 г. Здесь ярко проявился талант К.Ф.Шацилло как глубокого историковеда. Он показал всю «нищету мысли» последнего русского царя, сравнил содержание дневников Нико-

лая II с другими документами и резолюциями царя и сделал вполне обоснованный вывод о том, что Николай II не был сколько-нибудь примечательным государственным деятелем и это стало подлинной трагедией для России. К.Ф.Шацилло категорически выступал против обеления личности Николая II. Он считал, что «власть в лице главы государства не имеет права на проявление трагической беспомощности, и что ее слабость в ответственные моменты жизни страны лишена исторических оправданий и становится преступлением».

У Корнелия Федоровича всегда было стремление передать другим и прежде всего близким ему людям интерес к тайнам истории, радость от процесса их раскрытия. Не случайно оба сына Корнелия Федоровича стали историками. Старший, Вячеслав — ныне уже доктор наук работает в Институте всеобщей истории РАН, младший — Михаил — кандидат исторических наук, продолжает дело отца в том же Институте российской истории РАН.

Новые грани таланта К.Ф.Шацилло проявились в его педагогической работе в 1980—1990-х гг. в теперешнем Российском государственном гуманитарном университете. Не одно поколение студентов сохранило яркие впечатления о лекциях и семинарах профессора Шацилло. Число его учеников не ограничивалось теми студентами и аспирантами, у кого он официально считался научным руководителем. Корнелий Федорович всегда был готов помочь начинающему исследователю. Помогал удивительно щедро, делился идеями, давал путеводную нить для работы в архивах.

Свое легкое, изящное перо ученый блестяще использовал для популяризации исторических знаний. Он являлся, в частности, неизменным редактором выдержавшей не одно издание и переведенной на другие языки народов России «Книги для чтения по истории СССР. Период империализма», читал лекции в обществе «Знание», выступал по радио, давал интервью по проблемам российской истории не только для отечественного, но и зарубежного телевидения.

Особая страница биографии Корнелия Федоровича — его редакторская работа. Более двадцати лет он был членом редколлегии известных далеко за пределами нашей страны «Исторических записок», а также

многих коллективных работ: «Свержение самодержавия», «Первая мировая война», «Об особенностях аграрного строя России» и других. В 1990—1995 гг. К.Ф.Шацилло пришлось возглавлять журнал «История СССР» — «Отечественная история». Это было трудное, но очень интересное время. Бесцензурная свобода буквально кружила головы, новые архивные документы и бывшая спецхрановская литература, подобно весеннему половодью, устремились в историографическое поле, требуя пересмотра, казалось бы, давно устоявшихся выводов оценок. Вместе с тем в это время появилось много безответственных, чисто спекулятивных суждений, началось характерное для части нашей научной интеллигенции «подыгрывание» новой политической конъюнктуре, необычайно усилилось влияние западной историографии, в одночасье превратившейся в глазах многих российских историков из цитадели «злых, продажных фальсификаторов» в чуть ли не эталон объективности и подлинной научности. Разобраться в этом мощном, но подчас довольно «мутном» потоке новой информации и новых (по крайней мере для России) идей было достаточно сложно. Выручали огромная эрудиция Корнелия Федоровича, его выдержка, принципиальность, широта взглядов. Он не суетился, не бежал «вперед паровоза», не гнался за сенсациями. Журнал оставался при нем подлинно научным, академическим изданием, сохранив своих авторов и подписчиков, свой высокий рейтинг популярности и доверия в научных кругах. На его страницах не стало запретных тем: здесь писали о «немецком золоте» и о послевоенном голоде 1946—1948 гг., тоталитаризме и новых подходах к истории революции 1917 г., о «Ледоколе» В.Суворова и планах Сталина накануне Великой Отечественной войны. Кстати говоря, именно Корнелий Федорович сказал решающее слово, когда в редколлегии раздались голоса о том, что не следует ставить под сомнение сугубо оборонительный характер советской военной стратегии накануне 22 июня 1941 г. Шацилло настоял на том, чтобы в дискуссионном порядке и этот острый вопрос был поставлен в журнале, и он до сих пор обсуждается историками разных стран, настойчиво разыскивающими документы, подтверждающие или опровергающие намере-

ния Сталина начать в 1941 г. войну против фашистской Германии во имя торжества идей коммунизма.

Творческий потенциал журнала во многом благодаря его главному редактору значительно вырос, а по своей популярности в научных кругах он превзошел многие другие журналы гуманитарного профиля. «Отечественная история» при К.Ф.Шацилло стала намного разнообразнее по содержанию, в ней появились новые рубрики и новые, в том числе и зарубежные, авторы, каждый из которых получил возможность свободно высказывать свою точку зрения. Хотелось бы подчеркнуть, что за свою работу Корнелий Федорович на посту главного редактора журнала получал поистине мизерное вознаграждение, причем за все время своего пребывания в этой должности он со свойственной ему скромностью опубликовал в «своем» журнале лишь одну небольшую рецензию. Характерными чертами стиля работы Корнелия Федоровича в редакции были искренний демократизм и тактичность, доверие к сотрудникам редакционного аппарата, стимулирование их творческой инициативы, уважение к авторам тех материалов, которые публиковались в «Отечественной истории». Сотрудники журнала рассказывают, что работать с ним было интересно и приятно, ибо в редакции царил дух подлинного товарищества и научного творчества. Этот стиль в работе журнала они стремятся сохранить и поныне.

Общение с Корнелием Федоровичем было всегда радостным. Ведь помимо всего прочего он был чудесный собеседник: добрый, понимающий, всегда готовый дать совет и прийти на помощь. Рядом с ним было всегда тепло и радостно, он казался неиссякаемым источником какого-то внутреннего света и добра. Сохраняя принципиальность в отношении нечестных людей и неблагоприятных поступков, он в то же время никогда не давал воли эмоциям, подходил к самым острым жизненным коллизиям с позиции здравого смысла, гасил многие конфликтные ситуации, защищал интересы настоящих ученых. Корнелий Федорович был прекрасным товарищем, мужем, отцом.

К.Ф.Шацилло скончался неожиданно в ночь с 29 на 30 июля 1998 г. Последние годы жизни у Корнелия Федоровича, несмотря на болезнь, были годами большого творческого подъема. У него были творческие

планы объединить в одном коллективном труде работы многих авторов, разрабатывающих проблемы либерализма, собрав в нем очерки о крупнейших русских либералах. Не получила пока реализации подготовленная им публикация дневников известного русского консерватора В.П.Мещерского. Да сколько еще мог бы сделать наш дорогой Корнелий Федорович...

Смерть Корнелия Федоровича Шацилло — это большая потеря для науки. Он обладал обостренным чувством нового, отчетливым пониманием перспектив развития науки. Его труды еще долго будут оказывать существенное влияние на разработку истории России начала XX в., к ним будут обращаться многие поколения исследователей и читателей, любящих историю своей страны. А светлый образ этого выдающегося ученого и замечательного представителя русской интеллигенции сохранится в памяти всех, кто знал Корнелия Федоровича. Таким, как Корнелий Федорович Шацилло, всегда была и будет сильна Россия. Спасибо им за это.

*И.М.Пушкарева
С.В.Тютюкин*

Список основных научных трудов К.Ф.Шацлло

1958

1. Финансовый капитал и развитие судостроительной промышленности России накануне I мировой войны // Научные доклады высшей школы. 1958. № 3 (1 п.л.).

1959

2. Формирование финансового капитала в судостроительной промышленности Юга России // Из истории империализма в России. М.; Л., 1959 (2 п.л.).

1960

3. К вопросу о наличии в России монополистических организаций высшего типа // Исторический архив. 1960. № 2 (2 п.л.).

4. Монополии и строительство подводного флота в России // Вестник МГУ. Серия IX. 1960. № 3 (1 п.л.).

1961

5. Иностранный капитал и военно-морские программы России накануне I мировой войны // Исторические записки. 1961. № 2 (4 п.л.).

6. К вопросу об экономической политике царского правительства накануне I мировой войны // Научные доклады высшей школы. 1961. № 3 (1 п.л.).

1962

7. К 50-летию Ленской стачки // Известия. 1962. 17.IV. (0,2 п.л.).

8. Личные унии в тяжелой промышленности России накануне I мировой войны (в соавторстве с В.И.Бовыкиным) // Вестник МГУ. Серия IX. 1962. № 2 (4 п.л.).

9. Монополии и государственный аппарат России // Вопросы истории. 1962. № 12 (1 п.л.).

1963

10. Забастовка рабочих Николаевского судостроительного завода «Наваль» в январе—феврале 1916 г. // Исторические записки. 1963. Т. 74 (1 п.л.).

11. Из истории экономической политики царского правительства в годы I мировой войны // Об особенностях империализма в России. М., 1963 (1 п.л.).

1964

12. История одной фальшивки // Военно-исторический журнал. 1964. № 9 (1,5 п.л.).

388

13. Развитие вооруженных сил России накануне I мировой войны // Научная сессия по истории I мировой войны. Секция «Дипломатия и военная история». М., 1964 (0,5 п.л.).

14. Развитие Черноморского флота России // Исторические записки. 1964. Т. 75 (4 п.л.).

15. Рец. на кн.: Лаверычев В.Я. Монополистический капитал в текстильной промышленности России // Вопросы истории. 1964. № 9 (0,3 п.л.).

1965

16. Ленский расстрел и царское правительство // Из истории рабочей печати и нового революционного подъема в России. М., 1965 (1,5 п.л.).

1966

17. Финансовый капитал России и развитие судостроительной промышленности Латвии накануне I мировой войны // Материалы конференции по истории экономических связей Прибалтики с Россией. Рига, 1966 (0,5 п.л.).

1967

18. Генеральная репетиция 1905 г. // Советский Союз. 1967. № 1 (0,5). На исп. яз.

19. «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 2 (2 п.л.).

20. Проблемы I мировой войны в освящении советской исторической литературы // История СССР. 1967. № 4 (1,5 п.л.).

21. Рец. на кн.: Мстиславский С. Накануне. 1917 // Прометей. 1967. № 4 (0,3 п.л.).

22. Февраль 1917 г. (К 50-летию второй русской революции) // Агитатор. 1967. № 2 (1 п.л.).

1968

23. Из истории финансового капитала в России в годы I мировой войны // Первая мировая война. М., 1968 (1,5 п.л.).

24. Николай II // Советская историческая энциклопедия. Т. 10.

25. Петербургские банки и создание судостроительной промышленности в Прибалтике // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968 (1 п.л.).

26. Продуголь // СИЭ. Т. 11.

27. Рец. на кн.: Аврех А.Я. Царизм и третьеиюньская система // История СССР. № 3 (0,5).

28. Русский империализм и развитие флота накануне I мировой войны (1906—1914). М., 1968 (23 п.л.).

29. Судостроительных заводов объединение // СИЭ. Т. 10.

1969

30. Во главе русской революции // Советский Союз. 1969. № 5 (0,5 п.л.). На исп. яз.

31. Начало великой жизни // Советский Союз. 1969. № 4 (0,5 п.л.). На исп. яз.

32. О диспропорции в развитии вооруженных сил России накануне I мировой войны // Исторические записки. 1969. Т. 83 (2 п.л.).

33. Петергофские совещания // СИЭ. Т. 11.

1970

34. Демократия опоясана бурей (А.Блок и Чрезвычайная следственная комиссия) // Наука и жизнь. 1970. № 10 (1 п.л.) (в соавторстве с Н.М.Пирумовой).

35. К попыткам сепаратных (русско-германских) переговоров во время I мировой войны (март—май 1915 г.) // Вопросы истории. 1970. № 9 (1,5 п.л.).

36. Русский либерализм на рубеже двух веков // В.И.Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970 (2 п.л.).

1971

37. В помощь учителю // История СССР. 1971. № 3 (0,5).

1972

38. В.И.Ленин об альтернативности в истории // Россия и Италия. М., 1972 (0,5 п.л.).

39. Исследование по социально-экономической истории России // История СССР. 1972. № 5 (0,5 п.л.).

1973

40. Либерализм в России // БСЭ. Т. 14 (0,3 п.л.).

1974

41. Рец. на кн.: История Коломенского завода // История КПСС. 1974. № 11 (0,3 п.л.).

42. Россия перед I мировой войной. М., 1974 (6 п.л.).

43. Подготовка царизма к I мировой войне // Военно-исторический журнал. 1974. № 9 (1 п.л.).

1975

44. Либералы торгуются с самодержавием // Революция 1905—1907 гг. в России. М., 1975 (0,5 п.л.).

45. Либералы «чернеют» // Революция 1905—1907 гг. в России. М., 1975 (0,5 п.л.).

46. Начало революции 1905—1907 гг. и крах земского либерализма // Первая русская революция — генеральная репетиция Октября. Тбилиси, 1975 (1 п.л.).

47. Новое о Союзе Освобождения // История СССР. 1975. № 4 (1,5 п.л.).

48. Обзор документальных материалов в фонде Д.И.Шаховского // Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975 (1,5 п.л.).

49. Первая народная революция // Сельскохозяйственная жизнь. 1975. 23.1 (0,2 п.л.).

50. Подъем рабочего движения весной и летом 1905 г. // Революция 1905—1907 гг. в России. М., 1975 (1 п.л.).

51. Пролетариат вступает в бой с царизмом // Революция 1905—1907 гг. в России. М., 1975 (2 п.л.).

52. Пролетариат начинает революцию // Вопросы истории. 1975. № 2 (1,5 п.л.).

53. Распутин // СИЭ. Т. 11.

54. Социально-экономические предпосылки революции 1905—1907 гг. // Вопросы истории. 1975. № 1 (1,5 п.л.).

55. 9 января 1905 г. // Журналист. 1975. № 1 (0,2 п.л.).

56. Ensummäinen kansan Vallan kumas (1905—1907) venäja lläja Supmessa // Tauperella ioulukussa. 1975 (1,5 п.л.) (в соавторстве с М.Н.Власовой).

1976

57. Начало общественно-политической деятельности академика Б.Д.Грекова // История и историки. 1974. М., 1976 (1 п.л.).

58. Первый день «свободы» в Петербурге: (По воспоминаниям В.Я.Богучарского) // Археографический ежегодник за 1975 г. М., 1976 (1 п.л.).

59. Союз земцев-конституционалистов // БСЭ. Т. 24. Кн. 1 (0,1 п.л.).

60. Союз освобождения // БСЭ. Т. 24. Кн. 1 (0,1 п.л.).

61. Формирование и крах программы земского либерализма // Исторические записки. Т. 97 (4 п.л.).

1977

62. Вторая русская революция // Молодой коммунист. 1977. № 2 (1 п.л.).

63. Несгибаемая воля к победе // Правда. 1977. 1.12. (0,25 п.л.).

64. Пролетариат в Февральской революции // История СССР. 1977. № 5 (1,5 п.л.).

65. Революция 1905—1907 гг. и крах «старого» земского либерализма // Репетиция Великого Октября. Тбилиси, 1977 (1 п.л.).

66. Ensimmäinen kansan vallankumous (1905—1907) // Historiallinen Artisto. 72. Helsinki, 1977 (1,5 п.л.) (в соавторстве).

1978

67. Новые сведения о псевдонимах в журнале «Освобождение» // Археографический ежегодник за 1977 г. М., 1978 (0,5 п.л.).

68. Организация и тактика земского либерализма накануне революции 1905—1907 гг. // Исторические записки. Т. 101 (4 п.л.).

1979

69. Брусиловский прорыв // Книга для чтения по истории СССР периода империализма. М., 1979 (0,5 п.л.).

70. Введение к Книге для чтения по истории СССР периода империализма. М., 1979 (0,25 п.л.).

71. Долой войну! Да здравствует революция! // Книга для чтения по истории СССР периода империализма. М., 1979 (0,5 п.л.).

72. Застрельщики // Книга для чтения по истории СССР периода империализма. М., 1979 (0,5 п.л.).

73. Подарок кузена // Книга для чтения по истории СССР периода империализма. М., 1979 (0,5 п.л.).

74. Последняя ступенька капитализма // Книга для чтения по истории СССР периода империализма. М., 1979 (0,5 п.л.).

75. Ideological trends in Russia at the end of the XIX — beginning of the XX century // Anglo-Soviet conference of Historians. London University, L., 1979 (1 п.л.).

1980

76. 1905 год. М., 1980 (10 п.л.).

77. О составе русского либерализма накануне революции 1905—1907 гг. // История СССР. 1980. № 3 (1 п.л.).

78. Партия мирного обновления // СИЭ. Т. 10.

79. «Порозовение» либералов в начале Первой российской революции // Вопросы истории. 1980. № 4 (1 п.л.).

80. Die Revolution 1905—1907 in Rußland. Berlin, 1980 (20 п.л.) (в соавторстве).

1981

81. Новое о земском либерализме. Освободительное движение в России. Вып. X. Саратов, 1981 (23 п.л.) (отв. ред.).

82. О предыстории «Союза Освобождения» // Археографический ежегодник за 1979 г. М., 1981 (0,5 п.л.).

83. Царизм и IV Дума 1912—1914 гг. М., 1981 (23 п.л.) (отв. ред.).

1982

84. Две судьбы // Коммунист. 1982. № 11 (1 п.л.).

85. Из истории освободительного движения в России (О конференции либеральных и революционных партий в Париже в сентябре—октябре 1904 г.) // История СССР. 1982. № 3 (2 п.л.).

86. Либералы и русско-японская война // Вопросы истории. 1982. № 7 (1,5 п.л.).

87. Начало общественно-политической жизни Б.Д. Грекова // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982 (0,5 п.л.).

88. Рабочее движение в годы I мировой войны (июнь 1914 — февраль 1917 гг.) // История рабочего класса СССР. Т. 3. Гл. 5. М., 1982 (6 п.л.).

89. Рабочий класс в Февральской революции // История рабочего класса СССР. Т. 3. Гл. 6. М., 1982 (3 п.л.).

90. Советская историография истории России периода империализма // Изучение отечественной истории в СССР между XIV и XXVII съездами КПСС. М., 1982 (2 п.л.) (в соавторстве с А.П. Корелиным и И.М. Пушкаревой).

91. *Zasama gramata PSRS vesture*. Riga, 1982 (15 п.л.) (Автор и отв. ред.).

1984

92. На крутом переломе. М., 1984 (28,5 п.л.) (Автор предисловия, составитель, комментатор).

1985

93. Изучение истории России периода империализма в новейшей советской исторической литературе // Изучение истории СССР дооктябрьского периода в советской историографии. М., 1985 (1 п.л.) (в соавторстве с В.В. Шелохаевым).

94. Книга для чтения по истории СССР. Период империализма. М., 1985 (Автор и ответственный редактор).

95. Конституционное движение накануне Первой российской революции // Вопросы истории. 1985. № 5 (1 п.л.)

96. Кризис самодержавия в России 1905—1907 гг. // История СССР. 1985. № 5 (0,5 п.л.) (в соавторстве с А.П. Корелиным).

97. Либерально-буржуазный лагерь // История трех революций. Т. 1 (2 п.л.).

98. Первая революция в России. 1905—1907 гг. М., 1985 (12 п.л.).

99. Пролетариат учится восстанию // Молодой коммунист. 1985. № 11 (1 п.л.).

100. Революция 1905—1907 гг. в новейшей советской историографии // Новейшие исследования по истории России периода империализма в советской и зарубежной историографии. М., 1985 (0,5 п.л.).

101. Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. М., 1985 (25 п.л.).

102. *TSRS istorijos skaitinias: imperializmo laikotarpis*. Knyga mokiniama. Kaunas, 1985 (15 п.л.) (Автор и ответственный редактор).

1986

103. Рец. на кн.: Земство в России. Опыт местного самоуправления // Вопросы истории. 1986 (0,5 п.л.) (в соавторстве с А.П. Корелиным).

104. Venäläis-suomalaiset taloussenhteet teollisesta vallankumoukseesta ensimmäisen maailmansotaan // Turuh historiallinen Arkusto. 41. Turku, 1986 (1 п.л.).

1987

105. Крушение самодержавия // Молодой коммунист. 1987. № 2 (1 п.л.).

106. О мемуарах сотрудника института истории СССР АН СССР о Великой отечественной войне // Археографический ежегодник за 1986 г. 1987 (0,5 п.л.).

107. Рец. на кн.: Дмитриев С.С. Очерки истории русской культуры начала XX в. // История СССР. 1987. № 2 (0,5 п.л.).

108. Der Einfluß des Militarismus auf die Volkswirtschaft des Zaristischen Rußland (1898—1913) // Jahrbuch für Wirtschaft Geschichte. Berlin, 1987. № 2 (1,5 п.л.).

109. Zbrojenia Carakiej Rosji jako Czynnikekonomism 1906—1911 // Wojskowy Przegląd Historijezny. Warszawa, 1987. № 4 (1,5 п.л.).

1988

110. Быстрее реагировать на требования перестройки // Вопросы истории. 1988. № 3 (0,25 п.л.).

111. Возвращаясь к напечатанному // Вопросы истории. 1988. № 5 (0,33 п.л.).

112. «Дело» полковника Мясоедова // Встречи с историей. М., 1988 (2 п.л.).

113. Из дневников последнего русского царя // Вопросы истории. 1988. № 8 (2 п.л.).

114. По делам и воздается // Молодой коммунист. 1988. № 8 (1,5 п.л.).

115. Рец. на кн.: Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. // Вопросы истории. 1988. № 11 (0,33 п.л.).

116. Рец. на кн.: Чиковани А.Ю. Партия большевиков в революции 1905—1907 гг. // Вопросы истории КПСС. 1988 (0,33 п.л.).

117. Эволюция политической структуры России в конце XIX — начале XX вв. (1895—1913 гг.) // История СССР. 1988. № 11 (в соавторстве с Б.И.Грековым и В.В.Шелохаевым) (2 п.л.).

1989

118. Беседа с американским историком // История СССР. 1989. № 5 (0,25 п.л.).

119. Выступление на «круглом столе» историков Октября, 22—23 октября 1988 г. // Россия 1917 год. Выбор исторического пути: («Круглый стол» историков Октября, 22—23 октября 1988 г.). М., 1989 (0,5 п.л.).

120. Когда родилась сталинская экономика? // Московские новости. 1989. № 40 (0,25 п.л.).

121. О предпосылках Октябрьской революции // Россия. 1917 г. Выбор исторического пути. М., 1989 (1 п.л.)
122. Парламентский эксперимент // Московские новости. 1989. № 22 (0,5 п.л.)
123. Россия 1917 год. Выбор исторического пути // Поиск. 1989. № 14 (0,25 п.л.)
124. 25 лет книге К.Н.Тарновского «Советская историография российского империализма. М., 1989 (0,3 п.л.)
125. Das zaristische Russland im System der europäischen Staaten Ende des 19 — Anfang des 20 Jahrhunderts, — Euripa un 1900. Berlin, 1989 (1 п.л.)

1990

126. Отечественная история в современной публицистике // История СССР. 1990. № 1 (0,3 п.л.)
127. От редакции // История СССР. 1990 № 5 (0,5 п.л.)
128. Первая государственная Дума // Народный депутат. 1990. № 3 (1 п.л.)
129. Первый штурм. М., 1990 (35 п.л.) (Составитель, комментатор, автор предисловия).
130. Предисловие к статье В.Н.Ильина «Апофеоз профессора с пикой» // Народное образование. 1990. № 1 (0,1 п.л.)
131. Рец. на кн.: А.Я.Аврех «Царизм накануне свержения» // Вопросы истории. 1990. № 9 (0,3 п.л.)
132. A Quantitative Approach to Socio-Political Tension in Russia. 1895—1913 // Historical Social Research. 1990. № 2 (3 п.л.) (в соавторстве с Б.И.Грековым).

1991

133. Владимир Иванович Вернадский // Исторические силуэты. М., 1991 (1 п.л.)
134. Корни «военного коммунизма» в казенной промышленности дореволюционной России // «Военный коммунизм» как это было. М., 1991 (0,5 п.л.)
135. Militarизм в России в начале XX века // Вопросы истории. № 9. 1991 (1,5 п.л.)
136. Николай II: реформы или революция // История Отечества: люди, идеи, решения. М., 1991 (3 п.л.)
137. Послесловие к книге: Убийство царской семьи Романовых. Свердловск, 1991 (1,5 п.л.)
138. Предисловие к дневникам Николая II. М., 1991 (3 п.л.)
139. Предисловие к книге: В.В.Шульгин «Дни». М., 1991 (1 п.л.)
140. Предисловие к книге: В.В.Шульгин «1920». М., 1991 (1 п.л.)
141. Предисловие к книге «Полное собрание речей Председателя Совета министров П.А.Столыпина в Государственной думе и Государственном совете. М., 1991 (1 п.л.)
142. Pentru prima oara dupa 1917 istoricii simt des catusati // Magazin istoric. 1991. Serie, 1991. № 9 (1,5 п.л.)

1992

143. Государство и монополии в военной промышленности России (конец XIX в. — 1914 г.). М., 1992 (20 п.л.).
144. Динамика социально-политической напряженности в России 1895—1913 гг. Опыт количественного анализа // Россия и США на рубеже XIX—XX вв. М., 1992 (2 п.л.) (в соавторстве с Б.И.Грековым).
145. Казенная промышленность царской России // Свободная мысль. 1992. № 2 (1,5 п.л.).
146. Книга для чтения по истории Отечества. Начало XX века. М., 1992 (20 п.л.) (Ответственный редактор).
147. Либералы и революция // Реформы или революция? Л., 1992 (1 п.л.) (в соавторстве с Н.Г.Думовой).
148. Ломоносов XX века. В.В.Вернадский // Книга для чтения по истории Отечества. Начало XX века. М., 1992 (0,5 п.л.).
149. Монархия накануне свержения // Книга для чтения по истории Отечества. Начало XX века. М., 1992 (0,5 п.л.).
150. Первое сражение Первой мировой войны // Книга для чтения по истории Отечества. Начало XX века. М., 1992 (0,5 п.л.).
151. Предисловие к книге: Шиловский Н. Воспоминания. М., 1992 (1 п.л.).
152. Царь и царица // Книга для чтения по истории Отечества. Начало XX века. М., 1992 (0,5 п.л.).
153. Русский Бисмарк — С.Ю. Витте // Книга для чтения по истории Отечества. Начало XX века. М., 1992 (0,5 п.л.).

1993

154. Казенное хозяйство в военной промышленности пореформенной России // Система государственного феодализма в России. М., (2 п.л.).
155. Рец. на кн: Р.Ш.Ганелин. Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция // Отечественная история. 1993. № 1. (0,5 п.л.).

1994

156. Выступление на Международном симпозиуме в 1993 г. // Анатомия революции. СПб., 1994 (0,5 п.л.).
157. Последняя военно-морская царского правительства // Отечественная история. 1994. № 2 (0,5 п.л.).
158. Рец. на кн: Н.Г.Думова «П.Н.Милюков — трагедия либерала» // Отечественная история. 1994. № 1 (0,5 п.л.).
159. Рец. на кн.: Р.Ш.Ганелин «Внутренняя политика царизма в 1905 году» // Отечественная история. 1994. № 4 (0,5 п.л.).
160. Российский либерализм в конце XIX — начале XX вв.: осмысление противоречий путем их преодоления // Либеральная модель общественного переустройства России на рубеже XIX—XX вв. М., 1994 (2 п.л.).

1995

161. Деревня в начале XX века: революция и реформы. М., 1995 (4 п.л.) (в соавторстве с А.П.Корелиным).
162. Русский консерватизм на рубеже веков // Консерватизм в России. М., 1995 (4 п.л.).
163. Стенографические отчеты I Государственной Думы. М., 1995 (40 п.л.) (Составитель, автор вводной статьи и комментариев).
164. The roots of the armament crisis in Russian army at the start of World War I // WW the XX century. М., 1995 (0,5 п.л.).

1996

165. А флот и ныне там... // Родина. 1996. № 7—8 (1 п.л.).
166. Исторические альтернативы на рубеже двух веков // 1905 год — начало революционных потрясений в России XX века. М., 1996 (0,5 п.л.).
167. Кого считать святым? // Московские новости. 1996. № 3. (0,5 п.л.) (в соавторстве с П.В.Волобуевым).
168. П.А.Столыпин. Попытка модернизации сельского хозяйства России // Судьбы российского крестьянства. М., 1996 (3 п.л.) (в соавторстве с А.П.Корелиным).
169. Первая Государственная Дума // Отечественная история. 1996. № 4 (1,5 п.л.).
170. Русский флот в годы I Мировой войны // 300 лет русскому флоту. М., 1996 (2 п.л.).
171. Русский флот накануне I Мировой войны // 300 лет русскому флоту. М., 1996 (3 п.л.).
172. Флот не по карману // Московские новости. 1996. № 3 (0,5 п.л.).

1997

173. Гроза 12 года. М., 1997. (0,2 п.л.).
174. Освободить — так всех! // Родина. 1997. № 7. (0,2 п.л.).
175. Петр Великий. М., 1997. (0,2 п.л.).
176. Рец. на кн.: А.С.Сенин Александр Иванович Гучков // Отечественная история. 1997. № 4. (0,3 п.л.).
177. You want great upheavals, but we want a great Russia // Russian life. N.Y., (0,3 п.л.).

1998

178. Воспоминания не на заданную тему (Рецензия на книгу Г.Е.Львов. Воспоминания.) // Наше Наследие. 1998. № 48.
179. Событие в Отечественной историографии: Власть и реформы в России. Материалы «круглого стола», посвященного обсуждению коллективной монографии петербургских историков // Отечественная история. № 2. (0,2 п.л.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (В.В.Шелохаев)	3
ВВЕДЕНИЕ	7
Глава I.	
АРМИЯ И ФЛОТ РОССИИ ПОСЛЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ. СВЯЗЬ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ С СОСТОЯНИЕМ И РАЗВИТИЕМ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЦАРИЗМА	
§ 1. Влияние русско-японской войны и революции на состояние армии и флота	14
§ 2. Поворот во внешней политике царизма. От Дальнего Востока — к Ближнему	33
§ 3. Взаимосвязь внешней политики с состоянием и развитием вооруженных сил. «Босфорская экспедиция» в 1907—1914 гг.	57
Глава II.	
ПЕРВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИИ (1906—1910)	
§ 1. Воссоздание Балтийского флота. Малая судостроительная программа 1907 г.	83
§ 2. Выработка и принятие программы пополнения запасов и материальной части армии 1908 г.	103
§ 3. Реорганизация армии в 1909—1910 гг.	113
§ 4. Ликвидация Совета Государственной Обороны. Выработка десятилетней программы развития вооруженных сил в 1909—1910 гг.	145
§ 5. Нарушение равновесия сил в районе Черного моря	160
§ 6. Программа строительства Черноморского флота . . .	174
Глава III.	
ВТОРОЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИИ (1911—1914)	
§ 1. Особенности второго этапа	184
§ 2. Развитие вооруженных сил Германии и Австро-Венгрии перед Первой мировой войной. Влияние гонки вооружений на обострение международного положения	201
§ 3. Программа усиленного судостроения 1912 г. Планы дальнейшего развития Балтийского флота накануне Первой мировой войны	234

§ 4. Малая программа усиления армии 1913 г. Большая программа 1914 г.	243
§ 5. Развитие турецких вооруженных сил накануне Первой мировой войны. Миссия Лимана фон Сандерса.	262
§ 6. Программа усиления Черноморского флота 1914 г.	274

Глава IV.

МИЛИТАРИЗМ И БОРЬБА ПАРТИЙ ВОКРУГ РАЗВИТИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЦАРИЗМА

§ 1. Влияние гонки вооружений на обнищание страны.	285
§ 2. Государственная дума и вооруженные силы царизма	292
§ 3. Отношение политических партий России к гонке вооружений	309

Глава V.

ИТОГИ РАЗВИТИЯ АРМИИ И ФЛОТА К 1914 г. ПРИЧИНЫ ПЛОХОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ РОССИИ К ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ И РАЗВАЛ ЦАРСКОЙ ИМПЕРИИ. . . . .

334

Приложение

Таблица № 1	353
Таблица № 2	355
Таблица № 3	356
Список использованных архивных фондов	359
Библиография	366
И.М.Пушкарева, С.В.Тютюкин. Корнелий Федорович Шацилло: ученый и человек (1924—1998).	373
Список основных научных трудов К.Ф.Шацилло	388

К.Ф.Шацилло
ОТ ПОРТСМУТСКОГО МИРА
К ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ
Генералы и политика

Художественное оформление *А.Сорокин*

Компьютерная верстка *Н.Мерзляков*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 29.05.2000.
Формат 84x108 ¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 21,0. Уч.-изд.л. 22,0. Тираж 1000 экз. Заказ № 235

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

129256, Москва, ул. В.Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71 (дирекция);
Тел./Факс 181-34-57 (отдел реализации)

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6